Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Новгородское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Новгородская региональная общественная организация «Развитие юридического образования»

МИССИЯ ПРАВА.

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Сборник материалов
международной научно-практической конференции
студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей.
Великий Новгород, 16–17 апреля 2020 года

Великий Новгород
2021

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Новгородское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Новгородская региональная общественная организация «Развитие юридического образования»

МИССИЯ ПРАВА.

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Сборник материалов
международной научно-практической конференции
студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей.
Великий Новгород, 16–17 апреля 2020 года

Великий Новгород
2021

УДК 34
ББК 67
М65

Печатается по решению
РИС НовГУ

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор **С. В. Васильев**
доктор юридических наук, профессор **С. Ю. Фабричный**

М65 **Миссия** права. Юридическая наука: традиции и инновации: сборник материалов междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. Великий Новгород, 16–17 апреля 2020 года / под ред. С. И. Митиной, Е. А. Макаровой, Т. Н. Дорошенко, О. Е. Калпинской, Н. А. Синькевич, М. С. Трофимовой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2021. – 331 с.
ISBN 978-5-89896-737-6

Сборник научных статей подготовлен на основе докладов участников международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей «Миссия права. Юридическая наука: традиции и инновации», проходившей 16–17 апреля 2020 года в Великом Новгороде, Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, Институте экономики, управления и права, юридическом факультете. Партнерами конференции выступили Новгородское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Новгородская региональная общественная организация «Развитие юридического образования».

Представленные материалы отражают широкий диапазон научных исследований по актуальным проблемам в области правовых отношений.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-89896-737-6

© Новгородский государственный университет, 2021
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Александров Р. А.
Становление, проблемы и перспективы института присяжных в России 8

Баринова А. Е.
Особенности реализации ведомственного проекта «Социальная юридическая служба» на территории Новгородской области..... 14

Баронов В. В.
Местное самоуправление как часть публичной власти 20

Березюк Л. А.
Роль и назначение режима рабочего времени в современных трудовых правоотношениях 25

Богославский А. А., Синькевич Н. А.
Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних 34

Васильев М. В.
Нотариальное сопровождение юридической судьбы наследственного фонда..... 39

Васильева А. Н.
Актуальные проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет 42

Вередин В. В.
Осмотр нотариусом видеозаписей, размещенных в сети Интернет..... 47

Вередина Ж. Ю.
Сравнительный анализ норм профессиональной этики нотариусов: Россия и Франция..... 52

Гавриленко В. А., Гончаров А. С.
Вопросы о праве на защиту персональных данных и способах их защиты 58

Дмитриева Н. В.
Проблемы совершенствования правового регулирования таможенных мер защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в условиях функционирования Евразийского экономического союза..... 64

Дорошенко Т. Н.
Авторское право как институт интеллектуальных прав в цифровом пространстве..... 71

Дорошенко Т. Н., Маврина В. Ф.
Особенности привлечения к гражданско-правовой ответственности за нарушение интеллектуальных прав в Интернете 78

Ермакова Н. В.
Условное осуждение к лишению свободы: законодательные просчеты и их преодоление 82

Жидков А. Г., Маврина В. Ф.
Ответственность за размещение информации в социальных сетях 88

Замышляев Д. В.
Актуальные проблемы отношений свободы и правосознания в современном мире 93

Звездина В. О.
Проблемы наличия оснований для применения обеспечительных мер в арбитражном процессе 101

Зыкин Б. В., Гусева Д. Д.
Административно-правовое регулирование миграционных процессов: опыт России и Псковской области 104

Зыкина Е. В., Дорохова А. В.
Понятие малозначительности административного правонарушения в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации 111

Зыкина Е. В., Кучерова А. В.
Проблемы доказывания при привлечении к административной ответственности по статье 20.20 Кодекса об административных правонарушениях 120

Зыкина Е. В., Смирнова Е. А.
Проблемы квалификации административных правонарушений в области таможенного дела 127

Иванова В. А.
Современные проблемы правового регулирования статуса судьи в Российской Федерации 136

Ильина А. А.
Использование систем видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России 140

Казакова Е. Б., Генералов А. П.
Подарок и взятка: гражданско-правовой анализ 145

Калпинская О. Е.
Пути совершенствования правовых средств
противодействия коррупции 150

Кику В. О.
Основания криминализации сексуальных домогательств в сфере
трудовых отношений 156

Кириллова С. С.
Работа органов прокуратуры Российской Федерации в сфере
противодействия коррупции 160

Ковальчук А. И.
Актуальные вопросы отмены судебного приказа 167

Красикова Е. Ф.
Место и роль арбитражных судов в правозащитной деятельности
государства 173

Ломоносова П. С.
Социальные права человека и гражданина в Российской Федерации 176

Микони Т. С.
Распределение убытков между банком и держателем
платежной карты 181

Митина С. И.
Периодическая печать XIX века как рупор правовой информации
(по материалам Новгородской губернии)..... 191

Михайлов А. С.
Суд присяжных. Анализ текущей ситуации 198

Михайлова А. С.
Сущность и формы политического Интернета
в избирательном процессе 202

Михайлова А. С., Милащенко А. М.
Сущность электронного голосования: риски и преимущества 207

Мотыгина Д. Е.
Ювенальная юстиция в России в различные исторические
периоды..... 212

Мянчиева С. М.
Особый порядок принятия судебного решения при согласии
обвиняемого с предъявленным ему обвинением:
проблемы правового регулирования..... 216

Нахова Е. А.
Признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, как результат примирительных процедур в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве 222

Орлов В. А., Зиновкина Ю. Б.
Вопросы регулирования ответственности за нарушения законодательства о контрактной закупочной системе 226

Орлов В. А., Петрук Т. Ф.
Влияние антимонопольного регулирования на конкуренцию в сфере государственных закупок 233

Орлов В. А., Сараева Л. В.
Предоставление государственных услуг в электронном виде на примере Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии: нормативно-правовое регулирование процесса 239

Орлов В. А., Субботин И. В.
Правовые аспекты деятельности Федеральной службы судебных приставов 247

Панов И. Е.
Развитие российской судебной системы в XXI веке: проблемы и перспективы реформирования 251

Прокофьев А. Ю.
Учет культурного и исторического наследия губернскими статистическими комитетами как условие разработки первого законопроекта по охране памятников истории и культуры (на примере Новгородской губернии)..... 257

Прокофьев В. Ф.
Формы местного управления в Санкт-Петербурге в XIX–XX вв. 268

Прокофьева Е. Э.
Проблемы определения качества бесплатной юридической помощи..... 273

Родионова Д. В.
Специфика расследования преступлений в налоговой сфере 278

Рязанова Н. В.
Допрос как источник доказательств в современном судопроизводстве..... 287

Синькевич Н. А.
Пробация как система альтернативных мер, смягчающих уголовное наказание в Японии..... 293

Филиппов В. Р.
Проблемы защиты интеллектуальных прав в социальных сетях..... 300

Флик Я. Д.
Земельный сервитут: что нового? 304

Фурман В. Н.
Современные виды мошенничества, способы совершения
и их предупреждение 307

Ходыкин А. В.
Проблемы правового обеспечения международного сотрудничества
в деятельности по освоению космоса 312

Цой М. А.
Совершенствование института постинтернатного сопровождения
детей-сирот 319

Шестак В. С.
Проблемы становления законодательства
о национальной безопасности Донецкой Народной Республики
(теоретико-правовой аспект) 322

УДК 343.195
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.01

СТАНОВЛЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ

Александров Р. А., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s231007@std.novsu.ru
Научный руководитель: **Митина С. И.**

FORMATION, PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE INSTITUTE OF JURIES IN RUSSIA

Rodion A. Alexandrov, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: s231007@std.novsu.ru

Аннотация. Суд присяжных заседателей занимает особое место среди институтов российского правосудия и является важной частью судебной системы Российской Федерации. В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с возникновением и развитием института суда присяжных в России, анализируются проблемы его реформирования и функционирования в современной России. Отмечаются специфические проблемы возрождения института суда присяжных заседателей, имевшие место быть как в рамках УПК РСФСР 1960 года, продолжавшего действовать в течение десяти лет после распада СССР, так и возникшие с принятием нового УПК РФ в 2002 году. Отмечается, что в настоящее время эффективному функционированию суда присяжных в России препятствуют такие проблемы, как низкий уровень правосознания россиян и нежелание участвовать в работе суда присяжных. Автор высказывает мнение, что, несмотря на множество до сих пор не решенных проблем, препятствующих эффективному функционированию суда присяжных в России, институт присяжных заседателей является важным и нужным для нашей страны. Обосновывается необходимость существования суда присяжных как фактора развития гражданского общества.
Ключевые слова: суд присяжных, судебная система, гражданское общество, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, институт присяжных заседателей.

Abstract. The jury trial occupies a special place among the institutions of Russian justice and is an important part of the judicial system of the Russian Federation. The article deals with some issues related to the emergence and development of the institution of jury trial in Russia and some problems of the reforming and functioning of this institution in modern Russia. The author notes the specific problems of reviving the institution of jury trial that occurred both within the framework of the RSFSR code of criminal procedure of 1960, which continued to operate for ten years after the collapse of the USSR, and with the adoption of the new code of criminal procedure of the Russian Federation in 2002. It is noted that at present, the effective functioning of the jury trial in Russia is hindered by such problems as the low level of legal awareness of Russians and their reluctance to participate in jury trials. The author expresses the opinion that, despite the many still unresolved problems that hinder the effective

functioning of the jury trial in Russia, the institution of jurors is important and necessary for our country. The necessity of the existence of a jury trial as a factor in the development of civil society is justified.
Keywords: jury trial, judicial system, civil society, criminal justice, criminal trial, jury institution.

Государство, вовлекая общественность в уголовное судопроизводство, тем самым призывает граждан внести элемент гласа народа в систему правосудия. В России отношения между судебной властью и судом присяжных, прошедшим в различные исторические моменты сложный путь трансформаций и преобразований, исторически складывались довольно непросто. Несмотря на то, что после длительного периода забвения этот институт был все же возвращен в отечественное законодательство, отношение к нему продолжает оставаться неоднозначным.

Суд присяжных заседателей является важным инструментом демократизации уголовного процесса. Он был введен в России в XIX в. путем официального признания в Судебном Уставе 1864 г. В 1866 г. в Санкт-Петербурге и Москве были открыты окружные суды, в которых прошли первые заседания с участием присяжных. Отношение к суду присяжных в дореволюционной России было неоднозначным: были и сторонники института, считавшие, что это испытание «общественного сознания», «здравого смысла», «истины, доказанной жизнью», и противники, которые называли суд присяжных «наказанием толпы», «судом без всякой цели», «игрушкой в руках и обвинения, и защиты» [1, с. 47].

Основанием для критики суда присяжных были вердикты «невиновен», возвращаемые присяжными даже в тех случаях, когда факты преступления были доказаны и подсудимый был виновен без сомнения. Это, вероятно, является характерной чертой судов присяжных и в других правовых системах. В дореволюционной России присяжные заседатели возвращали вердикты «невиновен» в среднем в 40% случаев. В делах о политических преступлениях (преступлениях против существующего порядка правления, насильственных действиях против его должностных лиц) процент таких приговоров был еще выше. Это делало представителей государственных учреждений враждебными институту суда присяжных из-за политической ситуации в России и подъема революционного движения [2, с. 73].

С 1870-х гг. началось принятие законов, направленных на обеспечение состава коллегии присяжных из представителей тех социальных слоев, что представляли собой оплот самодержавия. Целью этих законов было также ограничение юрисдикции суда присяжных и совершенствование процедуры суда присяжных. Тем не менее, основной аспект, составляющий сущность института, заключался в возможности для присяжных заседателей решать судьбу подсудимого на основе принципа

справедливости, жизненного опыта, но не обязательно в соответствии с формальными правовыми нормами. Это и приводило в ряде случаев к тому, что присяжные могли признать подсудимого невиновным даже, когда факт преступления и причастность подсудимого были доказаны, например, если преступление было совершено из-за невыносимых условий жизни. Все эти факторы совпали с народным правосознанием и мечтами о гуманном суде [3, с. 288].

В 1917 г. с приходом советской власти суд присяжных был упразднен и лишь после распада СССР был восстановлен в 1993 г. [4]. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г., также закрепила институционализацию суда присяжных. Буквально через несколько дней, с 15 по 17 декабря 1993 г., в Саратовском областном суде состоялось первое в постсоветское время судебное заседание с участием присяжных. Первые судебные процессы с участием присяжных были объявлены восстановлением данного института в России. Суд присяжных представлялся не как нечто заимствованное с Запада в ходе демократических преобразований, а как возрождаемая отечественная правовая традиция. Предполагалось, что через 2–3 года суд присяжных заседателей будет установлен по всей России, но даже к 2000 г. суды присяжных по уголовным делам были внедрены только в 9 из 89 субъектов Российской Федерации, и лишь с 2009 г. начали работу на всей территории страны [5, с. 380].

Возвращение участия присяжных заседателей в судебный процесс было осуществлено в рамках еще действовавшего тогда Уголовно-процессуального кодекса 1960 г., и, таким образом, стало в определенной степени «инородным телом» в российском уголовно-процессуальном механизме. Равно как и наоборот: чуждые элементы проникли в традиционное понимание производства в суде с участием присяжных. Например, процедура возвращения дела для дополнительного расследования в наибольшей степени противоречит институту суда присяжных. Вместо оправдания лица по причине недобросовестно собранных доказательств дело может быть возвращено тому же следователю. Кроме того, ходатайство о возвращении дела после дальнейшего расследования может быть возбуждено как стороной обвинения, так и стороной защиты. Введение в действие в 2002 г. нового УПК РФ, внесшего определенные изменения в порядок деятельности суда присяжных, не привело к заметным улучшениям в механизме производства с участием присяжных, а некоторые новые положения не представляются конструктивными. В частности, среди недостатков можно выделить то, что из порядка деятельности суда присяжных было исключено положение, ранее предусмотренное в ч. 9 ст. 451 и ч. 4 ст. 465 УПК РСФСР, которое гласило, что «кассационная палата не вправе пересматривать приговор по мотиву нарушения председательствующим принципа объективности в его напутственном слове, если сторонами не

были заявлены возражения непосредственно после произнесения напутственного слова в судебном заседании» [6]. На практике в ряде случаев это стало приводить к тому, что стороны сознательно не заявляют возражений на напутствие председательствующего судьи, с тем, чтобы иметь повод для требования отменить приговор по мотиву необъективности напутственного слова в случаях, если выносится неблагоприятный (или, наоборот, благоприятный) для подсудимого вердикт [5, с. 380].

Рассматривая вопросы функционирования суда присяжных в современной России, нельзя не отметить некоторую юридическую коллизию: возможность принятия судебного решения, основанного на заключении присяжных заседателей, вступает в противоречие со ст. 8 УПК РФ, которая определяет, что правосудие по уголовному делу осуществляется в Российской Федерации только судом [7] и представляет собой по сути закрепление соответствующего положения, содержащегося в ч. 1 ст. 118 Конституции РФ [8]. Вышеуказанное противоречие могло бы быть урегулировано в случае, если бы суд присяжных представлял собой неотъемлемый элемент российской судебной системы, что должно было бы найти свое четкое закрепление в соответствующих нормативных и правовых актах. Другой вопрос: а нужен ли российской судебной системе институт присяжных именно как непосредственная, неотделимая ее часть? Этот вопрос является дискуссионным на протяжении уже длительного времени, и в ближайшей перспективе формирование единого мнения относительно роли и места суда присяжных в отправлении правосудия в Российской Федерации вряд ли возможно. С одной стороны, само внедрение института присяжных заседателей еще в имперской России объяснялось именно необходимостью дополнить систему отправления правосудия демократическим элементом в виде участия обычных граждан в установлении правопорядка. С другой стороны, нельзя не признать, что, несмотря на длительную историю существования, суд присяжных и сейчас с трудом приживается в России. Представляется, что основная причина этого заключается в так и не сложившихся должным образом отношениях между рядовыми гражданами и государственным аппаратом юстиции в России.

В связи с этим заслуживает внимания вопрос низкой активности граждан в их стремлении стать присяжными заседателями. Во многом это обусловливается недостаточной популяризацией данного института, ведь трудно ожидать заинтересованности со стороны общества, когда власть постоянно меняет тип и форму функционирования суда присяжных. Постоянное реформирование данного института исключает даже возможность приучения общественности к восприятию суда присяжных как неотъемлемого элемента отечественного правосудия. Многие россияне продолжают оставаться в неведении относительно самого факта существования суда присяжных в стране.

Отметим еще одно противоречие: апелляционный пересмотр приговоров в том виде, в каком он существует в России, во многом не согласуется с сутью процедуры суда присяжных. Само слово «вердикт» (veredictum) подразумевает нечто непоколебимое [9, с. 27]. Судья должен вынести свой приговор на основании этого вердикта. Стороны не могут обращаться в кассационную инстанцию по существу вердикта. Но формально кассационная Палата Верховного Суда РФ отменяет приговор, вынесенный судьей на основании вердикта. Фактически кассационная инстанция выходит за рамки апелляций и протестов сторон и рассматривает дело по собственной инициативе. Ошибки, допущенные не только в ходе судебного разбирательства, но и в ходе предварительного следствия, могут стать основанием для отмены решения суда присяжных [10, с. 79].

Нельзя не отметить также, что судебная власть в России находится под значительным влиянием процессов централизации власти, и во многом фактически выполняет политическую волю государства. Интересно, что многочисленные изъятия присяжных из юрисдикции были продиктованы политическими соображениями. Так, Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» из числа уголовных дел, подлежащих рассмотрению присяжными заседателями, исключены следующие преступления: террористический акт, захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, массовые беспорядки, государственная измена, шпионаж, насильственный захват или насильственное удержание власти, вооруженное восстание и диверсия [11]. Среди причин принятия такого законодательного решения можно назвать опасение возникновения массовых оправдательных приговоров против антигосударственных действий на фоне нестабильной политической ситуации и активизации террористических группировок [9, с. 27].

Как представляется, суд присяжных является привилегией стабильного общества – стабильного в экономическом, социальном, политическом и правовом аспектах, в противном случае он обречен на различные серьезные недочеты в процессуальном механизме и в последствиях принятых решений. К сожалению, нынешний режим функционирования института присяжных в России вряд ли можно назвать слаженным и упорядоченным. Во многом это объясняется отсутствием политической воли в вопросах развития института присяжных заседателей. Если рассматривать суд присяжных как систему, то следует констатировать, что его русский вариант представляет собой смесь противоречащих друг другу элементов. Механизм такого типа не может функционировать надлежащим образом. Решения Конституционного Суда РФ должны стать своеобразным катализатором в процессе распространения суда присяжных на всю страну. Но экономическая, социальная и политическая ситуация в России препятствует этому.

Однако отметим, что, несмотря на ряд серьезных проблем функционирования российского института присяжных заседателей, суды присяжных, по нашему мнению, по-прежнему важны для России. Взгляд на суд присяжных только как на судебный орган представляется весьма ошибочным, поскольку такой утилитарный подход подразумевает существенное ограничение значения института присяжных. Суды присяжных заседателей оказывают значительное влияние на судопроизводство, можно даже сказать, на судьбу общества, поскольку суды присяжных способствуют повышению уровня правосознания, а это является эффективным инструментом становления гражданского общества.

---

1. Колокольцова, Ю. С. Суд присяжных как элемент становления гражданского общества в России (история развития) // Проблемы становления гражданского общества: сб. статей VII Междунар. науч. студ. конф. Иркутск, 22 марта 2019 г.; Иркутский юрид. ин-т (филиал). Иркутск, 2019. С. 46–49.
2. Микаелян, Я. А. История становления суда присяжных в России // Студенческий: научный журнал. 2017. № 3 (3). С. 72–75.
3. Аббасов, Н. Ш. Гамидов, А. М. Особенности возникновения и развития судопроизводства с участием присяжных заседателей // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5 (120). С. 287–289.
4. Распоряжение Президента РФ от 26.09.1993 № 665-рп «О программе реализации новых положений процессуального и судоустроительного законодательства». Справочно-правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req =doc&base=EXP&n=226676 (дата обращения: 11.03.2020).
5. Юсупова, Д. А. Суд присяжных в России: история и современность // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. М.: РУДН, 2018. С. 380–381.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (утратил силу) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 03.03.2020).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 02.03.2020).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_ 28399/ (дата обращения: 18.03.2020).
9. Курочкин, И. А. Институт присяжных заседателей в России // Colloquium-journal. 2019. № 7–8 (31). С. 25–28.
10. Матасова, А. О. История становления и развития суда присяжных в России // Молодой ученый. 2019. № 6. С. 78–80.
11. Федеральный закон от 30.12.2008 № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83171/ (дата обращения: 10.03.2020).

УДК 34.096
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.02

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕДОМСТВЕННОГО ПРОЕКТА «СОЦИАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ СЛУЖБА» НА ТЕРРИТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Баринова А. Е., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: barrrinova@mail.ru
Научный руководитель: **Дорошенко Т. Н.**

FEATURES OF IMPLEMENTATION OF THE DEPARTMENTAL PROJECT «SOCIAL LEGAL SERVICE» IN THE TERRITORY OF THE NOVGOROD REGION

Anastasia E. Barinova, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: barrrinova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации на территории Новгородской области ведомственного проекта «Социальная юридическая служба», целью которого является реализация права получателей социальных услуг и иных лиц на получение юридической помощи при обращении в организации социального обслуживания. В статье рассмотрены основные понятия, особенности реализации проекта. Автором описываются главные достижения реализации проекта на территории Новгородской области при участии региональных министерства труда и социальной защиты населения, управления министерства юстиции, Адвокатской палаты, иных органов и организаций, к полномочиям которых относится оказание правовой помощи. Автор также акцентирует внимание на продуктах реализации проекта (виды юридических услуг, предоставляемых гражданам). Раскрываются дальнейшие перспективы реализации проекта.
Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, ведомственный проект, организации социального обслуживания, Новгородская область, министерство труда и социальной защиты населения Новгородской области.

Abstract. The article discusses the features of the implementation of the departmental project "Social Legal Service" in the Novgorod Region, the purpose of which is to realize the right of recipients of social services and other persons to receive qualified legal assistance when applying to social service organizations. The article discusses the basic concepts, features of the project. The author describes the main achievements of the project in the Novgorod region with the participation of the Ministry of Labor and Social Welfare of the Novgorod Region,

Department of the Ministry of Justice of the Novgorod Region, Law Chamber of the Novgorod Region, other authority and organizations whose powers include the provision of legal assistance. The author also focuses on the products of the project (types of legal services provided to citizens). Further prospects for the implementation of the project are revealed.

Keywords: free legal aid, departmental project, social service organizations, Novgorod Region, Ministry of Labor and Social Protection of the population of Novgorod Region.

Предоставление юридической помощи является актуальным инструментом, сопровождающим общественные отношения в современных реалиях. Постоянный прогресс и совершенствование различных социальных институтов в обществе требует динамичного развития их правового регулирования. Особое внимание стоит уделить тому, что получение квалифицированной юридической помощи для граждан зачастую затруднительно, исходя из того, что спрос на указанные услуги достаточно высок и требует значительных финансовых вложений, в то время как материальное состояние граждан не всегда позволяет сделать получение такой помощи доступной для всех категорий граждан.

В Российской Федерации на сегодняшний день отмечается небольшое количество научных исследований, посвященных рассматриваемой теме. К таковым мы можем отнести работы Е. Н. Доброхотовой [1], Я. М. Матвеевой [2].

Вместе с тем, частью 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого гражданина на получение всестороннего и грамотного правового содействия, а в случаях, предусмотренных законом, такая мера поддержки должна оказываться бесплатно.

В целях создания условий для реализации установленного конституционного права принят Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее Федеральный закон № 324-ФЗ). Важнейшей задачей предоставления бесплатной юридической помощи считается создание условий для реализации прав и свобод граждан, обеспечения их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечения их доступа к правосудию [3].

В России юридическая помощь может оказываться в нескольких формах. К таковым относятся консультирование как в устной, так и в письменной формах, составление юридически значимых документов, а также представление граждан в судебных инстанциях, в органах и организациях [4, с. 167].

Особое внимание стоит уделить гражданам, являющимся получателями социальных услуг. В соответствии с пунктом 6 статьи 20 Федерального закона Федеральный закон от 28 декабря 2013 года

№ 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 442-ФЗ) получателям социальных услуг с учетом их индивидуальных потребностей предоставляются социально-правовые услуги, направленные на оказание помощи в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг [5].

Малоимущие граждане или имеющие устойчивые проблемы со здоровьем и, как следствие, не имеющие возможность оплатить юридическую услугу, попавшие в особую ситуацию, которая во все времена признавалась обществом уважительной, в теории права социального обеспечения характеризуются как граждане, подвергшиеся социальному риску [6, с. 54].

Так, согласно статье 15 Федерального закона № 442-ФЗ, гражданин признается нуждающимся в социальном обслуживании при наличии обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности.

Принимая во внимание право, предусмотренное законодательством о социальном обслуживании, стоит отметить, что в организациях социального обслуживания, в особенности находящихся в отдаленных муниципальных районах субъекта, не всегда есть возможность обеспечения граждан, находящихся в данных организациях, полной, а главное, грамотной юридической помощью.

Вместе с тем, в современном правовом государстве каждый третий гражданин попадает в такую ситуацию, когда без содействия специалиста он не сможет обеспечить свою стабильную жизнедеятельность без ущемлений, связанных с невозможностью, в силу отсутствия специальных знаний и умений, понимания и верной трактовки действующего законодательства.

В рамках реализации проектной деятельности, а также в целях реализации законодательства о социальном обслуживании, министерством труда и социальной защиты населения Новгородской области в 2018 году разработан ведомственный проект «Социальная юридическая служба» [7].

Соисполнителями указанного проекта являются Управление министерства юстиции Новгородской области, Адвокатская палата Новгородской области. Также в целях всесторонней реализации проекта привлекаются иные некоммерческие организации, оказывающие юридическую помощь.

Оказание бесплатной юридической помощи органами государственной власти, юридическими клиниками, базирующимися при образовательных организациях, является видом деятельности политики, которая направлена на развитие правовой культуры и обеспечение защиты прав граждан [3].

Актуальность создания проекта связана с высокой востребованностью данной услуги среди населения Новгородской области.

За первое полугодие 2020 г. количество лиц, обратившихся в Министерство труда социальной защиты населения за оказанием бесплатной юридической помощи, составило 470 человек. Проблемой являлась также невозможность получения квалифицированной юридической помощи гражданами, которые содержатся в организациях социального обслуживания населения Новгородской области на социальном обслуживании.

Целями проекта выступают: гарантия права получателей социальных услуг на территории Новгородской области и иных лиц, обратившихся за юридической помощью, на квалифицированную юридическую помощь; создание условий для стабильного развития правовой помощи при учреждениях социального обслуживания Новгородской области; способствование развитию инновационных форм оказания юридической помощи.

Перспективность данного проекта обусловлена доступностью и качеством предоставления правовой помощи, а также возможностью расширения сферы ее предоставления на базе организаций социального обслуживания на территории области.

Предоставление бесплатной юридической помощи оказывается на базе автономной некоммерческой организации «Добро» ежемесячно (два раза в месяц). Периодически исполнителями проекта осуществляются выезды в муниципальные районы Новгородской области. Консультирование проводится на базе учреждений социального обслуживания населения Новгородской области. Правовая помощь предоставляется лицам, являющимся получателями социальных услуг при учреждениях социального обслуживания Новгородской области, а также иным лицам, изъявившим желание получить квалифицированную юридическую помощь. Помимо этого, активно практикуется оказание правовой помощи посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет в случаях, если вопрос требует безотлагательного разрешения для граждан, находящихся в отдаленных районах Новгородской области.

За время реализации проекта всего оказано 105 бесплатных юридических консультаций. Консультации представляют собой предоставление подготовленного, проработанного с точки зрения законодательства и судебной практики ответа на правовые вопросы. Кроме того, исполнителями проекта в рамках консультирования подготавливались проекты исковых заявлений, жалоб и иных процессуальных документов. В основном обращения граждан носят вопросы гражданского (46%), земельного (26%), жилищного характера (28%). Консультации могут осуществляться как очно (в случае если получатель правовой помощи непосредственно обращается к исполнителям проекта), так и путем видеообращения из муниципальных районов Новгородской области.

Мониторинг реализации ведомственного проекта «Социальная юридическая служба» на территории Новгородской области показал эффективность и актуальность своего применения.

Таким образом, внедрение ведомственного проекта «Социальная юридическая служба» на территории Новгородской области, на сегодняшний день, служит одной из основ правового информирования и просвещения граждан, являющихся получателями социальных услуг области, с помощью которой граждане в полной мере могут реализовать права, предусмотренные законодательством Российской Федерации, и получать квалифицированную помощь во всех сферах общества.

Создание проекта разрешило важнейшие проблемы, возникшие при реализации законодательства в сфере социальной защиты населения на территории региона.

Так, у граждан, являющихся получателями социальных услуг в стационарной и полустационарной форме, появилась возможность получения быстрой и качественной правовой помощи. При этом организации, в которой находится получатель, больше не надо искать сторонних специалистов, в том числе трудоустраивать их на постоянной основе. В особых случаях, гражданин вообще мог бы остаться в ожидании возможности получения данного вида услуги, в то время как возникшая проблема может носить срочный характер и не требовать отлагательств.

Другой особенностью является тот факт, что проектом привлечены специалисты из различных сфер юриспруденции. Взаимодействие представителей всех направлений помогает быстро и оперативно разрешить вопрос, с которым обращается гражданин, и в возможно короткий срок дать полную оценку ситуации и описать план дальнейших действий.

Принимая во внимание изложенное, стоит отметить, что деятельность органов государственной власти, организаций, оказывающих общественно полезные услуги, должна быть направлена на доступность и качественность реализации прав, предусмотренных действующим законодательством.

---

1. Доброхотова, Е. Н. Правовое регулирование оказания бесплатной юридической помощи. Инструментарий повышения профессиональной культуры юристов // Петербургский юрист. 2016. № 2 (11). С. 138.

2. Матвеева, Я. М. Бесплатная юридическая помощь как инструмент общественного контроля и противодействия коррупции // Бесплатная юридическая помощь: политика, практика, образование: альманах экспертного сообщества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. 236 с.

3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (дата обращения: 02.02.2020).

4. Романова, А. Е. Бесплатная юридическая помощь в России // Символ науки. 2016. № 5. С. 166–167.
5. Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» – Справочно-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 02.02.2020).
6. Синкевич, Ж. В. Бесплатная юридическая помощь как вид социального предпринимательства // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 51–57.
7. Проект «Юридическая клиника» – Официальный сайт министерства труда и социальной защиты населения Новгородской области [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/QaDRm (дата обращения: 25.03.2020).

УДК 34(091)
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.03

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ЧАСТЬ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Баронов В. В., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s240635@std.novsu.ru
Научный руководитель: **Синькевич Н. А.**

LOCAL GOVERNMENT AS PART OF PUBLIC AUTHORITY

Vladimir V. Baronov, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: s240635@std.novsu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем становления научных концепций о самоуправлении, а также влияния естественно-правовой и государственной теорий на уровень его независимости. Проводится анализ взаимоотношений местных органов самоуправления с органами государственной власти на уровне регионов и федеральном уровне. Указывается на их взаимозависимость.
Ключевые слова: местное самоуправление, органы государственной власти, выборные органы.

Abstract. The article is devoted to the problems of formation of scientific concepts of self-government, as well as the influence of natural-legal and state theories on the level of its independence. The analysis of relations between local self-government bodies and state authorities at the regional and Federal levels is carried out. Their interdependence is indicated.
Keywords: local self-government, public authorities, elected bodies.

Россия имеет богатейший опыт организации самоуправления на местах. Конкретные подтверждения тому можно найти в первом сборнике законов древней Руси – «Русской правде». Община была тем прочным фундаментом, на который опиралась государственность России. Сама Новгородская земля, которая является «Родиной России», обладает накопленным ценнейшим историческим опытом организации местного (вечевого) управления. Былинное величие Новгорода в те незабываемые времена распространялось далеко за пределы государства. Однако в научных кругах принято считать, что местное самоуправление в России стало динамично развиваться только с середины XIX – начала XX веков. С течением времени эволюционировало и самоуправление. Данный эволюционный процесс продолжается и в настоящее время.

Реформирование местного самоуправления на современном этапе началось вместе с появлением новой России, после развала СССР, т. е. уже

около 30 лет. Анализируя результаты текущей реформы, С. Н. Леонов констатирует: «…для сегодняшнего дня заявленные цели полностью не реализованы» [1, с. 107]. Причины, по которым заявленная цель не достигнута, известны и достаточно исследованы. Они в основном сводятся к катастрофической нехватке денежных средств в местных бюджетах, ибо количество вопросов местного значения законодатель постоянно увеличивает, а источники финансирования на их разрешение остаются прежними. Таким образом, процесс реформирования буксует на месте. Возможно, поэтому планируется ввести изменения в главу 8 Конституции Российской Федерации, в статьи 131, 132 и 133 [2]. Однако, анализируя готовящиеся поправки, касающиеся местного самоуправления, можно сделать вывод, что они приведут к изменению самой парадигмы существования местного самоуправления в системе публичной власти в России, вписыванию его в единую вертикаль государственной власти, что, по меньшей мере, странно, ибо это противоречит статье 12 Конституции России [2] и части 2 статьи 4 «Европейской хартии местного самоуправления» [3]. То есть, местное самоуправление уже на конституционном уровне лишится своей самостоятельности, а реформирование придется проводить уже в другой плоскости. Как данный процесс будет совмещаться с заявленными целью и задачами? Не совсем понятно. Сама собой напрашивается аналогия из советского прошлого.

Когда общество сталкивается с неразрешимой проблемой, оно решает ее проверенным способом – через возврат к прошлому, конечно, на новом уровне, где оно сможет выявить существующие проблемы и найти механизм их разрешения. При подготовке проекта очередного закона законодатель обращается к опыту прошлого, в том числе зарубежного. Исследованием актуальных вопросов соотношения самоуправления и государства занимались многие ученые-правоведы, как российские, так и зарубежные. К их числу относятся: А. И. Черкасов, В. В. Пылин, С. Монтин, П. Слоу, Е. Пейдж, З. Баллейс и другие. Проблемами взаимозависимости органов государственной власти и местного самоуправления занимается Н. А. Синькевич. По его мнению, научная категория «местное самоуправление» в период своего становления рассматривалась с позиции естественно правовой доктрины, позже ее «звучание» ставилось в зависимость от государственной идеологии, местного государственного управления и государственной власти в целом [4, с. 41].

Следуя логике исследований, можно сделать вывод о том, что местное управление, вписанное в комплекс функционирования государства, обличено в нем двойным смыслом. Так, например, А. И. Черкасов считает, что местное управление: «... является частью единой публичной администрации, децентрализованным и организационно обособленным элементом государственного механизма, зависимым от

центра и выступающим в качестве административной организации по оказанию услуг населению в соответствии с общенациональными стандартами и общим политическим курсом центрального правительства» [5, с. 21].

По действующей Конституции России органы власти на местах в сравнении с органами власти субъектов Российской Федерации не имеют полномочий законодательного характера, а наделены полномочиями только административного управления. В соответствии с ныне действующим законодательством муниципальные органы власти не уполномочены наделять себя какими-либо правами по своему усмотрению, ибо эти права (полномочия) определяются вышестоящими органами власти. Органы же власти субъектов Российской Федерации (республик, краев, областей), являясь низшим звеном государственной власти, с одной стороны, являются проводником политики высших органов власти, с другой стороны, являются узаконенными представителями интересов местного самоуправления в федеральных органах власти. Следует отметить, что в этом контексте местное самоуправление олицетворяет самостоятельную роль конкретных общин, учитывая их интересы в масштабе всего государства. Являясь подконтрольным органам государственной власти, местное самоуправление должно проводить государственную политику.

Рассматривая взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления, нельзя не согласиться с В. В. Пылиным, который считает, что «местное самоуправление является децентрализованным и организационно обособленным институтом государственного механизма, одновременно являясь институтом самоуправления и самоорганизации населения для самостоятельного и под свою ответственность решения непосредственно или через органы управления вопросов местного значения, исходя из интересов населения» [6, с. 15].

«На местном уровне функционируют различные институты управления: элементы механизма государства и органы местного самоуправления, как важнейшие элементы государства, а также гражданское общество, как опосредованный элемент управления. Научные категории «местное управление» и «местное самоуправление» не только весьма прочно входят в научный оборот, но и широко применяются в быту зачастую в самых разных смысловых представлениях» [4, с. 43–44], как пишет Н. А. Синькевич. Безусловно, это замечание имеет огромное смысловое значение, ибо «гражданское общество» – это не какое-то эфемерное понятие, а некая целостная, многофункциональная система, состоящая из множества взаимосвязанных элементов, каждый из которых занимает определенное место в ней, а его отсутствие нарушает устойчивость всей системы. Между тем, в современной научной среде

бытует мнение, имеющее своих сторонников, в соответствии с которым местное управление – это органы, назначаемые из Федерального центра и представляющие государственную власть субъекта, а местное самоуправление – это местные представительные органы. В итоге получается, что на местах одновременно существуют две системы, имеющие различное назначение. А. И. Черкасов скептически относится к данной концепции, он пишет: «Некорректность подобного подхода можно проиллюстрировать на примере Великобритании и других государств англосаксонского права, где отсутствуют назначаемые сверху представители центра на местах. Получается, что здесь вообще нет местного управления как такового» [5, с. 23]. Здесь необходимо отметить, что, основываясь на некой платформе, где местное самоуправление является частью местного управления, появляется широкая перспектива для научного исследования, с целью усовершенствования существующих систем управления. Однако необходимо обращать внимание на то, что «местное самоуправление, с терминологической точки зрения, имеет идеолого-теоретическое значение, указывает на общность субъекта и объекта управления автономии» [4, с. 44].

Для полноты картины, необходимо обратиться к мнению зарубежных исследователей, из стран с достаточно развитыми институтами местного самоуправления, воспользоваться их опытом изучения исследуемой категории. При этом необходимо обратить внимание на то, что нет единой западной модели функционирования местного самоуправления. В каждом экономически развитом государстве она имеет свои особенности, а в США – даже в каждом штате имеются свои тонкости.

В этой связи наиболее отвечающим духу времени является утверждение З. Баллейса, который считает, что: «… муниципалитеты являются естественными корпоративными образованиями и их самостоятельность производна в меньшей степени от центральной власти и желания высших органов власти наделить их максимальной самостоятельностью» [7, с. 2].

Как видно, в трудах российских и зарубежных исследователей теории местного самоуправления можно встретить крайне противоположные точки зрения о соотношении государства и местного самоуправления. Несмотря на их разногласия, порой даже существенные, можно сделать промежуточный вывод о том, что данная категория публичной власти должна в обязательном порядке обладать собственной правосубъектностью, которая неразрывно связана с наделением ее определенными правами и обязанностями, а также источниками финансирования для их четкого исполнения.

В процессе цивилизационного развития систем государственного управления наблюдается устойчивая тенденция к нахождению некой точки

равновесия во взаимодействии институтов местного самоуправления и государства для нахождения гармонии между государством и обществом. Конкретным примером, подтверждающим правоту данной точки зрения, является «Европейская хартия местного самоуправления» (принята в Страсбурге 15.10.1985), которая является результатом компромисса между публичным и общественным [3]. Таким образом, местное самоуправление является элементом легитимации государственной власти, укрепляющим государственные устои.

Исходя из демократических принципов, среди которых народовластие является базовым, предполагается, что граждане, проживающие на определенной территории, сами осуществляют управление на ней, но только посредством соответствующих органов, сформированных ими же через соответствующие избирательные процедуры. Процесс формирования и функционирования органов самоуправления происходит по аналогии, в соответствии с правилами в вышестоящих органах управления. Отсюда следует, что идеализировать саму категорию «самоуправление» по отношению к местному уровню, производя попытку выделения неких уникальных свойств, крайне ошибочно. А противопоставление его государственному управлению просто не выдерживает никакой критики. Отсюда следует, что местное самоуправление, в той или иной степени, обладает как государственными, так и общественными свойствами, совмещенными в различных пропорциях, оно может быть обособлено в некий государственный институт, но всегда находится в прямой зависимости от политического режима в государстве.

---

1. Леонов, С. Н. Проблемные результаты и перспективы реформы местного самоуправления в России // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 107–132.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14394#06853830464569965 (дата обращения: 19.02.2020).
3. Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15.10.1985) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14394#06853830464569965 (дата обращения: 19.02.2020).
4. Синькевич, Н. А. Государство и самоуправление // Юридическая мысль. 2017. № 5. С. 41–45.
5. Черкасов, А. И. Сравнительное местное управление: теория и практика. М., 1998. 160 с.
6. Пылин, В. В. Проблемы наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления // Государство и право. 1999. № 9. С. 13–20.
7. The Present and Future Role of Local Government in Britain and Germany. L., 1985. S. 71–72.

УДК 331.16
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.04

РОЛЬ И НАЗНАЧЕНИЕ РЕЖИМА РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННЫХ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Березюк Л. А., магистр юридических наук, ассистент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Белорусский государственный экономический университет (Минск, Беларусь)

E-mail: 2505624@gmail.com

ROLE AND PURPOSE OF WORKING TIME REGIME IN MODERN LABOR LEGAL RELATIONS

Liliya A. Berazuik, master of laws, assistant of the department,
Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus)
E-mail: 2505624@gmail.com

Аннотация. В последние десятилетия роль режима рабочего времени значительно возросла. При этом в научной литературе неоднократно подчеркивались преимущества гибкости в распределении рабочего времени для работника и нанимателя. В связи с этим целью настоящей статьи является исследование роли и назначения режима рабочего времени в современном трудовом правоотношении.
Ключевые слова: режим рабочего времени, назначение, функция, рабочее время, гибкость, индивидуализация.

Abstract. In recent decades, the role of working hours has increased significantly. At the same time, the scientific literature has repeatedly emphasized the advantages of flexibility in the distribution of working time for the employee and employer. In this regard, the purpose of this article is to study the role and purpose of the working time regime in modern labor relations.
Keywords: working time mode, appointment, function, working time, flexibility, individualization.

Важной составляющей частью института рабочего времени является его режим. Анализ научной литературы в рассматриваемой области показал, что многие вопросы теоретического и практического характера не были решены в советский период [1, с. 334], а также недостаточно раскрыты в период независимости Республики Беларусь. Сопоставление историко-правовых аспектов правового регулирования режима рабочего времени позволило сделать вывод о том, что положения действующего законодательства в части рабочего времени во многом заимствованы из советского законодательства о труде (в частности, подход к сущности режима рабочей недели, сменному режиму работы, неполному рабочему времени, разделению рабочего дня на части и др.). Вместе с тем,

законодательство о труде Республики Беларусь лишено идеологических положений социалистической системы СССР [2, с. 103].

Значимость детального регулирования режима рабочего времени подтверждается последствиями для работников и нанимателей в зависимости от того, каким способом организовано их рабочее время (а оно, теоретически, может быть организовано бесконечным числом путей) [3, p. 42].

Известно, что во многих странах мира рабочее время под влиянием предпосылок различного характера (экономических, технологических, культурных и т. п.) становится все более гибким и дифференцированным. Стандартная рабочая неделя уступает место сжатым рабочим неделям, стандартный режим рабочего дня уступает режиму гибкого рабочего времени, уплотненному (сжатому) рабочему дню (т. е. работе с максимально укороченным обеденным перерывом) и т. д. Некоторые авторы уже давно поднимают вопрос: по-прежнему ли актуальна и уместна тенденция к сокращению рабочего времени [4, p. 9]. В научной правовой литературе отмечается возрастающая роль регламентации режимов труда, гибкого разделения рабочего времени в течение учетного периода, значительное распространение суммированного учета рабочего времени [5, с. 401].

Актуальность исследования правового регулирования режима рабочего времени подтверждается также назначением и функциями, выполняемыми режимом рабочего времени. Основным назначением режима рабочего времени является распределение установленных норм рабочего времени, что прямо вытекает из содержания ч. 1 ст. 123 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) [6]. При этом необходимо разграничивать распределение норм рабочего времени в рамках определенного календарного и (или) учетного периода и функцию нормирования продолжительности труда.

Анализ юридической литературы позволяет выявить, что регламентация режима рабочего времени оказывает влияние как на организации, так и на работников. В частности, режим рабочего времени играет важную роль в обеспечении производительного и полного использования трудовых и материальных ресурсов [7, с. 118]. Это объясняется тем, что «правильная» гибкость рабочего времени, выражающаяся в его распределении, позволяет лучше справляться с колебаниями рабочей нагрузки, сокращать затраты на оплату работы за пределами или сверх установленного рабочего времени.

Режим рабочего времени может позволять нанимателю манипулировать количеством и качеством рабочей силы, которая используется на предприятии, исходя из потребностей развития производства и сложившейся экономической ситуации, не создавая социальной напряженности при увольнении работников [8, с. 45].

Грамотно «подобранный» режим рабочего времени влияет на уменьшение текучести кадров, благодаря чему могут снизиться расходы на набор, введение в курс дела и подготовку персонала, связанные с необходимостью замены уволившихся сотрудников [9]. В данном контексте Н. Г. Шурупова указывает, что управленческая функция режима рабочего времени «выражается в координации действий персонала во времени с целью достижения благоприятных условий для осуществления деятельности организации» [10, с. 335].

Именно режим рабочего времени обеспечивает эффективное использование оборудования [11, с. 11], а значит – определяет уровень производительности, в том числе его экономическую эффективность на каждом предприятии [12]. Следовательно, режим рабочего времени, удовлетворяя деловые потребности предприятий [13], влияет на их конкурентоспособность.

Эффект от применения рациональных режимов рабочего времени для работников заключается, с одной стороны, в обеспечении интересов работников и правил охраны труда [11, с. 11], с другой – в укреплении трудовой дисциплины [7, с. 118].

Рациональное распределение нормы рабочего времени, наряду с ее сокращением, является одним из условий повышения моральной и физической привлекательности труда, превращает труд в потребность здорового человеческого организма [7, с. 119]. В свою очередь, улучшение морального духа работников повышает производительность, качество и, в конечном итоге, финансовые показатели компании [13]. В данном контексте следует отметить роль режима рабочего времени в повышении мотивации работников к труду (такое назначение режима рабочего времени обосновано Н. Г. Шуруповой в рамках стимулирующей функции режима рабочего времени [10, с. 335]).

Кроме указанного, режим рабочего времени обеспечивает реализацию работниками льгот и гарантий (например, право на сокращенное рабочее время, запрет на привлечение к работе в ночное время) [14, с. 46]. Более того, с одной стороны, применение различных режимов рабочего времени может оказать значительное влияние на качество жизни работника. Это выражается в том, что применяемые графики работы позволяют эффективно решать проблемы труда наиболее уязвимых групп работников (женщин, пенсионеров, работающих студентов, иммигрантов и т. п.). Это, как отмечается в научной литературе, в определенной мере уравновешивает дисбаланс, который появляется в результате тенденций повышения возраста вступления в состав рабочей силы у молодежи, сокращения занятости в общественном производстве лиц старшего возраста, общего сокращения продолжительности рабочего периода и т. д. [8, с. 45].

С другой стороны, обеспечение достойного рабочего времени заключается в использовании возможностей для составления графиков

работы таким образом, чтобы они могли учитывать потребности каждого работника, в том числе его семейные обязанности [13]. Этот подход учитывает предпочтения как работников, так и работодателей, как это предлагается в Рекомендации МОТ по сокращению продолжительности рабочего времени [15].

В юридической литературе подчеркивается, что важнейшим фактором, который препятствует достижению равенства возможностей женщин и мужчин, является конфликт между семейными обязанностями и требованиями, предъявляемыми работой [16]. Среди направлений решения такого конфликта Сектор социальной защиты МОТ указывает на необходимость принятия мер, которые позволят сделать «обычную» работу более совместимой с выполнением семейных обязанностей, в частности, в области правового регулирования неполного рабочего времени [15], работы на дому (наряду с признанием роли мужчин в уходе за членами семьи, более справедливым распределением семейных обязанностей, наличием и доступностью учреждений по уходу за детьми и др.) [16].

Так, согласно п. 18 Рекомендации МОТ № 165 о работниках с семейными обязанностями, необходимо уделять особое внимание мерам, направленным на постепенное сокращение ежедневной продолжительности рабочего времени и сокращение работы за пределами и (или) сверх установленной продолжительности, а также на более гибкое регулирование графиков работы, периодов отдыха и отпусков [15]. Справедливым видится мнение А. С. Чанышева, который указывает, что «проблема, следовательно, не сводится лишь к организации трудовой деятельности таким образом, чтобы соблюсти разумный баланс между работой и семьей. Проблема намного шире и представляет собой гармонизацию трудовых отношений с личными интересами работника» [17, с. 21]. Т. е. «удобный» режим рабочего времени нужен не только работникам, обремененным семейными обязанностями, но и всем остальным работникам, так как происходит снижение нагрузки благодаря устранению конфликта между профессиональными обязанностями и личными интересами.

Еще одним существенным моментом является возможность увеличить свободное время работников посредством обоснования возможности комбинаций существующих режимов рабочего времени, а также введением в законодательство о труде новых режимов рабочего времени [18, с. 198]. И. Я. Киселевым высказывается мнение о том, что легализация мобильных режимов рабочего времени является одним из направлений усиления гибкости правового регулирования рабочего времени [18, с. 198]. А. С. Чанышев рассматривает режим рабочего времени (на примере Скандинавских стран) как наиболее эффективный инструмент обеспечения гибкости правового регулирования рабочего времени [17, с. 63].

Исследование влияния рабочего времени на производительность труда отдельных лиц и предприятий, проведенное МОТ, показало, что положительного влияния можно добиться, применяя индивидуализированные режимы рабочего времени [3, p. 40]. Тенденция к индивидуализации и персонализации режима труда отмечается также И. Я. Киселевым [5, с. 402;18, с. 197]. С точки зрения И. Я. Киселева, при усилении гибкости в регламентировании режимов рабочего времени необходимо учитывать экономическую конъюнктуру и постоянно меняющуюся ситуацию на рынке труда без использования сверхурочных работ и одновременно с сохранением занятости работников в так называемые «мертвые сезоны» [19, с. 83]. В. С. Козлов еще в 2004 г. подчеркивал важность индивидуализации рабочего времени, отмечая при этом, что «целесообразно с помощью сочетания правоприменительных и законодательных мер перенять концепцию «индивидуального рабочего времени», делающую возможным разбивку обязательных часов работы на интервалы различной продолжительности в течение одного предопределенного цикла, или дающую возможность варьировать рабочие часы в течение года» [20, с. 23]. Указанное подтверждает необходимость исследования, в первую очередь, нестандартных форм распределения рабочего времени.

Помимо прочего, некоторые режимы рабочего времени позволяют создавать новые рабочие места, прямо воздействуя на уровень безработицы. Как подчеркивает А. С. Чанышев, это «особенно актуально для расширения концепции флексикъюрити в условиях кризиса» [17, с. 63].

Отметим при этом важность надлежащего контроля и надзора за соблюдением законодательства о труде в области рабочего времени, так как использование режима рабочего времени в таких целях может действовать и в обратном направлении – скрывать проблемные аспекты рынка труда – безработицу, сокращение численности и (или) штата работников и др. В научной литературе существует мнение, согласно которому гибкие формы занятости не выполняют своего предназначения, не спасают от безработицы. Наоборот, они являются способом закабаления работника, вынужденного из-за неимения средств к существованию соглашаться на случайные заработки с отсутствием стандартных трудовых гарантий своих прав [8, с. 47]. На самом деле, все зависит от детального правового регулирования режима рабочего времени в законодательстве о труде.

Таким образом, анализ научной литературы, публикаций МОТ и практики применения законодательства о труде показал, что роль режима рабочего времени весьма значительна и направлена на улучшение условий труда работников, обеспечение возможности сочетать личные и трудовые интересы.

Принимая во внимание возросшую в последнее время популярность и востребованность во всем мире новых, гибких формы занятости, важно разграничивать «временную» гибкость (т. е. применение различных видов и (или) режимов рабочего времени) и гибкие формы занятости.

Гибкость рабочего времени достигается при изменении одного или более из следующих четырех элементов: количество отработанного времени каждый рабочий день; количество отработанного времени каждую неделю; определенные часы работы во время рабочего дня; определенные дни недели, в которые выполняется работа [3, p. 42].

Вместе с тем, рабочее время может выступать показателем гибкости занятости. В научной литературе режим рабочего времени зачастую рассматривается как показатель нетипичной занятости. В частности, Е. В. Чичина рассматривает неполное рабочее время как признак занятости на условиях неполного рабочего времени [21, с. 53–59]. К. Л. Томашевский указывает, что к гибкой (атипичной) занятости будет относиться, помимо прочего, случай, когда работник принимается на работу с неполным или сокращенным рабочим временем либо ему устанавливается нестандартный режим рабочего времени. При этом К. Л. Томашевский определяет гибкие формы занятости как такую организацию правоотношений, при которой трудящийся выполняет работу не по трудовому договору с неопределенным сроком; иной продолжительностью рабочего времени, чем полное рабочее время; с особым режимом рабочего времени или на рабочем месте, удаленном от места работы [22, с. 170–171].

А. Е. Коркин относит к нетипичному труду работу в условиях неполного рабочего времени, работу вахтовым методом, сверхурочную занятость [23, с. 3]. В свою очередь, А. М. Лушников и М. В. Лушникова к нестандартным формам занятости относят неполное рабочее время, разделение рабочего места, гибкий рабочий график, сокращенную рабочую неделю, суммированный учет ежегодных рабочих часов и др. [24, с. 32].

Названные обстоятельства подтверждают значимость режима рабочего времени не только в рамках института «Рабочее время» при организации труда работников, но также и в рамках рассмотрения вопросов, связанных с формой их занятости.

В данном контексте необходимо отметить, что Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь подчеркивается, что до настоящего времени понятие «гибкие формы занятости» не нашло официального отражения ни в законодательстве Республики Беларусь, ни в актах международного характера. Следствием этому является подготовка Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь Рекомендаций по применению гибких форм занятости (далее – Рекомендации) [25]. Рекомендации подготовлены в целях повышения осведомленности нанимателей и работников по применению гибких графиков работы [26].

При этом указывается, что под гибкими (в некоторых источниках названы нетипичными или нестандартными) формами занятости обычно понимаются трудовые отношения между нанимателем и работником, которые отличаются от отношений, основанных на трудовом договоре на неопределенный срок, предусматривающем работу в условиях нормальной продолжительности рабочего времени [25]. То есть показателями нетипичной занятости в данном случае выступают срок трудового договора и рабочее время. Однако приведенные точки зрения показывают, что в данный перечень могут включаться и иные факторы, свидетельствующие о нетипичной занятости (например, место выполнения работы).

К нестандартным режимам рабочего времени в Рекомендациях относятся только суммированный учет рабочего времени, режим гибкого рабочего времени, неполное рабочее время. Данные режимы рабочего времени позволяют эффективно использовать труд всех социально-демографических групп населения, в том числе и тех, которые в силу ограниченной трудоспособности или по семейным и другим обстоятельствам не могут трудиться в течение полного рабочего дня.

Вместе с тем, в научной литературе преобладает точка зрения об отнесении к нестандартным режимам рабочего времени, в том числе режима рабочего времени при разделении рабочего дня на части и режима рабочего времени при вахтовом методе организации работы, применение которых также обладает особыми преимуществами для отдельных категорий работников. Это говорит о том, что необходима доработка названных Рекомендаций и приведение их в актуальное состояние в соответствии с положениями гл. 10 ТК.

Помимо прочего, необходимо учитывать, что недостаточно только перечисления в подобных рассматриваемым Рекомендациям разъяснениях, даваемых компетентными органами, режимов рабочего времени и основ их правового регулирования. Необходимо создание четкого механизма их применения, расширение осведомленности работников об их праве на обращение к нанимателю с просьбой об установлении того либо иного режима рабочего времени, повышение правовой культуры населения в области регламентации трудовых отношений. Степень гибкости рабочего времени во многом зависит от фактической реализации нестандартных режимов рабочего времени на локальном и (или) индивидуально-договорном уровне. Как правило, режим рабочего времени устанавливается нанимателем по согласованию с профсоюзом (при его наличии в организации). Вместе с тем, необходимо расширить возможность влияния работников на организацию их рабочего времени. Для этого работник, во-первых, должен знать возможные варианты организации труда посредством применяемого режима рабочего времени и свои возможности по оказанию влияния на продолжительность и

распределение рабочего времени. Во-вторых, наниматели должны соблюдать процедуру установления и применения различных режимов рабочего времени и не бояться использовать их на практике.

---

1. Березюк, Л. А. Вклад советских ученых в разработку проблем правового регулирования рабочего времени // Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика: сб. науч. раб. междунар. науч.-практ. конф. Брянск, 2019. С. 335–344.
2. Березюк, Л. А. Режим рабочего времени в советском законодательстве о труде // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага універсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. D. Эканоміка, сацыялогія, права : навукова-метадычны часопіс. 2018. № 2 (52). С. 98–106.
3. Working time in the twenty–first century: Discussion report for the Tripartite Meeting of Experts on Working–time Arrangements 2011, 17–21 October 2011 / International Labour Office, Geneva, ILO, 2011. 77 p.
4. Hours of work. From fixed to flexible: Report of the Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations (articles 19, 22 and 35 of the Constitution) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2005. 139 p.
5. Киселев, И. Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда: учебник. М.: Эксмо, 2008. 608 с.
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь. 26 июля 1999 г., № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2019 г., № 219-З [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. Минск, 2020.
7. Островский, Л. Я. Рабочее время по советскому трудовому законодательству. Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1963. 157 с.
8. Коваленко, Е. А. Гибкие формы занятости в Украине: фантом правового регулирования и практические реалии // Трудовое и социальное право. 2016. № 3 (19). С. 44–48.
9. Организация рабочих мест с учетом интересов семьи: информационный материал № WF3 // Международная организация труда, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_312692/lang- ru/ index.htm (дата обращения: 23.01.2020).
10. Шурупова, Н. Г. Режим рабочего времени // Курс Трудового права. Особенная часть. Кн. 1. Индивидуальное трудовое право: пособие для вузов: в 3 т. / А. А. Войтик [и др.]; под общ. ред. О. С. Курылевой, К. Л. Томашевского. Минск: Амалфея. Т. 2. 2014. 459 с. Пар. 7. Гл. 7. С. 331–348.
11. Сыроватская, Л. А. О правовом регулировании рабочего времени. М.: ВЮЗИ, 1981. 18 с.
12. Мамедов, О. Д. Режим рабочего времени и его основные правовые формы // Трудовое право. 2009. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lawmix.ru/ bux/30974 (дата обращения: 17.02.2020).
13. Desent working time. Balancing workers' needs with business requirements. ILO. TRAVAIL. Geneva. 2007 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/travail/ whatwedo/ publications/WCMS_145391/lang--en/index.htm. (дата обращения: 26.01.2020).
14. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь: для профессионалов в 40 выпусках / гл. ред. В. И. Кривой. Вып. 13–14, гл. 10. Рабочее время (ст. 110–133);

гл. 11. Перерывы в течение рабочего дня. Государственные праздники, праздничные и выходные дни (ст. 134–148). Гомель: Изд. Е. А. Ковалева, 2008. 416 с.
15. Рекомендация Международной Организации труда о ночном труде № 116. [заключена в Женеве 06.06.1962 г.] [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.
16. Достижение гендерного равенства с помощью мер по устранению конфликта «работа-дом» Информационный материал № WF-2 // Международная организация труда. Сектор социальной защиты, 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_312486/lang--ru/index.htm. (дата обращения: 26.01.2020).
17. Чанышев, А. С. Правовое регулирование рабочего времени и времени отдыха в странах Скандинавии: монография. М.: Проспект, 2016. 128 с.
18. Киселев, И. Я. Сравнительное трудовое право: учебник. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 360 с.
19. Киселев, И. Я. Новый облик трудового права стран Запада (прорыв в постиндустриальное общество). М., 2003. 160 с.
20. Козлов, В. С. Правовое регулирование рабочего времени в России и зарубежных странах: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.05. М., 2007. 27 с.
21. Чичина, Е. В. Отдельные нестандартные формы занятости: правовой аспект. Минск: ИООО «Право и экономика», 2004. 142 с.
22. Томашевский, К. Л. Актуальные проблемы трудового права: учеб.-метод. комплекс. Минск: Амалфея, 2012. 232 с.
23. Коркин, А. Е. Нетипичные трудовые отношения: заемный труд, телеработа и работа по вызову: правовая природа, зарубежное законодательство и российские перспективы. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 208 с.
24. Лушников, А. М. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития: монография. М.: Проспект, 2016. 272 с.
25. Рекомендации по применению гибких форм занятости / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://mintrud.gov.by/ru/new_url_1312010625. (дата обращения: 06.01.2020).
26. Восьмой периодический доклад Республики Беларусь / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: www.mintrud.gov.by › uploads › files › 8-periodicheskij-doklad. (дата обращения: 06.01.2020).

УДК 34(091)
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.05

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Богославский А. А., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Web-alexsky@yandex.ru
Синькевич Н. А., заведующий кафедрой, доктор юридических наук, профессор,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: colonel5353@yandex.ru

PROSECUTOR'S SUPERVISION OF THE ENFORCEMENT OF THE LAWS ON MINORS

Alexandr A. Bogoslavskii, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Web-alexsky@yandex.ru
Nikolai A. Sinkevich, head of department, doctor of law, professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: colonel5353@yandex.ru

Аннотация. В статье выделяются проблемы, характеризующие деятельность органов прокуратуры по надзору за соблюдением прав несовершеннолетних лиц, рассматривается многообразие направлений правоохранительной деятельности. Автором обосновывается необходимость выделения надзора за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних лиц как самостоятельной отрасли надзора.
Ключевые слова: прокурорский надзор, несовершеннолетние, органы прокуратуры, надзор за исполнением законов, повышение эффективности прокурорского надзора.

Abstract. The article highlights the problems that characterize the public prosecutors' offices in monitoring respect for the rights of minors, and examines the variety of law enforcement activity. The author justifies the need to allocate monitoring respect for the rights and legitimate interests of minor as an independent branch of supervision.
Keywords: prosecutor's supervision, minors, public prosecution service, monitoring the enforcement of the law, improve the efficiency of prosecutor's supervision.

В международном праве закреплена Конвенция о правах ребенка, претерпевшая значительные изменения за время своего существования как правового явления (актуальный документ был принят 20 ноября 1989 года), ратифицированная в качестве элемента правовой сферы в СССР и действующая по сей день в Российской Федерации. В данном документе разработаны правовые положения, направленные на регулирование прав и обязанностей специальных субъектов – лиц, не

достигших возраста 18 лет, т. е. одного из самых уязвимых и зависимых от качества государственного управления и правового регулирования слоев населения [1, ст. 1].

В Российской Федерации, помимо ратификации общепринятых договоров международного уровня, сложилась собственная правовая сфера, регулирующая защиту прав несовершеннолетних лиц. Конституция Российской Федерации, основной закон государства, закрепляет общеправовые положения – например, провозглашающие правовое и социальное государство (ст. 1, ст. 7), закрепляющие ценность человека и его прав (ст. 2), и другие. Приняты в большом количестве нормативные правовые акты, конкретизирующие вопросы защиты прав несовершеннолетних лиц – федеральные законы от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», а также Семейный кодекс Российской Федерации.

Положение о повышенном внимании к вопросам предупреждения и профилактики случаев неблагополучных семей и случаев вовлечения несовершеннолетних лиц в совершение противозаконных и антиобщественных действий в рамках полномочий прокуратуры было закреплено Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7. Указом Президента от 01.09.2009 № 986 была учреждена специальная должность – Уполномоченный по правам ребенка в Российской Федерации [2, с. 56].

Перечисленные нормативные правовые акты и меры, принятые со стороны государства, отражают заинтересованность в обеспечении соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних лиц по различным направлениям – от гарантии основных прав (например, право на образование в Российской Федерации) до профилактики и контроля криминогенных факторов.

Правоприменительная практика, несмотря на достаточно обширное правовое регулирование по вопросам защиты прав несовершеннолетних лиц, наблюдает коллапс в работе правоохранительных органов, связанный с отсутствием в Российской Федерации консолидированных и кодифицированных нормативных правовых актов по защите прав несовершеннолетних лиц (из-за широкой области рассматриваемых вопросов), а также специализированного органа, который бы осуществлял контроль за соблюдением законности при защите прав несовершеннолетних. Из названных обстоятельств следует неполнота или отсутствие регулирования отдельных аспектов, связанных с соблюдением прав несовершеннолетних лиц.

В Соединенных Штатах Америки и странах Западной Европы имеет место возложение обязанностей по защите прав несовершеннолетних лиц на специализированные судебно-правовые органы и, в частности, на

ювенальную юстицию – систему, которая представляет собой совокупность различных учреждений и организаций (негосударственных и государственных), осуществляющих деятельность по защите названных лиц [3, с. 174].

Введение системы ювенальной юстиции в Российской Федерации обсуждается давно, однако в настоящее время она не функционирует, поскольку отсутствует единое мнение о необходимости её создания, а также широко известны негативные случаи её неотработанного в первое время действия, например, необоснованное лишение родительских прав лиц, совершивших несущественные правонарушения. Учитывая размеры Российской Федерации и федеративную систему, многонациональность и многокультурность, ювенальная система должна быть тщательно проработана с учетом особенностей российской действительности.

В Российской Федерации защиту прав несовершеннолетних лиц осуществляют специальные органы и структуры государственной власти – Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство просвещения Российской Федерации, органы опеки и попечительства, Уполномоченный по правам ребенка, инспекция по делам несовершеннолетних и др. [4, с. 73].

На прокуратуру Российской Федерации также возложена обязанность по надзору за соблюдением прав и свобод несовершеннолетних лиц, однако данное положение в Конституции Российской Федерации не закреплено, что вызывает определенные вопросы в трактовке термина «правоохранительный орган». Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет, что именно надзор – основная функция работников прокуратуры, а прокурорский надзор – это специфическая форма деятельности, включающая обеспечение законности, а также выявление, устранение и предупреждение возможных нарушений российского законодательства [5].

Прокуратура Российской Федерации для поддержания законности, а также для защиты прав и свобод человека и гражданина осуществляет надзор за их соблюдением, из чего следует, что защита прав и законных интересов несовершеннолетних лиц входят в функции общего надзора.

Правовая основа для осуществления прокурорского надзора за несовершеннолетними лицами в Российской Федерации закреплена Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.11.2007 № 188, в положениях которого содержатся общеправовые установления по организации прокурорского надзора по рассматриваемому вопросу (например, по п. 2 – основываться на Конвенции ООН о правах ребенка) [6].

Статистика по состоянию законности в сфере соблюдения прав несовершеннолетних лиц, представленная в январе 2020 года, для примера

по Новгородской области, свидетельствует о выявленных за прошедший год 253 нарушениях. В отношении 94-х прокурорами были принесены протесты, а по 59 – представления. За 2018 год в Новгородской области было выявлено 269 нарушений, принесено 43 протеста и 44 представления, что отражает тенденцию к уменьшению количества совершаемых правонарушений, однако их уровень по-прежнему достаточно высок, что дополнительно подчеркивает актуальность рассмотрения вопросов защиты прав несовершеннолетних лиц и снижения криминогенных факторов в Российской Федерации [7]. Грамотное и четкое законодательное регулирование деятельности органов прокуратуры в отношении рассматриваемых субъектов в перспективе будет способствовать улучшению общей обстановки с противоправными деяниями в Российской Федерации.

По вопросам деятельности, связанной с защитой прав и интересов несовершеннолетних лиц, многие юристы и исследователи-правоведы, например, Н. А. Синькевич и Н. А. Богданов, высказывают мнение о необходимости выделения в качестве отдельной отрасли надзор за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних лиц. Это объясняется спецификой данного вида надзора, а также особенностями определения предмета и пределов надзора, полномочий прокурора и средств прокурорского реагирования [8].

Деятельность органов прокуратуры в целом весьма многопланова, поэтому защита прав и интересов несовершеннолетних представляет определенные проблемы ввиду разнообразия вопросов по данному аспекту (образование, неблагополучные семьи, преступления).

Необходимость учета сущности прокурорского надзора при защите прав и интересов несовершеннолетних как особого предмета прокурорского надзора является следствием перечисленных обстоятельств, что также является основанием для выделения надзора в отдельную отрасль и разработки специальной компетенции органов прокуратуры в данном вопросе [8].

Учитывая все рассмотренные нормативные правовые акты и обстоятельства по защите прав и законных интересов несовершеннолетних лиц, прокуратура Российской Федерации действует по таким направлениям как:

1) постоянный надзор и контроль исполнения законов в отрасли социальной защиты несовершеннолетних лиц (социально опасное положение, малообеспеченные и многодетные семьи, наличие негативных факторов);

2) пресечение фактов жестокого обращения с детьми и обеспечение контроля подобных ситуаций (включая физическое, психическое, сексуальное насилие как в семьях, так и в организациях – воспитательных, образовательных);

3) надзор в отрасли соблюдения законодательства о противодействии коррупции в сферах, связанных с обеспечением жизнедеятельности несовершеннолетних лиц (государственные закупки сертифицированных продуктов для приготовления детского питания в учебные заведения);

4) надзор в отрасли соблюдения законодательства о противодействии молодежному экстремизму (контроль «молодежных» организаций, организации собраний, распространения информации в СМИ и социальных сетях. Например, создатель игры «Голубой кит» в социальных сетях 2017 года Будейкин Филипп Александрович был приговорен судом к лишению свободы) и др.

Подводя итоги, для качественной работы органов прокуратуры и реализации прокурорского надзора в Российской Федерации необходимы системность и структурированность, переработка отдельных законодательных положений и оптимизация действующей организации прокурорского надзора.

---

1. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 26.03.2020).
2. Горюнов, В. Е., Карнакова, А. Г. Роль прокуратуры Российской Федерации в осуществлении надзора за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 2 (21). С. 55–60.
3. Gwladys, G. Public Prosecutors in the United States and Europe. A Comparative Analysis with Special Focus on Switzerland, France, and Germany. Switzerland, 2014. 362 p.
4. Дадаева, Ю. В. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних // Проблемы науки. 2019. № 7 (43). С. 73–76.
5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 06.02.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.03.2020).
6. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 27.03.2020).
7. Прокуратура Новгородской области [Электронный ресурс]. URL: https://procnov.ru/statistics/activities (дата обращения: 27.03.2020).
8. Синькевич, Н. А., Богданов, Н. А. Прокурорский надзор в сфере обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних // [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39136181_64361398.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

УДК 347.961
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.06

НОТАРИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ФОНДА

Васильев М. В., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: ekkert.maaksim@gmail.com
Научный руководитель: **Безус Н. Б.**

NOTARIAL SUPPORT OF THE LEGAL FATE OF THE INHERITANCE FUND

Maxim V. Vasiliev, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: ekkert.maaksim@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются нововведения в нотариальном законодательстве с 1 сентября 2018 года, в связи с появлением в гражданском законодательстве нового института – наследственного фонда, который создает возможность безопасного и практичного управления собственным капиталом и бизнесом после смерти. Возникает вопрос, какова роль нотариуса в этом новом институте? В статье анализируется нотариальное действие по сопровождению наследственного фонда, уделено внимание правовому положению наследственного фонда.
Ключевые слова: наследство, наследственный фонд, наследственное право, гражданское право, нотариус, нотариальная деятельность.

Abstract. The article analyzes innovations in notary legislation since September 1, 2018, in connection with the appearance of a new institution in civil legislation - the inheritance Fund, which creates the possibility of safe and practical management of own capital and business after death. The question arises, what is the role of the notary in this new institution? The article analyzes the notarial action to support the inheritance Fund, pays attention to the legal status of the inheritance Fund.
Keywords: inheritance, inheritance Fund, inheritance law, civil law, notary, notary activity.

Наследственное право постоянно развивается, изменяется, требует доработок в современном законодательстве. Не так давно в гражданском законодательстве произошли изменения. Появился совершенно новый для нашего государства институт – наследственный фонд.

Наследственный фонд создается во исполнение завещания. На основе имущества, имеющегося у наследодателя, в фонде ведется деятельность по управлению полученным в порядке наследования имуществом определенного гражданина бессрочно или в течение определенного срока. В западных странах уже давно практикуется данная форма юридического лица. Она используется как способ сохранения

имущества и капитала гражданина в случае смерти. При этом происходит защита интересов и членов семьи гражданина, изъявившего желание создать наследственный фонд, с целью получения доходов после смерти наследодателя.

На основании п. 2 ст. 123.20-1 Гражданского кодекса РФ в завещание, предусматривающее создание наследственного фонда, следует включать решение завещателя об учреждении наследственного фонда, устав фонда и, конечно, условия управления наследственным фондом. «Все это обговаривается и устанавливается наследодателем строго при жизни, а затем указывается в завещании в соответствии со ст. 123.20-1, п. 4 ст. 50.1 ГК РФ. Все вышеуказанное не может быть поправлено или изменено после его смерти» [1]. Такое завещание подлежит обязательному нотариальному удостоверению, исходя из ст. 1125 ГК РФ.

«Обычно такое завещание составляется в 3-х экземплярах, каждый из которых подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Два экземпляра обязаны храниться у нотариуса, который удостоверил данный документ» [2].

В ст. 1123 Гражданского Кодекса РФ указано, что нотариус не вправе разглашать и передавать информацию третьим людям, которая связана с их наследственным фондом. Завещание следует составлять так, чтобы отдельные части завещания, в частности: решение, устав и условия управления, могли бы быть самостоятельными, и присутствовала возможность их разграничивать [3].

«Наследственный фонд учреждается после смерти гражданина, либо через нотариус, либо суд» [4].

Наследственный фонд может быть создан на основании решения суда по требованию душеприказчика или выгодоприобретателя наследственного фонда в случае неисполнения нотариусом обязанности по созданию наследственного фонда.

При создании наследственного фонда и принятии им наследства нотариус обязан выдать фонду свидетельство о праве на наследство в срок, указанный в решении об учреждении наследственного фонда, но не позднее срока, предусмотренного статьей 1154 ГК РФ. «В случае неисполнения нотариусом указанных обязанностей наследственный фонд вправе обжаловать бездействие нотариуса» [2].

В соответствии со ст. 123.20-1 ГК РФ нотариус, ведущий наследственное дело, обязан направить в уполномоченный государственный орган заявление о государственной регистрации наследственного фонда. «Произойти это должно не позднее трех рабочих дней со дня открытия наследственного дела после смерти гражданина, который предусмотрел в своем завещании создание наследственного фонда» [4].

До того, как нотариус направит заявление о государственной регистрации в уполномоченный государственный орган, он должен

предложить гражданам, которые указаны в решении об учреждении фонда, или лицам, которые могут быть определены в порядке, установленном решением об учреждении фонда, войти в состав органов фонда. Если нотариус получает согласие этих лиц, то теперь он уже направляет заявления о создании наследственного фонда.

Когда нотариус получает отказ этих лиц и сведения о невозможности сформировать органы фонда в соответствии с решением об учреждении фонда, то он не может направлять сведения о них в уполномоченный государственный орган.

Таким образом, нотариус после того, как к нему обратится наследник, при наличии у него свидетельства о смерти в первую очередь заводит наследственное дело. Затем в период трех дней он подготавливает всю документацию по созданию наследственного фонда и передает ее в территориальный государственный орган. Далее нотариус либо контролирует вопрос о соблюдении завещания, либо отстраняется от этой процедуры при наличии контролирующей позиции душеприказчика. В итоге нотариус выдает уже созданному фонду свидетельство о праве на наследство, а в ином случае фонд оспаривает бездействия нотариуса в суде.

На этом значимость нотариуса заканчивается. Действия нотариального представителя всегда могут быть оспорены в суде, так и третьими лицами, которые имеют отношение к наследственному делу, если, по их мнению, они противоречат воле завещателя. Тогда в суде может возникнуть вопрос о невозможности создания фонда, а, следовательно, о его последующем разделе имущества в обычном режиме.

С институтом наследования сталкивается или столкнется каждый гражданин в своей жизни. Наследственное право постоянно совершенствуется. Необходимо знать свои возможности и права в этой области. Именно в грамотном, правильном, а, самое главное, безопасном составлении документов гражданину поможет нотариус.

---

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/...&rnd =0.869569558469325&div=LAW (дата обращения: 12.04.2019).
2. Тарасова, Н. С. Правовое регулирование наследственных фондов. Формирование единообразной нотариальной практики // Наследственное право. 2019. № 4. С. 31–34.
3. Гущин, В. В., Добровинская, А. В. Наследственный фонд как способ управления наследственным имуществом // Наследственное право. 2018. № 1. С. 23–29.
4. Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ «О «внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса РФ» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2019).
5. Антонова, А. А. Наследственный фонд в Законодательстве РФ // Наука. Общество. Государство. 2018. № 4 (24). С. 49–55.

УДК 347.1
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.07

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Васильева А. Н., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s224916@std.novsu.ru
Научный руководитель: **Дорошенко Т. Н.**

PROBLEMS OF PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION ON THE INTERNET

Alexandra N. Vasileva, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: s224916@std.novsu.ru

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет. Интернет стал неотъемлемой частью жизни общества, однако он же порой является местом для посягательств на права, декларируемые Конституцией Российской Федерации. Автор выделяет острые проблемы, с которыми нередко сталкиваются субъекты права, а также судебные органы.
Ключевые слова: защита чести, достоинства, деловой репутации, сеть Интернет, средства массовой информации.

Abstract. The article analyzes the actual problems of protecting honor, dignity and business reputation on the Internet. The Internet has become an integral part of the life of society, but it is also sometimes a place for encroachments on the rights declared by the Constitution of the Russian Federation. The author highlights the acute problems that are often faced by subjects of law, as well as the judiciary.
Keywords: protection of honor, dignity, business reputation, Internet, mass media.

В современном мире Интернет стал незаменимым инструментом в жизни человека, который играет роль ключевой системы обмена информацией в XXI веке. В свою очередь информация, бесспорно, является в настоящих реалиях одним из самых ценных продуктов. Так, основными функциями Интернета являются возможности использования различных манипуляций с информацией (хранение, обработка, распространение, обмен и использование), а также коммуникация посредством использования социальных сетей.

Согласно ст. 29 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова. В различных средствах массовой

коммуникации граждане могут публиковать разного рода информацию о других гражданах, организациях. Указанная информация на той или иной социальной платформе мало или совсем не контролируется, однако, при этом, нередко содержит разного рода оценки о гражданах и организациях. Таким образом, возрастает риск умаления чести, достоинства и деловой репутации граждан и организаций. Нередки случаи публикации информации, содержащей порочащие сведения. Учитывая специфику мировой сети, скорости распространения информации, необходима разработка новых способов защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет, а также корректировка уже существующих.

В настоящее время Интернет становится платформой для выражения негативных и оскорбительных мыслей и оценок. Распространение порочащих сведений в сети Интернет является правонарушением, субъекты которого нередко остаются безнаказанными. Указанное явление обусловлено, в первую очередь, законодательным пробелом и отсутствием устойчивой судебной практики, как следствие, сформулированного мнения судов на видение такой проблемы, отсутствием соответствующего уровня квалифицированных специалистов, которые могли бы обеспечить юридическую помощь при распространении сведений порочащего характера в Интернете. Но основной проблемой, полагаем, следует выделить отсутствие должного правового регулирования заявленной проблемы в законодательстве.

Безусловно, в российском законодательстве, правоприменительной практике имеется относительная определенность в вопросе распространения порочащих сведений в средствах массовой информации, однако, законодательно не урегулирован вопрос допустимости применения Федерального закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ). Для начала необходимо определить, в какой степени применим Закон о СМИ к правоотношениям по защите чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет.

В Интернете, в частности на российских платформах, представлен широкий спектр новостных источников, которые как дублируют, т. е. являются электронной версией печатных изданий, так и являются самостоятельными новостными источниками. Указанное новостное пространство самостоятельно и представляет собой новый объект правового регулирования, к которому законодательство о СМИ применимо не в полной мере.

Для того чтобы определить применимость законодательства о СМИ к Интернету, необходимо сформулировать аспекты относимости Интернет-изданий к СМИ.

Согласно статье 2 Закона о СМИ под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое

издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием. Таким образом, четко определен критерий периодичности средств массовой информации, что уже не всегда применимо к Интернету. Соответственно, если имеет место разовое распространение информации, то о периодичности речи не идет.

Помимо условия о периодичности, Закон указывает о наличии названия (наименования) средства массовой информации. Если для печатного СМИ процедура смены наименования достаточно сложная, то для переименования интернет-ресурса на сайте во всемирной паутине процедура смены не требуется. Указанный аспект в этом случае не работает.

В приведенной статье имеется формулировка «иная форма издания», что создает иллюзию её применимости к интернет-СМИ. Под «иное издание» вполне подпадает не только электронная версия какого-либо издания, но и не имеющие печатных аналогов издания, факт существования которых только в цифровой форме, согласно законодательству, не исключает возможности отнесения их к СМИ.

Анализ иных положений приведенного Закона свидетельствует о том, что к интернет-СМИ не применима указанная формулировка о «иных изданиях». Таким образом, налицо законодательный пробел – неурегулированность вопроса о правовом статусе Интернета как СМИ [1, с. 31].

В связи с неурегулированностью поднятой проблемы также отсутствует однородная судебная практика по указанному вопросу. Суды общей юрисдикции, арбитражные суды не могут сформировать однозначную практику правоприменения по причине определенных проблем:

– проблематичность определения круга лиц, подлежащих привлечению к юридической ответственности за распространение порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений в сети Интернет;

– проблема сбора, обобщения и представления доказательств, определение их допустимости и достоверности.

Основная проблема в определении лиц, подлежащих ответственности за клеветничество, заключается в возможности анонимного присутствия в Интернете. Законодательно определенного статуса субъектов, осуществляющих свою деятельность в Интернете, не имеется. В связи с этим, защита нарушенных прав гражданина или организации в сети Интернет является проблематичной.

Как правило, установить лицо, распространившее порочащие сведения, непросто. Анонимность позволяет правонарушителю уйти от

ответственности, а лицу, в отношении которого указанная информация была распространена, остается только обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности и ставить вопрос о пресечении дальнейшего распространения информации (удалении с сайта). Очевидно, что о моральной компенсации речи не идет.

Полагать, что при невозможности привлечения к ответственности лица, прибегшего к клеветничеству, стоит привлекать владельца сайта, как лица создавшего для этого техническую возможность, полагаем нецелесообразным. В данном случае речь может идти об ответственности владельца сайта только в случае, если платформа интернет-ресурса изначально создавалась исключительно с целью опорочить честь, достоинство и/или деловую репутацию лица (круга лиц, организации).

В позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 9 июля 2013 г. № 18-П, указывалось, что «при распространении в сети Интернет порочащей информации ответственность, по общему правилу, несет то лицо, которое порочащие сведения распространило, а не, например, владелец сайта. Также, если такой распространитель неизвестен, владелец сайта не должен нести ответственность» [2].

Среди цивилистов встречается вполне оправданная точка зрения, что отследить каждого посетителя сайта достаточно сложно и является дорогостоящим процессом, и, соответственно, наложение ответственности в данном случае на собственника сайта бессмысленно и даже может ущемлять его интересы [3].

Если удастся установить ответчика, перед истцом стоит еще одна трудноразрешимая задача, которая заключается в фиксировании доказательств, так как информация может быть удалена из памяти сервера в любой момент. Сталкиваясь с такого рода преградами, истец может прийти к выводу о бессмысленности обращения за восстановлением нарушенного права. В свою очередь постановка вопроса о целесообразности обращения в суд по своей сути является негативной тенденцией и свидетельствует о реальном законодательном пробеле.

Анонимность пользователей в Интернете является «удобным» инструментом в руках правонарушителя, прибегшего к клевете и опорочению чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет. Под анонимностью в Интернете стоит понимать стремление пользователя остаться незамеченным во Всемирной паутине, которое подразумевает невозможность идентификации лица. В связи с указанным, полагается целесообразным разрешение вопроса анонимности в Интернете, путем представления пользователями достоверных данных о себе, в тех случаях, когда указанное не нарушает законоположения о персональных данных и отвечает принципам конфиденциальности. Здесь уместен принцип

выражения своего мнения и оценок открыто, с возможностью нести ответственность за сказанное.

На сегодняшний момент защита чести, достоинства и деловой репутации в отношении порочащих сведений, распространенных в сети Интернет, является проблематичной задачей. Однако говорить о её неразрешимости не приходится, так как разработав правовой механизм, представляется возможным преодоление вышеназванных проблем. Такой механизм включит в себя законодательный базис и наработанную по нему судебную практику, которые помогут в преодолении убеждений о нецелесообразности обращения в суд за защитой чести достоинства и деловой репутации.

---

1. Тихомиров, М. Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Новые правила. М.: Изд-во «Издание Тихомирова М. Ю.», 2014. 48 с.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова» [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09072013-n/ (дата обращения: 01.04.2020).
3. Гаврилов, Е. В. Удаление информации, пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений как способы защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2014. № 9. С. 41–45.

УДК 347.961
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.08

ОСМОТР НОТАРИУСОМ ВИДЕОЗАПИСЕЙ, РАЗМЕЩЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Вередин В. В., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: 692210@inbox.ru
Научный руководитель: **Безус Н. Б.**

NOTARY INSPECTION OF VIDEO RECORDINGS, POSTED ON THE INTERNET

Vitaly V. Veredin, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: 692210@inbox.ru

Аннотация. На основании системного анализа законодательства и судебной практики автором рассматривается ряд проблемных особенностей осмотра видеоинформации, которая размещена на информационных и развлекательных сайтах в сети Интернет. Обращено внимание на ошибки нотариусов, возникающие при осмотре; даны практические рекомендации по их недопущению. Предложены варианты и детализирована процедура осмотра видеозаписей. В рамках проведенного исследования автор статьи предлагает самостоятельные выводы и суждения по рассматриваемому вопросу.
Ключевые слова: нотариус, обеспечение доказательств, Интернет, нотариальная процедура, осмотр видео.

Abstract. The article deals the current problems of video search on the information and entertainment Internet sites. On the basis of legislation and judicial practice the author draws conclusions about the compliance of the notarial procedure with the current legislation.
Attention is paid to the errors of notaries arising during the video search; practical recommendations for their prevention are given. The author details the procedure of video search.
Keywords: notary, perpetuation of evidence, Internet, notarial procedure, video search.

Проблема защиты прав и законных интересов участников гражданских правоотношений в сети Интернет стоит остро не один год. Количество споров, связанных с нарушениями прав граждан и юридических лиц с использованием информационных технологий, не уменьшается. Споры касаются как защиты интеллектуальной собственности, так и защиты чести и достоинства граждан.

Нотариус в соответствии со статьей 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы) вправе обеспечивать доказательства на любой стадии спора между лицами.

Таким образом, как показывает практика, на нотариате лежит основная нагрузка по фиксации доказательств, необходимых гражданам и юридическим лицам для защиты их нарушенного права в суде. Это актуализирует проблемы нотариального порядка обеспечения доказательств. Поэтому широкое применение и обоснование внесудебного обеспечения доказательств является значимой проблемой с позиции повышения эффективности правозащитной функции нотариата.

Нотариусам приходится сталкиваться с проблемами осмотра информации в сети Интернет, представленной в виде текста, рисунков, схем, графиков, фотографий и других изображений. Наиболее проблематичным является удовлетворение просьбы об осмотре видеозаписей, размещенных в сети Интернет, на которых записаны факты, имеющие, по мнению заинтересованных лиц, юридическое значение. Медлительность в решении данного вопроса может привести к уничтожению данных видеозаписей, что, в конечном счете, повлияет на защиту прав заявителей.

В практической деятельности нотариуса возникают вопросы, касающиеся уточнения предмета осмотра, порядка обеспечения доказательств, а также фактические проблемы установления нотариусом важных обстоятельств при осмотре видеозаписи, размещенной в сети Интернет. В соответствии со статьей 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) видеозапись относится к доказательствам, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела [1].

Согласно статье 103 Основ нотариус обеспечивает доказательства путем допроса свидетелей, осмотра письменных и вещественных доказательств, назначения экспертизы. Прямого указания на другие виды обеспечения доказательств в данной статье нет [2]. В то же время в законодательстве отсутствует прямой запрет на возможность осмотра аудио и видеозаписей, которые размещены в сети Интернет, что находит подтверждение в судебной практике. Так, в постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа указано, что «нотариус вправе осматривать аудио и видеозаписи, размещенные в сети Интернет, поскольку в законодательстве отсутствует прямой запрет на возможность такого осмотра» [3].

Между тем следует воздержаться от непосредственного осмотра аудио и видеозаписей в качестве самостоятельного вида обеспечения доказательств.

Решая вопрос о необходимости обеспечения доказательств, нотариус должен выяснить, насколько велика и реальна степень угрозы утраты доказательств в будущем. Этот вопрос достаточно сложен и требует от

нотариуса высокой квалификации. Обеспечение доказательств по своему назначению нуждается в оперативных действиях. Задержка или волокита в его реализации способна сделать бесполезной и бессмысленной всю процедуру и, как следствие, может негативно сказаться на конечном результате. В частности, практически всегда без извещения заинтересованных лиц производится осмотр информации, находящейся в сети Интернет, так как в случае уведомления существует большая вероятность утраты информации, ее искажения или уничтожения.

Рассмотрение вопроса об осмотре видеозаписи, сопряженном с осмотром интернет-сайта, на котором размещена видеозапись, исходя из потребности заявителя, может осуществляться по двум направлениям:

1) поиск искомой видеозаписи в сети Интернет, копирование ее и сохранение на электронном носителе информации (CD-R, DVD-R), прикрепленном к протоколу осмотра доказательств;

2) поиск записи в сети Интернет, копирование ее, просмотр и расшифровка видеозаписи с покадровой фиксацией видеоинформации, сохранение на электронном носителе информации и прикрепление к протоколу осмотра доказательств.

Судебная и нотариальная практика склоняется к реализации первого варианта осмотра видеозаписи в сети Интернет как наиболее предпочтительного, в том числе и по соображениям материально-временных затрат. Процедура по обеспечению нотариусом доказательств начинается с подачи заинтересованным лицом заявления с соответствующей просьбой.

Так как в соответствии с процессуальным законодательством обеспечение доказательств является отдельным процессуальным действием, производимым по письменному заявлению заинтересованного лица, то отказ в его совершении может быть обжалован. Более того, согласно пункту 120 Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования [4], обеспечение доказательств, осуществляемое нотариусом в соответствии со статьями 102, 103, 108 Основ, производится на основании письменного заявления лица, обратившегося за совершением данного нотариального действия.

Процедуру осмотра можно представить следующим образом: установление администратора домена (владельца сайта), т. е. информации о принадлежности доменного имени информационного ресурса, и проверка соответствия символьного адреса сайта (домена) его настоящему IP-адресу (трассировка), чтобы убедиться в том, что браузер отображает интернет-страницы подлинного сайта. Данная процедура не является для нотариуса обязательной, и он проводит ее по особой просьбе заинтересованного лица, выраженной в заявлении.

Для этого предлагается выполнить следующие технические процедуры:

– очистка кэша браузера, подтверждение отсутствия прокси-сервера;

– получение данных о регистрации домена и именных серверах (whois: https://www.reg.ru/whois/);

– получение IP-адреса сервера, на котором располагается сайт, с использованием утилиты nslookup;

– проверка совпадения IP-адреса, получаемого браузером и утилитой ping;

– получение цепочки серверов, через которые происходит обмен информацией, с использованием утилиты tracert.

Результаты выполнения запроса whois, утилит nslookupи ping, tracert следует распечатать и приложить к протоколу осмотра;

2) осмотр интернет-сайта с переходом на интернет-страницу, на которой имеется видеозапись.

В протоколе указывается определенный адрес сайта в сети Интернет, при осмотре которого требуется зафиксировать факт нахождения текстовой, графической и видеоинформации с указанием всех ссылок, к которым нотариус должен обратиться, в той последовательности, которая позволит грамотно сформировать будущие исковые требования. В протоколе также указываются заголовок текста или графической информации, наименование видеофайла, его месторасположение на интернет-странице;

3) копирование и сохранение видеоинформации.

Не всегда копирование видеофайла в память используемого при осмотре компьютера производится напрямую. В таких случаях можно использовать специальные программы или сервисы. В частности, сервис ru.savefrom.net позволяет производить загрузку аудио и видеофайлов из Интернета простым и удобным способом. С помощью этого сервиса можно бесплатно скачать видеофайлы с различных сайтов и социальных сетей: youtube.com, vk.com, vimeo.com и т. п. Для этого ссылка интернет-страницы с расположенным на ней видеофайлом вставляется в соответствующее поле с наименованием «Просто вставь ссылку». В результате совершения вышеуказанных действий происходит скачивание видеоролика в самом распространенном и удобном для чтения формате MP4;

4) описание скачанного видеофайла с указанием подробной информации о нем: типа файла, его размера, продолжительности видеозаписи и т. п.;

5) запись видеофайла на электронный носитель информации.

Запись видеоинформации можно производить на любой носитель информации, желательно нестираемый (однократно записываемый). Наиболее распространенным и удобным для идентификации и фиксации является компакт-диск типа CD-R или DVD-R, который упаковывается в

отдельный конверт и подшивается к протоколу. В протоколе указываются наименование диска и его заводской номер.

После проверки соответствия интернет-адреса и полученного документа или материала адресу и документу или материалу, описанному в запросе, а также после установления наличия в материале сведений, обеспечение которых требуется, нотариус составляет протокол нотариального действия – обеспечения письменного доказательства путем доступа к интернет-странице и последующего ее осмотра в порядке статей 35, 102 и 103 Основ. В протоколе осмотра доказательств необходимо подробно описать не только саму интернет-страницу или интересующий материал, но и порядок доступа к ним и все действия, которые производились для получения интересующей информации. Также следует указать и подробно описать конкретные интересующие заинтересованное лицо сведения, которые были получены при осмотре интернет-страницы или воспроизведении видеозаписи.

Обеспечение доказательств является нотариальным действием, в котором совмещаются нормы нотариального и гражданского процессуального законодательства.

---

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 04.04.2020).
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1) [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/10102426/ (дата обращения: 07.04.2020).
3. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 11.05.2010 № КГ-А40/3891-10 по делу № А40-89751/08-51-773 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=126989#04184600954608874 7 (дата обращения: 03.04.2020).
4. Приказ Минюста России от 30.08.2017 № 156 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» (вместе с «Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования», утв. решением Правления ФНП от 28.08.2017 № 10/17, приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156) (Зарегистрировано в Минюсте России 06.09.2017 № 48092 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/71759672/ (дата обращения: 01.04.2020).
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/12127526/ (дата обращения: 04.04.2020).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/5829dcd38f76b9c1ca281f6abc0a6ebb1f86fb65/ (дата обращения: 12.09.2020).

УДК 347.961
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.09

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ НОТАРИУСОВ: РОССИЯ И ФРАНЦИЯ

Вередина Ж. Ю., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: 692210@inbox.ru
Научный руководитель: **Безус Н. Б.**

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NORMS OF PROFESSIONAL ETHICS OF NOTARIES: RUSSIA AND FRANCE

Zhanna Y. Veredina, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: 692210@inbox.ru

Аннотация. В статье определена роль профессиональной этики, которая занимает значительное место в нотариальной деятельности и основывается на глубоких правовых знаниях и строгом соблюдении этических норм поведения. В осуществлении профессиональных полномочий нотариуса заложен глубокий смысл, связанный с развитием общества, обеспечением прав и законных интересов граждан. Именно поэтому к этическим нормам поведения нотариуса в любой стране всегда предъявляются повышенные требования. Для профессиональной этики нотариуса характерна тесная связь правовых и моральных норм, регулирующих его деятельность. Автор статьи анализирует законодательные положения о профессиональной этике нотариусов России и Франции.
Ключевые слова: профессиональная этика, нотариус, нотариат, нотариальная деятельность, принципы нотариальной деятельности.

Abstract. The article: performs a detailend comparative analysis of the legal provisions on notarial professional ethics in Russia and France. The author emphasizes the importance of professional ethics as the fundamental principles of notarial activity.
Keywords: professional ethics, notary, notarial system, notarial activity, principles of notarial activity.

Для российских нотариусов этические принципы закреплены в Кодексе профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации [1] (далее – Кодекс этики), которым установлены нормы профессионального поведения нотариуса и лица, его замещающего (далее – нотариус).

Принципы профессиональной этики во Франции определены в двух основных документах:

– Национальном регламенте профессии [2] (далее – Национальный регламент), которым, с одной стороны, закреплены независимость нотариуса, его обязанности, а с другой – обеспечена безопасность клиентов;

– Руководстве по нотариальной нравственности, предназначенном для нотариусов и почетных нотариусов [3] (далее – Руководство по нотариальной нравственности), обобщенном Комиссией по статусу, уставу и нотариальной этике Высшего совета нотариата Франции. В нем содержатся указания на основные этические нормы поведения нотариуса, как в профессиональных, так и в личных его взаимоотношениях с клиентами, работниками и коллегами. Нормы, регулирующие этику нотариусов в профессиональных отношениях, в России и Франции в большинстве своем совпадают, хотя, конечно, имеют и свои существенные отличия.

Сопоставляя нормы Кодекса этики и норм Национального регламента и Руководства по нотариальной нравственности, можно отметить, что для французских нотариусов больше внимания уделено этическим аспектам профессии. В Кодексе профессиональной этики нотариусов России наряду с этическими нормами поведения содержится перечень профессиональных обязанностей и ограничений, некоторые из них нашли свое закрепление также в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы).

По Кодексу этики к профессиональным обязанностям российского нотариуса относятся:

– соблюдение требований действующего законодательства;

– сохранение тайны совершения нотариального действия;

– обеспечение сохранности гербовой печати, документов, бланков и электронной цифровой подписи и ее паролей;

– своевременное уведомление органов Росфинмониторинга;

– повышение профессиональной квалификации;

– оказание помощи социально незащищенным категориям населения в реализации их прав и законных интересов.

К ограничительным нормам Кодекса этики для российских нотариусов относятся запреты:

– на занятие предпринимательской и другой оплачиваемой деятельностью;

– оказание посреднических услуг;

–совершение нотариальных действий вне границ своего нотариального округа;

– совершение нотариальных действий от своего имени или на свое имя либо на имя близких родственников или лиц.

Нормы профессионального поведения нотариуса в Кодексе этики и Национальном регламенте определяют обязательность профессионального

развития нотариуса, указывая на необходимость повышения уровня знаний, практических навыков, участия его в образовательных мероприятиях. При этом Кодекс этики отдельно уделяет внимание публичности профессии нотариуса, обозначая недопустимость проявления им вредных привычек и недостойного поведения, а также указывая на необходимость воздерживаться от совершения действий, которые могут нанести ущерб профессиональной деятельности нотариуса или подорвать доверие к ней и ее престиж в обществе.

Национальный регламент обращает внимание нотариусов на необходимость повышения осведомленности в сфере управления нотариальной конторой и постоянного поиска путей для улучшения качества предоставляемых услуг в целях обеспечения удовлетворенности клиентов.

В вопросах профессионального и личного поведения французского нотариуса необходимо обратить внимание и на Руководство по нотариальной нравственности, в котором с учетом публичности профессии нотариуса отдельно оговаривается запрет нотариусам на посещения казино, на участие в азартных играх на деньги, на заключение пари, спортивные или конные прогнозы. Долгом чести для французского нотариуса является обязанность отклонить льготы, которые могут быть ему предоставлены клиентами или корреспондентами.

В требованиях, предъявляемых к профессиональной этике нотариуса по отношению к своим клиентам, Кодекс этики указывает на обязанности проявления этических норм поведения (терпения, вежливости, тактичности); реализации прав и законных интересов социально незащищенных категорий населения; информирования лиц о размере взыскиваемых сумм и о наличии льгот; размещения информации на стендах нотариальной конторы.

В свою очередь, параллельная норма для французских нотариусов также указывает на этические нормы поведения, такие как добросовестное отношение к работе, внимательное отношение к клиентам, беспристрастность, честность, а также необходимость предоставить клиентам полную информацию.

При этом формулировка «предоставить полную информацию» по своей сути совпадает с пунктом российского Кодекса этики об информировании лиц, обратившихся за совершением нотариального действия.

Нормы, указанные в Кодексе этики, более общие и не относятся к конкретным нотариальным действиям, в то время как в Национальном регламенте они в большей степени относятся к составлению и удостоверению договоров и соглашений.

Вопросам профессиональной тайны уделено большое внимание как в Кодексе этики, так и в Национальном регламенте.

По Кодексу этики российский нотариус обязан соблюдать общие этические нормы поведения по вопросам профессиональной тайны, такие как:

— сохранять тайну совершения нотариального действия;

— не обсуждать совершенное нотариальное действие с лицами в условиях, не гарантирующих обеспечение сохранения нотариальной тайны;

— не использовать сведения, ставшие известными нотариусу в связи с совершением нотариального действия, в ущерб лицу, обратившемуся за совершением нотариального действия; а также в интересах получения прямой или косвенной выгоды для себя или другого лица.

В Национальном регламенте Франции вопросы сохранения профессиональной тайны более конкретизированы:

— зафиксирована возможность свидетельствования нотариусом в отношении своих клиентов или дел своей нотариальной конторы только в специально предусмотренных законодательством случаях в соответствии с тем, как это толкуется в судебной практике Французской Республики;

— прописана необходимость отказа от предоставления документов, хранящихся в нотариальной конторе, всем лицам, кроме лиц, указанных в Национальном регламенте;

— закреплена обязанность нотариуса ходатайствовать перед председателем своей палаты или его представителем об оказании юридической помощи во время проведения любого обыска в помещениях своей нотариальной конторы;

— содержится оговорка о том, что председатель палаты совместно с судьей следит за соблюдением профессиональной тайны в соответствии с законодательством.

При избрании в состав коллегиальных органов нотариальной палаты, хочется отметить существенное отличие обязанностей нотариуса России и Франции. В соответствии с Кодексом этики российский нотариус должен добросовестно исполнять свои обязанности, а согласно Национальному регламенту французский нотариус обязан посвящать этому все необходимое время на благо профессионального сообщества, что, по сути, обязывает нотариуса ставить интересы нотариального сообщества выше своих личных.

К вопросу участия нотариуса в работе общего собрания российский Кодекс этики подошел достаточно лояльно, указав лишь на необходимость личного присутствия нотариуса.

Национальный регламент, в свою очередь, не только указывает на необходимость надлежащего уведомления о созыве собрания, но и оговаривает возможность проверки присутствия нотариуса, как в начале, так и в конце заседания и необходимость предварительного уведомления палаты о невозможности присутствия и принесения извинений.

Кодекс этики указывает на необходимость соблюдения принципов взаимоуважения, профессионального взаимодействия проявления корректности и доброжелательности, запрещая нотариусу умалять профессиональное достоинство и авторитет коллеги.

Национальный регламент декларирует эти же принципы, дополнительно указывает на обязанность нотариусов оказывать друг другу содействие и возлагает на них, с одной стороны, обязанность в присутствии клиента воздержаться от критики о заблуждении или ошибке коллеги, а с другой стороны, обязывает нотариуса уведомлять председателя палаты о любом преступном деянии, совершенном коллегой.

Обратим внимание на запрещения, содержащиеся в Национальном регламенте:

— размещать нотариальную контору в здании, в котором находились нотариальная контора или дополнительные помещения одного из коллег, кроме предшественника, до истечения 5-летнего срока с момента завершения его деятельности;

— размещаться в здании, в котором один из его коллег уже имеет нотариальную контору или дополнительные помещения, без письменного согласия последнего.

Рассматривая вопрос взаимоотношений с коллегами и партнерами, невозможно не обратить внимание на Руководство по нотариальной нравственности, положения которого в полной мере можно назвать проповедью для нотариуса.

Такие принципы, как вежливость, умение слушать, элегантность, искренность, терпение, скромность, уважение, содружество и братство, для французского нотариуса не просто задекларированные обязанности этического поведения с коллегой или партнером-нотариусом.

В руководстве по нотариальной нравственности уделено большое внимание личностным качествам нотариуса, таким как порядочность, честность, мудрость, достоинство, конфиденциальность полученной информации и др. В целом текст документа отражает глубокий смысл профессии нотариуса и вполне может служить основами морали нотариуса по отношению к его клиенту [4]. Хочется верить, что всегда и все нотариусы в любой стране будут стремиться в полной мере соответствовать именно этим истинным принципам нотариальной этики.

---

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 02.04.2020).

2. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 19.01.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189129/ (дата обращения: 02.04.2020).

3. Национальный регламент профессии (REGLEMENT NATIONAL / REGLEMENT INTER-COURS Approuvepararretede. M. Le Gardedes Sceaux, Ministre de lajusticeetdes liber- tesendatedu 22 mai 2011 (J.O. du 25 mai 2011) (утв. постановлением хранителя печати – министра юстиции и свобод 21.07.2011) [Электронный ресурс]. URL: https://www.notaires.fr/sites/default/files/reglement_national_-_reglement_intercours_-_arrete_du_22_07_2014_-_jo_du_01_08_2014.pdf (дата обращения: 06.04.2020).
4. Руководство по нотариальной нравственности, предназначенное для нотариусов и почетных нотариусов (COMMISSION STATUT REGLEMENTET ETHIQUENOTA–RIALE. Guidede moral enotariale al'usadedes notaireset notaries honoraires) (составлено Комиссией по статусу, уставу и нотариальной этике под председательством мэтра Тьерри Кассэна, уполномоченного апелляционного суда Парижа I перед Высшим советом нотариата Франции совместно с Управлением по этике и деонтологии) [Электронный ресурс]. URL: https://www.notaires.fr/fr/profession-notaire/linstitution/r%C3%A8glement-national-du-notariat (дата обращения: 06.04.2020).

УДК 342.7
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.10

ВОПРОСЫ О ПРАВЕ НА ЗАЩИТУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И СПОСОБАХ ИХ ЗАЩИТЫ

Гавриленко В. А., кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: gv22@mail.ru
Гончаров А. С., главный бухгалтер,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: igps_feo@mail.ru

ISSUES OF THE RIGHT TO PROTECT PERSONAL DATA AND METHODS OF PROTECTING THEM

Vladimir A. Gavrilenko, candidate of juridical sciences, associate professor,
Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: gv22@mail.ru
Alexander S. Goncharov, general accountant,
Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: igps_feo@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается юридическая характеристика права на защиту персональных данных работников. Авторы анализируют правовое регулирование вопросов защиты персональных данных и применение различных методов их защиты. Актуальность статьи обусловлена тем, что работодатели получают, обрабатывают и передают большое количество персональных данных работников.
Ключевые слова: персональные данные, защита персональных данных, конфиденциальность, правовое регулирование.

Abstract. This article discusses legal characteristics of the right to protect personal data of employees. The authors analyzes the legal regulation of personal data protection issues and the application of various methods of their protection. The relevance of the article is due to the fact that employers receive, process and transmit a large amount of personal data of employees.
Keywords: personal data, protecting personal data, confidentiality, legal regulation.

В процессе трудоустройства потенциальный работник предоставляет работодателю необходимую информацию о себе, как личного, так и профессионального характера. Данная информация содержится в анкетах и прилагаемых документах. Следовательно, работодателю становится известным значительный объем информации.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» определяет в ст. 3 непосредственно значение

персональных данных, которые представляют собой информацию, относящуюся к прямо или косвенно к определенному, или определяемому физическому лицу, которое можно охарактеризовать как субъект персональных данных.

Работодатель также хранит в соответствующих подразделениях, как правило кадровых службах, различные документы, содержащие персональные данные работников.

Работнику Трудовым кодексом РФ предоставлены определенные права для защиты собственных персональных данных, что необходимо для предупреждения и пресечения всей возможной совокупности правонарушений и неправомерных действий, которые возможны при работе с персональными данными. Права работника по защите собственных персональных данных, которые находятся в распоряжении работодателя, гарантируются ст. 89 ТК РФ. В частности, вышеуказанная статья предусматривает право работников на получение полной информации о собственных персональных данных.

В соответствии с Федеральным законом «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования», а именно ст. 14 указанного Закона, застрахованный работник имеет право на безвозмездное получение информации, которая содержится в индивидуальном лицевом счете. Вышеуказанную информацию предоставляют органы Пенсионного фонда РФ не чаще одного раза в год.

Трудовой кодекс РФ в п. 8 ст. 86 предусматривает, что работники самостоятельно либо их представители должны быть ознакомлены, с последующим взятием расписки, со своими правами и обязанностями по процедуре и порядку обработки их персональных данных. Вышеуказанные данные отражаются во внутренней документации работодателя.

Очевидно, что локальные нормативные акты должны содержать определенный порядок осуществления прав и интересов работников в отношении собственных персональных данных. Вышеуказанные локальные нормативные акты должны быть представлены под роспись работникам для ознакомления.

Трудовой кодекс РФ предусматривает право работника на свободный бесплатный доступ к своим персональным данным, включая право на получение копии любой записи, содержащей персональные данные работника, за исключением случаев, указанных в действующем законодательстве.

Процедура обеспечения доступа лиц к информации о себе регулируется ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». В ст. 14 Закона закрепляются права гражданина в области защиты персональной информации и беспрепятственного доступа к ней. Вышеуказанная информация предоставляется безвозмездно. Доступ

граждан к их персональной информации допускается лишь на основаниях, предусмотренных федеральными законами. «Руководители организаций, другие служащие органов государственной власти, организаций, виновные в незаконном ограничении доступа к информации, несут ответственность в соответствии с законодательством» [1, с. 230].

Право на свободный и бесплатный доступ работника к своим персональным данным предусмотрено и другими нормативно-правовыми актами. Так, ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривает права государственных служащих на ознакомление с собственными персональными данными.

Кроме права доступа, работнику предоставлено также право на получение копии записи, содержащей персональные данные работника (абз. 3 ст. 89 ТК РФ).

В локальных нормативных актах организации должен быть урегулирован порядок доступа, ознакомления работников с документами, содержащими их персональные данные.

Как справедливо отмечается в литературе, «работник должен иметь возможность знакомиться только с документами, содержащими непосредственно его персональные данные. Кроме того, факт ознакомления должен фиксироваться» [2, с. 19].

Возможно обжалование в суде отказа работодателя работнику в доступе к своим персональным данным.

Работник вправе осуществлять защиту своих персональных данных как самостоятельно, так и через своих представителей. Согласно абз. 4 ст. 89 ТК РФ работник вправе определить собственных представителей для защиты своих персональных данных.

Отметим также обязанность работодателя предоставления условий, которые обеспечивают деятельность представителей работников, с учетом требований Трудового кодекса РФ, законодательства РФ, коллективного договора (ст. 32), а также обязанность предоставлять представителям работников полную и достоверную информацию, необходимую для заключения коллективного договора, соглашения и контроля за их исполнением (ч. 2 ст. 22 ТК РФ). Работодатель передает персональные данные работника его представителям в порядке, установленном Трудовым кодексом РФ. Возможно ограничение данной информации только теми персональными данными работника, которые необходимы для выполнения указанными представителями их функций (абзац 8 ст. 88 ТК РФ).

Когда работодатель не допускает работника к исполнению своих трудовых обязанностей, актуальным может стать следующий вопрос. Это «вопрос о том, насколько оправданна с точки зрения объективности, предпринятая мера. Это говорит о большом практическом значении данной нормы» [3, с. 99]. Самому работнику не всегда под силу результаты медицинского обследования своего здоровья (например, при прохождении

работником периодического медицинского осмотра), или оценивать полученные после обследования результаты на предмет объективной достаточности для осуществления им своих функциональных обязанностей. Также, ст. 89 ТК РФ указывает, что работники имеют право требования исключения или исправления неверных, или неполных персональных данных, а также данных, обработанных с нарушением требований законодательства. Кроме того, работник может дополнить собственным мнением персональные данные оценочного характера.

При отказе работодателя на исключение или исправление персональных данных работник имеет право высказать несогласие и соответствующим образом обосновать свое заявление. Из того, на что может ссылаться работник, являются изменения или искажения тех персональных сведений о работнике, которые содержатся у работодателя, в связи с прохождением времени или вследствие их обработки; данные, которые работодатель получил от третьих лиц и несоответствующие тем данным, на получение которых давал свое согласие работник и т. п.

Кроме того, вышеуказанный отказ работодателя может быть обжалован в суде.

При изменении персональных данных работников, последние обязаны соответствующим образом уведомить работодателя.

Работник, в соответствии со ст. 89 ТК РФ, может требовать от работодателя извещения всех лиц, которым ранее были сообщены неверные или неполные персональные данные работника, обо всех произведенных в них исключениях, исправлениях или дополнениях.

Данная норма позволяет предотвратить пагубные последствия для работника, которые возможны при передаче неверных или неполных сведений в органы и организации, в которые работодатель обязан их сообщить в силу требований законодательства РФ. Например, передача работодателем неверных или неполных сведений в органы Пенсионного фонда РФ касательно страховых взносов государственного пенсионного страхования, которые могут способствовать неправильному назначению пенсии.

И, наконец, согласно ст. 89 ТК РФ, возможно обжалование работником в органы судебной власти любых неправомерных действий или бездействия работодателя при обработке и защите его персональных данных.

Например, неправомерное действие работодателя может выражаться в воспрепятствовании работнику в реализации права на доступ к персональным данным, а неправомерное бездействие имеет место при неисполнении работодателем его обязанности по обеспечению мер защиты персональных данных.

Согласно ст. 16 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» защите подлежит любая документированная

информация, неправомерное обращение с которой может нанести ущерб ее собственнику, владельцу, пользователю и иному лицу. Применительно к персональным данным работников эту задачу решает Трудовой кодекс РФ.

В п. 7 ст. 86 ТК РФ имеется указание, что защита персональных данных от неправомерного их использования или утраты должна быть обеспечена работодателем за счет его средств, в порядке, установленном действующем законодательством. В ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» также предусматривается, что владелец документов обеспечивает уровень защиты информации в соответствии с действующим законодательством.

В силу того, что работодатель является лицом, который ответственен за получение, хранение, обработку, передачу и любое другое использование персональных данных, т. е. лицом, в соответствии с законом, который осуществляет контроль над обработкой этих данных, обязанность по защите этих персональных данных от утраты или от неправомерного их использования возлагается на работодателя. В связи с этим, обязанность по принятию мер, которые ограничат доступ третьих лиц к персональной информации работника, возлагается на работодателя. Однако меры этой защиты должны вырабатываться совместно работодателями, работниками и их представителями. В частности, в п. 10 ст. 86 ТК РФ установлено, что работодатели, работники и их представители должны совместно вырабатывать меры защиты персональных данных работников.

Представляется, что необходимо различать защиту персональных данных как нематериальных благ и защиту документов, содержащих персональные данные, как материальных объектов. В первом случае защите подлежит сама информация, которая содержит персональные данные, имеющие связь с правами человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, во втором случае – объект материального мира, который содержит в себе информацию. В главе 14 ТК РФ, которая регулирует защиту персональных данных работника, имеется в виду защита информации, используемой работодателем в трудовых отношениях в отношении конкретного работника, а не материальный носитель информации.

Отметим, что локальные нормативные акты организации устанавливают определенные способы защиты, такие как «недопустимость хранения определенного вида информации о работнике в компьютерной базе данных, к которой имеется свободный доступ; проведение регулярных проверок наличия и сохранности документов, дел, баз у работников отдела кадров; обязанность работников отдела кадров наряду с электронными базами данных создавать страховые и резервные машинописные, бумажные копии; запрет устного сообщения сведений, содержащих персональные данные; необходимость фиксирования в

картотеке фактов ознакомления с документами, содержащими персональные данные и т. д.» [4].

Следует еще раз напомнить, что работники должны быть ознакомлены под расписку с содержанием соответствующих локальных нормативных актов, что предусмотрено п. 8 ст. 86 ТК РФ.

В качестве вывода по результатам настоящей статьи отметим, что право на защиту персональных данных носит абсолютный характер. Оно предоставлено каждому работнику. Право на защиту своих персональных данных работники могут реализовать беспрепятственно, и вышеуказанное право гарантировано законодательством. Очевидно, «что работа государственных органов выполняется их сотрудниками» [5, с. 32]. Соответственно, работа юридических лиц и прочих субъектов экономической деятельности также выполняется их работниками. Защита прав и интересов работников, в том числе и защита персональных данных, способствует эффективной трудовой деятельности.

Меры защиты персональных данных, которые предпринимает работодатель, должны основываться на требованиях законодательства, которые предъявляются к обороту документов в организации. Они должны обеспечивать предупреждение и предотвращение хищения, утраты, утечки, искажения, подделки, несанкционированного копирования, искажения, сохранение личной и семейной тайны, защиту конституционных прав граждан и неприкосновенность их частной жизни.

---

1. Виляк, Р. С. Право работника на защиту персональных данных // Молодой ученый. 2019. № 3 (241). С. 229–231.

2. Линец, А. Смена работодателя: защита персональных данных работников // Вопросы трудового права. 2014. № 8.

3. Матевосян, Р. И., Михайлова, Д. Г. Защита персональных данных работника // Вестник магистратуры. 2018. № 12-5 (87). С. 98–99.

4. Скрементова, О. С., Гаврилова, О. В. Виды информации, защищаемой законодательством Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2015. № 3 (28). С. 49–54.

5. Гавриленко, В. А., Уткин, Н. И., Фастович, Г. Г. Кадровая работа и роль института поощрения в системе государственной службы // Право, безопасность, чрезвычайные ситуации. 2019. № 3. С. 32–35.

УДК 341.1/8
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.11

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННЫХ МЕР ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Дмитриева Н. В., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s239478@std.novsu.ru
Научный руководитель: **Ильин И. М.**

PROBLEMS OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF CUSTOMS MEASURES FOR PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Nadezhda V. Dmitrieva, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: s239478@std.novsu.ru

Аннотация. В современных реалиях развития международного рынка все большее значение приобретает торговля объектами интеллектуальной собственности, при этом очевидна необходимость защиты со стороны государства прав правообладателей на такие объекты. В данной статье проводится научно-правовой анализ системы таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, который установлен Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, а также его трансформация в сравнении с действовавшим ранее Таможенным кодексом Таможенного союза 2009 г., а также рассматривается эффективность существующих мер защиты интеллектуальной собственности таможенными органами Российской Федерации.
Ключевые слова: интеллектуальная собственность, правовое регулирование, таможенные меры защиты, контрафактная продукция, таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности.

Abstract. In the modern realities of the development of the international market, trade in intellectual property objects is becoming increasingly important, while it is obvious that the state must protect the rights of copyright holders to such objects. This article provides a scientific and legal analysis of the system of customs protection of intellectual property rights, which is established by the Customs code of the Eurasian economic Union, as well as its transformation in comparison with the previously existing Customs code of the Customs Union in 2009, and also examines the effectiveness of existing measures of intellectual property protection by the customs authorities of the Russian Federation.

Keywords: intellectual property, legal regulation, customs protection measures, counterfeit products, customs register of intellectual property objects.

Понятие интеллектуальной собственности определено в соответствии с законодательством Российской Федерации. В соответствии с п. 1 ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации интеллектуальная собственность – результаты интеллектуальной деятельности человека, а также приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым в соответствии с законодательством предоставляется правовая защита.

Наиболее ценностно содержательное определение интеллектуальной собственности содержится в Конвенции, учрежденной Всемирной организацией интеллектуальной собственности от 14.07.1967 г., в соответствии с которой интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к:

– литературным, художественным, а также научным произведениям;

– исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам;

– изобретениям во всех областях человеческой деятельности;

– научным открытиям;

– промышленным образцам;

– товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям;

– защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной собсвенности в различных социокультурных областях, таких как научная или художественная.

В настоящий момент в таможенном деле применяется механизм защиты прав правообладателя на объекты интеллектуальной собственности, который базируется на действовавшем ранее законодательстве Российской Федерации.

Для обеспечения эффективной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в условиях функционирования единого экономического пространства необходимо унифицировать термины и определения для таких понятий, как «фальсифицированные товары» и «контрафактные товары» [1].

Так, согласно ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации «контрафактными» являются «товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение» [2].

В Республике Беларусь «контрафактными товарами» являются «товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности (объекты авторского права и смежных прав, права промышленной собственности), если перемещение таких товаров через таможенную границу или иные

действия с такими товарами, находящимися под таможенным контролем, влекут за собой нарушение прав правообладателя, охраняемых в соответствии с законодательством» [3].

Законодательством Республики Армения, Республики Казахстан и Кыргызской Республики такое понятие, как «контрафактные товары» вообще не определено.

Порядок принятия таможенными органами стран-участниц Союза мер по защите прав правообладателя на объекты интеллектуальной собственности установлен Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, а также Федеральным законом от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Руководствуясь действующими нормативно-правовыми актами таможенные органы обязаны принимать соответствующие меры по защите прав правообладателей на объекты интеллектуальной собственности.

Одной из основных мер защиты интеллектуальной собственности является функционирование таможенных реестров объектов интеллектуальной собственности.

Таможенным органом может быть приостановлен выпуск товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности в случае обнаружения признаков нарушения прав правообладателя [4].

В каждом государстве-члене Союза ведется свой национальный реестр объектов интеллектуальной собственности. В Российской Федерации получил название «Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности» (ТРОИС).

При этом законодательством определен единый для всего Союза реестр. Фактически его существование носит формальный характер, так как с момента начала функционирования Союза в данном реестре ни один объект интеллектуальной собственности не был зарегистрирован.

К объектам интеллектуальной собственности, которые могут быть включены в единый таможенный реестр, относятся знаки обслуживания, объекты авторских и смежных прав, а также наименования мест происхождения товаров и товарные знаки [5].

При поступлении в таможенные органы заявления от правообладателя о включении объекта интеллектуальной собственности в единый таможенный реестр, объект подлежит охране в каждом из государств-членов Союза. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что проблема до настоящего времени остается нерешенной, поскольку страны-участницы Союза продолжают использовать в своей деятельности национальные реестры, неся при этом колоссальные финансовые и временные издержки, связанные с таможенным оформлением объектов интеллектуальной собственности.

Приоритетным направлением по развитию защитных мер является создание автоматизированной информационной системы, которая могла бы не только обеспечивать функционирование единого реестра, но и предоставляла возможность создавать электронный личный кабинет для предоставления документов и заявлений в электронной форме без использования бумажного носителя.

Помимо положительных сторон правового регулирования мер по защите прав на объекты интеллектуальной собственности необходимо обратить внимание на существующие недочеты такого механизма защиты. Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.03.2018 г. № 35 существенно сокращено количество видов объектов интеллектуальной собственности, подлежащих включению в единый таможенный реестр. Основная причина видится в наличии правовых норм об интеллектуальной собственности в гражданском законодательстве. Вместе с тем сужение возможного перечня объектов, содержащихся в реестре, еще больше сокращает его потенциальный объем, который на данный момент отсутствует.

Изменением в законодательстве является непосредственное указание в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза Евразийской экономической комиссии в качестве органа, несущего ответственность за ведение единого реестра. Единый реестр объектов интеллектуальной собственности на данном этапе развития Евразийского экономического союза функционирует условно и рассмотреть результаты его функционирования пока не представляется возможным. В связи с этим проанализирован реестр, функционирующий на территории Российской Федерации. Сравнительный анализ представлен в табличном варианте.

Таблица. Результаты деятельности таможенных органов Российской Федерации по реализации мер защиты интеллектуальной собственности в 2019 г. (по данным ФТС России) [6]

Результат	1 квартал 2019	2 квартал 2019	3 квартал 2019	4 квартал 2019
Общее количество объектов интеллектуальной собственности в таможенном реестре (шт.)	5006	5054	5098	5141
Включено объектов интеллектуальной собственности в таможенный реестр за отчетный период (шт.)	53	101	145	188

Количество обнаруженной контрафактной продукции (млн. ед.)	0,8	2,3	3,2	11
Возбуждено дел об АП в сфере интеллектуальной собственности (шт.)	237	499	791	1011

Анализируя данные таблицы за 1–4 кварталы 2019 г., можно судить о том, что общее количество объектов интеллектуальной собственности в реестре постепенно возрастало, как и количество включенных объектов в отчетном периоде, при этом говорить о резком увеличении их количества не следует. Указанное свидетельствует об отсутствии кардинальных изменений в политике государства по совершенствованию правовой базы в этой области. Приведенные в таблице данные отражают также статистику количества возбужденных дел об административных правонарушениях в сфере интеллектуальной собственности. В первом квартале возбуждено 237 дел, во втором и третьем кварталах 262 и 292 дела соответственно, а в 4 квартале этот показатель снизился до 220 дел.

Резкое снижение количества возбужденных дел об административных правонарушениях в 4 квартале на фоне положительной динамики общего количества объектов интеллектуальной собственности в реестре может послужить основанием для вывода о формальном подходе контролирующих органов при реализации защитных мер при проведении таможенного контроля. Более того, из полученных данных можно констатировать, что количество выявленной контрафактной продукции в 4 квартале 2019 г. резко возросло по сравнению с предыдущими периодами, что в большей степени связано с увеличением эффективности деятельности таможенных органов Российской Федерации по осуществлению таможенного контроля в отношении объектов интеллектуальной собственности. Несмотря на это, происходит совершенствование законодательства стран-участниц Евразийского экономического союза в отношении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности посредством расширения перечня объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых применимы меры по защите. Эти меры реализуются за счет включения в реестр наименований мест происхождения товаров.

Эффективное использование Единого реестра интеллектуальной собственности в рамках Евразийского экономического союза способствует упрощению процедуры таможенного оформления и таможенного контроля объектов интеллектуальной собственности, а также сокращению времени такого оформления, что не только сказывается на показателях результативности деятельности таможенных органов государств-членов, но и на экономической политике всего Союза. Также правовой новацией в

системе мер защиты интеллектуальной собственности является возможность правообладателя самостоятельно выбирать критерии, например, количественные или стоимостные, в соответствии с которыми перемещение товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, не рассматривается им как нарушение его прав.

Данное обстоятельство существенно облегчает работу таможенных органов и сокращает издержки правообладателя, в том числе финансовые и ресурсные. Тем самым, совершенствование реализуемых мер защиты таможенными органами объектов интеллектуальной собственности в соответствии с правовыми основами ЕАЭС происходит с учетом постепенного их внедрения всеми странами-участницами. Между тем, необходимо продолжить совершенствование мер таможенной защиты объектов интеллектуальной собственности с целью повышения привлекательности использования данного механизма среди правообладателей объектов интеллектуальной собственности.

Обеспечение эффективной защиты таможенными органами прав на объекты интеллектуальной собственности в условиях функционирования Союза становится возможным при условии приведения законодательных норм стран-участниц в соответствие с международными договорами и нормативными актами, а также при налаживании связей между его членами для решения данного вопроса.

Только в последние несколько лет ведется активная работа по модернизации законодательства в данной области. При этом необходимо сформировать правовые механизмы, способные реально пресекать любые возможные риски, а также фактическое перемещение контрафактной продукции через таможенную границу Союза, что позволит защитить не только интересы правообладателей, но и весь внутренний рынок от подделок, способствуя развитию экономики государства в целом.

Согласно статистике международной торговли, наблюдается тенденция роста доли товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности в общем объеме экспортно-импортных операций Российской Федерации, однако уровень контрафактной продукции по сравнению со многими европейскими странами остается на очень высоком уровне. Аналогичная ситуация наблюдается и в других странах-участниц Союза. В связи с этим становится наглядным, что проблема обеспечения защитных мер в отношении объектов интеллектуальной собственности актуальна и для них. Помимо внесения изменений в законодательство об объектах интеллектуальной собственности, важнейшим рычагом развития внешней торговли товарами, содержащими такие объекты, является реализация наиболее тесного сотрудничества таможенных органов и правообладателей, либо лиц, представляющих их интересы.

На данном этапе функционирования системы взаимодействия таможенных органов и правообладателей отсутствует возможность

оперативного уведомления заинтересованных лиц. То есть при выявлении возможных нарушений должностные лица таможенных органов направляют правообладателю либо его представителю письмо с уведомлением о необходимости подтверждения, либо опровержения наличия факта нарушения законодательства в сфере интеллектуальной собственности. При этом только после получения от правообладателя такой информации таможенный орган имеет право на осуществление процессуальных действий в отношении нарушителя.

Федеральной таможенной службой Российской Федерации разработан план-график мероприятий на 2020 г. по защите прав интеллектуальной собственности, в котором будут принимать участие не только должностные лица таможенных органов, но и участники внешнеэкономической деятельности, а также другие заинтересованные представители бизнес-сообщества. Планируется проведение рабочих встреч, круглых столов и семинаров по вопросам, касающимся изменений в законодательстве для обеспечения эффективной защиты правообладателей.

Подводя итоги проведенному исследованию, отметим, что в современных международных торговых отношениях объекты интеллектуальной собственности необходимо рассматривать как существенный ресурс формирования национального благосостояния. Всесторонняя защита объектов, в том числе, посредством таможенного контроля при их перемещении через таможенную границу ЕАЭС с учетом нарастающего напряжения в международных экономических отношениях, приобретает стратегическое значение.

---

1. Таможенный кодекс ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200014/ (дата обращения: 25.02.2020).
2. Соловьев, Д. А. Защита таможенными органами объектов интеллектуальной собственности. М., 2002 [Электронный ресурс]. URL: https://dlib.rsl.ru/01005414767 (дата обращения: 01.03.2020).
3. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_199987/ (дата обращения: 05.03.2020).
4. Информационный портал Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: https://portal.eaeunion.org. (дата обращения: 29.02.2020).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.02.2020).
6. Официальный портал ФТС России [Электронный ресурс]. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com=category&id=55:2011-01-24-16-40-26&layout= default (дата обращения: 02.03.2020).

УДК 347
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.12

АВТОРСКОЕ ПРАВО КАК ИНСТИТУТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Дорошенко Т. Н., кандидат исторических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Tatyana.Doroshenko@novsu.ru

COPYRIGHT AS AN INSTITUTION OF INTELLECTUAL RIGHTS IN THE DIGITAL SPACE

Tatyana N. Doroshenko, candidate of historical sciences, associate professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Tatyana.Doroshenko@novsu.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу объектов и субъектов авторского права, связанных с развитием интеллектуальных прав в цифровом пространстве. Основу исследования составили представленные в периодической печати материалы и российское законодательство. В статье проведен анализ такой особенности глобальной сети как анонимность. Особое внимание уделяется искусственному интеллекту как возможному субъекту авторского права.
Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, объекты авторского права, субъекты авторского права, искусственный интеллект.

Abstract. The research is devoted to the analysis of objects and subjects of copyright related to the development of intellectual rights in the digital space. The research is based on materials presented in the periodical press and Russian legislation. The article analyzes such features of the global network as anonymity. Special attention is paid to artificial intelligence as a possible subject of copyright.
Keywords: intellectual property, objects of copyright, subjects of copyright, artificial intelligence.

В наши дни понятие авторского права и информационных технологий имеют прочную взаимосвязь. С появлением новых объектов интеллектуальной собственности в киберпространстве у их создателей и правообладателей возникли принципиально новые проблемы. Авторское право является одним из самых древних элементов правового регулирования интеллектуальной собственности. Стоит отметить, что изначально в России авторское право являлось прежде всего регулятором правоотношений, связанных с литературой, но постепенно перечень объектов увеличивался. На сегодняшний день согласно ст. 1259

Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) объектами авторского права признаются произведения науки, искусства и литературы [1].

В силу развития цифровых технологий и внедрения их в жизнь современного человека данный перечень необходимо редактировать. Так, по мнению В. А. Оганян, перечень объектов авторского права необходимо расширить, добавив интернет-сайт и компьютерную игру [2, с. 184]. В условиях развития интернета в современном обществе, данные поправки кажутся достаточно актуальными. Долгое время компьютерные игры являлись подотраслью программы ЭВМ. Однако, как справедливо указывает В. А. Оганян, данная классификация устарела. Отношение к компьютерной игре поменялось, и теперь ее рассматривают не как часть одного объекта, а сложным объектом жанра виртуальной художественной культуры; системой, которая в свою очередь включает в себя несколько объектов авторского права, таких как программа ЭВМ, литературные, музыкальные и другие компоненты, охраняемые законом.

Интернет-сайт в современном законодательстве может охраняться лишь по отдельным его частям, таким как дизайн сайта, фото-, аудио-, видео-произведения, текстовая часть и т. д., т. е. как составное произведение. Например, в п. 88 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что автору составного произведения – интернет-сайта, принадлежат авторские права на осуществленные им подбор или расположение материалов, иными словами – составительство [3]. Видится разумным вынести на рассмотрение вопрос о вынесении интернет-сайта как цельного объекта охраны авторского права в соответствующую статью ГК РФ, в силу того, что сайт – оригинальный, т. е. созданный в результате творческой деятельности веб-дизайнера и иных авторов, электронный ресурс.

Еще одной особенностью авторского права является субъектный состав авторских правоотношений. В узком понимании субъектом авторского права будут лишь авторы произведений, непосредственно обладающие личными авторскими правами, такими как право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения, право доступа и право следования. Если авторское право рассматривается как система правоотношений, регулируемых правовыми нормами, то субъектами являются все лица, участвующие в авторских правоотношениях.

В соответствии со статьей 1257 ГК РФ автором является гражданин, творческим трудом которого оно создано. Таким образом, основным критерием является творческий труд по созданию произведения. Так, в статье 26 ГК РФ указано, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителя осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей

интеллектуальной деятельности. Что касается детей младше 14 лет, то их право на авторство также принадлежит им, однако только в части неотчуждаемых прав. Исключительное право на получение прибыли или распоряжения по сделкам данного объекта имеют представители малолетнего. В книгу рекордов России внесена запись о самом юном авторе изданной книги, так, Голубева Ульяна пишет стихи с 4 лет, в 7 лет стала автором книги «Мой мир» [4, с. 65].

Достаточно распространенным институтом авторского права является соавторство, которое предполагает наличие договоренности между авторами и непосредственно творческого участия каждого. Последнее является основным условием признания авторства на произведение двух и более лиц. Так, в соответствии с п. 83 Постановления Пленума ВС РФ № 10, оказание автору или соавторам технической и иной помощи не является основанием для указания данного лица в качестве автора [3]. Также соавторами не признаются лица, осуществлявшие лишь руководство деятельностью автора.

Одной из особенностей Глобальной сети является возможность пользоваться услугами информационных ресурсов, не указывая какую-либо информацию о себе – анонимно. В контексте существования авторского права в Интернете, анонимность – это фактор, который достаточно усложняет корректное функционирование данного института. В частности, по мнению О. А. Ковалевой и Л. К. Лёвиной невозможность без определенных правовых средств идентифицировать личность пользователя сети не может позволить с легкостью определить субъекта ответственности [5, с. 26]. Думается, что анонимность в коммуникационной сети является барьером не только для определения стороны, несущей ответственность, но и для самого автора. В традиционном авторском праве подлинное имя автора и условия соблюдения анонимности указываются в договоре, которым определяются отношения между издателем и автором. В Интернете можно зарегистрироваться в качестве пользователя без достоверных идентифицирующих признаков, поскольку номер телефона или адрес электронной почты не могут являться достоверными доказательствами принадлежности указанному лицу. Таким образом, при доказывании права авторства, лицу, которое предпочло остаться без имени, публикуя то или иное определение, придется прибегнуть к методам идентификации пользователей, т. е. использовать Ip-адреса, файлы cookie и др. В любом случае, пользователю, решившему поделиться с миром своим произведением через сеть, стоит изначально задуматься о последствиях и принять меры по указанию авторства, позволяющие определить реального человека, стоящего за этим объектом творческой деятельности. Например, в социальной сети Facebook действует запрет на анонимность. Так, аккаунт пользователя может быть заблокирован, если будут введены псевдонимы и т. д. В 2014 году производилась массовая блокировка пользователей,

которые не смогли подтвердить достоверность своих данных посредством сканов документов [6].

Федеральным законом № 187-ФЗ внесены поправки в гражданское законодательство, вследствие чего введено понятие информационного посредника как одного из субъектов рассматриваемых правоотношений [7]. В соответствии с указанным источником данными субъектами могут являться лица:

– осуществляющие передачу материала;

– предоставляющие возможность размещения материала (например, владельцы сайтов, провайдеры);

– предоставляющие возможность доступа к материалу в этой сети.

Независимо от функции, которую посредник исполняет, в соответствии с законодательством он несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав. При этом видами санкций может быть как гражданско-правовая ответственность, так и требование об удалении спорного материала или просьба об ограничении доступа к ресурсу, на котором данный материал расположен.

Самым спорным субъектом авторского права является искусственный интеллект – свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. Прошло более 75 лет со дня открытия искусственного нейрона, и сейчас технологии искусственного интеллекта внедряются в повседневную жизнь человека, постепенно заменяя живую рабочую силу.

Характерной особенностью искусственного интеллекта является его самостоятельность. Если ранее компьютерные программы, также созданные человеком, выполняли только установленный для них алгоритм, то искусственный интеллект наделяется функциями самостоятельной деятельности за счет вложенных в него файлов и программ. Таким образом, на выходе получается совершенно новый, оригинальный объект авторского права. Стремительное внедрение новых технологий в жизнь ведет к тому, что в скором времени искусственный интеллект «войдет в массы». Поэтому на сегодняшний день вопрос охраны результатов деятельности искусственного интеллекта является актуальным и требующим законодательного урегулирования.

Канада стала первым государством, выпустившим национальную стратегию искусственного интеллекта в 2017 году. Ее примеру последовали многие страны, включая США, Китай, Новую Зеландию, Европейский Союз и др. [8]. В России также существует программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р, где среди перечня сквозных цифровых технологий указаны нейронные технологии и технологии искусственного интеллекта. Стоит также отметить, что в Российской Федерации первые шаги к правовой регламентации искусственного

интеллекта были сделаны еще в 2016 году. Дмитрий Гришин, основатель GrishinRobotics, разработал концепцию закона о робототехнике, признающей правосубъектность за «роботами-агентами» [9, с. 158].

Однако, как было указано ранее, единой политики в сфере регулирования авторского права и результатов деятельности искусственного интеллекта нет. Поэтому многие авторы выражают свои предложения по преодолению данных пробелов. Так, Е. В. Воскресенская, Л. Г. Ворона-Сливинская, А. Н. Лойко в своей совместной работе предлагают несколько подходов [10]. Первый – отдать авторское право непосредственно создателю искусственного интеллекта, ссылаясь на то, что именно посредством его труда был создан интеллект, который впоследствии сотворил произведение. Примером данного метода может являться деятельность художника из Гонконга Виктора Вонга, который создал робота для рисования картин. На вопрос, является ли полученная продукция результатом деятельности искусственного интеллекта, он ответил, что считает это их совместной работой. Однако авторством является непосредственно личная творческая деятельность, а в данном случае человек будет являться посредственным субъектом, а не прямым.

Следующий вариант – право автора находится у лица, которое использует искусственный интеллект в качестве программного обеспечения, т. е. в данной теории искусственный интеллект рассматривается как инструмент создания произведения. Например, аэропорт «Рига» с помощью технологии искусственного интеллекта создал симфонию, которая должна способствовать международной узнаваемости аэропорта.

Среди авторов существует позиция, которая предполагает разделить компьютерную систему, которая работает по определенному алгоритму и прямо подчинена человеку, и искусственный интеллект, синтезирующий информацию и выдающий уникальный объект посредством искусственной «умственной деятельности». В первом случае авторское право безоговорочно признается за человеком – создателем программы. Во втором – право авторства может быть поделено с человеком, который привнес в искусственный интеллект необходимую базу информации, или выделить нейросеть как отдельный субъект гражданского права и наделить его правосубъектностью.

В целом большинство авторов считают невозможным наделение искусственного интеллекта определенными правами и обязанностями. Основным критерием данного заключения является отсутствие сознания у нейросистем, которое в свою очередь позволяет совершать осознанные действия. Так, в практике ответственности за действия искусственного интеллекта все сводится к физическому лицу. Соответственно и право на авторство остается также у человека. Однако ученый-юрист Йинг Ху из Йельского университета считает, что привлечение к ответственности разработчика или владельца ошибочно. Он предлагает разработчикам

искусственного интеллекта ввести самостоятельное привлечение программы к ответственности. Мерами ответственности, по мнению ученого, могут стать деактивация, перепрограммирование или объявление системы преступной [11]. Однако думается, что некоторые вопросы данным методом все-таки не смогут быть решены. Так, материальное возмещение убытков при совершении противоправного результата деятельности системы будет взыскано скорее с создателя данного интеллекта, чем с робота.

Таким образом, авторское право в Интернете, помимо общих черт с результатами интеллектуальной деятельности, имеет свои характерные черты. Так, авторские права – это не только возможность автора или правообладателя следить за использованием произведений и получать за такое использование вознаграждение, но и проявления личного характера автора по отношению к своему результату труда, отражающие тесную связь между ними и запрещающие искажение произведения либо использование без согласия создателя.

В целом проблемы использования сети как платформы для реализации интеллектуальной деятельности заключаются в отсутствии безопасности и должной охраны данных объектов. В связи с этим можно констатировать, что создано единое международное электронно-информационное пространство, которое в силу анонимности, саморазвития и интерактивности, требует комплексного подхода к разработке новой модели гражданско-правового регулирования и защиты авторских прав.

---

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.05.2020).
2. Оганян, В. А. Правовая уязвимость объектов авторского права в сети: причины и способы разрешения // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 182–185.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.04.2019 № 10 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 25.05.2020).
4. Букшина, С. В. Несовершеннолетний автор в межотраслевом пространстве // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Право. Новосибирск, 2015. Т. 10, № 1. С. 66–70.
5. Ковалева, О. А., Лёвина, Л. К. Международная защита авторских прав и практика борьбы с незаконным использованием интеллектуальной собственности в сети Интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). С. 25–30.
6. Количество пользователей сети Интернет в мире [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9024 (дата обращения: 25.05.2020).
7. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных

прав в информационно-телекоммуникационных сетях» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/70405630/ (дата обращения: 25.05.2020)..
8. Обзор национальных стратегий в области ИИ [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/aiqcnt/obzor-nacionalnyh-strategii-v-oblasti-ii-5bcc7093496cf000abdde06b (дата обращения: 25.05.2020).
9. Энтин, В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. С. 321.
10. Воскресенская, Е. В., Ворона-Сливинская, Л. Г., Лойко, А. Н. К вопросу о правовой природе результатов деятельности искусственного интеллекта // Colloquium-journal. 2019. № 5 (29).
11. В США считают, что роботы должны нести криминальную ответственность [Электронный ресурс]. URL: http://rusjev.net/2017/04/04/v-ssha-schitayut-chto-robotyi-dolzhnyi-nesti-kriminalnuyu-otvetstvennost (дата обращения: 25.05.2020).

УДК 347
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.13

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ИНТЕРНЕТЕ

Дорошенко Т. Н., кандидат исторических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: doroshenkotn@mail.ru
Маврина В. Ф., студент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: mavrina.lera2017@yandex.ru

FEATURES OF BRINGING TO CIVIL LIABILITY FOR VIOLATION OF INTELLECTUAL RIGHTS ON THE INTERNET

Tatyana N. Doroshenko, candidate of historical science, associate professor;
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: doroshenkotn@mail.ru
Valeriya F. Mavrina, the student,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: mavrina.lera2017@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам нарушений интеллектуальных прав в сети Интернет. Эта сфера затрагивает практически всех граждан, пользующихся Интернетом. На примере правоприменительной практики рассматриваются особенности применения правовых норм, регулирующих гражданско-правовую ответственность. Автор считает необходимым закрепить за информационным посредником обязанность проверять размещаемую информацию на предмет нарушения норм об интеллектуальной собственности.
Ключевые слова: право, гражданско-правовая ответственность, Интернет, интеллектуальное право, информационный посредник, правовой акт.

Abstract. This area affects almost all citizens using the Internet. The application of civil liability law is examined in an example of enforcement practice. The author considers it necessary to attach to the information intermediary the obligation to check the information posted for violation of intellectual property rules.
Keywords: law, civil liability, Internet, intellectual property, information intermediary, legal act.

Интернет − это всемирная система компьютерных сетей, количество пользователей в которой достигает 4 574 150 134 при населении мира в 7 796 615 710 человек (по состоянию на 31 декабря 2020 года) [1]. Данная

система не имеет территориальных границ, что позволяет получить доступ почти к любой информации со всего мира.

Самая распространенная проблема в Интернете – нарушение интеллектуальных прав, проще говоря, плагиат. Товары, работы или услуги, которые мы покупаем через Интернет, нередко содержат нарушения, чтобы привлечь к себе больше покупателей, например, используя похожее наименование продукции и внешний вид. Читая статью в Интернете, часто внизу можно увидеть сообщение автора статьи о том, можно ли копировать соответствующий материал и использовать его без разрешения автора. Сейчас возможно совершить в сети Интернет, за исключением посягающих непосредственно на жизнь и здоровье человека (например, убийство или похищение человека), много существующих действий (бездействий), которые законодатель относит к противоправным деяниям. Причем факт дистанционного совершения общественно опасного деяния ответственности не исключает.

В настоящее время право интеллектуальной собственности развивается благодаря широкому распространению и потребностью защиты информационных технологий. Интеллектуальное право, можно сказать, открывает перспективы для государств, как область не только умственной, но и творческой деятельности человека. В связи с этим ее надлежит обеспечить правовой защитой по причине того, что данный правовой институт появился относительно недавно и механизмы его защиты недостаточно разработаны.

Статья 1250 ГК РФ регулирует правоотношения, связанные с защитой интеллектуальных прав. Статьи 1251 и 1252 ГК РФ расширяют регулирование вопроса ответственности за нарушение интеллектуальных прав, так как личные неимущественные и исключительные права – это компоненты интеллектуального права (наряду с иными правами как права следования и доступа) [2].

Законодатель предусмотрел в гражданском законодательстве различные санкции. Так, минимальный размер компенсации – 10 000 рублей за каждый случай нарушения. Если несколько объектов авторских прав незаконно размещены на интернет-ресурсе, можно требовать 10 000 рублей за каждый объект. Конечно, такой способ взыскания распространен, потому как не нужно доказывать, какие убытки были понесены. Так, правообладатель, купив в интернет-магазине, например, чехол для телефона за 200 рублей, может требовать минимум 10 000 за каждый факт нарушения исключительного права.

Основной проблемой привлечения к ответственности выступает поиск нарушителя, который практически невозможен при условии глобальности Интернета и стремительного распространения информации в нем. Заметим, что один из первых нормативных правовых актов,

устанавливающих ответственность в Интернете, был принятый в США Закон об авторском праве в цифровую эпоху 1998 г. [3].

К произведению, зафиксированному в электронной форме, применяется аналогичный порядок использования произведения в реальном мире. Однако незаконное размещение сериалов, фильмов, музыки, книг, программных продуктов в Интернете носит глобальный характер и подобные действия сложно проконтролировать.

Интересно отметить, что нарушение может быть установлено даже при нелегальном использовании только части произведения, если последнее является независимым результатом творческого труда.

Верховный Суд в одном из решений признал, что правила цитирования по пп. 1 п. 1 статьи 1274 ГК РФ применяются не только к произведениям, например, литературным, что привычно для нас, но и к фотографическим произведениям [4].

В доменных спорах требования предъявляются к администратору доменного имени (на имя которого зарегистрировано доменное имя в реестре) и к лицу, фактически использовавшему доменное имя [5].

Согласно пункту 2 статьи 10 ФЗ № 149 владелец сайта в сети Интернет обязан размещать на принадлежащем ему сайте информацию о своих наименовании, месте нахождения и адресе, адресе электронной почты для обеспечения возможности правообладателям направлять претензии по поводу нарушений на сайте [6].

Суды должны учитывать вовлеченность информационных посредников в процесс передачи, хранения и обработки информации и возможность контролировать и изменять ее содержание. Так, последний не несет ответственности за размещаемую информацию, если принимает меры по предотвращению плагиата.

Устанавливать полную ответственность информационного посредника за размещаемую информацию представляется необоснованным, несмотря на легкость привлечения к ответственности именно его, а не многочисленных пользователей. Так, привлечение к ответственности такого лица приведет к злоупотреблению правом и даже легализации нарушения закона, что приведет к невыгоде вести такие информационные ресурсы.

Однако до сегодняшнего дня простые пользователи исключены из сферы действия Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», и скачивания пиратского контента не являются нелегальными.

Согласно результатам опроса «Практики потребления Интернет-контента», пользователи сети Интернет зачастую не могут разграничить легальный контент от нелегального, а платность скачивания вообще не признак первого [7].

Необходимо просвещать людей о том, какие действия в Интернете являются правонарушениями, и какая ответственность за это предусмотрена.

Российское законодательство не содержит конкретной формы «письменного обращения» правообладателя к информационному посреднику. Кроме того, не установлено действие, которое должен предпринять информационный посредник для решения вопроса – нарушил пользователь интернет-ресурса интеллектуальное право или нет. Имеется в виду, нужно ли, в случае подозрения о нарушении права на товарный знак, проверить его через Роспатент и однородны ли они до степени смешения.

Представляется разумным установить для провайдеров обязанность отслеживать незаконно размещаемые информационные материалы, что будет способствовать его правовой защите. Однако претворить в жизнь указанное достаточно сложно, так как нет возможности следить за каждым пользователем в тех же социальных сетях. Вместе с тем, возможно обезопасить себя от недобросовестных пользователей и включать в соответствующие договоры положение об ответственности абонента за соответствие размещаемой им информации законодательству.

1. Статистика использования Интернета. Мир пользователей Интернета и статистика населения 2020 года. Internet World Stats INTERNET USAGE STATISTICS. The Internet Big Picture. World Internet Users and 2020 Population Stats [Электронный ресурс]. URL: https://www.internetworldstats.com/stats.htm (дата обращения: 13.04.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.04.2020).
3. Гришин, Д. Ю. Эволюция авторского права: от зарождения до наших дней // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сб. науч. трудов: в 2 т. Нижний Новгород, 2001. Т. 1. Вып. 7. [Электронный ресурс]. URL: http://uristrus.narod.ru/articles2/Grishin_Evoluc_avt_prava.pdf (дата обращения: 14.04.2020).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 9.
5. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 11.
6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/72898298ae4b1568b5dabf766b3a1bab03748c2a/ (дата обращения: 16.04.2020).
7. Практики потребления Интернет-контента. Опрос. Фонд общественного мнения // База данных ФОМ. Доминанты. 2013. 27 июня. № 25. [Электронный ресурс]. URL: https://bd.fom.ru/pdf/ d25ppik13.pdf (дата обращения: 13.04.2020).

УДК 347.261.037
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.14

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОСЧЕТЫ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Ермакова Н. В., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: erm.nata 2011@yandex.ru
Научный руководитель: **Рязанова Н. В.**

SUSPENDED SENTENCE TO IMPRISONMENT: LEGISLATIVE FAILURES AND OVERCOMING THEM

Natalia V.Yermakova, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: erm.nata 2011@yandex.ru

Аннотация. В статье на обсуждение ставится вопрос об основных нормах и правилах применения института условного осуждения, соответственно и его отмены в случае совершения осужденным нового преступления средней или небольшой тяжести.
Ключевые слова: условное осуждение, отмена условного осуждения, совершение преступления небольшой или средней тяжести, повторное условное осуждение.

Abstract. The article discusses the main norms and rules for applying the institution of suspended sentence, respectively, and its cancellation in the case of a new crime of medium or small gravity committed by a convicted person.
Keywords: suspended sentence, cancellation of a suspended sentence, Commission of a crime of small or medium gravity, repeated suspended sentence.

Руководствуясь ч. 1 ст. 73 УК РФ, если суд приходит к выводу о том, что исправление осужденного возможно без реального отбывания наказания, т. е. без изоляции от общества при рассмотрении уголовного дела, то суд постановляет считать наказание условным, назначив исправительные работы [1].

Изучив личность виновного, его социальный статус, отягчающие и смягчающие вину обстоятельства при вынесении решения об условном осуждении на основании указанной уголовно-правовой нормы, основанием для применения рассматриваемого института является вывод суда о низкой степени общественной опасности совершённого преступления.

Несмотря на то, что обязанности, составляющие содержание условного осуждения и ограничения свободы, во многом совпадают, при условном осуждении их спектр значительно шире, нежели при ограничении свободы. Данное обстоятельство позволяет нам прийти к выводу о том, что условное осуждение обладает больше

«предупредительным» потенциалом, поскольку позволяет избрать в соответствии с данными о личности осужденного и его поведении дополнительные обязанности, способствующие исправлению [2]. Более того, в последнем случае перечень обязанностей является исчерпывающим. Данное обстоятельство позволяет нам прийти к выводу о том, что условное осуждение обладает большим «предупредительным» потенциалом, поскольку позволяет избрать в соответствии с данными о личности осужденного и его поведении дополнительные обязанности, способствующие исправлению [2].

В настоящее время в судебной практике наблюдается активное применение исправительных работ. При условии, что подсудимый не представляет серьезной опасности в обществе и исправление последнего не требует его изоляции от общества, условное осуждение является необходимым и достаточным методом воздействия на подсудимого.

Возникает вполне аргументированное существующее в науке уголовного права мнение, что указанный институт первоначально рассчитывался на «исправленных», «случайных», «разовых» преступников [3].

При вынесении решения суд обязывает осужденного принять меры на возмещение ущерба, причиненного преступлением и не совершать каких-либо иных противоправных деяний и, назначив наказание в виде условного осуждения, суд определяет испытательный срок, в течение которого осужденный обязан своим поведением доказать своё исправление [4]. Вместе с тем, усматривается высокий уровень повторных нарушений осужденными в период испытательного срока, это показывает анализ статистических данных Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2019 г. Так, в Чудовский районный суд Новгородской области (Чудовское судебное присутствие) в 2019 году поступило на рассмотрение 106 представлений УИИ в отношении осужденных. Из них рассмотрено по существу 96 представлений [5]. Из рассмотренных по существу 32 материалов по представлениям УИИ об отмене условного наказания и реальном исполнении наказания в виде лишения свободы, а также о замене иных видов наказания на лишение свободы:

– удовлетворены 13 представлений (40,6%);

– отказано в удовлетворении 19 представлений (59,3%);

– из отказанных с продлением испытательного срока 7 представлений (21,85).

В ходе рассмотрения данных представлений судом исследовались, кроме представленных документов, личные дела осужденных, характеризующие их личность и поведение материалы, а также доказательства, предоставленные осужденными и их защитниками, в необходимых случаях сторонам предлагалось предоставлять дополнительные доказательства с целью подтверждения обстоятельств, на

которых основывались требования, указанные в представлениях, либо доказательства, опровергающие достоверность изложенной в них информации.

На основании ч. 4 ст. 74 УК РФ решается вопрос об отмене условного осуждения и назначения реального наказания по приговору суда при совершении осужденным преступления в период условного срока по неосторожности или умышленного преступления небольшой или средней тяжести. Вышеуказанная уголовно-правовая норма не лишена недостатков и не в полной мере соответствует назначению института условного осуждения по следующим основаниям [1, 5].

Как уже отмечалось выше, условное осуждение применяется в случае, когда исправление лица возможно без его реальной изоляции от общества, при этом в течение назначенного испытательного срока осужденный должен доказать свое исправление и воздержаться от совершения новых преступлений и правонарушений. В качестве целей условного осуждения Верховный Суд Российской Федерации называет исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений [6]. На практике не единичны случаи, когда условно осужденное лицо вновь совершает преступления небольшой или средней тяжести, за которые назначаемое ему наказание в очередной раз признается условным. Такая судебная практика – при совершении лицом в период испытательного срока новых преступлений небольшой и средней тяжести независимо от их повторности не является правильной, поскольку не способствует достижению целей уголовного наказания, не оказывает должного воспитательного и превентивного воздействия не только на лицо, подвергнутое условному осуждению, но и на иных лиц, поскольку формирует чувство безнаказанности, что, в свою очередь, позволяет им продолжать заниматься преступной деятельностью.

Примером таких дел являются: рассмотренные судом в отсутствие осужденных Д. К. Гаршина материал № 4/8-20 и А. О. Васильева материал № 4\8-10 по представлению об отмене условного осуждения и реальном исполнении наказания в виде лишения свободы. Основанием для рассмотрения указанных материалов в отсутствие осужденных явилось их длительное нахождение в розыске, а для удовлетворения представления – злостное уклонение их от отбывания наказания (систематическое неисполнение возложенных обязанностей (неоднократные неявки на регистрацию, непринятие мер к трудоустройству или постановке на учет в Центр занятости населения), а также то, что они скрылись от контроля УИИ, в связи с чем был объявлен их розыск. В рассмотрении данных представлений принимали участие назначенные судом адвокаты [5].

Основанием для удовлетворения представления УИИ об отмене назначенных осужденному А. Д. Кайнара обязательных работ (материал № 4/17-50) явилось злостное его уклонение от их отбывания, поскольку из

200 часов обязательных работ, назначенных ему судом, им фактически было отбыто 92 часа. Он многократно допускал прогулы, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны УИИ об отмене этих работ лишением свободы, что нашло свое подтверждение в суде [5]. Подобное решение принято судом по материалу № 4/17-86 в отношении О. О. Буйнова. По аналогичным основаниям было удовлетворено представление УИИ о замене исправительных работ, назначенным судом осужденному Ф. Р. Ханнанову (материал № 4/17-2). Судом было установлено, что осужденный после объявления ему письменного предупреждения за неявку в УИИ без уважительных причин повторно допустил указанное нарушение, в связи с чем судом был признан злостно уклоняющимся от исполнения наказания. Также судом учитывалось последующее поведение осужденного, который к исправительным работам так и не приступил без уважительных тому причин. Аналогичное решение принято по материалу № 4/17-27 в отношении Л. Г. Николаевой [5].

В связи со злостным уклонением осужденного А. Ю. Дементьева от наказания в виде ограничения свободы, которое выразилось в том, что он, несмотря на вынесенные ему письменные предупреждения, неоднократно не являлся на регистрацию в УИИ без уважительных причин, а также нарушил ограничение суда: покинул место своего жительства (материал № 4/17-66) [5].

Несмотря на установленный факт ненадлежащего исполнения осужденным Михайловым А. С. назначенных ему исправительных работ, выразившихся в неявке на работу по предписанию УИИ и в двух неявках по вызовам УИИ, суд не нашел достаточных оснований для отмены указанного наказания на лишение свободы с учетом того, что после допущенных нарушений осужденный исправил свое поведение, не допускал иных нарушений условий отбывания наказания, принял меры к трудоустройству, самостоятельно обратился в соответствующие организации и предприятия по выданным ему предписаниям, регулярно являлся по вызовам в УИИ, нареканий к нему не имелось. С учетом этого, а также характера допущенных нарушений, которые имели место в начале исполнения им назначенного наказания, в удовлетворении представления было отказано (материал № 4/17-10) [5]. В последующем А. С. Михайлову по представлению УИИ судом были заменены исправительные работы на лишение свободы в связи с доказанностью факта злостного неисполнения им указанного наказания (материал № 4/17-69) [5].

По результатам рассмотрения представления УИИ об отмене условного осуждения и реальном исполнении наказания в виде лишения свободы в отношении Николаевой В. А. (материал № 4/8-3) судом было отказано в его удовлетворении, несмотря на то, что УИИ был подтвержден факт допущенных осужденной нарушений условий отбывания наказания, неоднократно неисполнения возложенной судом обязанности в виде

пропусков занятий в учебном заведении без уважительных причин, неявки на регистрацию и пребывания вне дома в ночное время, по тем причинам, что осужденная являлась несовершеннолетней, иных нарушений не допускала, на момент рассмотрения представления надлежащим образом выполняла возложенные на нее судом обязанности, нареканий на свое поведение не имела. Однако за допущенное нарушение осужденной был продлен испытательный срок на 1 месяц.

Аналогичные решения были приняты по результатам рассмотрения материалов № 4/8-5 и № 4\8-6 в отношении Баранова А. А. Отказывая в удовлетворении представлений УИИ, суд исходил из характера допущенных осужденным нарушений, времени их совершения, а также того факта, что за ряд из них последний уже был подвергнут наказанию в виде продления испытательного срока, и они не могли быть учтены повторно. При этом судом учитывалось последующее поведение осужденного, которому вместе с тем за допущенные нарушения был продлен испытательный срок [5].

Большую часть материалов по представлениям УИИ составили те, которые касались возложения дополнительных обязанностей на осужденных или продления испытательного срока в связи с допущенными ими нарушениями условий и порядка отбывания наказания или неисполнением возложенных обязанностей.

Анализ изученных материалов позволил сделать вывод о том, что при принятии решения по данным материалам судом проверялась доказанность фактов ненадлежащего исполнения осужденными условий отбывания наказания, характеристика их поведения в период условного осуждения, характер допущенных нарушений, их причины, а также целесообразность возложения дополнительных обязанностей на осужденных с учетом данных об их личности, совершённых ими преступлений. Как отмечалось ранее, поскольку институт условного осуждения рассчитан на «случайных» преступников, перевоспитание которых предполагается без изоляции от общества, возможно будет целесообразным внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации ч. 4 и ч. 5 ст. 74 УК РФ, а именно:

– внести поправку в ч. 4 ст. 74 УК РФ – за исключением случаев совершения умышленного преступления небольшой тяжести лицом, неоднократно подвергнутым условному осуждению. В таком случае суд отменит условное осуждение и назначит наказание по правилам в соответствии со ст. 70 настоящего Кодекса;

– внести поправку в ч. 5 ст. 74 УК РФ – при совершении условно осужденным в течение испытательного срока умышленного преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления судом отменяется условное осуждение и заменяется наказание по правилам,

предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса. По этим же правилам назначается наказание в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 74 УК РФ.

Данный метод будет не только отвечать задачам уголовного закона, но и содействовать достижению целей уголовного наказания, а также оказывать серьезное предупредительное воздействие.

---

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.03.2020).
2. Губайдуллина, Э. М. Сравнительный анализ условного осуждения и ограничения свободы // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 108.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. 692 с.
4. Расторопов, С. В. Условное осуждение к лишению свободы: законодательная регламентация, практика применения и исполнения / С. В. Расторопов, А. В. Звонов, Э. В. Лядов [и др.]; под общ. ред. С. В. Расторопова. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2017. 458 с.
5. Официальный сайт Чудовского районного суда [Электронный ресурс]. URL: http://chudovsky.nvg.sudrf.ru/ (дата обращения: 12.03.2020).
6. Состояние преступности условно осужденных: федеральный и региональный аспекты / О. Н. Агеева, С. В. Анощенкова, С. В. Петрикова, С. Н. Помнина // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 682–700.

УДК 343.8
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.15

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗМЕЩЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Жидков А. Г., кандидат юридических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: 511223@mail.ru
Маврина В. Ф., студент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s224356@std.novsu.ru

RESPONSIBLE FOR THE PLACEMENT OF INFORMATION IN SOCIAL NETWORKS

Andrey G. Zhidkov, candidate of juridical sciences, associate professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: 511223@mail.ru
Valeriya F. Mavrina, the student,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: s224356@std.novsu.ru

Аннотация. В статье проанализированы правовые вопросы привлечения к уголовной ответственности за размещение в социальных сетях материалов и информации, содержащих в себе признаками экстремистского характера. При этом рассмотрена проблема реализации свободы слова, свободы поиска, получения, передачи, производства и распространения информации в сети Интернет.
Ключевые слова: экстремизм, Интернет, уголовная ответственность, преступление, уголовный кодекс.

Abstract. The article analyzes the legal issues of bringing to criminal responsibility for posting materials in social networks containing information with signs of an extremist nature. At the same time, the problem of implementing freedom of speech, freedom to search, receive, transmit, produce and distribute information on the Internet is considered.
Keywords: extremism, Internet, criminal liability, crime, criminal code.

Конституция нашего государства гарантирует совокупность свобод и прав: свобода мысли и слова, право свободного поиска, получения, передачи, произведения и распространения информации всяким способом, не запрещенным законом. Запрещается принуждение к выражению своего мнения, равно как отказу от него. По крайней мере, так установлено в самом важном документе нашей страны.

В последнее время правоприменитель сталкивается с проблемами соблюдения прав и свобод граждан и недопущения их ограничений при

привлечении к ответственности за размещение в сети Интернет информации, носящей признаки экстремистского характера, в том числе за «репосты», «перепосты» и другие публикации.

Во-первых, стоит дать определение понятиям, связанным с темой статьи. Репост – копирование какой-либо информации в сети Интернет с указанием автора и ссылки на оригинальный текст или, например, картинку. Перепост – репост информации, включающий в себя также выражение своего мнения к ней (комментарий) [1].

О фактах возбуждения дел за репосты в социальных сетях свидетельствуют новостные ленты средств массовой информации. Например, на интернет-портале «Российской газеты» (учредителем которой является ФГБУ «Редакция "Российской газеты"») была размещена статья о привлечении лица к уголовной ответственности за публичные призывы к экстремизму и нарушению территориальной целостности страны. В указанном случае правоохранительные органы сочли «экстремизмом» репост текста с приложенной иллюстрацией к нему, в котором другой автор высказывал свои суждения на тему территориальной принадлежности субъекта Российской Федерации [2]. В другом случае житель Архангельска был вынужден обратиться с жалобой на решение районного суда, признавшего его виновным в публичной демонстрации нацистской символики, а именно за размещение на своей странице в социальной сети фотографии с поверженными фашистскими штандартами с Парада Победы 1945 года [3]. Так же надзорным органом в отношении жителя города Геленджика, который в социальной сети разместил объявление о продаже пряжки времен Второй мировой войны с изображением нацистской символики, было возбуждено дело об административном правонарушении по статье 20.3 КоАП РФ [4].

По статистике Генпрокуратуры, большая часть уголовных дел об экстремизме, по которым обвиняемые получали реальные тюремные сроки, была возбуждена именно за публикации в Интернете [5]. При этом необходимо отметить, что в докладе Председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина на коллегии ведомства при подведении итогов за 2018 год указывается, что среди 894 выявленных экстремистов 282 – лица от 14 до 17 лет, включая 99 учащихся школ и вузов [6].

Борьба с экстремизмом, безусловно, является одним из наиважнейших направлений правоохранительной деятельности. При этом проблемы ее совершенствования имеют свои точки пересечения с проблемами соблюдения прав граждан при привлечении их к ответственности за высказанное в социальных сетях мнение, сложность оценки которого напрямую связана с законодательным установлением разграничений и отличительных признаков, содержащихся в размещенной автором информации, и не несущей, по мнению автора, противозаконных призывов или отличающейся содержащимися в ней сведениями от

общераспространенной. Так, из описания вышеприведенных примеров ясно, что большинство граждан не призывали других лиц к совершению преступных деяний.

Стоит отметить, что выражение своего мнения относительно той или иной ситуации – нормальное явление, за которое нет оснований привлекать к ответственности. Необходимо понимать, что каждая точка зрения носит определенную ценность для общества, ведь одинаковых людей не бывает, а, следовательно, единых оценок, мнений и взглядов на то или иное явление не может существовать априори. Само по себе размещение информации не нарушает нормы закона, а если кого-то задевает тот или иной материал, то можно всегда закрыть соответствующую статью или пост в социальных сетях и не возвращаться к нему. При этом необходимо учитывать, что пресечение попыток выражать свое мнение порождает сопротивление и еще большее желание распространить информацию о том, что думаешь. И такое негативное противостояние, как правило, влечет более тяжкие последствия. К примеру, отмеченные в конце 1930-х годов проявления антисемитизма в виде ярко выраженной государственной политики неприязни к отдельным национальным группам привели к определенному дисбалансу в обществе.

Время идет, взгляды общества меняются, а, значит, каждое мнение, какое бы оно ни было, очень важно услышать и попытаться, если не понять, то обязательно грамотно отнестись к нему с правовой точки зрения. Современная Конституция Российского государства стоит на защите прав всех граждан, гарантируя равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от национальности, а также запрещая любые формы ограничения прав граждан по признакам национальной принадлежности.

Возвращаясь к теме статьи, следует помнить о внимательном отношении к размещаемой информации, дабы не стать участником судебного процесса в качестве обвиняемого за репост, перепост или иные публикации в социальной сети.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 20.09.2018 № 32 дал разъяснения об ответственности за «лайки» и «репосты». Когда решается вопрос о том, стоит ли привлекать лицо к ответственности за распространение экстремистской информации, нужно, как указано в документе, определить два момента: первый – наличие умысла, второй – материал должен возбуждать вражду или ненависть, унижать человеческое достоинство по различным признакам.

Наряду с этим, нужно учитывать не только сущность размещенной информации, отражение её оценки данным лицом, факт уникальности либо заимствования, но и то, что закреплено на всей странице: информацию об изменении рода занятий и деятельности лица относительно периодов

размещенной им информации, частоту и продолжительность ее размещения, а также действия лица по привлечению аудитории.

Экстремизм характеризуется приверженностью к крайним взглядам, нетерпимостью к чужому мнению, неуважительным отношением к жизни, свободе и правам человека [7]. Кроме того, экстремизм выступает источником вражды между людьми.

Утверждение о том, что сеть Интернет представляет собой средоточие экстремизма, не имеет достаточных оснований. Про ответственность за репосты в своей работе «Проблемы публичного права России: взгляд со стороны» писал А. А. Иванов, отмечая, что суды расширительно толкуют правовую норму статьи 282 УК РФ, привлекая к уголовной ответственности только за факт наличия репоста, упуская из виду обстоятельства, свидетельствующие об отношении к такой информации лица [8].

С каждым днем увеличивается количество людей, пользующихся Интернетом. Благодаря информационным технологиям, границы между государствами стираются – ускоряется обмен информацией между согражданами и жителями других стран. Так, в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова выступила за отмену уголовной ответственности за репосты [9].

Стоит отметить, что 27 декабря 2018 г. часть 1 статьи 282 УК РФ претерпела изменения. В соответствии с изменениями санкция наступает при условии, что лицо привлекалось к ответственности, предусмотренной КоАП РФ, за аналогичное деяние в течение одного года. Данная правовая норма вступила в силу 7 января 2019 года.

Согласно информации, размещенной на портале ТАСС, количество экстремистских преступлений снизилось в России в 2,5 раза, или на 61% (с 1165 до 454) с начала 2019 года после частичной декриминализации статьи 282 УК РФ [6]. Видимо, большинством «экстремистов» были обыкновенные пользователи социальных сетей.

Большинство стран мира активно развивает информационные технологии, в результате чего быстрыми темпами растет количество пользователей глобальной компьютерной сети Интернет и, следовательно, возникают новые общественные отношения. Законодательные органы обновляют правовые нормы, не успевая за быстрым изменением информационных технологий. Уже сейчас развитие сети Интернет требует фундаментальных законодательных перемен, склоняя к идее о создании новой отрасли права, регулирующей общественные отношения в этой сфере.

Как показывает приведенная практика привлечения к ответственности пользователей сети Интернет, правоприменители не всегда способны правильно «интерпретировать» текст закона. В данной статье не предлагается бездействовать органам власти в отношении

«экстремистских» проявлений, содержащихся в информации, размещаемой авторами в социальных сетях. Наоборот, эффективность противодействия таковым видится в глубоком и детальном законодательном закреплении разграничений и отличительных признаков, позволяющих тщательно анализировать информацию, размещенную в социальных сетях, на предмет отнесения ее к экстремистской информации, а также учитывать характер и степень общественной опасности таких действий, обстоятельства их совершения и личность виновного.

---

1. Костюков, А. Н. Реализация прав человека и гражданина в конституционном праве России: год 2017-й // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 17–23.
2. Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2016/05/05/reg-cfo/tverskogo-inzhenera-poprosili-posadit-radi-celostnosti-rossii.html (дата обращения: 13.02.2020).
3. Интернет-портал федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)» [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/4911614. (дата обращения: 25.02.2020).
4. Официальный сайт прокуратуры Краснодарского края [Электронный ресурс]. URL: http://prokuratura-krasnodar.ru/news/po-iniciative-prokurora-g-gelendzhika-za (дата обращения: 20.02.2020).
5. Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2018/10/11/za-reposty-perestanut-privlekat-k-ugolovnoj-otvetstvennosti.html. (дата обращения: 12.02.2020).
6. Интернет-портал федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)» [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/6174369. (дата обращения: 25.02.2020).
7. Михайлов, С. В. Юридический анализ дефиниции экстремизма // Судья. 2019. № 4. С. 50–63.
8. Иванов, А. А. Проблемы публичного права России: взгляд со стороны // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2.
9. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Российская газета. 2019. 11 июня. № 125.

УДК 34(091)
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.16

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ СВОБОДЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Замышляев Д. В., кандидат юридических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: dwz1978@mail.ru

ACTUAL PROBLEMS OF RELATIONS OF FREEDOM AND LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE MODERN WORLD

Dmitry V. Zamyshlyaev, candidate of juridical sciences, associate professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: dwz1978@mail.ru

Аннотация. Категории свободы и правосознания следует отнести к весьма актуальным, но недостаточно разработанным. Свобода и правосознание сущностно близки природе самого человека, наиболее ярко получили отражение во время всеобщих ограничений. Исследователи связывают правосознание не только с правом, но и с человеческой жизнью как таковой.
Ключевые слова: свобода, правосознание, право, государство, человек, запрет.

Abstract. The categories of freedom and legal awareness should be considered very relevant, but insufficiently developed. Freedom and legal awareness are essentially close to the nature of man himself, and were most clearly reflected during the universal restrictions. Researchers have linked the sense of justice not only with the law but with human life as such.
Keywords: freedom, legal awareness, law, state, person, prohibition.

Категории свободы и правосознания следует отнести к недостаточно разработанным и близким природе самого человека понятиям. В современной юридической литературе под правосознанием, как правило, понимают совокупность знаний, идей, взглядов, представлений, чувств и настроений, относящихся к праву. Исследователи связывают правосознание не только с правом, но и с человеческой жизнью как таковой. Это весьма актуально в настоящее время, когда от правосознания отдельного индивида зависит жизнь и здоровье многих граждан. «Жить, – отмечает И. А. Ильин, – значит для человека жить правосознанием, в его функции и в его терминах: ибо оно остаётся всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни» [1, с. 155]. В отношении понятия свободы сохраняет справедливость характеристика, данная Ш. Монтескье, который отмечал: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово «свобода» [2, с. 288]. Свобода заложена в самой сути

человеческого бытия. Она «дана людям самой природой, она, если угодно, – «божий дар», одно из самых высоких проявлений человеческого естества, сути того уникального, что характерно для человека как существа разумного – высшего создания» [3, с. 93–94].

В исходном, догосударственном состоянии каждый человек в полной мере обладал главными качествами, которые вытекают из его сущности и не зависят от общества и государства, – свободой, равенством по отношению к любому другому лицу [4, с. 90–99]. Регулирующую функцию в обществе в тот период выполняла первобытная мифология, аккумулирующая опыт предков и передающая его из поколения в поколение в форме обычаев и традиций. Обычаи тех исторических эпох имеют все возможные средства регуляции. В сознании людей априорно существуют нормы естественного права, которые дают представление о свободе, справедливости и других нормах коллективной жизни.

На определённом этапе община перестаёт справляться с такими проблемами, как рост населения, защита от нападения и др. Самоценный статус личности оказывается незащищённым. Возникает потребность в силовом механизме для защиты человека и его прав. В частности, рациональное зерно в учении Гегеля В. Н. Жуков находит в том, что в ней идеальное, этическое начало играет огромную роль в возникновении и становлении государства, «стремление выжить приобрело вид этического порыва», первоначально существующая идея свободы, пройдя в своём развитии ступени абстрактного права, морали и нравственности, воплощается в государстве [5, с. 18].

Концепции естественного права – совокупность представлений и теоретических положений, согласно которым в основе права лежат идея справедливости, равенства и свободы, существующие до государства и потому обязывающие государство признавать, обеспечивать и защищать их [6, с. 152]. Естественное право иногда учеными рассматривается правом лишь в широком значении, т. е. в значении социально оправданной свободы (возможности) определённого поведения [3, с. 43–44]. Исследователями выделяются различные концепции естественного права [7, с. 27]. Определение права как обеспечение свободы личности, – справедливо полагает В. П. Малахов, – «можно отнести лишь к эпохе буржуазных революций в Европе XVII–XVIII вв.» [8, с. 74]. В этот период понимание права в значительной степени определялось воздействием со стороны школы естественного права. Г. Гроций, в работах «О праве добычи», «Введение в изучение права Голландии» и других даёт обоснование положению о государстве как совершенном союзе свободных людей, заключённом для практической реализации требований естественного права. Предмет юриспруденции, по Гроцию, – это право и справедливость. При этом под ними он понимает естественное право – «право в собственном смысле слова», «предписание здравого разума» [9, с. 71].

Одной из первых теоретически сформулированных юридических концепций многофакторного подхода к изучению проблем свободы и правосознания является работа одного из представителей французского просвещения юриста Ш. Л. Монтескье «О духе законов». Для того, чтобы пользоваться свободой, – полагает Монтескье, – надо чтобы «каждый мог говорить то, что он думает; для того, чтобы сохранить свободу, опять-таки надо, чтобы каждый мог творить то, что он думает; поэтому гражданин такого государства будет говорить и писать обо всём, о чём не запрещено говорить и писать прямым постановлениям законов» [2, с. 426]. Свобода – это право делать то, что позволяют законы. Анализируя проблему соотношения закона и свободы, Монтескье различает два вида законов о политической, формальной, свободе. Во-первых, законы, устанавливающие политическую свободу в её отношении к государственному устройству. Во-вторых, законы, устанавливающие политическую свободу в её отношении к гражданину. Без сочетания этих двух аспектов политическая свобода остаётся необеспеченной. Монтескье одним из первых формулирует важнейший принцип, гарантирующий индивидуальные свободы – принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей. «Не будет свободы, – пишет Монтескье, – и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединится с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем» [2, с. 290]. Закон вообще, согласно Монтескье, – это человеческий разум, управляющий всеми людьми.

Представитель не только эпохи Просвещения, а и всей истории философско-правовой мысли Ж.-Ж. Руссо главное произведение «Об общественном договоре» начинает словами: «Человек рождается свободным, а между тем он везде в оковах» [10, с. 13]. Проблемы общества, государства, права он анализирует в работе «Об общественном договоре, или Принципы политического права» с позиций обоснования одного из важнейших принципов обеспечения индивидуальной свободы – принципа народного суверенитета, который служит способом превращения государства в инструмент, обеспечивающий органическое слияние свободы и равенства. Законодательная власть для Руссо – «сердце Государства», ей принадлежит прерогатива неотчуждаемого народного суверенитета. Цель законов, как необходимых условий гражданской ассоциации, – в обеспечении свободы и равенства. Власть народа как целого ничем не ограничена. «Если кто-либо откажется подчиняться общей воле, то он будет к этому принуждён всем организмом, а это означает ничто иное, как то, что его силой принудят быть свободным» [11, с. 164]. В последнее время нормотворчество привело к введению норм

административной и уголовной ответственности многими странами, ограничивающими «отдельные свободы» с целью обеспечения безопасности многих граждан.

Наука XVIII века не достигла понимания подлинной сущности человека, и её представители трактуют свободу человека как внешнюю свободу, ограниченную лишь свободой другого человека. «Идея права человека как свободы человека, ограниченной лишь свободой другого человека, создала условия для раскрепощения творческой энергии индивида и дала мощный импульс правовому развитию Западной Европы» [12, с. 5–16]. В XIX–XX вв., начиная с Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля постепенно преодолеваются наивные представления о природе человека, его правах и свободе.

Предельно заостряет проблему свободы, а вместе с нею и правосознания, И. Кант. Учение о праве – это для Канта часть философии, а самый главный «предмет» в мире – человек. Придать ценность правам человечества, а значит и человеку, означало для Канта утвердить в сознании человека и человечества непоколебимое убеждение в том, что свобода – прирождённое, не подлежащее отчуждению право каждого члена общества, к какому бы сословию он ни принадлежал. Человек – существо, в принципе способное стать «господином самому себе». Он не нуждается во внешней опеке при осуществлении того или иного ценностного или нормативного выбора. Автономия воли ограждает личность как от собственного произвола, так и от тотального господства над нею общественного целого, обеспечивая ей осуществление свободы. Идея свободы, согласно Канту, делает его самого «членом постигаемого мира». Никто из предшественников Канта не связывает понятие природы человека с его волей, свободой, произволом. Кант решительно пересматривает взгляды своих предшественников на природу человека. Для него она не есть нечто изначально данное, неизменное.

Основной принцип социально-философских воззрений Канта: каждое лицо обладает совершенным достоинством, абсолютной ценностью. Личность не есть орудие осуществления каких бы то ни было планов общего блага. Человек – субъект нравственного сознания. Кант называет совесть «внутренним судилищем человека». Человек оказывается раздвоенным на «Я», которое с трепетом стоит перед судом совести, и другое «Я», которое обвиняет и судит, но так как оба эти «Я» всё же принадлежат к одной и той же личности, то получается, что обвиняемый является своим собственным судьёй. Принцип автономии личности предполагает не только уважение к человеку, но и наличие у него самоуважения, чувства собственного достоинства [13, с. 376].

В своём поведении человек как разумное свободное существо должен руководствоваться велениями нравственного закона: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице

всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [13, с. 270]. Закон этот априорен, не подвержен влиянию никаких внешних обстоятельств и потому безусловен. Кант называет его «категорическим императивом». Важно, что императив для человека – добровольное и свободное «веление души» или, выражаясь словами Канта, «правило использования своей свободы». Соблюдение требований категорического императива возможно тогда, когда человек в состоянии следовать голосу «практического разума», которым охватывается как область этики, так и область права. «Важно то, – отмечает В. Д. Зорькин, – что моральный внутренний закон внутри нас, о котором говорил Кант, определяется идеей разума, носит всеобщий характер и в этом смысле, по сути своей, смыкается с правом как формой выражения разумных начал человеческого общежития» [12, с. 7]. Весьма актуальны для человечества в период пандемии самоизоляция, ограничения в использовании средств передвижения, использование средств индивидуальной защиты.

Правом Кант называет совокупность условий, ограничивающих произвол одного по отношению к другим посредством объективного общего закона свободы. Такое понимание права предполагает, что оно призвано регулировать внешнюю форму поведения людей, выражаемую вовне человеческие поступки. Субъективные мотивы поведения его не интересуют. Это область интересов морали. Назначение права в том, чтобы гарантировать морали то социальное пространство, в котором могла бы реализоваться свобода индивида. Правовые отношения между людьми подчинены принципу: «Я никогда не смогу сделать что-то другому, не представив ему право сделать мне при тех же условиях то же самое…» [13, с. 181]. Ю. Я. Баскин отмечает, что «Кант оказался первым из немецких мыслителей, который определил право не просто юридической свободой» [14, с. 4]. Согласно Канту, «лишь в обществе и именно в таком, в котором наличествует величайшая свобода, а значит, и постоянный антагонизм между всеми его членами и всё же самым точным образом определены и сохраняются границы этой свободы в той мере, в какой она могла бы сочетаться со свободой других, – постольку лишь в этом обществе может быть осуществлён высший замысел природы – развитие всех природных задатков, вложенных в человечество» [15, с. 95]. Это положение важно для понимания соотношения свободы с правосознанием.

В тесной связи с проблемой обоснования человеческой свободы Кантом ставится вопрос отношения внутренней свободы, или свободы воли, к внешней, или свободы действий, т. е. вопрос отношения морали и права. Внешняя, относящаяся к действиям свобода, которая лежит в основе права, для Канта не может быть мыслима без внутренней свободы. Учение и о праве, и о нравственности находятся у Канта в сфере долга. Требование долга выражается в категорическом императиве, который определяет долг

человека, прежде всего перед самим собой. Кант различает мораль как систему обязанностей вообще, право как систему внешних позитивных обязанностей, и этику как систему частных обязанностей. По Канту, этика поглощает право. Подчинение закону – этическая обязанность. Право имеет дело с совместимостью различных свобод в их внешних отношениях в соответствии с универсальным законом свободы. Кантовский принцип утверждает, что только универсальное есть строго обязательное.

Идею морально-практического самоопределения Кант излагает во втором издании «Критики чистого разума». Ссылаясь на «неизменные, априорные законы чистого применения разума, касающиеся нашего существования», он отмечает, что «мы совершенно априори законодательствуем в отношении нашего собственного существования и даже определяем это своё существование» [16, с. 256]. Эти законы Кант называет «категориями свободы». Он подробно рассматривает их в «Критике практического разума». Философ допускает, что все люди мыслят себя свободными, но не ставит вопроса, может ли кто-то знать, что другие люди тоже имеют свободную волю. «Внутренняя жизнь других людей» для нас лишь «высоко вероятна» и нет другого выбора кроме того, как также считать её подобно «моей собственной», «которую приписывают другим». Самосознание чистого практического разума – главный принцип «категории свободы» [17, с. 175]. В. Д. Зорькин полагает, что «кантовское определение свободы как первоначального права, присущего каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду, вовсе не так абстрактно и безгранично, как может показаться на первый взгляд. Ведь оно включает в себя такие ограничения прав человека, которые обусловлены его принадлежностью к человеческому роду и связаны с необходимостью сохранения человечества» [12, с. 8].

Важной вехой в истории развития учения о свободе является концепция Г. Гегеля, который как и Кант, анализирует учение о свободе в непосредственной связи с теорией права. Всемирную историю он определяет как «прогресс в сознании необходимости» [18, с. 19]. Проблемы нравственности и права рассматриваются Гегелем в разделе объективного духа. «Объективный дух» находится в основе индивидуального сознания. Для Гегеля человек, не по естественной природе, а лишь по духовной природе – именно по своей сущности – является свободным, свободной личностью. Абстрактное право определяется Гегелем как формальное право, оно несёт именно тот смысл, что в основе права лежит свобода отдельного человека. Личность вообще подразумевает правоспособность. Поэтому «веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц» [19, с. 98]. В сфере объективного духа свобода впервые приобретает форму реальности в виде государственно-правовых формообразований. Реализация понятия в действительность, по Гегелю, есть идея права, которая и есть свобода.

Система права – это царство реализованной свободы. В философии права понятие права употребляется Гегелем в трёх значениях. Во-первых, право как свобода – «идея права», где «свобода» и «право» выражают единый смысл и опосредуются через диалектику свободы воли. В этом случае философия права могла бы называться философией свободы. Поступок, стесняющий свободу другого человека или не признающий в нём свободную волю, является противоречащим праву. Во-вторых, право как определённая ступень и форма свободы – «особое право», где на вершине иерархии «особых прав» от абстрактных его прав до конкретных в рамках одной формации объективного духа стоит право государства, как наиболее конкретное право. Одной из важнейших особенностей функционирования сферы права у Гегеля является его связь с государством, которое даёт материальную силу праву, выступает гарантом и охранителем правопорядка. Оно есть точнее определяемый предмет всемирной истории, в котором свобода получает свою объективность и существует, наслаждаясь этой объективностью. Различные права и свободы действительны лишь на базе и в рамках государства. Гегелевская концепция права и государства представляет собой специфический этатический вариант «государства права». Это не более, как свобода государственно организованного народа. В-третьих, право как закон – «позитивное право», которое является одним из «особых прав». На этой ступени происходит превращение права в закон путём «законодательствования», что придаёт праву форму всеобщности и подлинной определённости. «Свобода бывает там, – отмечает Гегель, – где господствует закон, а не произвол» [19, с. 28]. Предметом законодательства могут быть лишь внешние стороны человеческих отношений, но не их внутренняя сфера. «Веление права по своему основному определению лишь запрет» [19, с. 159]. Закон – это конкретная форма выражения права. Ведь закон есть объективность духа и воли в своей истинности; и лишь такая воля, которая повинуется закону, свободна, потому что она повинуется самой себе и оказывается у самой себя и свободной, так как государство, отечество означает общность наличного бытия, так как субъективная воля человека подчиняется законам, то противоположность свободы и необходимости исчезает.

Гегель различает право и закон, но стремится исключить их противопоставление. Он допускает, что право может быть искажено в процессе законотворчества. Это лишь различные определения одного и того же понятия права на разных ступенях его конкретизации. Противоправное законодательство есть не более как право, не развившееся до идеи свободы. Отличие точки зрения Гегеля от Канта в том, что основы права, а значит и основы принципа свободы, выражаемые в праве, Гегель усматривает не в субъективных стремлениях отдельных лиц, а в государстве, воплощающем в себе главнейшие принципы абсолютной идеи, в том числе и принцип свободы.

Актуальность принципов свободы человека, правосознания и правопорядка бесценны, граждане исполняют обязательные требования государства при введении режима повышенной готовности и режима чрезвычайной ситуации, действуют осмотрительно, не создавая угрозу собственной жизни, здоровью и окружающих.

1. Ильин, И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4 / сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 1994.
2. Монтескье, Ш. Избранные произведения. М., 1955.
3. Алексеев, С. С. Философия права. М.: Норма, 1997.
4. Евлампиев, И. И. Актуальные уроки русского либерализма // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 90–99.
5. Жуков, В. Н. Государство как ценность // Государство и право. 2009. № 9. С. 14–26.
6. Сатаров, Г. А., Благовещенский, Ю. Н., Римский, В. Л. Социологический анализ правосознания судей, населения, предпринимателей. М., 2016.
7. Четвернин, В. А. Основные концепции естественного права. М., 1988.
8. Малахов, В. П. Основы философии права. М.: Академический Проект, 2005.
9. Гроций, Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956.
10. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938.
11. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.
12. Зорькин, В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5–16.
13. Кант, И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2.
14. Баскин, Ю. Я. Очерки философии права. Сыктывкар, 1996.
15. Кант, И. Сочинения на немецком и русском языках. М., 1994. Т. 1.
16. Кант, И. Критика чистого разума. М., 1994.
17. Философия Канта как философия свободы: иная глобализация. Обзор 10-го международного кантовского конгресса // Вопросы философии. 2006. № 8.
18. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. М., 1948. Т. VIII.
19. Гегель, Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.

УДК 34.096
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.17

ПРОБЛЕМЫ НАЛИЧИЯ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Звездина В. О., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: val.zvezdina@yandex.ru
Научный руководитель: **Безус Н. Б.**

PROBLEMS OF AVAILABILITY OF BASES FOR THE APPLICATION OF SECURITY MEASURES IN THE ARBITRATION PROCESS

Valentina O. Zvezdina, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: val.zvezdina@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению вопроса применения обеспечительных мер в арбитражном процессе, а также анализу подходов к законодательному регулированию вопросов, связанных с применением обеспечительных мер арбитражными судами.
Ключевые слова: обеспечительные меры, арбитражный процесс.

Abstract. This article is devoted to the study of the use of interim measures in the arbitration process, as well as the analysis of approaches to legislative regulation of issues related to the use of interim measures by arbitration courts.
Keywords: interim measures, arbitration process.

Одной из основных проблем при изучении института обеспечительных мер является вопрос о наличии оснований для их применения. Связано это, в первую очередь с невозможностью законодательно закрепить все те случаи, когда применение обеспечительных мер необходимо, а также консервативность судейского общества в данной сфере.

Согласно статистическим данным в 2017 году Арбитражные суды субъектов Российской Федерации рассмотрели 41 909 заявлений о принятии обеспечительных мер, отказано было в удовлетворении 28821 заявлений. За 1 полугодие 2018 года в Арбитражные суды поступило 19 422 заявлений об обеспечительных мерах, из них отказано в удовлетворении 13 534 заявлений [1].

При рассмотрении обстоятельств, необходимых для решения вопроса о принятии или отказе в принятии обеспечительных мер, суд оценивает их,

исходя из внутреннего убеждения, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств [2, ч. 1 ст. 71]. Следовательно, существует риск непредсказуемого судейского личного усмотрения в вопросе принятия обеспечительных мер. В связи с этим имеется серьезная проблема допущения простора для злоупотребления судьями своими полномочиями, что подтверждается прецедентами досрочного прекращения полномочий судей за незаконное принятие мер [3].

Согласно Постановлению Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» (ред. от 27.06.2017) суд исходит из того, что в соответствии с частью 2 статьи 90 АПК РФ обеспечительные меры допускаются на любой стадии процесса в случае наличия одного из следующих оснований: 1) если непринятие этих мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта; 2) в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю [4].

Постановлением разъяснены некоторые детали решения данного вопроса, так, затруднительный характер исполнения судебного акта либо невозможность его исполнения могут быть связаны с отсутствием имущества у должника, действиями, предпринимаемыми для уменьшения объема имущества.

Для предотвращения причинения значительного ущерба заявителю обеспечительные меры могут быть направлены на сохранение существующего состояния отношений (statusquo) между сторонами.

Учитывая, что обеспечительные меры применяются при условии обоснованности, арбитражный суд признает заявление стороны о применении обеспечительных мер обоснованным, если имеются доказательства, подтверждающие наличие хотя бы одного из оснований.

Объективная сложность подтверждения обстоятельств, входящих в локальный предмет доказывания, способствовала выработке в судебной практике правила, согласно которому о затруднении исполнения судебного акта свидетельствует наличие следующих факторов: вынужденность обращения в суд с новым иском (Постановление ФАС Центрального округа от 25.05.2009 по делу № А68-322/09-12/10); плачевное финансовое состояние ответчика, признание его банкротом (Постановление ФАС Уральского округа от 08.09.2009 № Ф09-6583/09-С4 по делу № А50-20419/2008); продолжительность неисполнения обязательства (Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 04.10.2012 по делу № А19-14344/2011); значительность суммы требования (Постановления АС Поволжского округа от 13.08.2015 № Ф06-26425/2015 по делу № А06-575/2015); реальная возможность совершить действия, направленные на неисполнение или затруднение исполнения судебного акта (Постановление ФАС Московского округа от 16.11.2009 по делу № КГ-А40-11543-09) [5, с. 110].

В международной правовой науке выработан набор условий для принятия мер: если на первый взгляд (primafacie) иск подлежит рассмотрению в юрисдикции суда, в производстве которого находится заявление; если на первый взгляд (primafacie) иск является обоснованным; если имеется риск причинения заявителю такого ущерба, что он не может быть возмещен должным образом путем присуждения денежной суммы; и обязательное соблюдение пропорциональности [5, с. 113].

Содержание абз. 2 п. 7, п. п. 9 и 10 Постановления № 55 позволяет утверждать о наличии в нем вышеприведенных условий. Вместе с тем закреплены дополнительные обстоятельства, подлежащие установлению при рассмотрении заявления о принятии мер (разумность требования заявителя, обеспечение баланса интересов сторон, связь истребуемой обеспечительной меры с предметом обеспечиваемого требования, недопущение нарушения интересов третьих лиц и публичных интересов).

Иной подход был известен еще в начале XX века. В. А. Краснокутский считал, что для принятия меры в пользу истца суд заранее должен считать иск заслуживающим такой гарантии, то есть, до решения дела допустить презумпцию обоснованности иска. А уже как всякое предположение, эта процессуальная презумпция в будущем может быть опровергнута решением, отказывающим истцу в иске или даже до такого момента – возражениями и доказательствами ответчика [5].

Подводя итог, можно предложить установить в АПК РФ презумпцию существования возможности возникновения затруднений либо вероятной невозможности исполнения судебных актов. Однако это предложение требует дальнейшего научного исследования и широкого обсуждения в юридическом сообществе.

---

1. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4757 (дата обращения: 15.03.2020).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.03.2020).
3. Определение Верховного Суда РФ от 13.06.2006 № КАС06-157 [Электронный ресурс]. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_35078.htm (дата обращения: 15.03.2020).
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» (ред. от 27.06.2017) [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/12150375/ (дата обращения: 15.03.2020).
5. Абдулов, И. В. Проблемы доказывания наличия оснований для принятия обеспечительных мер в арбитражном процессе // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 10. С. 106–119.

УДК 347
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.18

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ОПЫТ РОССИИ И ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Зыкин Б. В., кандидат юридических наук, доцент,
Псковский государственный университет, Институт права, экономики и управления (Псков, Россия)
E-mail: chernosliv60@mail.ru
Гусева Д. Д., студент,
Псковский государственный университет, Институт права, экономики и управления (Псков, Россия)
E-mail: dasha-guseva-2014@mail.ru

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES: EXPERIENCE OF RUSSIA AND PSKOV REGION

Boris V. Zykin, candidate of juridical sciences, associate professor,
Pskov state University, Institute of law, economics and management (Pskov, Russia)
E-mail: chernosliv60@mail.ru
Daria D. Guseva, student,
Pskov state University, Institute of law, economics and management (Pskov, Russia)
E-mail: dasha-guseva-2014@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы административно-правового регулирования миграционных процессов Российской Федерации. Рассматриваются факторы, повлиявшие на становление миграционного законодательства, анализируются его проблемы и предлагаются решения для их устранения.
Ключевые слова: миграция, миграционное законодательство, мигрант, административно-правовое регулирование миграционных отношений, административная ответственность.

Abstract. In the article presents the issues of administrative and legal regulation of migration processes of the Russian Federation. Attention is paid to the legal issues of the migration process. The factors affecting the development of migration legislation are considered.
Keywords: migration, migration legislation, migrant, administrative and legal regulations of migration, administrative responsibility.

Миграция уже долгое время является одним из самых актуальных социальных явлений в России. Миграционные процессы зачастую играют прогрессивную роль, так как обеспечивают укрепление и развитие малонаселенных окраин за счет притока рабочей силы, позволяют людям найти своё место в жизни. Причины миграций носят разнообразный характер, например, экономические (безработица) или социальные (низкий

уровень жизни населения). Однако некоторые мигранты, приезжая, нарушают правопорядок, установленный законодательством Российской Федерации. Сложившаяся обстановка в сфере миграционной политики требует определенного контроля со стороны государства.

Миграцию с юридической точки зрения можно определить как контролируемое и регулируемое государством территориальное перемещение людей в пределах административных границ и за их пределами, по различным причинам, целевой направленности, влекущее постоянное или временное изменение места жительства, связанное с приобретением, изменением и прекращением правового статуса субъектов [1, с. 11]. Строгий административный контроль миграционных процессов был характерной чертой жизни в СССР. Однако после распада Советского Союза этот контроль в России практически утратил свою актуальность. В результате распада обострились проблемы во всех сферах жизни общества: политической, демографической и социальной. Это неизбежно повлекло за собой массовую миграцию значительной части населения стран СНГ в Россию. Как следствие, сформировалась потребность принятия определенных мер государственного воздействия и контроля за миграционным потоком.

Административно-правовое регулирование миграционных потоков – это законная, исполнительно-распорядительная, организационная, целенаправленная деятельность, которую осуществляют органы и определенные должностные лица исполнительной власти. Данное регулирование направлено на контролирование массовых перемещений мигрантов по территории государства. Это нужно для того, чтобы сформировать стабильную миграционную обстановку в Российской Федерации, а также для того, чтобы миграционные процессы носили организованный характер.

Административно-правовое регулирование миграции на данный момент отвечает актуальным и перспективным потребностям общества и государства. Регулирование осуществляется с помощью разработки комплекса нормативно-правовых актов, которые определяют условия, стимулирующие или ограничивающие перемещения людей. Вопросы миграции устанавливаются и регулируются внутренним законодательством государства, так как это сфера его внутренней компетенции. В основе регулирования миграционных процессов лежит в первую очередь Конституция Российской Федерации, определяющая федеративное устройство России, что является важным для регулирования миграции населения. Административное регулирование миграционных потоков включает различные процессы, связанные с территориальным перемещением населения. Регулирование миграционной политики осуществляется с помощью определенных методов, таких как дозволение, предписание и запрет. Государственные органы, которые реализуют права

граждан на свободу перемещения, составляют систему, главной задачей которой является обеспечение правопорядка и контроль в сфере миграции.

Миграция разделяется на внутреннюю и внешнюю, но также она может быть разделена на сезонную либо безвозвратную. Административное регулирование внутренней миграции основывается на ст. 27 Конституции РФ, а положения данной статьи развиваются во многих других правовых актах федерального и регионального значения, прежде всего в Законе РФ «О праве граждан на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [2].

На данный момент правовое регулирование внутренней (социально-экономической) миграции осуществляется по двум направлениям: 1) закрепление правовых основ паспортной системы Российской Федерации; 2) правовое регулирование режима регистрации по месту пребывания и по месту жительства в Российской Федерации. Такое правовое регулирование внутренней миграции касается только граждан Российской Федерации. Нормативно-правовыми актами, регулирующими иные миграционные потоки, закрепляются перемещения по территории России иностранных граждан, лиц без гражданства, а также беженцев или вынужденных переселенцев. Это положение подтверждает ст. 1 Закона о праве граждан на свободу передвижения, где предусматривается, что право на свободу передвижения, выбор места жительства и пребывания в пределах Российской Федерации предоставляется гражданам Российской Федерации [3, с. 136]. От вида нарушенного внутреннего миграционно-правового режима (паспортный режим или режим регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства на территории России) зависит и вид административной ответственности.

Внешняя миграция представляет собой выезд населения из государства (эмиграция) и въезд в государство (иммиграция) на более длительные сроки по различным причинам. Соответственно тех иностранных граждан и лиц без гражданства, которые въезжают на территорию Российской Федерации, называют эмигрантами, а тех, кто выезжает – иммигрантами. В 18 главе Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации содержатся нормы, предусматривающие административно-правовую ответственность за нарушения права в сфере внешней миграции. Родовым объектом данной главы являются общественные отношения в сфере эмиграции и иммиграции. К видовому объекту относятся общественные отношения, возникающие в сфере пересечения Государственной границы гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства и соблюдения режима в пунктах пропуска через Государственную границу, а также общественные отношения, которые

связаны с осуществлением правил пребывания и проживания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

При нарушении мигрантом правил правомерного поведения, предусмотренного миграционным законодательством Российской Федерации, возникает административно-правовая ответственность. Главой 18 КоАП РФ рассматриваются три группы административных правонарушений: правонарушения, посягающие на установленный режим государственной границы; правонарушения, посягающие на пограничный режим; правонарушения в области миграционного законодательства, посягающие на установленный порядок пребывания в Российской Федерации иностранцев и лиц без гражданства. За указанные правонарушения КоАП РФ предусматриваются наказания в виде штрафа, административного выдворения за пределы государства иностранных граждан и лиц без гражданства и административного приостановления деятельности. Одним из самых часто встречающихся наказаний является штраф. Он рассчитан на все правонарушения в данной области. Дополнительное альтернативное наказание – административное выдворение за пределы территории Российской Федерации. Оно применяется к иностранным гражданам и лицам без гражданства. К юридическим лицам применяется административное приостановление деятельности на срок до 90 суток. Это наказание может быть как дополнительным к штрафу, так и альтернативным ему.

Помимо Кодекса об административных правонарушениях, много иных нормативно-правовых актов регулируют миграционные процессы. Например, Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [4]; Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5]; Постановление Правительства РФ «О порядке представления гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства на период их пребывания в Российской Федерации» [6]; Постановление Правительства РФ «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [7] и др. На текущий момент действует концепция государственной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Данная концепция предполагает установление таких правил, которые будут понятны и исполнимы для граждан страны. Вместе с тем правила будут отвечать принципам, целям и задачам миграционной политики, а также совершенствовать миграционное законодательство Российской Федерации, так как в концепции отмечено, что миграционное законодательство лишь частично соответствует будущим потребностям социального и экономического развития общества и страны в целом.

На текущий момент в Российской Федерации существует ряд проблем осуществления правового регулирования миграционных правоотношений. Наличие в нормативно-правовых актах коллизий, несистематизированность законов и подзаконных актов, неточные и неопределенные полномочия федеральных и региональных органов, регулирующих миграционные процессы – всё это является основными недостатками миграционной политики страны. Например, понятия «мигрант», «миграция», «миграционный процесс» не раскрываются в Федеральном законе «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», а ведь данный закон обеспечивает и реализует установленные Конституцией РФ гарантии соблюдения права на свободное передвижение, выбор места жительства и пребывания на территории России, а также других прав и свобод личности. Невозможно решить основные проблемы без определения основных понятий, значения и роли миграций, мигрантов в законах Российской Федерации. У многих людей возникают трудности в использовании миграционного законодательства, в связи с чем некоторые ученые предлагают принять кодифицированный Миграционный кодекс, содержащий полный перечень актов нормативно-правового регулирования. При административном выдворении или депортации мигрантов продолжает сохраняться проблема подтверждения их личности вследствие отсутствия у них или утраты документов, удостоверяющих личность [8, с. 138]. В такой ситуации требуется направление запроса на оформление документов Консульскими отделами стран соответствующей гражданской принадлежности, но данный запрос рассматривается слишком долго, что вызывает ряд проблем.

Следует отметить, что к наиболее частым и характерным нарушениям законодательства можно отнести нарушения при оформлении и выдачи паспортов гражданина Российской Федерации, нарушение сроков оформления документов, нарушение порядка разрешения заявлений об утрате паспортов, регистрации граждан по месту пребывания (жительства). Распространенным нарушением является несоблюдение правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России. Требует доработки правовая регламентация трудовой миграции, которая также далека от совершенства. На текущий момент отсутствуют специальные программы сезонной трудовой миграции. Действующая система квотирования не обеспечивает привлечения иностранных работников на рабочие места в соответствии с заявленной потребностью работодателей [9, с. 155].

Несмотря на все проблемы, есть и положительные моменты миграционной политики. Например, в Псковской области в период с 15 по 23 мая 2018 года было обнаружено 246 административных правонарушений. Суды вынесли 37 постановлений об административном

выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства, а также 15 решений о форме принудительного перемещения через государственную границу. В период с 16 по 22 июля выявлено 159 административных правонарушений, связанных с миграцией и мигрантами. 136 правонарушений касались правил въезда и режима пребывания на территории Российской Федерации, 23 – связаны с нарушением порядка применения и использования иностранной рабочей силы на территории Российской Федерации [10].

Проведенная в 2019 году операция «Нелегал-2019» показала следующие результаты: основную часть (46,3%) административных правонарушений в миграционной сфере совершают граждане стран СНГ. Нарушения, которые связаны с несоответствием заявленной цели въезда реально осуществляемой деятельности, составляют 18,1%. Данные правонарушения осуществляются преимущественно лицами из стран Балтии, тип визы которых не соответствует намерениям посещения Российской Федерации.

Раскрытые миграционные правонарушения в ходе операции «Нелегал-2019» повлекли за собой не только административную, но и уголовную ответственность. Данная операция послужила эффективным средством воздействия на улучшение и стабилизацию миграционной обстановки в Псковской области, а также позволила сократить число потенциальных общественно-опасных, вредных последствий со стороны приезжих из других стран, не соблюдающих требования федерального законодательства [11]. Усиление административного контроля – необходимая мера для пресечения незаконной миграции, так как незаконная миграция представляет непосредственную и значительную угрозу национальной безопасности России. Под незаконной миграцией понимают незаконное пересечение государственной границы, создание преступных сообществ, терроризм, наркобизнес, торговлю оружием и людьми, контрабанду. Сложность решения данной проблемы связана в первую очередь с латентностью перечисленных правонарушений и с отдаленностью наступления отрицательных последствий.

Таким образом, регулирование миграционных процессов определяется внутренним законодательством Российской Федерации, предусматривающим разные способы контроля миграционной политики, за несоблюдение которой назначаются санкции в виде административного штрафа, выдворения за пределы страны либо административного приостановления деятельности. Несмотря на постоянное развитие миграционного законодательства и наличие государственной концепции миграционной политики 2019–2025 годов, в системе административно-правового регулирования миграционной политики возникают определенные трудности и проблемы, которые требуют своего разрешения.

Подводя итог, можно сказать о том, что перед российским законодателем стоят задачи совершенствования существующего миграционного законодательства, ужесточения ответственности за его нарушение, формирования эффективной системы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в сфере миграции, усиления уже существующих институтов миграционного контроля, а также устранения коллизий законодательства. Главными целями Российской Федерации являются всеохватывающий надзор за законностью миграционных потоков и получение максимально положительного результата от миграции в экономическом и социальном плане.

---

1. Андриченко, Л. В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 5–16.
2. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 10 августа.
3. Жеребцов, А. Н., Малышев, Е. А. Миграционное право России: учебник для вузов / под общ. ред. А. Н. Жеребцова. М.: Юрайт, 2020. 437 с.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.
5. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2003 года № 167 «О порядке представления гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства на период их пребывания в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1240.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.01.2007 № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 5. Ст. 653.
8. Зраева, И. М., Лаптев, В. И. Проблемы правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. 2019. № 3. С. 136–141.
9. Зраева, И. М. Правовое регулирование миграционных процессов в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 153–156.
10. Псковское агентство информации [Электронный ресурс]. URL: https://informpskov.ru/news/303972.html (дата обращения: 14.08.2020).
11. Управление МВД России по Псковской области [Электронный ресурс]. URL: https://60.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/17716624/ (дата обращения: 14.08.2020).
12. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.08.2020).
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

УДК 342.9
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.19

ПОНЯТИЕ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В КОДЕКСЕ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зыкина Е. В., кандидат юридических наук, доцент,
Псковский государственный университет, Институт права, экономики и управления
(Псков, Россия)
E-mail: chernosliv60@mail.ru
Дорохова А. В., студент,
Псковский государственный университет, Институт права, экономики и управления
(Псков, Россия)
E-mail: anastasiyadorohova@rambler.ru

THE CONCEPT OF INSIGNIFICANCE OF THE ADMINISTRATIVE OFFENSE IN THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Elena V. Zykina, candidate of juridical sciences, associate professor,
Pskov state University, Institute of law, economics and management
(Pskov, Russia)
E-mail: chernosliv60@mail.ru
Anastasia V. Dorokhova, student,
Pskov state University, Institute of law, economics and management
(Pskov, Russia)
E-mail: anastasiyadorohova@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с определением понятия «малозначительность» административного правонарушения. Автор приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления критериев малозначительности, а также четкого перечня малозначительных административных правонарушений.
Ключевые слова: малозначительность, административное правонарушение, административная ответственность, освобождение от административной ответственности, преступление.

Abstract. The article discusses the problems associated with the definition of the concept of “insignificance” of an administrative offense. The author comes to the conclusion about the need for legislative consolidation of signs, criteria of insignificance, as well as a clear list of minor administrative offenses.
Keywords: insignificance, administrative offense, administrative responsibility, exemption from the administrative liability, offense.

Понятие малозначительности административного правонарушения по сей день является темой для дискуссий, так как и в настоящий момент на законодательном уровне не закреплены критерии, которые позволяют признать совершённое деяние малозначительным. Возможность использования института малозначительности закреплена в статье 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В административном законодательстве указано, что в случае признания правонарушения малозначительным судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

Такое обстоятельство порождает ряд вопросов, связанных с понятием «малозначительность», а именно: что следует понимать как «малозначительность» совершённого административного правонарушения; какие признаки должно содержать деяние, чтобы лица, в полномочия которых входит решение данного дела, имели возможность освободить лицо от административной ответственности; наличие каких обстоятельств не будет свидетельствовать о малозначительности совершённого административного правонарушения.

Отсутствие в статье 2.9 КоАП РФ чётко обозначенных признаков, по которым совершённое деяние можно признать малозначительным, создаёт множество трудностей как для правоприменителей, так и для граждан. Выявление признаков малозначительности административного правонарушения имеет большое теоретическое и практическое значение. В настоящее время появляется все больше научных работ по данной тематике, исходя из чего, можно сделать вывод о значительно возросшем интересе к нюансам применения норм о малозначительности правонарушения.

Известно, что правонарушения делятся на преступления и проступки. В этом ключе необходимо рассмотреть такие категории как «административное правонарушение» и «административная ответственность».

Статья 2.1 КоАП РФ устанавливает законодательное определение понятия «административное правонарушение». Административное законодательство определяет данный вид правонарушения как противоправное, виновное действие либо бездействие физического или юридического лица, за которое в КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Прежде всего, административное правонарушение представляет собой определённое деяние, которое может выражаться в форме действия

либо бездействия. Какими бы опасными не были убеждения либо намерения, мысли человека, до того момента, пока они не претворены в жизнь, в конкретное деяние, человек не несёт за них административную ответственность. Рассмотрев определение, можно выделить специфические черты, признаки, наличие которых будет свидетельствовать о том, что лицо совершило именно административное правонарушение. К таким признакам можно отнести противоправность деяния, виновность, наказуемость.

Действие представляет активную форму поведения, складывающуюся не просто из физических действий, а из осознанных и волевых действий. Бездействие – это пассивная форма поведения лица, выражающаяся в неисполнении им определенных действий, которое приводит к наступлению неблагоприятных последствий. Противоправность представляет собой нарушение определённой нормы, которая содержится в КоАП РФ или законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Вина в административном праве понимается как осознанно-волевое отношение субъекта правонарушения к совершаемому деянию и его последствиям. Угроза наказанием лицу, которое совершило противоправные деяния, означает, что любая норма административного законодательства, определяющая поведение лица как правонарушение, должна иметь санкцию. Санкция в свою очередь должна содержать наказание такого вида и размера, которые необходимы и будут достаточны для восстановления социальной справедливости.

В свою очередь, административная ответственность представляет собой определённый вид юридической ответственности. Данный вид ответственности выражается в возможности применения уполномоченным на то органом или должностным лицом административного наказания. Административное наказание может быть применено к гражданам и юридическим лицам, которые совершили деяние в форме действия либо бездействия, содержащее все признаки административного правонарушения.

В КоАП РФ нашли закрепление различные основания как для привлечения лица к административной ответственности, так и основания, по которым возможно освобождение от этого вида ответственности. Административная ответственность, обладая свойствами юридической ответственности, имеет ряд специфических черт. К таким можно отнести то, что данный вид ответственности наступает за деяния, которые менее опасны, нежели преступления; не влечет судимости и увольнения с работы; является более мягкой по сравнению с уголовной; характерной чертой является также то, что субъектами ответственности выступают как физические, так и юридические лица [1, с. 604].

Сравнивая «малозначительность» в УК РФ и КоАП РФ, следует отметить сходства и различия. И в административном, и в уголовном законодательстве четкие признаки и границы данного понятия не определены. Тем не менее, в отличие от уголовного законодательства, в административном законодательстве малозначительное деяние все-таки признается правонарушением, но в силу его малозначительности лицо может быть освобождено от административной ответственности. Уголовное законодательство делает акцент на степени общественной опасности совершённого деяния, но преступлением его не признаёт. Административное законодательство, упоминая малозначительность, акцентирует внимание на том, что судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут, но не обязаны освободить лицо и ограничиться устным замечанием. Освобождение лица от административной ответственности по причине малозначительности определяется индивидуально в каждом случае. Кроме того, необходимо наличие возможности назначения предупреждения в санкции статьи.

Ставя вопрос о привлечении лица к административной ответственности, необходимо комплексно изучить всю совокупность факторов, характеризующих совершённое правонарушение. К таким факторам можно отнести личность, причины, обстановку и последствия совершённого деяния. Необходимо принять во внимание и другие обстоятельства, в том числе смягчающие и отягчающие административную ответственность. Орган, лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, обязаны рассмотреть и оценить обстоятельства конкретного правонарушения, последствия, которые повлекло либо не повлекло за собой анализируемое деяние. Необходимо убедиться в отсутствии вреда для общества и отдельных граждан и изучить общую обстановку. Только после такого комплексного анализа будет возможным либо признание деяния малозначительным, либо не признание его таковым.

Определение малозначительности административного правонарушения может по-разному толковаться судами даже в, казалось бы, аналогичных спорах. Применяя малозначительность совершённого административного правонарушения, судьи не всегда полностью исследуют обстоятельства дела, представленные доказательства. Сложившаяся ситуация не позволяет говорить о единстве судов, при решении вопроса о признании совершённого деяния малозначительным. Как следствие, возникает проблема, связанная с ограничением правоприменительного усмотрения органов, уполномоченных решить дело об административном правонарушении [2, с. 18].

Таким образом, лишь оценив всю совокупность фактов, уполномоченным органам следует принимать решение об освобождении

от административной ответственности лица, совершившего правонарушение. Освобождение от административной ответственности ввиду малозначительности совершённого административного правонарушения влечет за собой объявление устного замечания [3].

Рассмотрим, какие последствия следуют после объявления устного замечания. С юридической точки зрения, устное замечание не несет в себе каких-либо последствий для лица, которое совершило административное правонарушение. Данная мера выполняет скорее воспитательную функцию. В большей степени она направлена на то, чтобы лицо осознало противоправность своего поведения. Рассматриваемая мера выполняет превентивную функцию не только для лица, которому объявлено устное замечание, но и для других членов общества. Кроме того, объявление устного замечания свидетельствует о неотвратимости государственного реагирования на хотя и малозначительные, но все же противоправные деяния. Необходимо также упомянуть, что лицо, освобождённое от административной ответственности в силу малозначительности административного правонарушения, не считается подвергнутым административному наказанию. Объявление устного замечания не учитывается и при совершении повторного правонарушения [4, с. 172].

На данный момент, в юридической литературе возможно отыскать разнообразные подходы к определению такого понятия как «малозначительность» деяния. Рассматриваемая категория является в большей степени оценочной, возможно, поэтому до сих пор не удаётся прийти к единому мнению о том, какие деяния следует признавать малозначительными.

К примеру, Д. В. Осинцев считает, что малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, формально содержащее признаки состава административного правонарушения, однако, учитывая характер совершённого правонарушения и роль правонарушителя, а также размер вреда и тяжесть наступивших последствий, существенно не нарушает охраняемые общественные отношения [5, с. 272].

Некоторые учёные дают определение малозначительности административного правонарушения через выделение признаков данного явления. Например, А. В. Зубач выделяет следующие признаки малозначительности. Во-первых, это противоправное, виновное деяние. Во-вторых, вред, который причиняется охраняемым законом общественным отношениям, по размеру, характеру и объёму должен быть крайне мал. В-третьих, деяние не причиняет большой опасности охраняемым законом правам, интересам и благам. В-четвертых, выделяется отсутствие обстоятельств, отягчающих административную ответственность. Отягчающие обстоятельства перечислены в статье 4.3

КоАП РФ, к ним относятся: продолжение противоправного поведения, несмотря на требование уполномоченных на то лиц прекратить его; совершение административного правонарушения в условиях стихийного бедствия или при других чрезвычайных обстоятельствах; повторное совершение однородного административного правонарушения и некоторые другие. Пятый признак: административное правонарушение должно иметь разовый, кратковременный характер [6, с. 377].

Судами были сформулированы некоторые критерии, по которым совершённое деяние следует признавать малозначительным: во-первых, характер совершённого правонарушения; во-вторых, роль правонарушителя; в-третьих, размер вреда и тяжесть наступивших последствий. Кроме того, существенным критерием будет то, что совершённое деяние, содержащее все эти признаки, существенно не нарушает охраняемые общественные отношения. В таком случае оно может быть признано малозначительным. Следует сделать акцент на необходимости учета признаков объективной стороны некоторых административных правонарушений. Они не могут быть признаны малозначительными, так как не отвечают указанному выше критерию – существенно нарушают охраняемые законом общественные отношения [7].

Для того, чтобы квалифицировать правонарушение как малозначительное, необходимо оценить все стороны произошедшего. Нельзя не обратить внимание на следующие аспекты: отсутствие угрозы охраняемым общественным отношениям; наличие определённых условий, которые не будут свидетельствовать о малозначительности. Суд отнёс к ним: личность, имущественное положение лица, привлекаемого к ответственности, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба [8]. Такие обстоятельства на основании частей 2 и 3 статьи 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания.

Обратимся к статистике. В 2015 году мировыми судьями было прекращено производство дел, в том числе освобождено от административной ответственности – 219 тысяч, что составило 3,8% от общего числа рассмотренных. Из всех дел, производство по которым было прекращено по различным основаниям, малозначительность административного правонарушения стала таким основанием в 50,1 тысячах, или 0,9% случаях. То есть, малозначительность деяния как основание освобождения от административной ответственности составляет около 23% от общего количества дел, по которым лица были освобождены от административной ответственности. В 2017 году мировыми судьями было прекращено производство дел об административных правонарушениях, ввиду их малозначительности – 54 тысячи, что составило 1% от общего числа лиц, в отношении которых были окончены

производством дела об административных правонарушениях. Это практически на 4000 больше по сравнению с 2015 годом. Данные статистики демонстрируют, что в период с 2015 по 2017 годы количество дел, по которым основанием для прекращения производства стала малозначительность совершённого административного правонарушения, возросло [9].

Проанализировав статистические сведения, можно сделать вывод, что малозначительность административного правонарушения – достаточно распространенное основание для прекращения производства по делам об административном правонарушении.

Как уже было отмечено ранее, среди судов отсутствует единство в применении института малозначительности. В связи с данным обстоятельством, чтобы оценить необходимость единого толкования такого понятия, как малозначительность административного правонарушения, рассмотрим судебную практику.

Изучая судебную практику, можно сделать вывод об отсутствии единства определения малозначительности административного правонарушения судами. Как следствие, возникает вопрос о выделении таких составов, по которым постановка вопроса о признании деяния малозначительным совершенно недопустима. Статья 2.9 КоАП РФ не содержит прямого указания или запрета на то, с каким составом правонарушения могут быть признаны малозначительными. Данное обстоятельство на практике приводит к тому, что суд, рассматривая дело и опираясь на конкретные обстоятельства, может признать малозначительным как правонарушение с формальным, так и с материальным составом. Нередко случается, когда в рассматриваемом деле уровень возможных неблагоприятных последствий для лица, совершившего правонарушение, во много раз превышает степень общественной опасности противоправного деяния. В таких случаях суды зачастую ссылаются на один из основных принципов правосудия – соразмерность наказания и освобождают лицо от административной ответственности. Такая позиция объясняется необходимостью надлежащей реализации принципов юридической ответственности в каждом случае правоприменения.

Анализ теории и практики позволяет сделать следующие выводы. Отсутствие в законодательстве четких признаков, по которым то или иное совершённое противоправное деяние можно признать малозначительным, является существенной проблемой для применения института малозначительности. Несмотря на то, что судебными органами были сформулированы некоторые критерии малозначительного административного правонарушения, институт малозначительности деяния урегулирован недостаточно. Так как единый учёт и толкование

обстоятельств дела для признания деяния малозначительным отсутствует, возникает проблема, связанная с ограничением правоприменительного усмотрения органов, уполномоченных решить дело об административном правонарушении. Отсутствие чётких критериев малозначительности в административном законодательстве приводит к тому, что, оценивая предоставленные доказательства по делу, суд может исходить из достаточно субъективных фактов. В свою очередь такая ситуация может приводить к тому, что суд выносит не совсем корректное решение. Это может приводить и к тому, что лицо, которое действительно заслуживало наказания, сможет избежать его, и к тому, что лицо, которое совершило в действительности малозначительное деяние, будет подвергнуто наказанию, которое не соответствует совершённому им деянию. Однако в предоставлении судам достаточно широкого поля для действий есть и положительная сторона, иначе каким образом выносить решения по тем или иным делам, если законодатель чётко не указывает, что следует признавать малозначительным. В связи с этим, судам необходимо учитывать обстоятельства каждого конкретного случая нарушения норм, установленных законодательством. Это позволяет учесть особенности рассматриваемого дела и принять решение, опираясь на всю совокупность фактов. Из всего вышеперечисленного следует необходимость законодательного закрепления критериев малозначительности, а также четкого перечня малозначительных административных правонарушений.

---

1. Россинский, Б. В., Старилов, Ю. Н. Административное право: учебник. 4-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2009. 927 с.
2. Степанов, В. В. Малозначительность правонарушения в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 18 [Электронный ресурс]. URL: https://www.dissercat.com/content/sovershenstvovanie-zakonodatelstva-i-pravoprimenitelnoi-praktiki-ob-osvobozhdenii-ot-adminis (дата обращения: 12.03.2020).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
4. Мигачев, Ю. И., Попов, Л. Л. , Тихомиров, С. В. Административное право: учебник для среднего профессионального образования / под ред. Л. Л. Попова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 456 с. [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/450747 (дата обращения: 03.03.2020).
5. Осинцев, Д. В. Административная ответственность: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 466 с. [Электронный ресурс]. URL: https://biblio-online.ru/bcode/448486 (дата обращения: 03.03.2020).
6. Зубач, А. В. Административное право: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А. В. Зубач [и др.]; под общ. ред. А. В. Зубача. М.: Юрайт, 2019. 530 с. [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/ bcode/428567 (дата обращения: 03.03.2020).
7. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума

Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 // Собрание законодательства РФ. Бюллетень Верховного Суда РФ от 30.06.2005. № 6.
8. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 02.06.2004 г. № 10 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8. (ред. от 20 ноября 2008 г.).
9. Официальная статистика судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Obzor_sudebnoy_statistiki_2017_dela_ob_AP.pdf (дата обращения: 16.03.2020).

УДК 342.9
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.20

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 20.20 КОДЕКСА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Зыкина Е. В., кандидат юридических наук, доцент,
Псковский государственный университет, Институт права, экономики и управления
(Псков, Россия)
E-mail: chernosliv60@mail.ru
Кучерова А. В., студент,
Псковский государственный университет, Институт права, экономики и управления
(Псков, Россия)
E-mail: kucherovaaa.anastasiya@ gmail.com

PROBLEMS OF PROVING WHEN IMPLEMENTING TO ADMINISTRATIVE LIABILITY UNDER ARTICLE 20.20 OF THE CODE ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Elena V. Zykina, candidate of juridical sciences, associate professor,
Pskov state University, Institute of law, economics and management
(Pskov, Russia)
E-mail: chernosliv60@mail.ru
Anastasiya V. Kucherova, student,
Pskov state University, Institute of law, economics and management
(Pskov, Russia)
E-mail: kucherovaaa.anastasiya@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы доказывания правонарушений по статье 20.20 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Проводится подробное описание сложностей, возникающих при привлечении лица к административной ответственности по данной статье. В целях устранения существующих проблем предложено внести ряд изменений в текущее законодательство.
Ключевые слова: административная ответственность, доказывание, проблемы, потребление, состояние опьянения, общественное место, медицинское освидетельствование.

Abstract. The article examines the actual problems of proving offenses under article 20.20 of the administrative Code of the Russian Federation. A detailed description of the difficulties that arise when bringing a person to administrative responsibility under this article is given. In order to eliminate existing problems, it is proposed to make a number of changes to the current legislation.
Keywords: administrative responsibility, proof, problems, consumption, state of intoxication, public place, medical examination.

Ни для кого не секрет, что административные правонарушения, объектом посягательства которых считаются общественный порядок и общественная безопасность, составляют существенную долю от общего количества всех правонарушений. Так, например, согласно официальной статистике, опубликованной МВД, правонарушения по статье 20.20 Кодекса административных правонарушений (далее – КоАП) являются одними из самых распространённых и часто совершаемых: например, в 2016 году было совершено 2 849 101 правонарушений, в 2017 г. – 1 977 382, в 2018 г. – 1 642 425 [1]. На фоне потребления алкогольной продукции или наркотических веществ нередко, должно быть, совершаются и иные, более опасные деликты. Именно поэтому своевременная реакция правоохранительных органов важна для поддержания законности и правопорядка. При этом правильная квалификация правонарушений, по справедливости, является обязательной и необходимой для пресечения и выявления противоправных деяний.

Лицо, как известно, подлежит административному взысканию не позднее одного года с того момента, как совершило правонарушение. Привлечение лица к юридической ответственности по рассматриваемой нами статье является, мы полагаем, превентивной мерой, которая в первую очередь направлена на сохранение здоровья правонарушителя, предотвращение злоупотребления алкогольной продукцией и наркотическими веществами, а также на предупреждение общественно опасных деяний, связанных с нахождением лица в состоянии алкогольного или наркотического опьянения в публичных местах.

Вне всякого сомнения, для верной квалификации необходимо правильно определить состав правонарушения, т. е. установить ряд признаков, при наличии каждого из которых конкретное деяние становится нарушением административного закона. Состав правонарушения по ст. 20.20 КоАП является, с точки зрения закона, следующим: субъектом данного правонарушения признается гражданин, достигший шестнадцатилетнего возраста; субъективная сторона характеризуется прямым умыслом; родовым объектом являются общественные отношения, сложившиеся в процессе обеспечения порядка в общественных местах [2]. Объективная сторона выражается в действии, а именно, как мы полагаем, в распитии алкогольной продукции и потреблении наркотических и (или) психотропных веществ на территориях, свободных для посещения неограниченным кругом лиц.

Правонарушения по данной статье являются на сегодняшний день, как было сказано ранее, одними из самых распространённых, однако работники правоохранительных органов нередко сталкиваются с трудностями и сложностями в доказывании противоправного деяния.

Начнем с того, что место совершения правонарушения считается факультативным признаком объективной стороны обсуждаемого нами

состава, однако по статье 20.20 оно является необходимым для правильной квалификации [3]. Проблема состоит в том, что законодатель не устанавливает конкретного перечня мест, которые считаются общественными, однако данное понятие применяется в значительном количестве нормативно правовых актов. Так, например, в п. 1 ст. 12 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» приводится список мест, на которых запрещается курение табака, а именно: детские площадки, пляжи, пассажирские платформы, автозаправочные станции и др. [4]. Также в п.п. 5, п. 1, ст. 12 ФЗ «О полиции» указываются общественные места (улицы, площади, стадионы, скверы, парки, транспортные магистрали, вокзалы, аэропорты, морские и речные порты), однако и этот список не является исчерпывающим, как указывает сам законодатель, дополняя пункт статьи формулировкой «и другие общественные места» [5]. Стало быть, понятие «общественное место» действительно находит отражение в российском действующем законодательстве, но буквальной формулировки, как мы убедились, не имеет.

Неоднократно учёные-правоведы и известные отечественные юристы обращались к проблеме определения понятия «общественное место». Так, Е. А. Никоноров и А. А. Никоноров считают, что к общественным местам относятся любые места, свободные для разового, периодического либо постоянного доступа и использования неопределённым кругом лиц, в том числе места проведения массовых мероприятий, обслуживания и отдыха людей, при этом не являющиеся объектом частного пользования либо местом пребывания не разрешённым законодательством для пребывания граждан» [6, с. 226]. Предполагаем, что данное понятие является наиболее точным и подходящим для выявления мест рассматриваемой категории.

На основании вышеизложенного можем сделать вывод о том, что исчерпывающий перечень общественных мест законодательно не закреплён, а примерный список указанных мест можно выделить лишь путём анализа норм федерального законодательства и иных нормативно правовых актов на основе определений, составленных учёными и юристами. К сожалению, отсутствие точной формулировки «общественное место» представляет существенную сложность для квалификации правонарушений по рассматриваемой нами статье.

Проблематичным является и доказывание самого факта распития алкогольной продукции и потребления наркотических и (или) психотропных веществ в общественных местах. Согласно практике, распространённым на сегодняшний день является сокрытие данных об употребляемом спиртном напитке посредством использования непрозрачной упаковки или же ёмкости, идентификационные данные которой не дозволяют отнести потребляемый напиток к алкогольной продукции (например, это может быть стакан из-под кофе, бутылка

безалкогольного лимонада) [7, с. 26]. Кандидат юридических наук О. А. Дизер отмечает, что в данных ситуациях отсутствует такой признак объективной стороны, как распитие алкогольной продукции, следовательно, и лицо невозможно привлечь к административной ответственности по статье 20.20 закона [8, с. 141]. Таким образом, недоказанность факта потребления алкогольной продукции исключает противоправность деяния.

Также в связи с доказыванием факта потребления алкогольной продукции в общественных местах возникает вопрос, не решённый современным российским законодательством, – приравнивается ли раскрытая банка спиртосодержащей продукции к распитию алкогольного напитка? Очевидно, что данный казус вызовет сложность при доказывании правонарушения по статье 20.20 КоАП, ведь если не зафиксирован сам факт потребления алкогольной продукции, то нет и объективной стороны состава правонарушения, а из этого следует, что нет и противоправного деяния. С другой стороны, при неразрешённости данного вопроса сотрудники полиции могут воспользоваться показаниями свидетелей. Так, мы можем привести постановление Челябинского областного суда от 19.08.2014 г. № 4а-14-588, которым гражданин А. был привлечён к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.20 КоАП Российской Федерации [9]. По версии самого гражданина А., приобретённую в магазине алкогольную продукцию он на улице (т. е. в общественном месте) употреблять не желал и не собирался, а нёс открытую бутылку пива в руке, – именно поэтому, по его словам, он был не согласен с вынесенным постановлением. Во избежание недоказанного привлечения лица к юридической ответственности, сотрудник полиции УМВД РФ г. Озёрска Челябинской области допросил свидетеля – Ш.В.Г., который подтвердил, что гражданин А. находился около дома № 27 на пр. Победы, выпивал крепкий спиртной напиток. Без показаний очевидцев с уверенностью невозможно было бы задержать лицо и наложить на него административные взыскания по рассматриваемой нами статье. Также мы можем сделать вывод о том, что за открытую банку со спиртосодержащей продукцией лицо не может быть привлечено к административной ответственности по ст. 20.20 КоАП, если не зафиксирован сам факт распития алкогольных напитков в общественном месте.

Одним из неоспоримых доказательств потребления алкогольной продукции или наркотических средств в общественных местах является медицинское освидетельствование. Согласно п. 6 гл. 2 Приказа Минздрава РФ «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» от 2015 года (ред. 2019 года), критериями, при наличии которых можно полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит медицинскому освидетельствованию, являются: запах алкоголя

изо рта, неустойчивость позы и шаткость походки, нарушение речи, резкое изменение окраски кожных покровов лица [10]. Однако с другой стороны, присутствие данных признаков не всегда является характерной чертой состояния опьянения – предполагаемый субъект правонарушения может иметь некоторые из вышеперечисленных признаков по состоянию болезни (например, при афазии наблюдается расстройство сформировавшейся речи, а при сенситивной атаксии – дискоординация и двигательные нарушения). Следовательно, при наличии вышеперечисленных критериев не всегда с уверенностью можно сделать вывод о том, что лицо находится в состоянии опьянения и потребляет запрещённые продукцию и вещества в публичном месте.

Существует и неразрешённость противоречия относительно направления на прохождение медицинского освидетельствования. С одной стороны, сотрудники полиции, согласно п. 14 ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О полиции» имеют право «доставлять на медицинское освидетельствование в соответствующие медицинские организации граждан для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств, если результат освидетельствования необходим для подтверждения либо опровержения факта совершения преступления или административного правонарушения» [11]. Но с другой стороны, в современном законодательстве отсутствует обязанность граждан, предположительно находящихся в состоянии опьянения, пройти данное обследование, что практически сводит к нулю доказательственную базу по правонарушениям по статье 20.20 КоАП. Также стоит отметить, что, так как объективной стороной данного правонарушения является не нахождение в состоянии опьянения, а потребление спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ в общественных местах, то обязательное установление состояния опьянения лица в данном случае не требуется.

С противоречивым вопросом, предполагаем, связана и иная проблема в доказывании совершения противоправного деяния по ст. 20.20 Закона. Если лицо отказывается пройти медицинское освидетельствование, то сотрудники полиции вправе приобщить к материалам дела показания свидетелей, т. е. лиц, которым могут быть известны обстоятельства дела, подлежащие установлению. Но и в этом случае существует неточность, ибо показания могут отражать субъективное мнение свидетелей о предположительно совершаемом правонарушении, а это значит, что свидетельские показания не всегда могут быть достоверными, не подлежащими сомнению (например, свидетели могут не рассмотреть упаковку потребляемой продукции в общественном месте ввиду невнимательности). Таким образом, и показания свидетелей могут поставить под вопрос точность и безошибочность доказывания при привлечении к ответственности по статье 20.20.

Недостаток доказательств или же их необоснованность, бесспорно, также являются одной из проблем данной тематики, о чём, в довершении всего, свидетельствует широкая база судебной практики. В пример можно привести решение Тарногского районного суда Вологодской области 2009 г. по статье 20.20 КоАП, а именно удовлетворение жалобы К. на постановление по делу об административном правонарушении [11]. Гражданин К. был не согласен с принятым решением, считал его необоснованным и незаконным, ссылаясь на то, что все обстоятельства дела не были полно и всесторонне установлены. Согласно протоколу, составленному сотрудником полиции, «…в 23 часа 10 мин. гражданин К. распивал в общественном месте пиво, о чём свидетельствует банка пива "Балтика" ёмкостью 0,5 литра». Однако в протоколе об административном нарушении по ч. 1 ст. 20.20 КоАП 29 апреля 2009 г. было отражено лишь наличие банки пива «Балтика № 3», а факт потребления спиртных напитков в публичном месте зафиксирован не был. На этом основании суд отменил постановление об административном нарушении за недоказанность обстоятельств. Следовательно, сбор фактических данных и их закрепление играют важную роль при доказывании виновности лица при совершении общественно опасного деяния.

Таким образом, на основе рассмотренных и описанных выше проблем, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день существует достаточное количество сложностей при доказывании правонарушения и привлечения к ответственности по подвергнутой нами обсуждению статье КоАП.

С целью разрешения вышеперечисленных проблем представляется необходимым внесение ряда изменений в соответствующее законодательство:

– дополнить статью 20.20 КоАП определением «общественное место» и точным перечнем данных территорий;

– устранить юридическую коллизию между нормами, регулирующими порядок направления правонарушителя на медицинское освидетельствование посредством введения обязанности лица, имеющего все признаки состояния алкогольного или наркотического опьянения, пройти данную процедуру. Отказ же лица от выполнения вышеупомянутого действия следует, мы считаем, квалифицировать как невыполнение законных требований должностного лица по статье 17.7 КоАП.

Также и своевременные действия сотрудников полиции, несомненно, играют важную роль при пресечении административных правонарушений. Во время обучения и подготовки к правоохранительной деятельности следует развивать такие качества как внимательность, предусмотрительность, компетентность, ведь именно от правильных действий сотрудников полиции зависит, будут ли граждане чувствовать

себя защищёнными от незаконных посягательств в общественных местах от лиц, находящихся в состоянии алкогольного и (или) наркотического опьянения.

---

1. Официальный сайт Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел России [Электронный ресурс]. URL: http://www.mvd.ru (дата обращения: 22.02.2020).
2. Комментарий к ст. 20.20 КоАП РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.kodap.ru/kommentarii/razdel-2/glava-20/st-20-20-koap-rf (дата обращения: 23.02.2020).
3. Кодекс административных правонарушений Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 19.02.2020).
4. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
6. Никоноров, Е. А., Никоноров, А. А. Понятие общественного места в российском законодательстве // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 222–227.
7. Давыдов, М. В. Особенности доказывания потребления (распития) алкогольной продукции в общественных местах: проблемы правоприменительной практики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 24–29.
8. Дизер, О. А. Некоторые проблемы применения полицией норм, предусматривающих административную ответственность за совершение правонарушений, связанных с пьянством // Актуальные проблемы административной ответственности: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Омская юридическая академия. Омск, 2014. С. 137–143.
9. Постановление Челябинского областного суда от 19.08.2014 № 4а-14-588 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ourcourt.ru/cheljabinskij-oblastnoj-sud/2014/08/19/2349.htm (дата обращения: 03.03.2020)
10. Приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н (ред. от 25.03.2019) «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195274/ (дата обращения: 24.02.2020).
11. Решение Тарногского районного суда Вологодской области от 13 мая 2009 года [Электронный ресурс]. URL: http://tarnogsky.vld.sudrf.ru/ modules.php?name= docum_ (дата обращения: 28.02.2020).

УДК 342
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.21

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

Зыкина Е. В., кандидат юридических наук, доцент,
Псковский государственный университет, Институт права, экономики и управления
(Псков, Россия)
E-mail: chernosliv60@mail.ru
Смирнова Е. А., студент,
Псковский государственный университет, Институт права, экономики и управления
(Псков, Россия)
E-mail: ekaterinas18ekaterina@yandex.ru

PROBLEMS OF THE QUALIFICATION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF CUSTOMS BUSINESS

Elena V. Zykina, candidate of juridical sciences,associate professor,
Pskov state University, Institute of law, economics and management
(Pskov, Russia)
E-mail: chernosliv60@mail.ru
Ekaterina A. Smirnova, student,
Pskov state University, Institute of law, economics and management
(Pskov, Russia)
E-mail: ekaterinas18ekaterina@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время распространены административные правонарушения в сфере таможенного дела. Данная тема актуальна, так как нарушение таможенных правил – нередкое явление, и перед таможенными органами стоит задача правильной квалификации противозаконных деяний, а также задача пресечения таковых действий на границе РФ с другими государствами.
Ключевые слова: административное правонарушение, таможенное правонарушение, квалификация таможенного правонарушения, нарушение правил таможни, Кодекс об административных правонарушениях.

Abstract. Currently, administrative offenses in the field of customs are common. This topic is relevant, since violation of customs rules is a frequent occurrence, and the customs authorities are faced with the task of correctly qualifying illegal acts, as well as the task of suppressing such actions on the border of the Russian Federation with other states.
Keywords: administrative offence, customs offense, customs offense qualification, violation of customs regulations, Code of Administrative Offenses.

Таможенное правонарушение – это противоправное деяние лица, выражающееся в форме действия либо бездействия и осуществляющее посягательство на правила таможенного регулирования, установленные

таможенным законодательством Российской Федерации, при нарушении которого предусмотрена административная или уголовная ответственность.

Любое таможенное правонарушение способно повлечь за собой административную или уголовную юридическую ответственность, которая будет применяться в отношении личности, осуществившей его. В данной статье речь пойдет непосредственно об административных правонарушениях в сфере таможенного регулирования.

Стоит начать с того, что сфера административных правонарушений в области таможенного дела достаточно узкая – представлено всего лишь 24 состава (дан исчерпывающий перечень административных составов). Правонарушениям в данной области посвящена глава 16 особенной части Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ). КоАП – это основной закон Российской Федерации, устанавливающий административную ответственность за совершение таких проступков [1]. Кроме того, КоАП является актом, регламентирующим вопросы об административной ответственности за противозаконное деяние и устанавливающим санкции за совершение административного деликта, которые впоследствии применяются к правонарушителю. Таким образом, каждый состав таможенного правонарушения содержит в себе следующие элементы административного проступка: объект, субъект, объективную сторону и субъективную сторону. Все элементы состава административного правонарушения являются обязательными для квалификации такового. В случае если какой-либо элемент отсутствует, можно говорить о том, что состава административного правонарушения не имеется.

Применительно к правонарушениям в сфере таможенного дела [2] необходимо выделять следующие элементы: объект – общественные отношения, возникающие в области таможенного дела, которым наносится ущерб; субъект – это лицо, совершившее противоправное деяние (выделяется общий и специальный субъект); объективная сторона выражается в наличии обязательных признаков (деяния, посягающего на правила таможенного регулирования, а также наличие последствий и причинно-следственной связи) и факультативных признаков (способ, время, место, средства совершения таможенного правонарушения и т. д.); субъективная сторона представлена виной в форме умысла или неосторожности, а также целью и мотивами субъекта правонарушения.

Правонарушение в сфере таможенного дела обладает обязательными признаками, характерными также для любых административных правонарушений. Таким образом, следует выделить следующие признаки правонарушения:

– действие (активное поведение, приводящее к совершению правонарушения), либо бездействие (пассивное поведение виновного);

– виновное деяние;

– общественно опасное деяние, т. е. общественная опасность деяния виновного лица влечет за собой соответствующий вид юридической ответственности. Так как любое правонарушение причиняет вред общественным отношениям, то отсутствие такого признака говорило бы о том, что состав правонарушения отсутствует;

– правонарушение есть противоправное деяние, и именно по этой причине за его совершение законодательством РФ предусмотрена административная ответственность;

– правонарушение является наказуемым деянием, а это значит, что определенное действие либо бездействие лица является административным правонарушением, если за его реализацию предусмотрена административная ответственность.

Исходя из вышесказанного, необходимо обратить внимание на особые черты административной ответственности за несоблюдение таможенных правил:

– основанием для применения ответственности за таможенное правонарушение следует считать само несоблюдение таможенных правил;

– составы таких правонарушений, санкции за их совершение, а также пределы этих санкций устанавливаются КоАП РФ;

– субъектами административной ответственности в данной области принято считать деликтоспособных лиц;

– наказания за совершение таможенных правонарушений налагаются таможенными органами и судом;

– критерии ответственности применяются в соответствии с КоАП РФ.

Административная ответственность в сфере таможенного дела – это ответственность делинквента (виновного лица) за совершение административного правонарушения в области таможенного регулирования. В соответствии с КоАП РФ к административным деликтам в сфере таможенного дела определяется срок давности – два года со дня совершения правонарушения, но, несмотря на это, ст. 2.4 КоАП содержит в себе ремарку о том, что при совершении некоторых административных правонарушений срок давности исчисляется со дня выявления такого деликта.

Таким образом, принято выделять несколько свойств административной ответственности в области таможни:

– вина – это обязательное условие для наступления юридической ответственности;

– является формой административного принуждения как своеобразный способ защиты государственного правопорядка;

– это компонент осуществления государственной власти, применяемый уполномоченными на то органами;

– такой вид ответственности ориентирован на восстановление общественных интересов страны: на защиту экономической безопасности, охрану правопорядка при передвижении товаров через государственную границу;

– заключается в применении к виновному лицу административных санкций: штрафа, конфискации предмета, которым было совершено правонарушение;

– реализуется в процессуальных нормах, прописанных в КоАП РФ и международных соглашениях по вопросам партнерства таможенных служб.

Меры административной ответственности применяются для достижения следующих целей: превентивной (ориентирована на предотвращение совершения новых правонарушений), компенсационной (направлена на восстановление общественных взаимоотношений, нарушенных противозаконным деянием определенного лица или нескольких лиц), охранительной (ориентирована на охрану и защиту государственных интересов, а также на достижение задач таможенной политики). Административная ответственность в своем составе имеет несколько элементов: основания для возникновения юридической ответственности, условия привлечения лиц к административной ответственности за свои деликты, субъекты ответственности и санкции за совершение противоправного деяния. Стоит также отметить, что административную ответственность за совершение таможенного проступка несут как граждане Российской Федерации (физические лица), так и иностранные граждане, и юридические лица на единых основаниях. Если говорить о таких категориях лиц, как военнослужащие и сотрудники военизированных учреждений, то они также несут ответственность на общих основаниях. Необходимо упомянуть, что субъект административного правонарушения несет ответственность на основании законодательства, действующего в период совершения деликта виновным лицом.

В современных условиях возрастает роль и значение российской таможенной службы не только как органа исполнительной власти, регулирующего важные вопросы внешнеэкономической деятельности государства, но и как правоохранительного и контролирующего органа. Поэтому в правоприменительной деятельности органов административной юрисдикции особую актуальность приобретают вопросы квалификации нарушений таможенных правил [3, с. 37].

Квалификация – это установление соответствия свойств совершённого противоправного деяния признакам определенного состава правонарушения, предусмотренного надлежащей статьей КоАП. Квалифицировать правонарушение означает причислить то или иное событие, обстоятельство к какой-либо группе, разряду противоправных деяний. Верная квалификация

правонарушения – это обязательное условие законности правоприменительной деятельности уполномоченных на то органов.

Необходимо отметить, что при квалификации административных правонарушений в области таможенного регулирования достаточно часто возникают проблемы, которые являются помехой к верному решению вопроса о совершении правонарушения, всех обстоятельств дела и к их учету. Следует акцентировать внимание на следующих проблемах квалификации:

– если действие лица будет квалифицировано ненадлежащим образом, то это может привести к тому, что к нарушителю закона примут меры наказания, несоизмеримые с реальным его деянием;

– часто бывают случаи, когда в квалификации подобных нарушений имеются проблемы, сопряженные с наличием коллизий либо с противоречиями в законодательстве, поэтому некоторые статьи главы 16 КоАП РФ имеют сходное значение. Аналогичные ситуации могут произойти и при совокупности норм, включающих в себя незаконное действие лица лишь частично, поэтому административная ответственность может предусматриваться сразу несколькими статьями. Допустим, ст. 16.2 «недекларирование либо недостоверное декларирование товаров» и 16.16 КоАП «нарушение сроков временного хранения товаров» содержат противоправное деяние только частично. Когда возникает подобная ситуация, то важно как можно точнее определить, какая из этих статей КоАП РФ больше всего подходит под признаки противозаконного деяния;

– в числе таможенных правонарушений содержатся и такие противоправные действия лиц, которые граничат с преступлениями, т. е. с нарушениями закона, наносящими реальный вред финансовым интересам и безопасности государства. Например, к таким статьям можно отнести ст. 16.1 КоАП и ст. 16.2 КоАП;

– довольно часто появляются сложности при применении норм административного законодательства, так как они делятся на общие и специальные. Общие нормы есть предписания, охватывающие все правовые институты одной отрасли права. Специальные нормы – это нормы, которые принадлежат к правовым институтам конкретной отрасли права. Специальные нормы уточняют единые для всех отраслей права предписания и гарантируют верную реализацию общеправовых норм.

Если деяние лица будет квалифицировано неправильно, то это может повлечь необоснованное применение ограничительных мер к правонарушителю, либо же может возникнуть обратная ситуация: лицо не понесет соответствующего наказания, что может подтолкнуть его к совершению нового правонарушения и к уверенности в безнаказанности своих деяний.

Также неверная квалификация может привести и к тому, что лицо понесет административную ответственность, хотя состава правонарушения

в его действиях не было. Таким образом, квалификация является важным этапом в процессе применения норм законодательства [4, с. 770].

Совершение административного правонарушения есть обстоятельство, подтверждающее факт наличия совершённого противозаконного деяния и его события, фиксирующиеся определенными документами. Согласно ст. 28.1 КоАП РФ, к таким документам относятся: акт об административном таможенном правонарушении (данный документ составляется не позднее, чем двое суток со дня обнаружения деликта), протокол применения мер обеспечения производства по делам о нарушении таможенных правил, определение о возбуждении дела об административном правонарушении (означает выбор должностного лица о специальном порядке ведения данного дела) и проведении административного расследования (по итогам расследования выносится соответствующее постановление), постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении (содержит в себе меру наказания для виновного лица). Производство по делам в области таможни осуществляется в соответствии с КоАП. В случае, если один и тот же субъект совершает несколько таможенных правонарушений сразу, то административные санкции применяются к нему за каждый состав правонарушения в отдельности. Если же случается такая ситуация, что лицо совершает ряд деликтов, дела по которым рассматриваются одним и тем же должностным лицом, то наказание к правонарушителю применяется только в пределах одной санкции. Необходимо отметить, что возможно также обжалование постановления о привлечении к административной ответственности. Такую процедуру, в соответствии с ч. 1 ст. 30.3 КоАП, нужно провести в течение десяти дней с момента получения копии постановления. В том числе следует учесть и тот факт, что результативность обжалования будет зависеть от того, каким образом было проведено расследование по данному административному делу.

При решении вопроса об административной ответственности за совершение правонарушения в данной области таможенные органы руководствуются положениями КоАП РФ. Таможенная статистика административных правонарушений, совершаемых в Российской Федерации, имеет тенденцию к возрастанию и указывает на широкие масштабы и систематичность нарушения таможенных правил физическими и юридическими лицами [5, с. 1045]. Именно, исходя из этого, немаловажно уметь вовремя выявлять и надлежащим образом квалифицировать противоправные деяния лиц, посягнувших на общественные отношения в области таможенного дела.

Квалификацию таможенных правонарушений осуществляют специально уполномоченные на то должностные лица таможенных органов в соответствии с КоАП РФ, положения же Таможенного кодекса в таких случаях не применяются. Органы Таможенной службы в Российской

Федерации относятся к исполнительной ветви власти и реализовывают следующие функции: следят за товарооборотом через таможенную границу, производят борьбу с перевозкой запрещенных товаров и веществ через границу страны, взимают пошлины, сборы и налоги, осуществляют таможенный контроль, выявляют таможенные нарушения, осуществляют иные полномочия в установленной сфере деятельности. В сфере полномочий таможенных органов Российской Федерации находится также функция по составлению протокола об административном правонарушении.

Выявление такого типа правонарушений происходит следующим образом: в первую очередь устанавливается, какие именно нормы таможенного законодательства преступил нарушитель, после этого выявляются время, способ, средства и орудия совершения таможенного правонарушения, выясняется личность лица, совершившего противоправное деяние, также устанавливается степень вины делинквента. Затем собранные доказательства подлежат обязательному анализу и установлению квалифицирующих признаков состава и формы вины субъекта административного правонарушения. На последнем этапе квалификации уполномоченные лица определяют конкретную статью КоАП, исходя из совершённого виновным лицом деяния, после чего сопоставляют состав правонарушения по всем признакам деликта. Отличительной чертой квалификации административных правонарушений в данной сфере является также установление предмета этого правонарушения (например, такими предметами могут быть транспортные средства, валюта и т. д.).

Согласно судебной практике и статистике, наибольшее количество административных дел возбуждается по следующим составам таможенных правонарушений: недекларирование или недостоверное декларирование товаров (27%, 2018 г.), несоблюдение запретов и ограничений на ввоз и вывоз товаров (13%, 2019 г.). Например, в 2017 году основным средством наказания выступили штрафы, на долю которых пришлось 60% всех наказаний, на их долю пришлось 91,6% всех взысканных сумм [6]. Кроме того, необходимо отметить, что число административных правонарушений в таможенной сфере только возрастает, указывая на регулярность нарушения правил таможни, и приобретает все большие масштабы их совершения, что требует предотвращения таких правонарушений со стороны уполномоченных на то органов.

Только за январь-декабрь 2018 года таможенными органами Российской Федерации было возбуждено 143 148 дел об административных правонарушениях [официальный сайт Федеральной таможенной службы]. Таможенные органы в 2018 г. возбудили 73 464 дела о таможенных правонарушениях. 32 212 из таких дел возбуждено по ст. 16.2 КоАП, т. е. за недекларирование либо неверное декларирование

товаров; 14 026 дел за нарушение ст. 16.3 КоАП (несоблюдение ограничений на ввоз и вывоз товаров). Предметами правонарушений в основном являлись валюта, алкогольная продукция, текстильные материалы.

Согласно статистике, представленной на официальном сайте Федеральной таможенной службы Российской Федерации, по делам об административных правонарушениях было принято 145 244 решения в отношении физических, юридических, должностных лиц, индивидуальных предпринимателей. При анализе статистики стало известно, что чаще всего административные правонарушения в таможенной сфере совершают юридические лица (76 759 решений), вторыми по частоте совершения таможенных правонарушений следуют физические лица (49 283), далее – должностные лица (12 790), и менее всего таких проступков зафиксировано у индивидуальных предпринимателей (6396). В большинстве случаев к подобным категориям лиц применялись штрафы – по 70 240 делам (общая сумма штрафов составила 212,2 млрд. руб.), а самой редкой санкцией были обязательные работы, которые применялись всего лишь по 47 делам от общего числа правонарушений в сфере таможни.

Исходя из вышеизложенного, хотелось бы отметить, что проблема верной квалификации административных деликтов в области таможенного дела остается актуальной в нашей стране достаточно продолжительное время, поскольку совершение таких правонарушений – частое явление, требующее более усиленной борьбы с ними для защиты экономики и безопасности страны и ее населения в целом. На данный момент вопросы об административной ответственности за совершение противоправного деяния в области таможенного дела многоаспектны, тесно взаимосвязаны с другими отраслями права и влекут за собой различные виды юридической ответственности. Только при правильной квалификации таможенного противоправного деяния к виновному будет применена мера наказания, адекватная совершённому проступку, что также будет соответствовать принципу справедливости правосудия. Поэтому к квалификации правонарушения следует подходить самым тщательным образом: для начала нужно внимательно и грамотно изучить все обстоятельства, при которых противоправное деяние было совершено, установить все факты по делу, верно подобрать под данное деяние виновного лица статью КоАП РФ, после чего уже к субъекту правонарушения будет применена соответствующая санкция, предусмотренная настоящим законодательством.

---

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 11.02.2020).

2. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов по линии административного производства // Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. URL: http:// www.customs.ru/ (дата обращения: 02.04.2020).
3. Севастьянова, Е. В. К вопросу о квалификации административных правонарушений при привлечении к административной ответственности по ст. 16.2 КоАП РФ (общие положения) // Право: история, теория, практика: материалы IV междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, июль 2016 г. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 37–40.
4. Рогачев, Д. И. К вопросу о правовой квалификации административных правонарушений в области таможенного дела // Молодой ученый. 2015. № 24. С. 770–773.
5. Скипина, О. А. Административная ответственность в области таможенного дела // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 1045–1048.
6. Савицкая, К. С. Исследование статистики таможенных правонарушений // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по материалам LXII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2019. № 3 (62) [Электронный ресурс]. URL: https://sibac.info/archive/meghdis/3(62).pdf (дата обращения: 25.03.2020).

УДК 342.5
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.22

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА СУДЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иванова В. А., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: VIKA08877@GMAIL.COM
Научный руководитель: **Митина С. И.**

MODERN PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF A JUDGE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Viktorya A. Ivanova, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: VIKA08877@GMAIL.COM

Аннотация. В статье рассматривается целесообразность создания единой концепции закона, который будет определять правовое положение судей, и устранит противоречия, которые существуют в настоящее время.
Ключевые слова: статус судей, правовое положение судьи, модусы, концепция единого закона, судья как личность с ограниченным режимом реализации конституционных прав.

Abstract. The article considers the feasibility of creating a unified concept of the law that will determine the legal status of judges, and eliminate the contradictions that currently exist.
Keywords: the status of judges, the legal status of judges, modes, the concept of a single law, the judge as a person with a limited regime for the exercise of constitutional rights.

Совершенствование правового статуса судьи является задачей, которая в той или иной мере решалась на всем протяжении истории развития судебной системы России. В свое время одной из целей Великой судебной реформы Александра II было обеспечение в стране законности и правопорядка за счет эффективной работы судебных органов. Для центральной власти было очевидно, что «намерений законодателя было недостаточно для обеспечения законности» даже в сфере функционирования государственного аппарата. Необходима была результативная работа судей и судебной системы в целом [1, с. 14].

В каждом государстве Европы основополагающие принципы, касающиеся правового статуса судьи, должны быть закреплены внутренними правовыми актами страны, а правила, которые его регламентируют, в соответствующих нормах, которые были приняты на законодательном или региональном уровне, – так сказано в Европейской хартии о статусе судей.

Можно констатировать факт, что в законодательстве Российской Федерации имеет место избыточность законов, закрепивших конституционные принципы и положения о статусе судьи [2, с. 86].

Основной закон нашей страны – Конституция Российской Федерации, установил требования для кандидата, претендующего на должность судьи, к которым относится возраст, стаж работы по юридической специальности, наличие гражданства Российской Федерации, однако, оговорив, что федеральным законом могут быть установлены и дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации [3].

Конституционные принципы и требования получили законодательное развитие и конкретизацию не только в ст.ст. 5, 8, 11–16, 28 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», но и еще, по меньшей мере, в 11 федеральных конституционных законах [2, с. 86]. Стоит отметить, что разнообразие правовых норм привело к тому, что законы либо дублируют друг друга, либо имеют разночтения. Кроме того, имеются несоответствия основному закону нашей страны, что является недопустимым.

Также из смысла закона следует, что судьи в своем правовом положении равны, но при этом существует множество правовых актов, уточняющих статус судей различных судов. На наш взгляд, это ставит задачу перед законодателем обеспечить единообразие толкования правового статуса судей. Судья, независимо от того, в каком суде осуществляет свои профессиональные полномочия, по-прежнему остается судьей, поэтому нет необходимости в таком количестве правовых актов. По нашему мнению, все законы, касающиеся правового положения судьи, требуют интеграции в единый правовой акт.

Как уже было указано выше, решение проблемы видится в закреплении основных правовых положений, касающихся статуса судьи в одном нормативном правовом акте. Это поможет справиться с противоречиями, которые в настоящее время существуют, а также не допустить разночтений. В настоящее время правовое регулирование рассматриваемого вопроса весьма «размыто». В связи с этим целесообразно предложить концепцию нового единого закона, который смог бы определить роль судьи в судебной системе и имел бы силу федерального конституционного закона.

Первое время в законодательстве не был четко и единообразно определен срок назначения на должность судьи. Затем был введен единый трехлетний первичный срок, который затем был отменен. В настоящее время срок назначения на должность федерального судьи не ограничивается. Мировой судья впервые назначается на должность судьи на срок, установленный законом соответствующего субъекта Российской Федерации, но не более чем на пять лет. Имеются различия в сроках осуществления полномочий не только между федеральными и мировыми

судьями. Для мировых судей могут быть предусмотрены различия в зависимости от того, в каком субъекте Российской Федерации они осуществляют свои полномочия, и данный пример, к сожалению, далеко не единственный.

Непоследовательность в правовом регулировании статуса судьи является одной из главных причин нестабильности кадрового состава судейского корпуса [4; 5, с. 1].

Создание единого закона, который смог бы охватить все вопросы, касающиеся статуса судьи – это масштабная и затратная процедура, требующая времени и значительных усилий законодателя. Однако такой акт позволит четко определить роль судьи в судебной системе.

Как бы абсурдно это не звучало, но в настоящее время нет единого понимания правового статуса судьи. Это серьезная проблема, требующая незамедлительного решения. Многие ученые-правоведы обращают на неё внимание. Кандидатом юридических наук Г. Т. Ермошиным был предложен модусный подход к решению проблемы. Сущность модусного подхода заключается в том, что вся совокупность правовых норм, регулирующих права, обязанности, ответственность и гарантии деятельности судьи как личности, которая наделена особыми полномочиями, разделяется на четыре группы. Наличие или отсутствие различий правовых состояний судей в каждом из модусов определяет наличие или отсутствие многообразия статуса судей. Г. Т. Ермошин предлагает разделить должностные полномочия на группы, определив при этом, что можно вывести за рамки правового статуса судьи, а что нет. Данный метод можно было бы использовать при составлении нового федерального конституционного закона, который бы регламентировал правовой статус судьи [2].

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что избыточность законов не конкретизирует правовой статус судьи, а только его «размывает». В настоящее время из-за множества повторяющихся или противоречащих друг другу нормативных актов невозможно определить четкое место судьи в судебной системе. Идея создания единого закона не является новой. Учеными-правоведами такой путь решения проблемы уже был предложен, но законодателем всерьез не воспринят. Законодатель считает более разумным дополнять, изменять уже существующий Закон «О статусе судей в Российской Федерации», который был принят в 1992 г. Вследствие этого вопрос о правовом положении судей «обрастает» правовыми коллизиями. Очевидна необходимость концепции, в которой будет отражена динамика развития законодательства. Закон не должен приниматься на год или на два, а затем претерпевать поправки и прочие изменения, он должен носить универсальный характер и быть рассчитан на неоднократное применение. Издание закона, который сможет регулировать полный комплекс общественных отношений, связанных с наделением

кандидата на должность судьи судейскими полномочиями, осуществление судьей своих профессиональных обязанностей, а также пребывание судьи в отставке, будет свидетельствовать о том, что правовая система достигла стадии зрелости в своём развитии.

Мы считаем, что создание концепции законопроекта, который определял бы правовой статус судьи, тесно переплетается с совершенствованием судебной системы в целом, поскольку без досконального изучения всей судебной деятельности мы не сможем выявить проблемы, которые действительно существуют в практической плоскости. Основой для законопроекта должно стать действующее законодательство. Создание единого закона поможет избежать дублирования законов, которое в настоящее время существует, а также поможет преодолеть правовые коллизии. Законодательство требует упорядочивания. Избыточность законов дает право применять «удобный» закон, такой порядок вещей не допустим. Должно быть четкое понимание того, какими полномочиями обладает судья, какие гарантии он имеет, какая ответственность на нем лежит, и на что он может претендовать, уйдя в отставку.

Создание комплексного закона, касающегося правового регулирования статуса судьи в Российской Федерации, будет являться новым этапом развития юриспруденции в целом.

---

1. Митина, С. И. Должностные преступления в Новгородской губернии XVIII–XIX вв. // История государства и права. 2017. № 8. С. 11–15.
2. Ермошин, Г. Т. Современные проблемы правового регулирования статуса судей в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 83–92.
3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.
4. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 28.03.2020).
5. Ермошин, Г. Т. Подводим итоги IX Всероссийского съезда судей. Судья и государство // Российский судья. 2017. № 3. С. 1–7.
6. Капустин, О. А. Модернизация статуса судьи в условиях информационного общества // Российский судья. 2019. № 8. С. 1–10.
7. «Европейская хартия о статуте для судей» (DAJ/DOC (98) 23) [рус., англ.] (Вместе с «Пояснительным меморандумом...») (Принята в г. Страсбурге 08.07.1998 – 10.07.1998) [Электронный ресурс]. URL: http//www/constitution.ru/ (дата обращения: 28.03.2020).

УДК 343.13
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.23

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Ильина А. А., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: arena99753@gmail.com
Научный руководитель: **Александрова М. А.**

USE OF VIDEOCONFERENCING SYSTEMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Alena A. Ilina, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: arena99753@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена использованию систем видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России. Автором проводится анализ статистических данных применения систем видеоконференц-связи при рассмотрении уголовных дел (материалов) в судах первой инстанции, из которого следует, что количество применений систем видеоконференц-связи при рассмотрении уголовных дел и материалов в судах первой инстанции неизменно растет. Выделяются некоторые преимущества рассматриваемой технологии, такие как гарантированность обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства и процессуальная экономия. На основании исследования зарубежного законодательства обозначается актуальная проблема российского уголовного процесса, которая заключается в невозможности в настоящее время использовать системы видеоконференц-связи на стадии предварительного расследования.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, компьютерные технологии, видеоконференц-связь, разумные сроки, судебное заседание, проблемы правового регулирования.

Abstract. This article is devoted to the use of videoconferencing systems in criminal proceedings of Russia. The author analyzes statistical data on the use of videoconferencing systems in the consideration of criminal cases (materials) in the first instance, which shows that the number of applications of videoconferencing systems in the consideration of criminal cases and materials in the first instance is constantly growing. Some advantages of the technology under consideration are highlighted such as the guarantee of ensuring a reasonable period of criminal proceedings and procedural savings. Based on the study of foreign legislation, an actual problem of the Russian criminal process is identified, which consists in the inability to currently use videoconferencing systems at the stage of preliminary investigation.
Keywords: criminal proceedings, computer technology, videoconferencing, reasonable time, court session, problems of legal regulation.

Быстрое развитие компьютерных технологий и внедрение их во все сферы жизнедеятельности не могли обойти стороной и уголовный процесс. Особенно учитывая быстрый темп жизни и немалые размеры нашего государства, внедрение такой современной и удобной технологии как видеоконференц-связь стало очень прогрессивным решением, поскольку позволяет передавать аудио, видеоинформацию в режиме реального времени между двумя и более пользователями, находящимися на большом расстоянии друг от друга.

Первое судебное заседание с использованием систем видоконференц-связи (далее – ВКС) в истории российского уголовного процесса было проведено в 1999 году Челябинским областным судом [1]. Изначально в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 года (далее – УПК РФ) использование систем ВКС было закреплено в части 3 статьи 376 и части 2 статьи 407. Право на присутствие в судебном заседании при помощи систем ВКС предоставлялось только осужденному при рассмотрении уголовного дела судом кассационной и надзорной инстанций. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» рассматриваемые статьи утратили силу, однако законодательное внедрение современной компьютерной технологии в уголовное производство на этом не остановилось и в соответствии с частью 2 статьи 401.13 УПК РФ применение систем ВКС снова стало возможным при рассмотрении уголовных дел судом кассационной инстанции. Со временем такая возможность появилась у судов апелляционной и первой инстанций (часть 4 статьи 240, часть 6.1 статьи 241, статья 281.1, часть 2 статьи 389.12 УПК РФ). Возможность излагать свою позицию в судебном заседании посредством использования систем ВКС наряду с подсудимыми получили потерпевшие и свидетели.

На сегодняшний день можно сказать, что некогда совершенно новая компьютерная технология себя оправдала, что показывают и данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Нами были проанализированы отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2015–2019 годы (таблица), раздел 13 которых посвящен использованию ВКС в судебных заседаниях при рассмотрении уголовных дел и материалов по первой инстанции [2].

Таблица. Соотношение уголовных дел (материалов), рассмотренных по первой инстанции, при помощи ВКС с общим числом дел (материалов), рассмотренных судами первой инстанции

Год	Общее число дел (материалов)	Число дел (материалов), рассмотренных с использованием ВКС	Процентное соотношение дел, рассмотренных с использованием ВКС к общему числу дел
2015	962 936	32 855	3,4%
2016	963 930	65 462	6,8%
2017	914 965	82 494	9%
2018	885 242	93 184	10,5%
2019	806 114	98 942	12,3%

Исходя из вышеуказанной таблицы, можно сделать вывод, что с каждым годом количество применений ВКС при рассмотрении уголовных дел и материалов по первой инстанции неизменно растет. Так, в 2015 году число дел, рассмотренных с использованием ВКС, составляло всего 3,4% от общего числа дел, рассмотренных судами первой инстанции, а уже к 2019 году такой показатель достиг 12,3%, что, несомненно, свидетельствует о позитивной динамике применения рассматриваемой системы.

Большое значение имеет и техническое оснащение судов, поскольку, если не будет технической возможности осуществления ВКС, то все, что закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве, не будет иметь возможности применения на практике. Указанной статистике также поспособствовала реализация Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», предусматривающей техническое оснащение 95% федеральных судов общей юрисдикции комплектами ВКС к 2017 году [3].

Главными преимуществами использования систем ВКС в уголовном судопроизводстве можно считать гарантированность обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства и процессуальную экономию, поскольку применять ВКС можно на неопределенно удаленное расстояние, что является очень актуальным, учитывая большую протяженность территории России. Данная технология позволяет проводить судебные заседания с участием всех сторон, вне зависимости от места их нахождения и при этом не затягивая судебное разбирательство. Например, в случае если уголовное дело рассматривается судом в г. Калининград, а свидетель, которого необходимо допросить, проживает в г. Петропавловск-Камчатский, то потребуется как дополнительное время, так и большие финансовые затраты, поскольку расстояние между этими городами более 10 000 км, а добраться из Камчатского края в

Калининградскую область можно только воздушным сообщением. Также такая технология может быть очень полезной при необходимости обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Однако при использовании систем ВКС в уголовном судопроизводстве возникают и трудности, поскольку законодательное регулирование рассматриваемой темы не является совершенным и имеет ряд проблем, которые со временем законодатель разрешает.

Так, ранее возникал вопрос относительно процессуального статуса суда по месту нахождения свидетеля (в частности возможности заявления ему отвода), которому в соответствии с частью 2 статьи 278.1 УПК РФ суд, рассматривающий уголовное дело, поручает организовать проведение допроса свидетеля при помощи ВКС. В таком случае на судью по месту нахождения свидетеля возлагаются определенные обязанности в части удостоверения личности свидетеля и направления подписки свидетеля о разъяснении ему прав, обязанностей и ответственности, предусмотренных статьей 56 УПК РФ, а также иных документов, представленных свидетелем в суд, рассматривающий уголовное дело. Так, В. И. Качалов и О. В. Качалова полагали, что на такого судью должны распространяться общие положения об отводе судьи по обстоятельствам, исключающим его участие в производстве по уголовному делу, и предполагается, что он входит в состав суда, рассматривающего уголовное дело [4]. В соответствии с правовыми позициями, выраженными Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 11 апреля 2019 г. № 855-О, судья по месту нахождения свидетеля не входит в состав суда, рассматривающего дело, и не принимает по делу решения, что предопределяет отсутствие прямых оснований к распространению на него общего порядка отвода; он, организуя судебный допрос по ВКС, по существу, выполняет публично-правовую функцию содействия правосудию. Таким образом, заявить отвод такому судье можно на общих основаниях [5].

Изучив законодательство зарубежных стран, можно выделить одну проблему, которая широко обсуждается и в России. Так, например, статья 213 УПК Республики Казахстан от 04 июля 2014 г. № 231-V предусматривает возможность осуществления допроса свидетеля посредством ВКС не только на стадии судебного разбирательства, как это предусмотрено законодательством Российской Федерации, но и на стадии предварительного расследования [6; 7]. На наш взгляд, такое положение является оправданным, поскольку все те случаи, при которых выносится решение, например, о проведении допроса свидетеля в судебном заседании при помощи ВКС, возможны и на досудебной стадии. Также это целесообразно и в целях уже упомянутой выше процессуальной экономии, обеспечения возможности проведения следственных действий в труднодоступных и отдаленных районах, обеспечения безопасности участников процесса.

Таким образом, использование систем ВКС имеет как множество преимуществ, так и некоторые проблемы, связанные с недостаточным законодательным урегулированием. Двадцатилетняя практика использования ВКС показывает, что данная технология успешно интегрировалась в уголовный процесс и с каждым годом количество судебных заседаний с применением ВКС в России неизменно увеличивается. Это дает надежду, что в дальнейшем применение систем ВКС станет возможно не только на стадии судебного заседания.

---

1. Челябинский областной суд [Электронный ресурс]. URL: http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=news&nid=566 (дата обращения: 05.04.2020).
2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 06.04. 2020).
3. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.03.2020).
4. Качалов, В. И., Качалова, О. В. Об использовании видео-конференц-связи в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. 2017. № 12. С. 34–38.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 г. № 855-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 61, 64, 65, 278.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 04.04.2020).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 г. № 231-V [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения: 03.04.2020).
7. Дмитриева, А. А. Меры безопасности, применяемые в отношении участников процесса на стадии предварительного расследования уголовного дела // Российский следователь. 2017. № 1. С. 3–6.

УДК 347
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.24

ПОДАРОК И ВЗЯТКА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Казакова Е. Б., кандидат юридических наук, доцент,
Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)
E-mail: 1-janni@list.ru
Генералов А. П., студент,
Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)
E-mail: genartpet@yandex.ru

A GIFT AND A BRIBE: CIVIL LAW ANALYSIS

Evgeniya B. Kazakova, candidate of juridical sciences, associate professor,
Penza State University (Penza, Russia)
E-mail: 1-janni@list.ru
Artyom P. Generalov, student, PenzaState University (Penza, Russia)
E-mail: genartpet@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется правовое содержание категории «подарок» с точки зрения гражданского права, а также антикоррупционного законодательства. Автор проводит сравнительный анализ двух понятий «подарок» и «взятка», дает оценку правового регулирования института дарения в сфере государственной и муниципальной службы.
Ключевые слова: коррупция, подарок, вознаграждение, коммерческий подкуп, взятка, гражданское законодательство.

Abstract. The article analyzes the legal content of the “gift” category from the point of view of civil law, as well as anti-corruption legislation. The author conducts a comparative analysis of the two concepts "gift" and "bribe", assesses the legal regulation of the institution of donation in the field of state and municipal service.
Keywords: corruption, gift, remuneration, commercial bribery, bribe, civil legislation.

Понятия подарок и взятка встречаются в совершенно разных отраслях права: подарок – это категория гражданского права, а понятие взятки больше используется в уголовном праве. В данной статье проанализированы определения «подарок» и «взятка», и на основе их сопоставления сделана попытка выработки определенной концепции. В настоящее время в определенных отраслях жизни подарки утратили внезапность и всё чаще преподносятся не в качестве неожиданного дара, а в качестве «благодарности» с расчётом на ответную услугу.

Для точного определения значения подарка следует обратиться к лингвистике. Морфология слова «подарок» весьма интересна. Слово содержит в себе корень «дар». Иначе говоря, «подношение дарения». Подношение можно рассматривать как передачу в дар некоего предмета,

обладающего какой-либо ценностью либо для дарителя, либо для получателя, а возможно, и для обоих одновременно. Как понять, что же служит даром? Даром считается безвозмездная передача имущества, независимо от её материальной стоимости.

Кто любит получать подарки? Думается, каждый. Но любой ли подарок считается безвозмездной передачей имущества? Как следует из материалов нашего исследования – не любой. Для выяснения этого вопроса мы обратились к Гражданскому кодексу Российской Федерации [1], в статье 575 которого указано про запрещение дарения подарков должностным лицам любой отрасли государственного управления, ограничивая их пределом в 3 тысячи рублей. Любой дар свыше приведённой суммы считается материальной ценностью за совершение действия или бездействия в интересах лица, преподнесшего данный дар. Подарком же считаются цветы, конфеты, игрушки и открытки с пламенными речами, восхваляющими заслуги человека. Дарить же какой-либо предмет взамен любой услуги, которую должностное лицо обязан вам оказать в силу своего служебного положения – это уже является коммерческим подкупом или взяткой.

Чаще всего, такие «подарки взамен услуги» получают те люди, которые в силу своей профессиональной деятельности имеют высокое должностное положение. Для приобретения каких-либо материальных благ в отношении себя, своей семьи, близких людей и т. д. они пользуются своим служебным положением и получают вознаграждение в крупных или особо крупных размерах. Такие «подарки» как раз и являются ярким примером взятки.

Взятку можно определить достаточно просто. Это подарок суммой свыше 3 тысяч рублей, который был преподнесен должностному лицу за исполнение какой-либо функции, которую данное лицо правомочно выполнять в силу специфики своей профессии. Подарок – это дар, предоставленный в отношении одаряемого, при отсутствии у того желания и (или) возможности совершить к дарителю любые действия корыстной направленности [2, с. 26].

Разберем простой пример для разъяснения данного понятия. Супруги обратились к чиновнику для получения субсидии по программе «Молодая семья» (обеспечение жильём). Но, как нам известно, для участия в программе молодые семьи ставят в очередь на получение указанной субсидии. Обратившиеся находились в сложной жизненной ситуации, учитывая проживание в коммунальной квартире и наличие двух малолетних детей. Супруги решили обратиться к чиновнику за помощью в получении субсидии. У близкого знакомого чиновника узнали, что тот увлекается экстремальными видами спорта. Должностное лицо «помогло» семье, а в «благодарность» за это молодая семья преподнесла чиновнику снегоход. Для такого разрешения вопроса супругам пришлось

задействовать денежные средства, которые были подарены им на свадьбе для будущей семейной жизни. И вроде бы всё по взаимному согласию, если бы не одно «но». Такие действия незаконны! Подарок был преподнесён не безвозмездно, а за сопутствующую ему услугу. Можно также сказать, что данный метод сказать «спасибо» нарушает все законные способы выражения признательности. Существующая в России на протяжении веков традиция подарков чиновникам подпитывает коррупцию в аппарате управления.

Государственным служащим разрешено получать личные подарки исключительно в связи с протокольными мероприятиями, в служебных командировках и в иных официальных мероприятиях, но и они в соответствии с пп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3] должны быть зарегистрированы и являться государственной собственностью.

Что же касается муниципальных служащих, то для них аналогичное разрешение прописано в пп. 5 п. 1 ст. 14 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [4]. Их подарки также регистрируются и признаются муниципальной собственностью того субъекта Российской Федерации, где исполняет свои служебные обязанности получившее дар должностное лицо. Очевиден вывод, что любой подарок может быть сделан сотруднику государственной или муниципальной службы, но только с обязательным уведомлением органа, в котором работает данное лицо.

В каких случаях мы дарим дорогие подарки? На день рождения, при образовании новой ячейки общества – семьи, детям при их успешном обучении, при удачном продвижении по карьерной лестнице от членов своей семьи и др. Но если это происходит в семейном кругу, то закон благосклонно воспринимает такие подарки. Совсем другое дело, если подарок в виде квартиры был преподнесён от благодарного клиента психиатрической клиники. Здесь в действиях пациента к излечившему его врачу явно читается состав преступления, предусмотренный ст. 291 УК РФ (дача взятки) [5]. Чтобы до таких ситуаций дело не доходило, пациенту и врачу нужно соизмерять объёмы вручаемой и принимаемой благодарности. И это относится не только к рассмотренной ситуации. Размеры подарков нужно учитывать всегда!

Как же понять, что является подарком, а что выходит за рамки этой категории? Законодатель чётко определил, что считается даром, а что – нет. Но не станете же вы принимать подарки только после предъявления чека, удостоверяющего, что обозначенный подарок по своей стоимости не превышает установленные законодателем пределы в 3 тысячи рублей. Нам кажется, что даже просьба об этом выглядит комично. Хотя для того, чтобы не «подмочить» свою деловую репутацию, должностное лицо может

попросить у предъявителя подарка обозначить денежные пределы, на которые он был приобретён. И поэтому в указанной просьбе не будет ничего предосудительного.

Но даже если выяснится, что подарок был приобретён на сумму, незначительно превышающую законодательные рамки подарка, неужели следует сразу отказываться от такого выражения благодарности? Законодатель утверждает, что да, должностному лицу от подарка необходимо отказаться. Иначе благодарность может обернуться неблагоприятными последствиями, вплоть до уголовной ответственности. Такой ответственности не хочет быть подвержено ни одно должностное лицо, поэтому, по нашему мнению, следует четко отграничить те предметы, которые попадают в категорию подарков для юристов, врачей, должностных лиц, от предметов, которые не могут быть использованы в качестве подарков.

Чтобы лучше понять категорию «взятка», обратимся к истории. Данным словом не всегда обозначалась безвозмездная передача имущества. К примеру, в Московском государстве XVI–XVII вв. существовали и были запрещены лишь посулы – незаконное вознаграждение за осуществление государственных властных полномочий (взятки судьям). Иные «государевы люди», а также белое духовенство получали «заработную плату» из подношений челобитчиков (в случае духовенства – паствы). Прочим людям не этих категорий взятки были разрешены, например, в Османской империи взятки были также распространены, как и традиционные османские лиры или турецкие куруши, просто за их обращение полагалось выплачивать нестандартный налог.

Борьба со взяточничеством началась лишь во времена царствования Петра Великого, но впоследствии его супруга Екатерина I из-за оскудения казны решила, что жалование следует выплачивать исключительно министрам (президентам коллегий), «а приказным людям не давать, а довольствоваться им от дела по прежнему обыкновению от челобитчиков, кто что даст по своей воле, понеже и наперёд того им жалованья не бывало, а пропитание и без жалованья имели» [6, с. 195].

Согласно статистике за последние годы граждане для того, чтобы получить какую-либо услугу от государства, всё реже прибегают к взяткам. За 2016 год наиболее коррумпированными оказались: органы местного самоуправления – 36%; ГИБДД – 32%; полиция – 26%; суды – 21%; медицина – 17%; бизнес – 14%; образование – 13%. А в 2018 году в ТОП рейтинга наиболее коррумпированных, по оценкам респондентов, вошли медицина – 23%, ГИБДД и полиция – по 16%, сфера ЖКХ – 16%, судебная система и прокуратура – 14%. Четверть россиян (24%) убеждены, что взяточничество разрушает традиционный уклад общества. Уменьшение уровня «поражения» коррупцией различных сфер

общественных отношений наблюдается лишь в последние год-два. В конце рейтинга обычно находятся: армия, СМИ и институт политических партий. Это свидетельствует об уменьшении коррупционного начала в управленческой среде. Также данный признак показывает улучшение благосостояния российского населения, ведь отказ от взяточничества в управлении государством возводит его на новый уровень и способствует чистой и правдивой политике.

В настоящее время предприняты значительные усилия для разрешения этой проблемы, но законодателю ещё предстоит огромный фронт работ по конкретизации, уточнению и детализации понятий «подарок» и «взятка». Но множество вопросов по-прежнему пока законодательно решить не удаётся.

Чёткой трактовки требует понятие коррупция в гражданском законодательстве. Образцом может послужить статья 290 Уголовного кодекса РФ. Кроме того, мы предлагаем включить в Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» гражданскую составляющую коррупции, а именно, законное «пресекательство» желания дать взятку. Если государство всегда будет противодействовать даче взяток, тогда вопрос с их получением отпадёт сам собой. Раз никто не сможет под «всевидящим оком» государственного управления давать взятки, то никто не захочет получать взятку, зная о наблюдении государства. Результат будет достигнут только в том случае, если каждое должностное лицо нашего государства, не желающее «ставить крест» на своей успешной карьере из-за подарка, будет следовать законодательству и искать ответы на все интересующие его вопросы в нём.

---

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 № 1 4-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Быковская, Е. А. Запрещение дарения в гражданском праве как способ предотвращения коррупции // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 3. С. 25–28.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 11.03.2020).
4. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ (дата обращения: 02.03.2020).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
6. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1999. 575 с.

УДК 343.3
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.25

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Калпинская О. Е., заведующая кафедрой, кандидат юридических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: olgakalp@mail.ru

IMPROVING WAYS OF LEGAL MEANS OF COMBATING CORRUPTION

Olga E. Kalpinskaya, head of the department, candidate of juridical sciences,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: olgakalp@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу действующих нормативно-правовых актов в сфере противодействия коррупции. Основу исследования составляет гражданское законодательство. Дается оценка роли систематизации антикоррупционного законодательства через его консолидацию путем образования специальных блоков. В работе предложены некоторые рекомендации по совершенствованию правовых основ противодействия коррупции.
Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, коррупционные сделки, целевое расходование средств бюджета, преступление, конфискация, взятка, подарок, конфликт интересов.

Abstract. The research is devoted to the analysis of the current regulatory legal acts in the field of combating corruption. The research is based on civil legislation. An assessment of the role of systematization of anti-corruption legislation through its consolidation through the formation of special blocks is given. The paper offers some recommendations for improving the legal framework for combating corruption.
Keywords: corruption, anti-corruption, corrupt transactions, targeted spending of budget funds, crime, confiscation, bribe, gift, conflict of interest.

Необходимо констатировать, что существенным пробелом в отечественном законодательстве является отсутствие четкого механизма гражданско-правовых средств противодействия правонарушениям коррупционного характера. Так, отсутствуют правовые нормы, закрепляющие условия недействительности коррупционных сделок по их последствиям и их составу. Имеется существенный пробел в отношении ситуаций, при которых возможно четко установить потерпевшего, когда речь идет о наличии правонарушения коррупционного характера. Национальные уголовные законодательства зарубежных стран определяют отдельно юридические составы активного (дачу взятки) и пассивного (получение взятки) подкупа [1, с. 108–109], что отсутствует в нашей

стране. Также следует отметить отсутствие самого понятия «коррупционная сделка» как в нормах гражданского права, так и в научном обиходе.

Обращаем внимание, что к рассматриваемому виду сделок можно применять нормы статьи 169 Гражданского кодекса [2], однако как правовое последствие в данном случае речь тогда будет идти о двусторонней реституции. На основе вышесказанного, можно говорить о целесообразности дополнения гражданского кодекса нормами, регламентирующими специальные составы и нормами о недействительности коррупционных сделок.

Полагаем, что существует потребность в конкретизации нормы, содержащейся в подпункте 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ [2]. Названная норма содержит порядок перехода имущества в доход государства в ситуации отсутствия доказательств его приобретения на доход, полученный легальным путем. На практике применение этого положения вызывает некоторые трудности, связанные с отсутствием четко обозначенного перечня лиц, в отношении которых возможно применить данное правило. Кроме этого, имеется некоторая процессуальная неопределенность в отношении формы и вида судопроизводства, при котором осуществляется изучаемый нами переход имущества.

Кроме того, представляется целесообразным использование потенциала гражданско-правовых механизмов в части одностороннего отказа от договора (ст. 450.1 ГК РФ) [2], в случае определения экономической невыгодности его исполнения для публичного образования. Как известно, так называемые «откатные» договоры наиболее распространены в сфере применения законодательства о государственных закупках. Среди способов защиты интересов органов публичной власти можно назвать, в первую очередь, право одностороннего отказа от договора, и во-вторых, предоставление возможности истребования возмещения, неосновательно полученного из бюджета публичного образования. Тем самым, это позволит обеспечить целевое расходование средств бюджета публичного образования.

Весьма перспективным видится возможность законодательного закрепления нормы о возмещении репутационного ущерба публичному образованию, причиненного должностным лицом данного образования вследствие совершения коррупционного преступления. Введение данной нормы сможет стать основанием для исправления общественного мнения, основанного на негативном мнении о соответствующем органе публичной власти, как государственного уровня, так и муниципального.

В случае совершения должностным лицом преступления коррупционной направленности, содержащимся в уголовном законе, возникает ситуация по взысканию понесенных убытков субъекта гражданского оборота в сфере экономической деятельности с

соответствующего органа публичной власти, в котором проходил службы осужденный. В рассмотренном случае появляется вопрос о праве у данного публичного образования взыскания понесенных убытков с виновного должностного лица в порядке регресса. Полагаем, что мера подобного характера может иметь как весьма серьезный превентивный эффект, так и являться мерой ответственности за коррупционное поведение, восстанавливающей нарушенные права участников гражданского оборота.

Полагаем, что подлежит обсуждению и вопрос о возможности внесения изменений в ст. 575 ГК РФ, в части наложения запрета дарения подарков вне зависимости от их стоимости.

Согласно п. 1 ст. 575 ГК РФ, дарение подарков не допускается (кроме обычных подарков, чья стоимость не превышает 3000 рублей) государственным гражданским и муниципальным служащим, служащим Банка России, а также работникам образовательных, медицинских и социальных организаций. В то же время, получение подарков может служить основанием возникновения конфликта интересов.

Соотношение подарка и взятки выступает одной из проблем в области правового противодействия коррупционным проявлениям [3, с. 25]. Говоря о схожей природе подарков и взяток, важно отметить схожий предмет, который выражается в имущественной выгоде.

Ключевым отличием подарка от взятки будет выступать отсутствие какой бы то ни было причинной обусловленности и отсутствие любых встречных предоставлений, тогда как взятка по существу являет собой плату за совершённые действия или же бездействия должностного лица или же становится стимулом для выполнения того или иного действия или же, напротив, бездействия.

Именно данное обстоятельство ставит перед законодательными органами государственной власти задачу определить круг лиц, которым запрещено принимать любые подарки.

Несмотря на то, что Федеральный закон № 273 [4] был принят уже восемнадцать лет назад, российское законодательство о противодействии коррупции по-прежнему характеризуется достаточно большим количеством разноотраслевых нормативно-правовых актов, отличающихся разным предметом правового регулирования и имеющих разную юридическую силу [5–8]. Все это, разумеется, не может способствовать системности данной отрасли права. Поэтому упорядочение законодательства о противодействии коррупции представляется ключевым условием для формирования единой системы нормативно-правовых актов в данной сфере. Помимо полноты и единообразия в регулировании названной сферы общественных отношений, систематизация позволит легко ориентироваться в законодательстве и достаточно быстро найти необходимые правовые нормы и формы реагирования.

Возможность принятия антикоррупционного кодекса представляется маловероятной, в силу разнородности общественных отношений, составляющих предмет его регулирования. Ведь именно деление законодательства на институты, при наличии основания, на подотрасли и отрасли определяет предмет кодификации. Именно отсутствие самостоятельных предмета и метода правового регулирования исключают возможность выделения антикоррупционного права как отдельной отрасли.

Нужно отметить, что в законодательстве зарубежных стран (США, Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии, Австралии) также отсутствуют кодифицированные акты, направленные на противодействие коррупции. В частности, в США деятельность по противодействию коррупции основывается на положениях гл. 11 разд. 18 Свода законов США «Взяточничество, подкуп, злоупотребление служебными полномочиями» [9]. Что касается Германии, то антикоррупционная деятельность опирается на нормы гл. 30 УК ФРГ («Преступления по службе») и Закона о борьбе с взяточничеством от 1998 г. [10, с. 19–23]. Опыт вышеуказанных государств доказывает, что антикоррупционные нормы применяются не сами по себе, а в сочетании с другими актами, формально не связанными с правонарушениями коррупционного характера. Подобная модель доказала свою эффективность в сфере противодействия коррупции, несмотря на отсутствие кодифицированного акта.

Принимая во внимание большое количество специальных законодательных актов и подзаконных нормативно-правовых актов, образующих отечественное законодательство о противодействии коррупции, полагаем, что наиболее удобной и эффективной формой систематизации антикоррупционного законодательства может быть его консолидация путем образования специальных блоков. Подобные блоки могли бы быть укрупнены и объединены исходя из одинакового предмета регулирования. Разумеется, объединены могут быть лишь нормативно-правовые акты, обладающие равной юридической силой.

Важный шаг к сокращению антикоррупционного нормативно-правового материала мог бы состоять в организации пересмотра имеющихся моделей нормотворчества в отдельных министерствах и ведомствах в области противодействия коррупционным проявлениям, основанным на полном дублировании содержания результатов правотворческой деятельности (указов, распоряжений и пр.) как главы государства, так и высшего исполнительного органа федерального уровня.

Представляется, что именно консолидация выглядит приоритетным направлением для систематизации, упорядочения и совершенствования отечественного законодательства о противодействии коррупции. Для

выполнения такой большой работы потребуется объединение усилий крупнейших научных юридических центров России, что позволит заметно ускорить этот процесс.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Российской Федерации заложен достаточно прочный правовой фундамент, позволяющий вести эффективную борьбу с коррупцией. Однако сформированная на их основе система мер антикоррупционного характера отличается постоянным движением. В то же время, регулярно проводится глубокий анализ правоприменительной практики, что позволяет на его основе повысить эффективность и оптимизировать меры по противодействию коррупции.

К правовой основе противодействия коррупции относятся, помимо законодательных и иных нормативно-правовых актов федерального уровня, также законы и нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации и муниципальные нормативно-правовые акты. Таким образом, можно прийти к выводу о наличии тенденции формирования комплексного самостоятельного направления антикоррупционной политики субъектов Российской Федерации.

Направления, формы, методы и способы борьбы с коррупцией, применяемые на муниципальном уровне, преимущественно те же, что и на уровне субъектов Российской Федерации. В значительной степени это обусловлено однородностью задач, стоящих перед органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Совершенствование правовой основы противодействия коррупции на муниципальном уровне соответствует общим приоритетным направлениям деятельности Российской Федерации, закрепленным в Национальной стратегии противодействия коррупции [11; 12]. Следовательно, осуществляя комплекс мер по противодействию коррупции, муниципальные власти действуют как часть государства.

Более того, следует акцентировать внимание на важности применения норм гражданского законодательства в отношении отказа в одностороннем порядке от договора в случае установления экономической невыгодности исполнения для того или иного публичного образования по факту проведения контрольно-надзорных мероприятий органов федеральной власти.

Весьма перспективной видится возможность законодательного закрепления нормы о возмещении репутационного ущерба публичному образованию, причиненного должностным лицом данного образования вследствие совершения коррупционного преступления. Кроме того, представляется, что консолидация выглядит приоритетным направлением для систематизации, упорядочения и совершенствования отечественного законодательства о противодействии коррупции.

1. Макарова, Е. А. Пассивный подкуп: сравнительно-правовой анализ законодательного определения // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2016. Т. 5, № 2-2 (6). С. 106–111.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (действующая редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.08.2020).
3. Бековская, Е. А. Запрещение дарения в гражданском праве как способ предотвращения коррупции // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 3. С. 24–27.
4. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6828.
5. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
6. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/70271682/ (дата обращения: 28.08.2020).
7. Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3446.
8. Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 21. Ст. 2429.
9. Свод законов США [Электронный ресурс]. URL: https://avalon-law.ru/ (дата обращения: 28.02.2020).
10. Аистов, Л. С., Краев, Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии прокуратуры Российской Федерации. СПб., 2013. 131 с.
11. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/12174916/ (дата обращения: 28.08.2020).
12. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/ (дата обращения: 28.08.2020).

УДК 343
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.26

ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ СЕКСУАЛЬНЫХ ДОМОГАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кику В. О., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: kiku513mits.ok@mail.ru
Научный руководитель: **Калпинская О. Е.**

BASES OF CRIMINALIZATION OF SEXUAL HARRASMENT IN THE FIELD OF LABOR RELATIONS

Vasilina O. Chicu, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: kiku513mits.ok@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается набирающая в последнее время актуальность проблема сексуальных домогательств на рабочем месте, приводятся данные социологических опросов, раскрываются понятия сексуального домогательства, а также необходимость его криминализации. Криминализация сексуальных домогательств в сфере трудовых отношений позволит расширить возможности защиты жертв сексуального насилия, повысит уровень доверия таких лиц как законодателю, так и органам власти.
Ключевые слова: насилие, сексуальные домогательства, сексуальные домогательства на рабочем месте, криминализация, социологический опрос, жертва насилия.

Abstract. This article discusses the problem of sexual harassment in the work, which is gaining recent importance, provides social survey, reveals the concepts of sexual harassment, as well as the need for its criminalization. The criminalization of sexual harassment in the work, will expand the protection capabilities of victims of sexual violence and increase the level of trust of such individuals as the legislator and the authorities.
Keywords: violence, sexual harassment, sexual harassment on the work, criminalization, social survey, victims of violence.

Изучая нормативно-правовые акты, проводя исследования и опросы, можно понять, что в Российской Федерации практически отсутствует такое понятие как «правовые основы защиты жертв сексуального насилия». На это влияет большое количество факторов: высокая латентность сексуальных преступлений, отсутствие у жертв веры в эффективность правоохранительных органов, способы ведения расследований и многие другие. Одним из таких факторов выступает отсутствие криминализации многих действий сексуального характера, которые не подпадают под существующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1].

Сексуальные домогательства являются довольно распространенной проблемой, которая носит глобальный характер. Особенно хотелось бы заострить внимание на сексуальных домогательствах в сфере трудовых отношений. С течением времени и развитием мироустройства все больше людей подают жалобы, отказываются мириться и пытаются как-то бороться с таким видом сексуальных домогательств, однако без закрепления и установления ответственности все попытки будут тщетны.

Сексуальное домогательство, совершённое в сфере трудовых отношений, деструктивно влияет на психику потерпевшего лица, приводит к конфликтам в коллективе, безосновательным увольнениям, эмоциональному выгоранию. Жертвы, подвергшиеся сексуальному домогательству и имеющие нестабильный психологический статус, могут долгое время оставаться без работы, ввиду страха перед повторением ситуации, а в крайне тяжелых случаях могут лишить себя жизни.

В 2014 году в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации вносился законопроект по введению административной ответственности за сексуальные домогательства в отношении женщин. Одной из причин отклонения вышеуказанного проекта в первом чтении стало то, что он направлен исключительно на защиту женщин от сексуальных домогательств мужчин [2]. Опрометчиво считать, что мужчины не подвергаются сексуальным домогательствам, как в обычной жизни, так и рабочей среде. Проведённый опрос показал, что 30% опрошенных мужчин подвергались сексуальным домогательствам со стороны женщин на рабочем месте, однако только 5% попытались с этим что-то сделать (сообщили об этом начальству, попросили перевести их на другие должности / в другие отделы). Из проведённого опроса также следует, что на вопрос о том, подвергались ли вы или ваши знакомые сексуальным домогательствам на рабочем месте – 62% опрашиваемых ответило утвердительно, что позволяет сделать вывод о реально существующей проблеме. Также немаловажным являлся вопрос о том, было ли «сексуальное домогательство со стороны начальства или коллег», для выяснения «горизонтальности» и «вертикальности» [3]. Само понятие «сексуального домогательства на рабочем месте» по совершающим субъектам можно разделить на «вертикальное» и «горизонтальное». «Вертикально сексуальное домогательство» совершается начальником или руководителем над своим подчиненным, «горизонтальное» же, в свою очередь, совершается лицами, равными по статусу или не имеющими каких-либо властных возможностей (например, руководитель другого отдела) [4].

Из 62 процентов 40 указало на то, что подвергалось сексуальному домогательству со стороны своих коллег, а не начальства, что указывает на значительную проблематику неурегулированного законодателем «горизонтального сексуального домогательства».

Анализ нормативно-правовых актов зарубежных стран, анализ научной литературы, позволяет дать определение «сексуальному домогательству» – это нежелательное поведение, выражаемое в приставании сексуального характера, попытка установления интимного контакта, сексуальные притязания в открытой, а равно скрытой форме, просьбы предоставления сексуальных услуг, иные словесные или физические действия сексуального характера, совершённые против воли потерпевшего (потерпевшей).

Все перечисленные действия, составляющие «сексуальное домогательство», не могут подпадать под существующие статьи уголовного или административного законодательства, поэтому требуют самостоятельного закрепления. Например, «вертикальное сексуальное домогательство» можно квалифицировать по статье 133 УК РФ, так как есть «служебная зависимость», однако вышеуказанная статья не будет применима в случае не менее распространенного «горизонтального сексуального домогательства» [1]. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации в статье 20.1 предусматривает административную ответственность за «мелкое хулиганство», однако не предусматривает какой-либо ответственности за сексуальные приставания на рабочем месте.

В противовес криминализации сексуальных домогательств, а равно сексуальных домогательств на рабочем месте, можно привести большое количество ложных обвинений с целью продвижения по службе, мести, а равно иным причинам. Однако лицо, совершающее сексуальное домогательство, чаще всего делает это не единожды, и его действия будут носить систематический характер по отношению не к одной, а к нескольким разным жертвам. К тому же в век цифровых технологий сбор доказательственной базы не составляет никакого труда. Жертва сексуального домогательства может использовать записывающие устройства, записать приставание на видео, а также стоит заметить, что многие офисы и организации оборудованы камерами видеонаблюдения [2].

Для уменьшения случаев необоснованного уголовного преследования лиц, обвиняемых в сексуальных домогательствах, необходимо установить модель уголовно-правового запрета с административной приюдицией, т. е. установить административную ответственность за сексуальные домогательства в сфере трудовых отношений, а за повторные действия в течение срока административного наказания предусмотреть уголовную ответственность. Также необходимо установить административную ответственность за «сексуальные домогательства», как за отдельное правонарушение, так и с возможностью привлечения к уголовной ответственности лица в случае совершения повторного правонарушения в течение срока административного наказания.

Вышеуказанные меры позволят значительно снизить латентность сексуальных преступлений, повысят уровень доверия к власти и правоохранительным органам жертв сексуального насилия, снизят количество совершаемых сексуальных преступлений, так как известно, что изнасилование, а равно насильственные действия сексуального характера чаще совершаются лицами, знакомыми своим жертвам.

---

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (редакция от 01.04.2020) [Электронный ресурс]. URL: www.consultnt.ru (дата обращения: 06.04.2020).
2. Арзамасцев, М. В. Основание и критерии криминализации сексуального домогательства в сфере трудовых отношений // LexRussica. Право. 2019. № 10 (155). С. 161–174.
3. Карманов, М. В., Махова, О. А. Проблемы статистического исследования сексуальных домогательств // Вестник НГУЭУ. 2018. № 3. С.122–129.
4. Клейменов, И. М. Сексуальное домогательство: криминологический и уголовно-правовые аспекты // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 32. С. 42–53.

УДК 342.5
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.27

РАБОТА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Кириллова С. С., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: kirillovasvetlana381@gmail.com
Научный руководитель: **Прокофьев В. Ф.**

WORK OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION

Svetlana S. Kirillova, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: kirillovasvetlana381@gmail.com

Аннотация. В Российской Федерации центральное место в реализации антикоррупционного законодательства и обеспечении его неукоснительного соблюдения отводится органам прокуратуры. Прокуратура Российской Федерации – это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации от имени Российской Федерации и исполнением законов, действующих на ее территории. Противодействие коррупции является одной из приоритетных задач государственной политики и важнейшим направлением деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. На примере прокуратуры Новгородской области в статье говорится о работе органов прокуратуры по противодействию коррупции.
Ключевые слова: прокуратура, противодействие коррупции, нарушения, предостережение, иск.

Abstract. In the Russian Federation, the Central role in implementing anti-corruption legislation and ensuring its strict compliance is assigned to the Prosecutor's office. The Prosecutor's office of the Russian Federation is a unified Federal centralized system of bodies that monitor compliance with the Constitution of the Russian Federation on behalf of the Russian Federation and the implementation of laws in force on its territory. Anti-corruption is one of the priority tasks of state policy and the most important activity of the Prosecutor's office of the Russian Federation. Using the example of the Prosecutor's office of the Novgorod region, the article describes the work of the Prosecutor's office to combat corruption.
Keywords: Prosecutor's office, anti-corruption, violations, warning, claim.

17 марта 2020 г. в Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2019 г. и задачам по укреплению законности и

правопорядка на 2020 г. В ее работе приняли участие Президент Российской Федерации Владимир Путин, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентина Матвиенко, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Вячеслав Володин, Председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев и другие. Коллегию открыл Президент Российской Федерации Владимир Путин. Выступая на открытии заседания, Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Актуальное и крайне значимое направление вашей работы – противодействие коррупции… Прошу Генеральную прокуратуру не только активизировать свою деятельность в этой сфере, но и более тесно сотрудничать с Федеральной службой судебных приставов, МВД, Росфинмониторингом, налоговой службой по возвращению незаконно приобретённого имущества, а проще говоря – украденных у страны, у наших людей, у общества активов и средств» [1].

Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов также подчеркнул: «Отдельное внимание уделено усилению работы по борьбе с коррупцией. Данная работа проводится на системной основе по всем направлениям: от профилактики коррупции до обеспечения средствами прокурорского надзора принципа неотвратимости ответственности коррупционеров» [2].

Рассмотрим результаты работы в сфере противодействия коррупции на примере деятельности органов прокуратуры Новгородской области.

В 2019 г. прокурорами выявлено 1300 нарушений законов, содержащих коррупционную составляющую, в целях устранения которых внесено 398 представлений; по результатам рассмотрения к дисциплинарной ответственности привлечено 156 должностных лиц, в суды направлено 32 иска; по результатам проведения общенадзорных проверок возбуждено 19 уголовных дел.

В 2019 г. прокуратурой области возбуждено 1 дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП) [3]. Виновное лицо привлечено к административной ответственности в виде штрафа 1 млн. руб.

По постановлениям прокуроров к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП привлечено 12 лиц, общая сумма наложенных штрафов по этому составу административного правонарушения составила 600 тыс. руб.

В ходе осуществления надзорных мероприятий органы прокуратуры области в 2019 г. выявили 249 фактов несоблюдения должностными лицами установленных антикоррупционным законодательством обязанностей, запретов и ограничений, в том числе 219 их них связаны с нарушением обязанности представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (представление неполных или

недостоверных сведений), 22 – с не урегулированием конфликта интересов, 1 – с участием в деятельности хозяйствующего субъекта, 2 – с наличием близкого родства с подчинённым лицом, 2 – с несоблюдением иных антикоррупционных обязанностей, запретов и ограничений [4].

По сравнению с 2018 г. наблюдается снижение числа нарушений на 34,8%. Это обусловлено эффективностью профилактических мероприятий, в том числе разъяснительной работы, проводимой среди государственных и муниципальных служащих, о порядке представления и заполнения справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, мерах ответственности за нарушение требований антикоррупционного законодательства.

За 2019 г. уволено (освобождено от должности) по утрате доверия 9 лиц, в том числе досрочно прекращены полномочия 5 депутатов органов местного самоуправления, нарушивших обязанность по представлению достоверных и полных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Кроме того, по утрате доверия уволены 2 работника государственных казённых учреждений области, осуществляющих лесной контроль, в связи с несоблюдением ими требований законодательства о предотвращении и урегулировании конфликта интересов, сотрудник УМВД России по Новгородской области в связи с нарушением им требований Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [5], а также 1 Глава городского поселения муниципального района области.

В 2019 г., помимо нарушений обязанности по представлению сведений о доходах, обязанности по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, установлены случаи неисполнения обязанности по представлению сведений о совершённых расходах.

20 января 2020 г. Новгородским районным судом удовлетворено поданное 28 июня 2019 г. прокурором области исковое заявление на сумму 924 123,35 руб. об обращении в доход государства стоимости имущества, приобретённого бывшим сотрудником УМВД России по Новгородской области и его супругой на неподтверждённые доходы. Факт установлен по результатам инициированной прокуратурой области процедуры контроля за расходами указанных лиц.

Для устранения выявленных нарушений, связанных с неисполнением обязанностей, несоблюдением запретов и ограничений внесено 56 представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 106 лиц.

В 2019 г. на предмет наличия коррупциогенных факторов органы прокуратуры области изучили 12446 нормативных правовых актов и 12112 проектов нормативных правовых актов. При этом выявлено 1496 актов и 268 проектов, которые содержали 2224 коррупциогенных фактора.

Коррупциогенные факторы выявлены в нормативных правовых актах, регламентирующих различные сферы правоотношений. При этом наибольшее количество коррупциогенных факторов в 2019 г. выявлено в нормативных правовых актах о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина, в сфере государственной и муниципальной собственности, а также в нормативных правовых актах, регламентирующих прохождение государственной и муниципальной службы, и в сфере бюджетного законодательства.

В целях исключения из нормативных правовых актов и их проектов коррупциогенных факторов вынесено 1401 протест, в суд направлено 5 заявлений, внесено 89 требований и по 268 проектам нормативных правовых актов направлена информация.

В 2019 г. правоохранительными органами области выявлено 180 преступлений коррупционной направленности. Главным образом это преступления, связанные со взяточничеством и коммерческим подкупом и хищения, совершённые с использованием должностного положения.

Правоохранительные органы ориентированы на выявление значимых преступлений, пресечение хищений бюджетных средств. В этих целях налажено эффективное взаимодействие правоохранительных органов и органов финансово-ревизионного контроля, позволившее выявить значительное число хищений бюджетных средств, совершаемых руководителями государственных и муниципальных предприятий и учреждений, а также лицами, замещающими руководящие должности в органах государственной власти и местного самоуправления.

Борьба с коррупцией должна заключаться не только в применении правовых мер, направленных на преследование за совершение коррупционных преступлений, но и на правовое просвещение граждан. Именно правовое просвещение формирует у граждан информированность о законодательстве и правоприменительной практике, получение навыков применения законов в обыденной жизни.

Отсутствие правовых знаний у граждан является благодатной средой для коррупции и различного рода преступных проявлений. Обладающий правовыми знаниями гражданин не допускает нарушения своих прав и не нарушает чужие. Нередко такие граждане способны самостоятельно, без привлечения квалифицированного специалиста защитить свои права, добиться поставленной цели.

В Приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» [6] прокурорам предписано организовать работу таким образом, чтобы она максимально отвечала задачам повышения уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан, оказания

воспитательного воздействия в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Разъяснение законодательства о противодействии коррупции и социальная реклама (видео- и аудиоролики, баннеры, билборды, ситилайты, уличные светодиодные экраны и др.) на эту тему являются неотъемлемым элементом правового антикоррупционного просвещения и направлены на преодоление стереотипов поведения, способствующих проявлениям коррупции. Также в этих целях используются возможности средств массовой информации. Регулярно разъясняются положения законодательства в организованных прокурорами теле- и радиопередачах, посвящённых правовой тематике рубрик печатных изданий. Широко применяются разработка и издание методических пособий и печатной продукции (информационные буклеты, брошюры, правовые памятки, стикеры и др.). На сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации в разделе «Противодействие коррупции» размещены социальные видеоролики антикоррупционной направленности («Вредная привычка», «Продажный чиновник», «Эстафета добрых дел»), памятки и буклеты, разъясняющие порядок применения основных антикоррупционных требований, законодательство в сферах, подверженных коррупционным рискам, а также виды ответственности за коррупцию.

По-прежнему прокурорами организуются различные дискуссионные мероприятия правовой и антикоррупционной направленности (конференции, форумы, семинары, круглые столы, брифинги, совещания, лекции и др.). Так, в сентябре 2019 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации совместно с Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации провела двухдневную конференцию «Участие организаций в противодействии коррупции». В конференции приняли участие представители Управления Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции, бизнес-объединений, эксперты научных и образовательных учреждений. В ходе первого дня конференции обсуждены вопросы нормативной правовой базы и организационных основ профилактики коррупции в организациях, предотвращения и урегулирования конфликта интересов, а также ответственности организаций и их работников за несоблюдение антикоррупционного законодательства. Второй день конференции посвящен антикоррупционному правовому просвещению, профилактике коррупции в бизнес-среде, в том числе с использованием IT-систем, и актуальным вопросам применения законодательства о противодействии коррупции в организациях. Запись конференции доступна на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации [7].

Органами прокуратуры применяются новые формы и методы антикоррупционного правового просвещения, нацеленные на привлечение населения, прежде всего молодежи, к вопросам противодействия

коррупции. В частности, проводятся интеллектуальные игры, правовые викторины, творческие конкурсы. В 2019 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации выступила организатором Международного молодежного конкурса социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции!» для молодежи государств – участников Межгосударственного совета по противодействию коррупции (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан) и БРИКС (Бразилия, Индия, Китай, ЮАР).

На примере прокуратуры Новгородской области рассмотрим освещение работы органов прокуратуры по противодействию коррупции в СМИ.

За 3 месяца 2020 г. на официальном Интернет-представительстве прокуратуры Новгородской области размещено 37 информаций по тематике противодействия коррупции.

Количество выступлений в рамках анализируемой сферы в средствах массовой информации составило 556 (из них 32 – в печатных изданиях, 69 – по радио, 207 – по телевидению, 248 – в информационной сети Интернет).

В федеральных средствах массовой информации подготовлено и размещено 37 выступлений прокуроров по тематике противодействия коррупции. Из них наибольшее количество откликов в СМИ получила информация об утверждении прокурором области обвинительного заключения в отношении бывших инспекторов ГИБДД и руководителя организации, обвиняемых в мелком взяточничестве.

Информация о результатах надзорной деятельности органов прокуратуры области в указанной сфере, а также о работе по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией широко освещена в местных СМИ и прокурорами города и районов области.

Общественный интерес вызвала информация прокуратуры Великого Новгорода о вынесении приговора бывшему генеральному директору ООО «ТВС-Новгород» Андрейсу Соколовсу, признанному виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 4 ст. 160 УК РФ [8].

Также много откликов в СМИ собрала новость прокуратуры Великого Новгорода о вынесении Новгородским районным судом обвинительного приговора по уголовному делу в отношении бывшего главного бухгалтера ГОБУЗ «Центральная городская клиническая больница» Галины Филипповой за служебный подлог.

Практика использования органами прокуратуры Российской Федерации правового просвещения как инструмента профилактики коррупции играет важную роль в борьбе с коррупцией, но наибольшая эффективность данной работы достигается путем объединения усилий всех

государственных органов, образовательных организаций и средств массовой информации.

---

1. Сайт «Президент России» [Электронный ресурс]. URL: http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanie-kollegii-genprokuratury-17-03-2020.html (дата обращения: 16.03.2020).
2. Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/ (дата обращения: 02.03.2020).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2020). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant/ru/ /document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 11.02.2020).
4. Статистические данные //сайт прокуратуры Новгородской области [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_53/sections?section=2490562 (дата обращения: 02.04.2020).
5. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://consultant.op.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=44130699907333524303166494&cacheid=83CA765824F71D0EAF6DA24AF50ABFF9&mode=splus&base=LAW&n=299547&rnd=EA5F8B71DBF90BA39D69464F5FD889AC#09905988906641048 (дата обращения: 16.03.2020).
6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant/ru//cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=44130699907333524303166494&cacheid=F426990EA1A2F7883656F47F8FE97FD6&mode=splus&base=LAW&n=304447&rnd=EA5F8B71DBF90BA39D69464F5FD889AC#08414527954569444 (дата обращения: 16.03.2020).
7. Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://efir.genproc.gov.ru/rubrics/11/video/771 (дата обращения: 18.03.2020).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant/ru/ /document/cons_cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.02.2020).

УДК 347.9
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.28

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТМЕНЫ СУДЕБНОГО ПРИКАЗА

Ковальчук А. И., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: zvonanastas@mail.ru
Научный руководитель: **Трофимова М. С.**

TOPICAL ISSUES OF CANCELING THE JUDICIAL ORDER

Anastasia I. Kovalchuk, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: zvonanastas@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из серьезных прикладных проблем, возникающих при отправлении правосудия мировыми судьями. Автором анализируется процедура отмены судебного приказа и выявляются практические проблемы, с которыми сталкиваются судьи при анализе доказательств уважительности причин пропуска срока на подачу возражений должниками. Выявлено, что ни процессуальное законодательство, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не содержат четких пояснений о том, каким образом должен поступить мировой судья, если у него отсутствуют объективные данные об извещении должника о вынесенном приказе. С учетом установленной законодательной неопределенности в статье выявлены разные подходы судей к пониманию правил отмены судебного приказа. Автором предлагаются уточнения в процессуальное законодательство в части извещения должника о вынесенном судебном приказе.
Ключевые слова: мировой судья, судебный приказ, отмена судебного приказа, возражения должника, поворот исполнения решения суда, судебное извещение, надлежащее извещение.

Abstract. The article deals with one of the serious applied problems that arise in the administration of justice by justices of the peace. The author analyzes the procedure for canceling a court order and identifies practical problems that judges face when analyzing evidence of the validity of the reasons for missing the deadline for filing objections by debtors. It was revealed that the procedural legislation, as well as the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, do not contain clear explanations of how the justice of the peace should act if he does not have objective data on the debtor's notification of the order. Taking into account the established legislative uncertainty, the article identifies different approaches of judges to understanding the rules for canceling a court order. The author proposes clarifications to the procedural legislation regarding the notification of the debtor about the court order.
Keywords: magistrate, court order, cancellation of a court order, objection of the debtor, reversal of execution of a court decision, judicial notice, due notice.

Приказное производство является одним из современных и доступных гражданам и организациям способов взыскания задолженности.

Суть приказного производства связана с оперативностью и процессуальной экономичностью при постановлении судебного акта.

Согласно ст. 121 ГПК РФ судебный приказ является особым актом мирового судьи, обеспеченным силой принудительного исполнения, на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника в пределах цены требования пятисот тысяч рублей.

Этот документ, являющийся одновременно исполнительным документом, не предполагает использование процессуальной формы в полном объеме при его вынесении. В соответствии со ст. 122 ГПК РФ судебный приказ по существу заявленного требования выносится в течение пяти дней со дня поступления заявления о вынесении судебного приказа в суд без судебного разбирательства и вызова сторон для заслушивания их объяснений.

Поскольку приказное производство содержит существенные особенности в реализации принципов устности, состязательности и процессуального формализма, рассчитывать на такую удобную процедуру могут только те взыскатели, требования которых исчерпывающим образом перечислены в ГПК РФ. Такие требования носят бесспорный характер за счет вполне формальной доказательственной базы и не являются сложными с процессуальной точки зрения.

Однако, как неоднократно отмечалось в литературе, критерий «сложность» не имеет четких ценовых или содержательных признаков, а законодательство не содержит системного межотраслевого подхода к его определению [1, с. 47]. Тем не менее, следует также согласиться с мнением о том, что требования о взыскании, к примеру, крупных сумм задолженности по кредитному договору или договору займа уже нельзя относить к малозначительным [2]. Поэтому даже при ограниченности такого перечня, приказное производство при отсутствии грамотного института отмены судебного приказа нарушает баланс интересов взыскателя и должника. Многие исследователи неоднократно отмечали, что должник узнает о принятии в отношении него постановления в виде судебного приказа только после получения его копии, в связи с чем, он даже не может предъявить суду доказательства, которые могут подтвердить необоснованность требований взыскателя [3, с. 14].

Процесс упрощения процессуальной формы может осуществляться только при условии сохранения сущности явления [4, с. 770]. И, безусловно, поскольку должник, как правило, узнает о судебном приказе только после получения его копии, процессуальное законодательство предоставляет ему широкие возможности по его отмене, даже более доступные, чем общие правила апелляционного обжалования.

Согласно ст. 129 ГПК РФ судья отменяет судебный приказ, если от должника в десятидневный срок поступят возражения относительно его

исполнения. Однако на практике реализация такого права должником связана с разной интерпретацией мировыми судьями положений ГПК РФ о восстановлении сроков на подачу возражений.

В связи с тем, что выдача судебного приказа взыскателю ставится в зависимость от отсутствия (непредставления) возражений должника относительно исполнения судебного приказа в срок, установленный в ст. 128 ГПК РФ (то есть в течение 10 дней со дня его получения), для выдачи судебного приказа суд должен иметь доказательства получения копии приказа ответчиком.

Как следует из разъяснений Верховного Суда РФ, должник считается получившим копию судебного приказа в случае, если мировой судья располагает доказательствами вручения ему копии судебного приказа, направленной заказным письмом с уведомлением о вручении. Гражданин, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо несут риск неполучения копии судебного приказа по обстоятельствам, зависящим от них.

Начало течения десятидневного срока для заявления должником возражений относительно исполнения судебного приказа исчисляется со дня получения должником копии судебного приказа на бумажном носителе либо со дня истечения срока хранения судебной почтовой корреспонденции, установленного организациями почтовой связи (например, АО «Почта России» установлен семидневный срок хранения почтовой корреспонденции). Срок хранения почтовой корреспонденции исчисляется со дня прибытия судебного отправления в отделение почтовой связи по месту жительства должника.

Исследователи отмечают, что процессуальными нормами не определяется алгоритм действий мирового судьи в случае, если должник не получил уведомление о вручении ему заказного письма с копией приказа, либо отделением почтовой связи такое заказное письмо возвращено на судебный участок за истечением срока его хранения [5, с. 62]. ГПК РФ не дает ясного ответа на вопрос: должен суд повторно направить копию судебного приказа должнику или необходимо в этом случае направить его на исполнение?

Датой получения судебного приказа должником является дата получения судебного приказа в почтовом отделении, о чем должник на уведомлении о вручении ставит отметку о получении. С этого момента и отсчитывается установленный десятидневный срок для принесения возражений.

Несмотря на позицию, изложенную в абз. 3 п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 года [6], согласно которой гражданин несет риск последствий неполучения юридически значимых сообщений,

доставленных по месту жительства, большинство граждан не только не контролируют входящую корреспонденцию, но и не обременяют себя походами на почту даже и тогда, когда им известно о факте направления им соответствующей корреспонденции. Как правило, о наличии возбужденного производства должник узнает на стадии его исполнения и после списания денежных средств со своего банковского счета, когда сроки для подачи возражений уже пропущены.

На сегодняшний день единой судебной практики о принятии заявления об отмене судебного приказа, к сожалению, не существует.

Часть судей, руководствуясь статьей 112 ГПК, при пропуске сроков подачи заявления об отмене, требуют от заявителя соответствующие документы, подтверждающие уважительные причины бездействия лица, в отношении которого был вынесен судебный приказ. Перечень этих причин достаточно широк: листок нетрудоспособности, договор аренды (найма) жилого помещения или купли-продажи, тяжелые семейные обстоятельства, командировочный лист, наличие транспортных билетов, подтверждающих невозможность получения судебного приказа, незнание русского языка и т. д., и все они, так или иначе, остаются на усмотрение суда.

Другая же часть представителей профессионального сообщества, игнорируя нормы ГПК РФ, выносит определение об отмене судебного приказа только по заявлению лица, невзирая на пропущенный срок и не требуя каких-либо документов для восстановления процессуального срока.

И последствия, вытекающие из такой практики, в геометрической прогрессии ведут к увеличению количества дел, рассматриваемых мировыми судьями.

Так как у большинства заявителей (должников), не получивших судебный приказ, уже были списаны денежные средства с банковского счета, после отмены судебного приказа они подают заявление о повороте исполнения решения суда согласно ст. 443 ГПК РФ.

Внушительная часть должников юридически неграмотны и не понимают последствий заявления об отмене приказа. Зачастую заявления на отмену судебного приказа подаются должником не только при фактических возражениях по требованиям, но и для затягивания процесса. На подачу и рассмотрение иска может уйти продолжительное время, а вступит в силу решение суда только через 30 дней. Все это время к должнику не будут предъявляться требования и претензии взыскателя, пристава; либо, при подаче заявления об отмене судебного решения должники наивно полагают, что тем самым они «выиграли суд», т. е. разрешили спор между взыскателем и должником, и никаких правовых последствий в таком случае не наступит.

Однако, на практике дело обстоит иначе. В частности, если требования взыскателя обоснованы, то с большой вероятностью, после

получения копии определения об отмене, в суд будет подано исковое заявление, в котором взыскатель увеличит свои исковые требования, как минимум, в части увеличения размера государственной пошлины, периода взыскиваемой задолженности, судебных расходов, связанных с оплатой услуг представителя.

По мнению автора, тем самым теряется сама суть судебного приказа как вида упрощенного судопроизводства, потому как его необоснованная отмена влечет за собой массу негативных последствий. Стоит также отметить, что ни отмены судебных приказов, ни повороты исполнения решения суда не фигурируют в отчетах, запрашиваемых территориальными Управлениями Судебного Департамента и, формально, не несут нагрузки на судебный участок. На практике же они дают колоссальный объем работы мировому судье и сотрудникам его аппарата.

1 октября 2019 года, после вступления в силу положений Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], в статье 128 ГПК РФ, регулирующей извещение должника о вынесенном приказе, устранен многолетний пробел – однозначно определен срок его направления – 5 дней. Однако новая редакция статьи не содержит указания на то, что порядок вручения должнику копии судебного приказа должен производиться по правилам гл. 10 ГПК РФ. До внесения соответствующих изменений в ГПК РФ желательно, чтобы Верховный Суд РФ дал соответствующее разъяснение, указав на то, что нормы гл. 10 ГПК РФ применимы и к приказному производству, поскольку они являются общими.

Необходимо, чтобы в законе напрямую указывалось, что в том случае, если факт действительного извещения должника (получения им копии судебного приказа) не будет подтвержден, судья отменяет судебный приказ, разъясняя взыскателю его право заявить свое требование в порядке искового производства.

---

1. Трофимова, М. С. Изменение родовой подсудности гражданских дел мировым судьям: анализ новелл процессуального законодательства // Судья. 2020. № 1 (110). С. 46–51.

2. Лощинина, Е. И. Проблемные аспекты приказного производства в гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 185–188.

3. Ласкина, Н. В. Упрощенное и приказное производства: «за» и «против» // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 7. С. 12–15.

4. Громошина, Н. А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства // Lex russic. 2010. № 4. С. 767–780.

5. Ярошенко, Т. В. Особенности института судебного приказа в гражданском процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 9. С. 61–65.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/71100882/ (дата обращения: 05.04.2020).
7. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.12.2018. № 49 (часть I), ст. 7523.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo /prime/doc/71477400/ (дата обращения: 05.04.2020).

УДК 347.918
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.29

МЕСТО И РОЛЬ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Красикова Е. Ф., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s196640@std.novsu.ru
Научный руководитель: **Безус Н. Б.**

PLACE AND ROLE OF ARBITRATION COURTS IN THE STATE'S HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Ekaterina F. Krasikova, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: s196640@std.novsu.ru

Аннотация. В статье определяется место и роль арбитражных судов при разрешении экономических споров и иных дел в сфере предпринимательской деятельности в условиях развития рыночных отношений в России.
Ключевые слова: арбитражный суд, экономические споры, место и роль арбитражных судов.

Abstract. The article defines the place and role of arbitration courts in resolving economic disputes and other cases in the field of entrepreneurial activity in the conditions of development of market relations in Russia.
Keywords: arbitration court, economic disputes, place and role of arbitration courts.

Становление в России рыночной экономики, демократизация всех сфер общественной жизни, провозглашение на конституционном уровне идеи построения правового государства – все это обусловило развитие законодательства, которое регулирует отношения в сфере предпринимательской деятельности.

Именно в связи с экономическими преобразованиями и формированием рыночных отношений в России возникла потребность в создании независимой судебной системы, специально предназначенной для рассмотрения экономических споров между хозяйствующими субъектами.

В. В. Круглов в своей научной статье раскрывает понятие арбитражных судов, отмечая, что «арбитражные суды – это органы судебной власти в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, рассматривающие подведомственные им дела в порядке гражданского и административного судопроизводства, установленном Конституцией России, АПК РФ и другими федеральными законами» [1].

Арбитражные суды созданы в ходе реализации судебной реформы как самостоятельная система органов судебной власти со своей особой компетенцией, пределы которой определяются предметной спецификой рассматриваемых ими дел [2].

Деятельность всех арбитражных судов страны направлена на обеспечение гарантированных Конституцией Российской Федерации основ конституционного строя России, в том числе единого экономического пространства, защиту прав и законных интересов организаций и лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также укрепление законности и предупреждение экономических правонарушений.

Экономика как динамическая сфера жизни государства постоянно порождает запрос на непротивление прогрессу, в том числе и при разрешении спорных ситуаций. Именно здесь наряду с нормативными установлениями сильны складывающаяся реальная практика, обычаи делового оборота. Эти принципы ложатся в основу арбитражного правосудия, где формируемая судами правоприменительная практика нередко возводится в ранг закона.

В своей научной работе Х. К. Агаев, определяя место арбитражных судов в системе органов государственной власти Российской Федерации, высказывает мнение о том, что, «во-первых, арбитражные суды являются особой, специализированной ветвью российской системы органов судебной власти, во-вторых, в силу подведомственности дел арбитражные суды не связаны с другими ветвями судебной системы – общими и военными судами и Конституционным Судом Российской Федерации» [2].

Существование арбитражного производства на протяжении ряда лет доказывало свою эффективность в силу специфичности рассматриваемых правоотношений.

Необходимо отметить, что именно арбитражные суды призваны рассматривать экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Арбитражные суды являются важным институтом при разрешении экономических и иных споров в условиях развития рыночных отношений в современной России.

Современная система арбитражных судов прошла долгий исторический путь, преодолевая немалые трудности.

На сегодня арбитражные суды России занимают достойное место в судебной системе страны и стали одним из ключевых механизмов в обеспечении защиты прав и законных интересов участников экономических отношений.

В настоящее время роль арбитражных судов в правозащитной деятельности государства трудно переоценить, поскольку та мощная

арбитражная система, которая существует на сегодняшний день в стране, заявила о своей значимости в развитии экономической сферы нашего общества и заложила основы для ее эффективного функционирования.

---

1. Круглов, В. В. Современная система арбитражных судов в Российской Федерации // Право: современные тенденции: материалы IV Междунар. науч. конф., г. Краснодар, февраль 2017 г. Краснодар: Новация, 2017. С. 44–49.
2. Назаров, А. В. Место арбитражных судов в системе органов государственной власти Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве: юридический журнал. 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-arbitrazhnyh-sudov-v-sisteme-organov-gosudarstvennoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii/viewer (дата обращения: 09.04.2020).

УДК 342.7
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.30

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ломоносова П. С., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: polinalomonosova2014@yandex.ru
Научный руководитель: **Н. Б. Безус**

SOCIAL HUMAN AND CIVIL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Polina Lomonosova, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: polinalomonosova2014@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные конституционные основы прав человека и гражданина в Российской Федерации. Изложены социальные права, направленные на удовлетворение потребностей каждого человека.
Ключевые слова: Конституция РФ, социальные права, человек, гражданин.

Abstract. The article considers the main constitutional foundations of human and civil rights in the Russian Federation. Social rights aimed at meeting the needs of each person are outlined.
Keywords: Constitution of the Russian Federation, social rights, person, citizen.

Конституция Российской Федерации 1993 года определяет Россию как демократическое федеративное правовое социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойный уровень жизни и свободное развитие каждого человека. Одним из его обязательных признаков является закрепление основных социальных прав человека и гражданина [1].

Социальные права – это установленные Конституцией Российской Федерации и международными правовыми актами фактические и юридические возможности человека, которые направлены на удовлетворение потребностей каждого человека в жилье, питании, работе и отдыхе. В настоящее время социальные права имеют всеобщее признание, в том числе и на международной арене. Они закреплены во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Европейской социальной хартии [2].

Согласно ст. 41 Конституции РФ, каждый имеет право на охрану здоровья, в том числе на медицинскую помощь. Для реализации данного

права финансируются федеральные программы, вводится обязательное медицинское страхование, развивается частная система здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, а также развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

Статья 43 Конституции России провозглашает право каждого на образование. Право на образование создает предпосылку развития как личности, так и общества. В эту категорию включены права, предусматривающие целенаправленный процесс обучения и воспитания. В России образование (дошкольное, основное общее, среднее общее, среднее профессиональное, высшее образование) является доступным для всех. Можно бесплатно учиться в высших учебных заведениях, но для этого необходимо пройти конкурс и набрать определенное количество баллов.

Сегодня происходит активное развитие сети частных образовательных учреждений. При этом государство устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, позволяющие предъявлять одинаковые требования ко всем видам учебных учреждений. Право на отдых гарантируется ч. 5 ст. 37 Конституции РФ. Время отдыха – это время, в течение которого работник свободен от исполнения трудовых обязанностей и которое он может использовать по своему усмотрению. Работающему по трудовому договору гражданину гарантируется установленная законодательством продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск. Основные положения законодательства о праве на отдых сосредоточены в Трудовом кодексе Российской Федерации.

В ч. 1 ст. 39 Конституции РФ закрепляется право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потере кормильца, для воспитания детей и других случаях, установленных законом. Социальное обеспечение – это участие общества в содержании лиц, которые из-за нетрудоспособности либо по другим, независящим от них причинам, не имеют достаточных средств к достойному существованию. Социальное обеспечение предусматривает право на помощь со стороны государства в виде пенсий и пособий по старости, временной или постоянной нетрудоспособности, по случаю потери кормильца, безработице, по бедности. При этом размер и условия такой помощи определяются законом. К иным случаям социальной помощи, которые устанавливаются законом, относят пребывание в отпусках по беременности и родам, по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет, приобретение статуса безработного.

Кроме того, благотворительная деятельность, как один из видов направления социального обеспечения, заключается в том, чтобы оказывать социальную поддержку гражданам, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию

безработных инвалидов и иных лиц, которые в силу своих особенностей не способны самостоятельно реализовывать свои права и законные интересы.

Конституционное право на жилище, которое закреплено в ч. 1 ст. 40 Конституции России, предполагает гарантированную законом возможность для каждого быть обеспеченным постоянным жильем, возможность стабильного пользования имеющимся жильем, неприкосновенность жилища, право на улучшение жилищных условий.

Конституция Российской Федерации предусматривает то, что политика, которую реализуют органы государственной власти и местного самоуправления, должна быть направлена на поощрение жилищного строительства, создание условий для осуществления права на жилище.

В соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации право граждан на жилище обеспечивается в том числе посредством содействия развитию рынка недвижимости в жилищной сфере, использования бюджетных средств среды и иных не запрещенных законом источников денежных средств для улучшения жилищных условий граждан, предоставления гражданам жилых помещений по договорам социального найма или договорам найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда, обеспечения контроля за использованием и сохранностью жилищного фонда и государственного жилищного надзора [3].

Право на благоприятную окружающую среду гарантируется ч. 1 ст. 42 Конституции РФ. Окружающая среда включает в себя совокупность компонентов природной среды: землю, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир, а также озоновый слой, атмосферный и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия существования жизни на Земле.

В сфере охраны окружающей среды граждане вправе создавать общественные объединения, фонды и иные некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды; направлять обращения в органы власти, иные организации и должностным лицам для получения информации о состоянии окружающей среды и мерах по ее охране; выдвигать предложения о проведении общественной экологической экспертизы и участвовать в ее проведении в установленном порядке; обращаться с жалобами, заявлениями и предложениями к органам государственной власти различных уровней по вопросам, касающимся охраны окружающей среды и негативного воздействия на нее; предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного окружающей среде [4, с. 43]. Конституционные нормы о защите материнства, детства и семьи согласно статье 38 Конституции РФ составляют конституционную основу государственной поддержки семьи в России и являются обязательным условием реализуемой государством политики. Конкретные направления

поддержки материнства, детства и семьи определяются действующим законодательством.

Семейное законодательство Российской Федерации исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, включая право на судебную защиту этих прав. Родители обладают равными правами и обязанностями в отношении своих детей. Семейный кодекс Российской Федерации запрещает осуществление родительских прав в противоречии с интересами детей. В свою очередь, трудоспособные совершеннолетние дети должны заботиться о своих нетрудоспособных родителях. Гарантии прав и свобод семьи закреплены не только в отрасли семейного права, но также и в трудовом законодательстве. Трудовой кодекс РФ регулирует условия труда беременных женщин, а также несовершеннолетних [5].

Органы власти Российской Федерации на различных уровнях и их должностные лица в соответствии со своей компетенцией содействуют ребенку в реализации и защите его прав и интересов с учетом возраста ребенка и в пределах установленного законодательством РФ объема дееспособности ребенка посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов, проведения методической работы с ребенком, разъяснению его прав и обязанностей, порядка защиты прав.

Таким образом, исходя из анализа конституционных положений, социальные права человека и гражданина обладают рядом особенностей, которые заключаются, во-первых, в том, что их объем и возможности реализации во многом зависят от состояния экономики, ресурсов и позитивной деятельности государства. Во-вторых, эти права распространяются только на сферу материально-бытовой и биологической жизни и направлены на удовлетворение важнейших, наиболее значимых для каждого человека потребностей в жилье и питании, работе и отдыхе и т. д. В-третьих, юридические формулировки базовых положений таких прав могут носить рекомендательный характер (например, «право на достойную жизнь», «право на справедливые и благоприятные условия труда»). В-четвертых, этим правам соответствует обязанность государства обеспечивать их экономическими, политическими и юридическими мерами. В-пятых, данные права закрепляются за каждым человеком, т. е. не зависят от гражданства их субъектов.

---

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.03.2020).

2. Глушкова, С. И. Права человека и гражданина в контексте глобализации // Правовая система России в условиях глобализации: сборник материалов круглого стола. М., 2017. С. 47–54.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ (ред. от 06.02.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 15.03.2020).
4. Иванов, Г. И. Права человека / под ред. М. Ф. Чудакова. М.: Деловая и учебная литература, 2015. 312 с.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 15.03.2020).

УДК 336.717
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.31

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УБЫТКОВ МЕЖДУ БАНКОМ И ДЕРЖАТЕЛЕМ ПЛАТЕЖНОЙ КАРТЫ

Микони Т. С., ассистент, юридический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: t.mikoni@spbu.ru

ALLOCATION OF LOSS BETWEEN THE BANK AND THE HOLDER OFPAYMENTCARD

Tatiana S. Mikoni, assistant, law faculty,
Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: t.mikoni@spbu.ru

Аннотация. В статье анализируются правила распределения между банком и клиентом убытков, возникающих при осуществлении расчетов с использованием платежных карт. Данные правила должны, с одной стороны, способствовать минимизации общего размера убытков и расходов на их предотвращение, с другой – обеспечивать справедливый баланс интересов сторон договора.
Ключевые слова: убытки, расчеты, платежная карта, минимизация убытков, экономически эффективное распределение убытков, потребитель.

Abstract. The article examines the rules for distribution of losses between the bank and the client in connection with unauthorized payment card transactions. These rules should, on the one hand, help to minimize the total amount of losses and costs for their prevention, and on the other hand, ensure a fair balance of interests of the parties to the contract.
Keywords: losses, payment transactions, payment card, loss reduction, economically efficient loss allocation, consumer.

Платежная карта является электронным средством платежа, которое используется для инициирования перевода средств. В соответствии с легальной дефиницией, содержащейся в статье 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – ФЗ «О НПС»), электронное средство платежа – это средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

Главная ценность банковской карты заключается в упрощении процесса идентификации банком лица, управомоченного давать распоряжения. При расчетах с использованием платежных карт распоряжение о переводе средств передается через третьих лиц или с

помощью технических устройств без участия сотрудника банка, поэтому возможности банка удостовериться в личности лица, дающего распоряжение, ограничены. Для ускорения и упрощения процесса идентификации управомоченного лица предъявитель карты презюмируется в качестве субъекта, управомоченного давать банку распоряжения о переводе средств.

Оборотной стороной такого ускорения процесса проведения расчетов и вовлечения в процесс передачи распоряжения посредников является повышение риска неправомерного списания средств в результате мошеннических действий третьих лиц. Способы совершения мошеннических действий различны: изготовление копии карты, содержащей реквизиты платежной карты, использование реквизитов платежной карты для совершения покупок в интернет-магазинах, использование украденной или утраченной карты.

В результате неправомерных действий третьих лиц с корреспондентского счета банка списываются денежные средства, т. е. у банка возникают убытки. Убытки должны быть возмещены причинившим их лицом. Однако на практике крайне затруднительно установить личность виновного в причинении вреда, а если это и удается, то привлечение его к ответственности требует значительных затрат, которые часто невозможно компенсировать ввиду отсутствия у виновного имущества.

Возможны три варианта распределения убытков между банком и клиентом: 1) убытки остаются в имущественной сфере банка; 2) убытки переносятся в имущественную сферу клиента путем возложения на клиента обязанности компенсировать банку возникшие убытки (при этом возможно перенесение на клиента только части убытков с оставлением оставшихся убытков в имущественной сфере банка); 3) убытки остаются в имущественной сфере банка с предоставлением ему права перенести их на других участников платежной системы.

Правовой формой, опосредующей перенесение на субъекта потерь, образовавшихся в имущественной сфере контрагента по договору, является гражданско-правовая ответственность. Ответственность может строиться на началах вины или риска. В случае, когда должник отвечает за виновное нарушение обязательства, при отсутствии вины – убытки остаются в имущественной сфере кредитора. Если же лицо отвечает на началах риска, то значение имеет только факт их возникновения в результате неисполнения (ненадлежащего) исполнения обязательства должником, в том числе, когда исполнение стало невозможным в силу непреодолимых обстоятельств. Распределение убытков происходит на основании правил о разложении рисков: если риск несет кредитор, то убытки остаются в его имущественной сфере, а если должник, то кредитор получает право требовать от должника компенсации возникших у него убытков.

Если банк нарушил свои обязательства по договору, например, исполнил распоряжение, составленное с нарушением порядка легитимации управомоченного лица, то возникшие в результате этого убытки должны остаться в имущественной сфере банка. Если же убытки возникли в результате неправомерных действий клиента, то последний обязан возместить их банку на основании общих правил об ответственности. Например, если клиент передал карту третьему лицу, которое незаконно списало средства со счета, то банк может требовать от клиента возмещения этих средств в качестве убытков, причиненных нарушением клиентом своих обязанностей по договору.

Однако в ситуации, когда ни банк, ни клиент не могут быть обязаны к возмещению убытков на основании общих положений о гражданско-правовой ответственности, убытки должны распределяться между сторонами обязательства по правилам о распределении рисков.

«Риск в гражданском праве – это возможные неблагоприятные имущественные последствия, наступление которых зависит от случайных причин» [1, с. 14]. При этом случайность оценивается относительно поведения субъектов конкретного правоотношения: банка и клиента.

В данном случае речь идет о риске убытков, вызванных исполнением неуправомоченному лицу. Данный риск по общему правилу лежит на должнике, поскольку «именно он осуществляет исполнение, контактируя с лицом, принимающим исполнение» [2, с. 95]. Однако в силу легитимационной функции, выполняемой платежной картой, в случае, если распоряжение о переводе средств составлено и передано с использованием платежной карты, риск исполнения ненадлежащему лицу переходит на кредитора – клиента банка.

Специальные правила о распределении риска убытков, вызванных неправомерными действиями третьих лиц при расчетах с использованием платежных карт, закреплены в статье 9 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – ФЗ «О НПС»). Цель данной статьи – оценить, насколько предусмотренное в законе распределение рисков между банком и клиентом эффективно и справедливо.

«Гражданско-правовое распределение рисков заключается в определении адресата последствий нарушения частного имущественного интереса: является ли им сам субъект нарушенного интереса или данные последствия следует переложить на другое лицо» [1, с. 15]. По общему правилу «риск следует возлагать на того, кто может своими действиями, принятием тех или иных мер этот риск если не устранить, то, по крайней мере, уменьшить» [3, с. 122–123]. Минимизация риска заключается в уменьшении суммы затрат на предотвращение убытков и (или) суммы убытков, которые сохраняются, несмотря на принятые меры предосторожности [4, p. 529].

Правила распределения рисков между участниками расчетов должны, с одной стороны, способствовать минимизации общего размера убытков и расходов на их предотвращение, с другой – обеспечивать справедливый баланс интересов сторон. Сокращение размера убытков позволит уменьшить стоимость расчетов, а справедливое распределение рисков повысит доверие клиентов к банкам, что в совокупности будет способствовать развитию розничных безналичных платежей.

Сокращение издержек достигается с помощью экономически эффективного распределения риска. «Экономически эффективный критерий распределения риска заключается в следующем: риск должен возлагаться на ту сторону договора, для которой издержки его несения составляют минимальное значение в сравнении с издержками контрагента» [5, с. 58].

В основу экономически эффективного распределения риска между банком и клиентом могут быть положены три принципа: а) убытки возлагаются на ту сторону, которая может достигнуть нейтрального отношения к риску с наименьшими затратами (принцип распределения убытков); б) процесс распределения убытков должен быть максимально дешевым (принцип возложения убытков); в) убытки возлагаются на ту сторону, которая может их уменьшить с наименьшими затратами (принцип уменьшения убытков). Эти три принципа были впервые в таком виде сформулированы американскими учеными [4, p. 63–130].

В соответствии с принципом распределения убытков убытки возлагаются на ту сторону, которая может достигнуть нейтрального отношения к риску с наименьшими издержками. При этом отношение лица к риску возникновения убытков зависит от двух условий: во-первых, соотношения величины убытков и общего уровня благосостояния конкретного субъекта, во-вторых, способности лица распределить убытки [6, с. 237]. Большинство клиентов банка стремятся избежать риска любых убытков, так как, с одной стороны, их размер для них существенен, с другой – у них нет возможности объективно оценить вероятность их наступления. Наоборот, для банка размер убытков сравнительно невелик, кроме того, он в состоянии просчитать их вероятность и заранее перераспределить потенциальные убытки между иными участниками платежной системы, а также между своими клиентами путем включения их в стоимость услуг. Поэтому банк всегда может достигнуть нейтрального отношения к риску с наименьшими издержками по сравнению с потребителем. Исключением являются случаи, когда клиентом банка выступают крупные компании, для которых убытки, так же как и для банка, могут составлять сравнительно незначительную величину, однако банк в силу наличия профессиональных знаний все равно лучше способен оценить потенциальные убытки и распределить расходы на их покрытие. Поэтому согласно принципу распределения убытков риск убытков должен лежать на банке.

Применение принципа уменьшения убытков не дает столь же однозначного результата. До момента, когда банку стало известно об использовании платежной карты без согласия клиента или о риске такого использования, и банк, и клиент имеют возможности уменьшить вероятность возникновения случайных убытков при минимальных затратах. Поэтому согласно принципу уменьшения убытков риски, существующие до момента получения банком информации о незаконном использовании платежной карты, следует разделить между банком и клиентом.

Однако возможности клиента более ограничены по сравнению с банком. Клиент может аккуратно обращаться с картой, не допуская незаконного завладения картой или ее данными третьими лицами, оперативно сообщать о фактах утраты карты или раскрытия третьим лицам ее данных, а также может следить за операциями, совершаемыми по счету, и сообщать банку в максимально короткие сроки об операциях, совершённых без его согласия. Банк, в свою очередь, может влиять на порядок использования платежной карты, может принимать меры, направленные на повышение безопасности расчетов с использованием карт и, что наиболее важно, обладает ресурсами для совершенствования технологий, которые позволят уменьшить риски. У банка также больше возможностей своевременно корректировать свое поведение в соответствии с нормами закона.

Таким образом, на клиента следует возложить риск убытков в той степени, в которой это будет способствовать его добросовестному поведению по сохранению карты и ее данных, а также по регулярному получению информации об операциях, совершаемых по счету. Размер убытков, возлагаемых на клиента, должен быть достаточным, чтобы обеспечить его желаемое поведение, но не чрезмерным, чтобы не заставить его отказаться от использования карты. Увеличение размера убытков, которое лицо должно покрыть, эффективно лишь до тех пор, пока оно имеет своим последствием желаемые изменения в поведении этого лица. Если, например, поведение субъекта никак не изменится в зависимости от того, грозит ли ему убыток в размере 100 рублей или 10000 рублей, то возложение на него убытков в размере, превышающем 100 рублей, не соответствует принципу уменьшения убытков. Остальные убытки следует оставить в имущественной сфере банка, что будет способствовать повышению безопасности расчетов с использованием платежных карт. При этом важно обеспечить надлежащее информирование клиента о существующих рисках, поскольку способность лица реагировать на правила о распределении рисков зависит от его осведомленности о содержании таких правил [7, p. 75].

После того, как банку стало известно об утрате платежной карты или о её незаконном использовании, предотвращение последующих убытков

полностью зависит от действий банка, поэтому все риски должны лежать на банке.

Принцип возложения убытков предполагает, что процесс распределения убытков должен влечь минимальные расходы. Первоначально денежные средства списываются с корреспондентского счета банка, поэтому оставление их в имущественной сфере банка не требует никаких затрат. Однако в силу особенностей отношений между банком и клиентом для банка не составляет сложности и не влечёт дополнительных расходов также перенесение этих убытков на клиента. В такой ситуации единственный способ эффективно распределить убытки – создать простые и ясные правила распределения убытков между банком и клиентом, реализация которых будет требовать минимально возможных затрат.

Поскольку в соответствии с принципом распределения убытков риск всегда следует возлагать на банк, то решающее значение при выборе экономически эффективной модели распределения рисков будет иметь анализ правил с точки зрения их соответствия принципам уменьшения и возложения убытков.

В то же время «внутренняя неудовлетворенность людей, вызванная пусть и Парето-эффективным, но несправедливым правовым решением, способна перевесить его очевидные экономические выгоды» [5, с. 63]. В сфере розничных платежей клиент по отношению к банку является слабой стороной (он обладает значительно меньшим объемом информации и профессиональных знаний и практически лишен возможности влиять на условия договора, заключаемого с банком), поэтому при распределении рисков следует обеспечить защиту интересов клиентов банков. Предоставляемый клиенту уровень гарантий должен быть достаточным, чтобы предотвратить злоупотребления со стороны кредитной организации, но не чрезмерным, чтобы не создавать условий для недобросовестного поведения самого клиента.

В статье 9 ФЗ «О НПС» предусмотрено три случая, когда оператор по переводу денежных средств должен возместить сумму операции, совершённой без согласия клиента.

При этом речь идет именно об обязанности банка возместить клиенту сумму операции, т. е. законодатель исходит из того, что изначально убытки возникают в имущественной сфере клиента. На самом деле убытки возникают у банка, поскольку денежные средства списываются с корреспондентского счета банка в расчетном центре, а банк компенсирует свои расходы, списывая средства с расчетного счета клиента, уменьшая таким образом свою задолженность перед ним. Поэтому правильно говорить не об обязанности банка возместить клиенту сумму операции, а, наоборот, о праве банка требовать от клиента возмещения возникших у него убытков. Именно по такому принципу

построены правила распределения рисков, закрепленные в статье 74 Директивы 2015/2366 Европейского Парламента и Совета от 25 ноября 2015 года о платежных услугах на внутреннем рынке.

В соответствии с положениями ФЗ «О НПС» банк обязан возместить клиенту сумму совершённой операции, если:

- операция совершена после получения банком уведомления от клиента об утрате электронного средства платежа и (или) его использовании без согласия клиента (часть 12 ст. 9 ФЗ «О НПС»);
- банк не исполнил обязанность по информированию клиента о совершении такой операции (часть 13 ст. 9 ФЗ «О НПС»);
- клиент является физическим лицом и надлежаще исполнил обязанность по уведомлению банка об утрате электронного средства платежа и (или) его использовании без согласия клиента, если банк не доказал, что клиент нарушил порядок использования электронного средства платежа, что повлекло совершение операции без согласия клиента (часть 15 ст. 9 ФЗ «О НПС»).

Рассмотрим с точки зрения экономической эффективности и справедливости закрепленные в законе случаи возложения на банк обязанности компенсировать убытки, причиненные незаконным списанием средств со счета клиента.

Во-первых, банк должен возместить клиенту сумму операции, совершённой после получения банком уведомления об утрате или компрометации платежной карты (часть 12 ст. 9 ФЗ «О НПС»). После получения банком такого уведомления только банк может исключить возникновение дальнейших убытков, поэтому согласно принципу уменьшения убытков риск их возникновения должен лежать на банке. Клиент сделал всё от него зависящее, чтобы предотвратить или уменьшить убытки – предупредил банк об утрате или компрометации карты. Тем не менее, в соответствии с буквальным смыслом анализируемой нормы банку изначально предоставляется право списать средства со счета клиента, а клиент должен после этого обратиться в банк с требованием о восстановлении списанной суммы. Это влечет дополнительные временные, а возможно и финансовые затраты со стороны клиента, а значит не соответствует принципу возложения убытков. Эффективное распределение рисков может быть достигнуто в случае, если у банка изначально не будет права списывать суммы операций, совершённых после получения от клиента уведомления об утрате или компрометации карты.

Во-вторых, банк должен возместить клиенту сумму операции в случае неисполнения им обязанности по информированию клиента о совершённой операции (часть 13 ст. 9 ФЗ «О НПС»). Поскольку отсутствие уведомления банком клиента о совершённой операции возможно установить только после того, как средства списаны со счёта клиента, то предоставление клиенту права требовать возмещения суммы

операции соответствует принципу возложения убытков. Исполнение или неисполнение банком обязанности по уведомлению не может повлиять на риск возникновения убытков от данной операции, так как операция уже совершена. Однако своевременное получение клиентом информации об операции может позволить ему предотвратить последующее незаконное списание средств со счёта. Возложение на банк риска должно стимулировать его к надлежащему исполнению обязанности по информированию клиента о совершённых операциях и, как следствие, к уменьшению потенциальных убытков от мошеннических действий третьих лиц, что соответствует принципу уменьшения убытков. В то же время не понятно, почему банк обязан компенсировать только сумму операции, о которой не уведомил клиента, а не всех операций, которые совершены после допущенного банком нарушения. Представим ситуацию, когда мошенники проводят с использованием карты операцию на 100 рублей. Банк не уведомляет клиента об этой операции. На следующий день мошенники, воодушевлённые успехом, проводят еще одну операцию на 100 000 рублей, о которой банк уже уведомляет клиента. В соответствии с частью 13 ст. 9 ФЗ «О НПС» банк обязан возместить клиенту только 100 рублей, хотя, если бы банк уведомил клиента о первой операции, то, скорее всего, клиент смог бы предотвратить вторую, в результате которой ему причинены значительно б*о*льшие убытки. Поэтому в соответствии с принципом уменьшения убытков на банк следует возложить все убытки, возникшие после нарушения банком обязанности по уведомлению клиента об операции, совершённой без согласия клиента.

Если клиент – юридическое лицо, иных случаев возложения на банк риска убытков от незаконных операций в законе не предусмотрено. Правила частей 11.1 – 11.5 статьи 9 ФЗ «О НПС» не затрагивают вопрос распределения рисков убытков между банком и клиентом, а лишь предоставляют клиенту возможность предотвратить наступление убытков путем приостановления зачисления средств на счет получателя. Если клиент – физические лицо, то действует специальная норма: в случае, когда клиент направил уведомление об утрате электронного средства платежа и (или) его использовании без согласия клиента, банк обязан возместить клиенту сумму операции, совершённой до направления клиентом уведомления об утрате электронного средства платежа и (или) его использовании без согласия клиента. Банк освобождается от данной обязанности, если докажет, что клиент нарушил порядок использования электронного средства платежа, что повлекло совершение операции без согласия клиента (часть 15 ст. 9 ФЗ «О НПС»).

Проанализируем данное правило с точки зрения его экономической эффективности. Риск убытков от несанкционированной операции лежит на потребителе, но банк должен покрыть соответствующие убытки при одновременном соблюдении двух условий: потребитель надлежаще

исполнил свою обязанность по уведомлению банка о несанкционированной операции и такая операция не является результатом нарушения клиентом правил использования платежной карты.

Банк самостоятельно оценивает соблюдение обоих условий, необходимых для перенесения убытков на банк. В случае отказа банка клиент может защитить свои права только в судебном порядке, что требует значительных затрат времени и денег. Для банка оказывается выгодным отказать клиенту в возврате средств со ссылкой на то, что клиент нарушил свои обязанности по уведомлению или по соблюдению правил использования платежной карты. Таким образом, нарушается принцип возложения убытков, поскольку для реализации предусмотренного в законе механизма чаще всего требуется обращение в суд, что влечёт дополнительные расходы.

Кроме того, потребитель скорее откажется от защиты своих прав, смирившись с понесёнными убытками, чем будет нести дополнительные расходы. В итоге убыток в полном размере локализуется в имущественной сфере клиента, независимо от того, мог ли он как-то повлиять на вероятность его возникновения. Одновременно банк полностью освобождается от любых имущественных потерь, несмотря на то, что у него всегда есть возможность уменьшить вероятность возникновения убытков. Это приводит к нарушению принципа уменьшения убытков, создаются условия для того, чтобы банк вкладывал средства не в повышение безопасности расчетов, а в создание сложно читаемых и трудновыполнимых правил, обеспечивая себе таким образом гарантированное основание для отказа в возврате средств клиенту. Не соответствует принципу уменьшения убытков и то, что убытки в полном объеме переносятся на держателя карты. Возможности клиента повлиять на вероятность возникновения случайных убытков существенно ограничены, поэтому на клиента есть смысл возлагать только такой объем убытков, который достаточен для обеспечения желаемого поведения с его стороны. Все остальные убытки должны оставаться в имущественной сфере банка, гарантируя его заинтересованность в повышении безопасности расчетов.

Подводя итог, следует сделать вывод, что правила статьи 9 ФЗ «О НПС» не обеспечивают экономически эффективного распределения рисков убытков, возникших в результате неправомерных действий третьих лиц, между банком и клиентом.

---

1. Канев, Д. Р. Распределение риска убытков в гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2010.
2. Павлов, А. А. Комментарий к ст. 312 Гражданского кодекса Российской Федерации // Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к

статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017.
3. Агарков, М. М. Ценные бумаги на предъявителя. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: АО «Центр «ЮрИнфоР», 2002.
4. Gillette Clayton, P., Walt Steven, D. Uniformity and Diversity in Payment Systems // Chicago-Kent Law Review. 2008. Vol. 83. Issue 2.
5. Архипов, Д. А. Распределение договорных рисков в гражданском праве. Экономико-правовое исследование. М.: Статут, 2012.
6. Geva Benjamin. Ответственность потребителя при неавторизованных электронных переводах // Canadian Business Law Journal. 2003. Vol. 38. Issue 2.
7. Cooter Robert, D., Rubin Edward, L. A Theory of Loss Allocation for Consumer Payments // Texas Law Review. 1987. Vol. 66. Issue 1.

УДК 343
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.32

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ XIX ВЕКА КАК РУПОР ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Митина С. И., доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой теории государства и права,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: april5298@rambler.ru

PERIODIC PRINTING OF THE XIX CENTURY AS A SPEAKER OF LEGAL INFORMATION (ACCORDING TO THE MATERIALS OF NOVGOROD PROVINCE)

Svetlana I. Mitina, doctor of law, associate professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: april5298@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается практика реализации принципа гласности в деятельности правоохранительных органов Новгородской губернии до и после Судебной реформы 1864 г. Автор анализирует материалы Новгородских губернских ведомостей с целью определения степени публичности правовых процедур, информационной открытости досудебного расследования. Особое внимание автор уделяет проблеме противоречия принципа реализации процессуальных процедур, выражающегося в необходимости сохранения тайны расследования в ходе досудебного производства, и принципа исключения тайны по существу при рассмотрении судом материалов уголовного дела на условиях состязательности.
Ключевые слова: гласность, периодическая печать, принципы правосудия, доступность правовой информации, Устав уголовного судопроизводства.

Abstract. The article examines the practice of implementing the principle of publicity in the activities of law enforcement agencies in the Novgorod province before and after the Judicial Reform of 1864. The author analyzes the materials of the Novgorod Provincial Gazette in order to determine the degree of publicity of legal procedures, information transparency of pre-trial investigation. The author pays special attention to the problem of the contradiction between the principle of the implementation of procedural procedures, which is expressed in the need to preserve the secrecy of the investigation during pre-trial proceedings, and the principle of excluding secrecy in essence when the court considers the materials of a criminal case on an adversarial basis.
Keywords: glasnost, periodicals, principles of justice, accessibility of legal information, Charter of criminal proceedings.

Развитие правовой системы Российской империи на протяжении XVIII–XIX вв. сопровождалось попытками внедрения и утверждения свойственных европейской цивилизации принципов осуществления

правовой практики. Среди таковых особое место занимает принцип гласности. Публичность, открытость правотворческих, правоприменительных, в особенности судебных, процедур являлись свидетельством прогрессивности государственных институтов в целом.

Особое значение реализация данного принципа имела для развития процессуальной практики. М. С. Колосович среди средств обеспечения гласности уголовного судопроизводства, рассматриваемых в качестве обязательных европейскими учеными XVIII–XIX вв., называет варианты публичности судебного разбирательства, публичность исполнительной практики, а также привлечение к обзору правовой практики органов печати [1, с. 42].

Применительно к Российской империи можно выделить два этапа использования органов печати в реализации принципа гласности правовой практики. Границей этих двух исторических этапов является Судебная реформа 1864 г. Дореформенный период зачастую воспринимается правоведами как время тотальной формализации правовых процедур. О. М. Полиева отмечает, что характерная для времен «Русской правды» и «Псковской судной грамоты» открытость, устность судебного разбирательства уступила принципам письменности и закрытости, господствовавшим вплоть до реформ 60-х гг. XIX в. [2, с. 67–68].

Действительно, именно Судебная реформа Александра II официально провозгласила одним из основных принципов судебной практики гласность судопроизводства, что повлекло за собой распространение гласности на все сферы правовой деятельности. Однако это не означает, что до знаменательной реформы правовая информация была недоступна для широких масс населения. Если обратиться к материалам губернской прессы дореформенной России, можно почерпнуть немало фактического материала, касающегося не просто общей правовой информации, а раскрывающей для широкой публики содержание конкретных юридических процедур. Так, из содержания официальной части Новгородских губернских ведомостей видно, что Палаты гражданского и уголовного суда, функционировавшие до учреждения окружных судов, размещали объявления с подробной информацией о тех или иных судебных разбирательствах, например: «Новгородская палата гражданского суда вызывает:

– Поручика Николая Иванова Борисова, Царскосельских купцов Петра Макарова Сажина и Иосифа Владимирова Лохвицкого или их доверенных по делу о взыскании первым с последних денег 1930 руб. 71 к., неправильно закредитованных по делам Тихвинского акцизно-откупного комиссионерства.

– Старорусского вечного цеха часовых дел мастера Александра Федорова Балахонцева и Старорусскую мещанскую вдову Авдотью

Мелентьеву Афанасьеву или их доверенных по делу о взыскании первым с последней за нарушение контракта денег» [3, 1964, № 1, с. 2].

Новгородский уездный суд вызывал к слушанию решения: «Шведскую подданную Анну Марию Свенедоттер и отставного регистратора Брунони-Камер Гацкого по делу о сокрытии Свенедоттер рожденного ею блудно-прижитого младенца» [3, 1964, № 5, с. 26].

Очевидно, что еще до введения в действие Судебных уставов 1864 г. публичность судебной практики в некоторых случаях была даже избыточной. С одной стороны, это объяснялось ограниченностью средств уведомления участников дела о необходимости участия в заседании суда. В таких условиях объявления в губернской газете одновременно заменяли судебные повестки, заказные письма и частично копии процессуальных документов. С другой стороны, сама губернская пресса не являлась процессуальным документом, а служила основным источником информации для местного населения. Подобные объявления неизбежно вызывали обывательский интерес, обсуждения и далеко не всегда способствовали успешному судебному разбирательству.

После введения в действие Судебных уставов [4] практика размещения в губернской прессе информации правового характера была несколько упорядочена. Вместо конкретных фактов по делу в объявлениях сообщались соответствующие статьи уголовного или гражданского законодательства.

В пореформенный период Губернские ведомости использовались как основной источник доведения до населения информации о новых законодательных установлениях, указах Сената, циркулярах МВД и других министерств.

Реализуя целый комплекс реформ 1860-х гг., центральная власть позаботилась о регулировании практики освещения в прессе государственной политики. Текст указа об утверждении Правил о печати и цензуре и сами Правила также были опубликованы. Новый порядок публикации материалов предусматривал, что «…за всякое оглашение в печати о частном или должностном лице или обществе, или установлении такого обстоятельства, которое может повредить их чести, достоинству или доброму имени, виновный подвергается денежному взысканию не свыше пятисот рублей и заключению в тюрьму на сроки, назначенные в ст. 42-й т. XV ч. I, или же, по усмотрению суда, одному из сих наказаний» [3, 1865, № 22; 3, 1865, № 39].

Правила цензуры не распространялись на официальную информацию, содержание которой носило весьма открытый, публичный характер. Так, Полицейское управление Новгорода предоставило для публикации в январе 1865 г. ведомость о числе арестантов, содержащихся при Управлении «в двух частях Новгорода с означением звания и рода совершённых преступлений и проступков с 1-го января 1864 по 1-е января 1865 г.» [3, 1865, № 5, с. 12]:

	Дворян		Чинов-ников		Потомств. почетных граждан		Купцов		Мещан		Крестьян		Нижних чинов, служащих и отставных		Разно-чинцев	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
При Управлении:																
– за кражу									36	5	31	3	10	10	2	3
– неимение видов			4				1		23	12	76	23	17	5	5	1
– пьянство	5	1	21		1		3		99	11	198	17	44	19	1	2
– нищенство		1	3	2					40	40	59	29	32	44	1	3
При 1-й части																
– за кражу									7		16	3	17	6		
– неимение видов			4						33	11	28	3	41	6	10	3
– пьянство	5		63	5			6		239	62	323	30	277	35	36	6
– изнасило-вание											1		1			
При 2-й части																
– за кражу									19	6	24	2	8	1		
– неимение видов			4						16	7	47	24	9	7	8	7
– пьянство	7	3	11				3		105	16	139	19	57	11	2	
– нищенство			5						19	10	15	6	22	14	6	3
ИТОГО:	17	5	115	7	1		13		636	180	957	159	535	158	71	28

В открытом доступе была и информация о распределении преступников по арестантским ротам гражданского ведомства. Расписание арестантских рот было разослано при циркулярном предложении Министерства внутренних дел № 155 от 28 ноября 1860 г. начальникам губерний. В документе говорилось о необходимости обновления расписания ввиду «…могущих встретиться недоразумений и затруднений при направлении в гражданские арестантские роты присуждаемых к помещению в оные преступников губерний, в которых роты не учреждены, и за передачею этих рот в ведение Министерства внутренних дел». МВД не скрывало от широкой публики и истинной причины обновления расписания. Проблема сводилась к необходимости распределения в арестантских ротах польских мятежников и недостатку свободных мест для содержания арестантов.

Примечательно, что циркуляр, адресованный начальникам губерний, публиковался в периодической печати с сохранением полного текста: «…если по значительности находящихся в подведомственной Вам роте арестантов не будет представляться возможным свободно разместить вновь присужденных к содержанию в роте преступников, то не оставьте в то же время сообщать мне об этом для распоряжения к указанию другой роты, в которую временно могут быть направляемы эти арестанты» [3, 1865, № 6].

Название губернии	В какие арестантские роты назначаются преступники
Архангельской… Вологодской… Олонецкой…	Архангельскую
С.-Петербургской… Новгородской … Тверской…	Новгородскую
Эстляндской… Лифляндской… Курляндской… Псковской...	Псковскую
и т. д.	

Большое значение для правоприменительной практики на местах имела публикация примеров толкования законодательства Правительствующим сенатом или отдельными министерствами. Например, в № 23 Губернских ведомостей за 1865 г. был размещен указ Сената № 398 от 22 февраля с толкованием практики наказания подсудимых, которые были уже наказаны за три кражи в порядке Полицейского суда и подверглись за четвертую кражу суду общих судебных мест. «Уже из буквального смысла этого постановления видно: что наказание за повторение преступления должно было быть назначено лишь таким лицам, которые за первое понесли наказание по приговору судебного места и, следовательно, при суждении о воровстве, все наказания, понесенные преступником за прежние кражи не по судебным приговорам, а в порядке Полицейской расправы, не должны быть приняты в расчет». Далее на примере наказаний за повторное воровство разъяснялось, что в законе определены за кражу различные наказания, увеличивающиеся в строгой постепенности смотря по тому, в который раз совершена кража. «Значение этого постепенного возвышения наказания заключается в том, что преступник, неостановленный понесенным им наказанием, тем самым вызывает такую злую волю, для устранения которой необходимы меры более строгие и сильнейшее взыскание, по сему и наказания за кражу в первый, во второй и третий раз постепенно увеличиваются и наконец доходят до высших исправительных, так как более легкие наказания не послужили к исправлению преступника. При этом очевидно, что для достижения цели правосудия необходимо, чтобы во всяком случае преступник в полной мере понес низшее наказание, прежде чем оный мог быть подвергнут высшему, ибо было бы крайне несправедливо, не испытав на нем действия этого низшего наказания, которое может быть и послужило бы к его исправлению, прямо переходить к тягчайшему. Посему, если подсудимый не испытывал еще в полной мере всей тяжести

наказания, определяемого законом за кражу в первый раз, то при повторении им преступления невозможно присуждать ему более тяжкого наказания, постановленного законом исключительно для тех случаев, когда первое наказание было применено к преступнику в полном его составе и тем не менее оказалось недостаточным для исправления». В заключение утверждалось, что наказание предполагает «предварительное за первое преступление лишение прав и преимуществ и, по самой букве закона, наказание за повторение кражи может быть только тогда применено к подсудимому, когда он уже до сего был лишен этих прав, т. е. был подвергнут в полной мере наказанию» [НГВ. 1865. № 23].

Примечательно, что в материалах толкования имеется ссылка на практику Курляндских мировых и волостных судов и конкретное уголовное дело о судимой за кражу крестьянке Янсон, «разрешенное» в октябре 1863 г. в Общем собрании 4-го и 5-го и Межевого департаментов Правительствующего сената.

В целом можно согласиться со специалистами, считающими, что Судебные уставы 1864 г., утвердившие, в том числе и принцип гласности правосудия, переводили общественные отношения в России в новую плоскость, гарантируя защиту прав личности и собственности в рамках судебного процесса [5, с. 28].

Между тем, в современных условиях отмечается тенденция деперсонификации судебных актов и другой информации, размещаемой на официальных сайтах судов. Тем самым нарушается требование законодательства об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации [6, с. 182–183]. Суть коммуникации судебных органов и средств массовой информации справедливо оценивает Д. А. Ягупова, отмечающая, что таковые действуют в едином информационном пространстве и потому должны вырабатывать соответствующие формы взаимодействия [7, с. 289]. При этом сохраняется явное противоречие между процессуальными процедурами, например, производством по уголовному делу и защитой прав и законных интересов личности в ходе осуществления судебной практики [8, с. 100]. Ограничение гласности судопроизводства в целях обеспечения безопасности участников уголовного процесса является важным условием реализации конституционных прав граждан. Таким образом, проблема грамотного взаимодействия правоохранительных органов и средств массовой информации сохраняет свою актуальность до сих пор.

Современная правовая практика подтверждает актуальность целей и задач Великой судебной реформы 1864 г., которые, однако, не были в полном объеме реализованы в силу ряда исторически предопределенных причин. В результате «контрреформ» Александра III уровень гласности правовой практики значительно снизился. Советский период также не стал временем демократизации правовой сферы. Лишь на современном этапе у

российского общества появилась возможность реализовать цели, поставленные законодателем еще в середине XIX в., и обеспечить гармоничное взаимодействие правоохранительных органов и средств массовой информации в целях обеспечения законности, правопорядка, гарантии прав и свобод граждан.

---

1. Колосович, М. С. Содержание и средства обеспечения гласности уголовного судопроизводства в трудах ученых Европы XVIII–XIX веков // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 38–43.
2. Полиева, О. М. Принцип гласности и информационная открытость в современной системе российского правосудия // Экономический вестник Российского государственного университета. 2009. Т 7, № 4 (часть 3). С. 67–70.
3. Новгородские губернские ведомости. 1864. № 1, 5; 1865. № 5, 6, 22, 39.
4. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. С изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственною Канцелярией. Второе дополненное издание. Части I–V. СПб., 1866–1867 [Электронный ресурс]. URL: civil.consultant.ru (дата обращения: 11.03. 2020).
5. Коваль, С. П., Коноваленко, П. Н. Исторический опыт и влияние Судебной реформы 1864 года на российское общество и государство // Вестник КГУ. 2018. № 3. С. 28–32.
6. Свежинцев, Е. И. Федеральный закон № 46: открытое правосудие или тайное уголовное судопроизводство? // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 4 (87). С. 178–182.
7. Ягупова, Д. А. Информационная открытость и гласность правосудия // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 5. С. 285–290.
8. Дмитриева, А. А. Ограничение гласности уголовного судопроизводства как условие безопасности участников уголовного процесса // Вестник Удмуртского ун-та. 2016. Т. 26, вып. 5. С. 97–101.

УДК 343.11
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.33

СУД ПРИСЯЖНЫХ. АНАЛИЗ ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ

Михайлов А. С., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s26340@std.novsu.ru
Научный руководитель: **Калпинская О. Е.**

THE JURYTRIAL. THE ANALYSES OF THE CURRENT SITUATION

Alexander S. Mikhailov, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: s26340@std.novsu.ru

Аннотация. Анализ программы реформирования рассмотрения дел с участием присяжных заседателей в пределах компетенции судов первого звена. Возможность расширения подсудности дел в районных судах. Суд присяжных, итоги прошедшего периода.
Ключевые слова: программа реформирования, компетенции суда, роль судьи, оправдательный приговор, расширение подсудности.

Abstract. Analysis of the program of reform for the consideration of cases with participation of jurors within the jurisdiction of the courts of the first link.The possibility of expanding the jurisdiction of cases in district courts.Jury trial, results of the past period.
Keywords: reform program, jurisdiction of the court, role of the judge, acquittal, extension of jurisdiction.

Уже больше года введена в действие программа реформирования о рассмотрении дел с участием присяжных заседателей (ФЗ № 190 от 23.06.2016, действует с 1 июня 2018 года) [1], распространившая свое влияние на районные и гарнизонные суды. Расширение полномочий института суда присяжных дало нам возможность изменить компетенцию суда в отношении мужчин в возрасте старше 65 лет и женщин, относительно которых невозможно применение санкции – пожизненное лишение свободы. Вне компетенции лица до 18 лет.

Отданная прерогатива рассмотрения особо тяжких преступлений, предусмотренных статьями 105 ч. 2, 277, 295, 317 и 357 УК с участием присяжных заседателей в суды первой инстанции, значительно расширила подсудность этих судов, тем самым еще более увеличила имеющуюся нагрузку на судей этого звена.

Водворяя в жизнь реформу, предполагалось, что должен произойти заметный рост рассматриваемых дел с участием коллегии (на данном

этапе ожидания не оправдались). Однако, заметим другую наметившуюся тенденцию – рост оправдательных приговоров. Статистические данные также показывают на правильность этого предположения. Третья часть рассмотренных районными судами дел – это оправдательные приговоры. Рассмотрены уголовные дела в отношении 103 подсудимых, 28 процентов из этого количества – оправданы. Из рассмотренных дел вышестоящими судами отменено четыре обвинительных и шесть оправдательных приговоров. При этом было соблюдено основное условие, при котором возможно отменить вердикт присяжных. Это нарушение каких-либо процессуальных действий, не ставящее под сомнение вынесенное присяжными решение по итогам судебного разбирательства. Так как в ходе процесса необходимо строго соблюдать все правила, от которых зависит, состоялось судебное заседание или нет.

Рост оправдательных приговоров можно объяснить еще и тем, что в процессе участвуют лица, не имеющие никакого отношения к судебной или правоохранительной системе. Обсуждая все факты и доводы, приводимые адвокатом и прокурором, более тщательно взвешивают и анализируют их достоверность и обоснованность. Ведь члены коллегии присяжных при обсуждении вопроса о виновности (невиновности) опираются на предъявленные факты, при этом не исключая эмоции, вызванные стороной защиты или обвинения.

Следующим аспектом, который сильно влияет на вынесение вердикта, даже, можно сказать, преимущественно в сторону оправдательных приговоров – это сокращенная численность коллегии присяжных. Напомним, проводимая реформа коснулась не только судов первого звена, но и судов краевого, областного значения и окружных с двенадцати до восьми плюс два запасных. При этом в районных судах образуются коллегии, состоящие из шести человек плюс два запасных. Сопоставляя данные по числу оправдательных приговоров до первого июня 2018 года и после видно, что уменьшенные по количественному составу коллегии выносили оправдательный вердикт чаще. В подтверждение этой мысли высказано мнение государственных обвинителей, которое заключается в том, что повлиять на вынесение приговора в связи с уменьшением количества заседателей стало значительно легче, т. е. задача стороны защиты значительно облегчилась. Следовательно, для вынесения оправдательного приговора достаточно половины голосов состава присяжных.

Не на последнем месте обозначилась проблема, существенно влияющая на процент оправдательных вердиктов, это качество проведения следственных действий, а именно, проблема отсутствия достаточной полноты расследования. Следователь, в сущности проводящий досудебное

разбирательство, формирует обвинительный приговор, который будет вынесен на обсуждение в суде. От того, насколько тщательно будет проведено расследование, будет зависеть ответ на вопрос: доказана ли вина или нет, не доказана.

Следующим вопросом для анализа проведенной реформы является вопрос о роли судьи. Роль судьи по-прежнему очень значительна. Самым важным и порой «непреодолимым» этапом, возложенным на судью районного суда, является этап формирования коллегии суда присяжных, который находится в жестких рамках статьи 3 и 7 Федерального закона № 113-ФЗ от 20.08.2004 [2]. Особенно это касается районных судов с численностью населения от пяти до десяти тысяч человек.

Еще одним из важных факторов, влияющим на виновность (невиновность) и который напрямую зависит от председательствующего судьи, является правильно составленный для присяжных заседателей вопросный лист. Ведь зачастую от правильного грамотно поставленного вопроса зависит, доказана вина или нет.

Теперь о присяжных. Это простые, обычные люди, имеющие «коллективные» привычки, т. е. коллегии присяжных, имеющие сильную личность (это не обязательно назначенный старшина), подавляющую своим мнением остальных. Другая крайность – это диаметрально противоположные коллегии, сущность которых заключается в пассивном поведении, как во время судебного заседания, так и при вынесении вердикта, в отношении которых можно сказать «отбывают» свое время. И то, и другое не приемлемо.

Суммируя вышеизложенное, можно подвести итог – мы видим идеальный процесс. В нем принимают участие хорошо подготовленная сторона обвинения и сторона защиты, подготовленные свидетели, адекватно отвечающие на поставленные вопросы. Если абстрагироваться от всех трудностей, возникающих при судопроизводстве, мы увидим, каким должно быть в идеале заседание суда. В этом процессе судья лишь арбитр, контролирующий правильность выполнения всех процессуальных действий.

На совещании председателей региональных судов председатель Верховного суда Вячеслав Лебедев подвел итоги работы районных судов за прошлый год и сделал заявление, что считает возможным еще больше расширить круг тяжких преступлений для рассмотрения судом присяжных заседателей, кроме того, к этому добавить дела, касающиеся деятельности предпринимателей. За пределами полномочий могут быть только уголовные дела, содержащие сведения, составляющие государственную тайну. В поручении президента Владимира Владимировича Путина также говорилось о возможном расширении полномочий суда присяжных заседателей.

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: закон РФ от 23.06.2016 № 190-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199974/ (дата обращения: 05.04.2020).
2. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: закон РФ от 20.08.2004 № 113-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru/cons_doc_LAW_48943/ (дата обращения: 05.04.2020).
3. Рассудили на шестерых [Электронный ресурс]. URL: vsrf.ru›press_center/mass_media/27581/ (дата обращения: 05.04.2020).
4. Что может суд присяжных [Электронный ресурс]. URL: rg.ru›2019/07/16/sociolog…vliiaet…prisiazhnyh.html (дата обращения: 05.04.2020).
5. Суд присяжных в России: итоги 2019 г. и прогноз на предстоящий год [Электронный ресурс]. URL: advgazeta.ru›…sud-prisyazhnykh…itogi-2019…na…god/ (дата обращения: 05.04.2020).
6. Суд тронулся, господа присяжные заседатели // Коммерсант. 2020. 12 февраля. № 25 [Электронный ресурс]. URL: kommersant.ru›doc/4251457 (дата обращения: 05.04.2020).

УДК 004.738.5:324
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.34

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТА В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Михайлова А. С., старший преподаватель,
Новгородский государственный университет имени ЯрославаМудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Alla.Mikhaylova@novsu.ru

ESSENCE AND FORMS OF POLITICAL INTERNET IN THE ELECTION PROCESS

Alla S. Mikhailova, senior lecturer,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Alla.Mikhaylova@novsu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы политического сегмента сети Интернет, его роли в политической жизни страны, в избирательном процессе, значение и основные характеристики, а также устанавливается, каковы виды электронных ресурсов, используемых кандидатами и избирательными объединениями для достижения своих политических целей.
Ключевые слова: интернет-сайт, мини-блог, форум, чат, избирательный процесс.

Abstract. The article discusses the issues of the political segment of the Internet, its role in the political life of the country, in the electoral process, the meaning and main characteristics, and also establishes what types of electronic resources are used by candidates and election associations to achieve their political goals.
Keywords: website, mini-blog, forum, chat, election process.

Политический Интернет является активно используемым инструментом избирательного процесса, под которым понимается область информационно-коммуникационной сети Интернет, которая используется участниками избирательного процесса [1, с. 124–125]. Здесь нужно прояснить некоторые нюансы:

– под участниками избирательного процесса мы подразумеваем не только партии и кандидатов на выборные должности, но и граждан, которые задействованы в этом процессе (например, при распространении ими информации об избирательных объединениях);

– использование указанными выше лицами определенной области сети Интернет происходит в рамках их статусов как участников избирательного процесса (то есть, затрагивает непосредственно выборы, агитацию или имидж кандидата и/или избирательного объединения, участвующего в выборах). Таким образом, термин «политический Интернет» в контексте данной статьи является более узким понятием, чем «Интернет в политической сфере». Представленное определение можно соотнести с понятием «Интернет в избирательном процессе».

Следует отметить, что в научной доктрине исследование политического Интернета проводится по большей части именно в его широком значении. Например, О. М. Морозова в начальной части своей работы приводит такие синонимы этого термина, как «сетевая политика», «киберполитика», «компьютерно-опосредованная политическая коммуникация», «электронное правительство» и т. д. [2, с. 156]. Можно заметить, что речь здесь идет о политике как о сфере общественной жизни, которая включает всю совокупность взаимоотношений между выборными должностными лицами и гражданами. Схожее явление описывают и другие авторы. С другой стороны, проблемы, связанные с освещением именно выборов в веб-среде, затрагивают Н. А. Долгова и Ш. А. оглы Алиев [3, с. 93–95]. Нам кажется, что анализ общих положений о политическом Интернете будет полезен для достижения цели настоящей статьи. Такой переход от общего к частному поможет понять, какова политическая Интернет-среда на сегодняшний день. Прежде всего, стоит привести определение политического Интернета, сложившееся в научной доктрине. Анализ работ авторов показывает, что четко закрепленного понятия нет. Например, О. Н. Морозова называет политический Интернет «мощным интерактивным средством связи с общественностью, которое позволяет осуществлять регулярный диалог политических деятелей с частью общества, имеющей доступ к Сети» [2, с. 157]. Д. В. Татманян говорит о том, что «пространство сети Интернет является областью интересов и взаимодействия политических субъектов в отношении власти и ее осуществления» [4, с. 296]. Однако такие формулировки не являются исчерпывающими и характеризуют политический Интернет лишь с той или иной позиции. Поэтому для определения этого явления в его полном значении нам бы хотелось расширить понятие, уже данное нами: политический Интернет – это область информационно-коммуникационной сети Интернет, которая используется участниками политических отношений в рамках таких отношений. Теперь стоит сказать о формах политического Интернета. Под формами понимаются виды ресурсов, которые используются субъектами, вовлеченными в политическую сферу. Приведем пример классификации, которую дает О. Н. Морозова. Согласно её взглядам, все политические интернет-ресурсы делятся на несколько категорий:по типу контента сайтов (новостные, аналитические, имиджевые, агитационные, смешанные); по функциям/целям создания (предвыборные, имиджевые, аналитические, сайты – инструменты информационных войн (компроматные)); по аудитории, на которую ориентированы информационные ресурсы (зарубежные, общероссийские, региональные, местные); по принадлежности информационных ресурсов (принадлежащие государству, медийным группам, политическим группам, бизнес-группам, независимые) [2, с. 156].

На наш взгляд, еще одним важным классификатором является степень нормативного регулирования сайта. Есть ресурсы, за которыми установлен минимальный контроль со стороны государства (контент проверяется лишь на наличие запрещенной к распространению информации – например, разжигающей вражду к какой-то социальной группе), а есть такие, которые требуют регистрации и соблюдения других процедур. Речь здесь идет о сайтах, зарегистрированных в качестве средств массовой информации, и о сайтах, не зарегистрированных в этом качестве, а также о блогах. Помимо разделения ресурсов на категории, О. Н. Морозова также описывает их типы, т. е. называет отдельные инструменты политического Интернета [2, с. 159–160]. Следует дать их краткую характеристику.

1. Непосредственно интернет-сайты. Такой ресурс используется для демонстрации информации о кандидате или избирательном объединении, которая может быть представлена в виде текста или оформлена с помощью мультимедиа (плакаты, видео). Также на интернет-сайтах имеется обратная связь посредством комментариев, форумов и других инструментов, что позволяет создателям сайта получать отзывы пользователей об информационном наполнении сайта или о политическом субъекте, которому сайт посвящен. Стоит сказать, что автор допускает ошибку в терминологии, поскольку определение интернет-сайта является более широким и используется для обозначения любого обособленного сегмента в Интернете. Правильней было бы назвать данный инструмент «тематическим сайтом».

2. Блоги и мини-блоги. Это место для обсуждения общественно значимых событий, вопросов политической идеологии и многое другое, которое состоит из совокупности статей различных авторов и комментариев к ним. Согласно О. Н. Морозовой, подобные ресурсы «обеспечивают интерактивность, неформальный стиль подачи информации, быстрое получение обратной связи, обмен мнениями» [2, с. 160].

3. Электронная почта. Основные преимущества данного вида сайтов состоят в следующем:

– до пользователя доходит лишь та информация, на получение которой он дал согласие. Таким образом, отсеивается все лишнее;

– пользователь может отписаться от получения информации, если она больше не удовлетворяет его интересам;

– данные об отправителе информации открыты. Между ним и пользователем возникает диалог, персонализированное общение, что в политической сфере означает, что у пользователя повышается доверие к политику.

4. Форумы, чаты, социальные сети. На наш взгляд, это самые удобные инструменты политического Интернета, поскольку они позволяют вести диалог в реальном времени и охватывают большее число

граждан в их вопросах к политику (в отличие от электронной почты). Социальные сети при этом обладают достоинствами и тематических сайтов, поскольку зачастую там имеются анкетные формы, информация в которых позволяет в достаточной мере оценить личность интересуемого политика. О. Н. Морозова называет данные виды ресурсов «площадками для организации обсуждений, многостороннего обмена мнениями, а также источниками информации». Также стоит упомянуть, что посредством социальных сетей и форумов может достигаться диалог не только между кандидатом и избирателями, но и общение избирателей между собой, при котором ими создается образ кандидата, обсуждаются черты его личности, профессиональные навыки и т. д. Это также важно в избирательном процессе, поскольку такие коммуникации отражают интересы и настроение электората.

5. Наконец, последним видом ресурсов являются интернет-опросы и онлайн-голосование. Они нацелены на выявление намерений электората, его восприятия уже сложившихся имиджей партий и кандидатов, его отношения к экономической ситуации в регионе, а также на выделение проблем, наиболее остро стоящих перед избирателями.

На наш взгляд, опросы нельзя выделить в отдельный вид интернет-ресурсов, поскольку чаще всего их используют на уже перечисленных сайтах. Это скорее вспомогательный инструмент, а не отдельный веб-ресурс. Существуют и другие способы дифференциации ресурсов политического Интернета. Например, Д. В. Татманян предлагает разделять сайты в зависимости от структуры и характера контента (на информационно-аналитические ресурсы, сайты общественных инициатив и т. д.), а также в зависимости от субъекта, который создает и которому посвящен такой ресурс (сайты органов государственной власти, политических партий, общественных организаций и т. д.) [4, с. 298]. Как мы видим, политический Интернет обладает широким набором инструментов, различных по своей сути и характеристикам, которые позволяют правильно и своевременно хранить, обрабатывать и представлять информацию, а также обмениваться ей.

Подытоживая, можно сказать, что на сегодняшний день политический Интернет в России представляет собой весьма развитый веб-сегмент, он привлекает весьма широкую и политически активную аудиторию, с мнением которой власть не может не считаться.

---

1. Малькевич, А. А. Использование избирательных интернет-технологий в XXI веке: опыт, механизмы, эволюция, перспективы развития. // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2. С. 124–131.

2. Морозова, О. Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 156–161.

3. Долгова, Н. А., Алиев оглы, Ш. А. Агитация в сети Интернет: практика, правовое регулирование, перспектива // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. № 2 (155). С. 93–95.
4. Татманян, Д. В. Основные направления развития политического сектора Рунета. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 296–301.

УДК 324
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.35

СУЩНОСТЬ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ: РИСКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА

Михайлова А. С., старший преподаватель,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Alla.Mikhaylova@novsu.ru
Милащенко А. М., студент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Milas2000@yandex.ru

ESSENCE OF ELECTRONIC VOTING: RISKS AND ADVANTAGES

Alla S. Mikhailova, senior lecturer,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Alla.Mikhaylova@novsu.ru
Anastasiya M. Milashchenko, student,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Milas2000@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены достоинства Комплекса для электронного голосования и средств дистанционного электронного голосования на выборах. Авторами проанализированы существующие риски, связанные с их применением, а также предложены рекомендации по устранению некоторых рисков для дальнейшего усовершенствования системы в использовании на выборах.
Ключевые слова: электронное голосование, выборы, классификация, преимущества, недостатки.

Abstract. The article considers the advantages of the complex for electronic voting and remote electronic voting in elections. The authors analyzed the existing risks associated with their use, and also proposed recommendations for eliminating some of the risks for further improving the system for use in elections.
Keywords: electronic voting, election, classification, advantages, limitations.

Электронное голосование представляет собой один из способов организации волеизъявления граждан и является одним из значительных и важных механизмов выражения непосредственной демократии народа, входящим в систему электронной демократии. В настоящее время постоянно обсуждается тема о новых избирательных технологиях, которые быстро развиваются. Данная тема является наиболее актуальной в настоящее время, так как информационное пространство развивается очень быстро, сегодня интернет играет большую роль в жизни граждан, он

начинает рассматриваться не только как предмет развлечения, а как платформа для электронного голосования. Это новая область избирательного процесса, которая активно развивается.

Электронное голосование – это голосование с использованием технических средств, без использования бумажного бюллетеня, в соответствии с Федеральным Законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В Рекомендациях Комитета министров Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования закреплено, что электронное голосование – «это электронные выборы или электронный референдум, включающие использование электронных средств, как минимум, при подаче голосов» [1, с. 51].

Центральная избирательная комиссия ответственна за реализацию электронного голосования на выборах и референдумах. Этапы правовой регламентации вопросов, касающихся осуществления электронного голосования, берут свое начало с 2006–2007 гг., когда были разработаны и приняты первые инструкции ЦИК России, заложившие основы применения комплексов электронного голосования.

Рассмотрим виды электронного голосования, которые выделяются в науке:

- голосование с использованием техники на избирательном участке – используются терминалы, современные технологии;
- дистанционное голосование – голосование происходит, используя сети Интернет, мобильной связи сотовых телефонов.

Необходимо ознакомиться с проблемами и преимуществами Комплекса для электронного голосования и системы дистанционного электронного голосования, рассмотреть слабые и сильные места для дальнейшего усовершенствования системы в использовании на выборах, так как в скором времени электронное голосование станет неотъемлемой частью избирательного процесса.

Выявим проблемы, которые возникают или могут возникнуть при применении Комплекса для электронного голосования (КЭГ):

1. Сбои в электричестве или его отсутствие. В России КЭГ проходит обязательное тестирование перед выборами и обязательные проверки. Для решения такой проблемы необходимо приобрести машины, которые смогут работать от батареи. Такая система работает в Индии на тех избирательных участках, где существуют проблемы с электричеством.

2. Сбои в работе КЭГ. Для решения такой проблемы необходимо модернизировать программное обеспечение для избежания сбоев, из-за которых могут быть серьезные проблемы на выборах (на избирательном участке не будут засчитаны голоса граждан).

3. Фальсификация результатов голосования. С целью устранения данной проблемы можно действовать, как Избирательная Комиссия Индии, которая решила применять систему бумажного аудита.

4. Недостаточная безопасность, надежность голосования с помощью Комплекса для электронного голосования. На устранение риска, связанного с надежностью КЭГ, направлена сертификация.

5. Проживание некоторых граждан в отдаленных и труднодоступных, а также малонаселенных районах. К сожалению, Комплекс для электронного голосования не может решить данную проблему, а также проблему голосования граждан, которые не могут проголосовать по причине инвалидности. Решением может стать внедрение дистанционного электрического голосования.

Рассмотрим преимущества Комплекса для электронного голосования:

– повышение оперативности подведения итогов голосования;

– уменьшение рисков от ошибок, связанных с усталостью при подсчете голосов. Благодаря отсутствию данных ошибок, подсчет голосов будет значительно быстрее;

– благодаря Комплексу для электронного голосования невозможно допустить ошибки при проведении подсчетов бюллетеней и исключается возможность подделать итоги голосования;

– простота и удобство в эксплуатации для избирателей;

– благодаря КЭГ отсутствуют затраты на подготовку изготовления бумажных бюллетеней.

Рассмотрим минусы и риски применения системы дистанционного электронного голосования:

1. Идентификация избирателя. Многие считают, что для изготовления системы распознания личности необходимо много денежных средств. Но в Эстонии данная процедура выполнима без проблем и занимает немного времени. Все дополнительные устройства, которые нужны для осуществления, доступны для получения.

2. Компьютерная неграмотность или «цифровое неравенство». Не все граждане умеют пользоваться компьютером, особенно это относится к гражданам пожилого возраста. Также происходит дискриминация лиц, которые не имеют возможности к доступу сети Интернет. Для решения данной проблемы необходимо позволить гражданину выбрать, с помощью какого вида голосования ему проголосовать.

3. Безопасность информационных ресурсов. Существует вероятность, что некоторое предумышленное зловредное действие может нарушить систему ДЭГ путем изменения, фальсификации голосов. Для решения указанной проблемы необходимо следующее: проведение независимых проверок, сертификация средств ДЭГ.

4. Скептицизм. Существует недоверие к технологиям голосования, некоторые избиратели считают, что данный вид голосования небезопасен и прозрачен. Для устранения этой проблемы необходимо проводить лекции, семинары, форумы и мероприятия (например, дебаты), направленные на выявление плюсов и минусов электронного голосования.

5. Невысокая политическая и электоральная активность российской молодёжи. Для решения данной проблемы необходимо активизировать работу по электоральному просвещению, совершенствование системы государственной молодежной политики.

6. Нарушение принципа тайности голосования. Университет De Montfort University провел исследование, которое показало, что данный вид электронного голосования может быть в противоречии с принципом тайности голосования. «По мнению исследователей, в электронных системах, учитывая современный уровень их развития, это обеспечить невозможно» [2, с. 308]. Для устранения данной проблемы можно реализовать эффективную систему идентификации, которая сделает возможным тайну голосования.

Рассмотрим преимущества дистанционного электронного голосования:

1. Стоимость. Необходимы большие финансовые затраты, чтобы разработать схему и произвести электронное устройство, но они нужны единовременно, когда сломается техника. Выделять деньги для изготовления бумажных бюллетеней не нужно.

2. Минимальное расходование времени. Гражданам не нужно идти голосовать на избирательный участок. Благодаря данному виду электронного голосования произойдет значительное ускорение подведения итогов голосования.

3. Уменьшение рисков от ошибок, связанных с усталостью при подсчете голосов.

4. Сокращение расходов на организацию голосования в труднодоступных и отдаленных местностях.

А. Ю. Цаплин отмечает, что «дистанционное электронное голосование обладает неоспоримыми преимуществами. Но при более глубоком, детальном изучении данной темы выясняется, что их не так и много. Можно сделать вывод, что для его успешного внедрения необходимо выполнение ряда правовых, технических и социально-политических условий, что является далеко не простым делом» [3, с. 346].

Таким образом, следует отметить, что на сегодняшний день многие страны используют для проведения голосования информационные технологии. Именно факт того, что гражданин может проголосовать и отдать голос за выбранного им кандидата дистанционно, т. е. используя сеть Интернет, в независимости от места нахождения гражданина, или предоставление возможности голосовать на избирательном участке с

помощью специальных компьютерных устройств, и является значительным преимуществом электронных выборов. Совсем скоро важный элемент электронной демократии не будет трактоваться просто дополнительной функцией в выборах, а станет важной и неотделимой частью избирательного процесса. Усовершенствование избирательного процесса, а также просвещение населения в области современных технологий являются важнейшими преимуществами для будущего развития электронного голосования и введения его в нашу правовую систему.

---

1. Дурнова, И. А. Электронное голосование на выборах [Электронный ресурс]. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/36070/1/%D0%98.%D0%90.%20%D0%94%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 22.02.2020).
2. Савченко, М. С., Кадлец, В. А. Правовое регулирование и практика электронного голосования в зарубежных странах // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 117 (03). С. 302–314.
3. Цаплин, А. Ю. Перспективы дистанционного электронного голосования в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16. С. 345–350.

УДК 343.137.5
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.36

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

Мотыгина Д. Е., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: dashytka.pronina@mail.ru
Научный руководитель: **Калпинская О. Е.**

JUVENILE JUSTICE IN RUSSIA DIFFERENT HISTORICAL PERIODS

Darya E. Motygina, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: dashytka.pronina@mail.ru

Аннотация. В статье автором охарактеризовано становление и развитие ювенальной юстиции в России, начиная с царского времени до современного периода, описано использование элементов ювенальной юстиции в дореволюционной России, в России периода Советского Союза, а также в современной Российской Федерации. Поскольку споры о внедрении ювенальной юстиции и ювенальной системы в России все так же актуальны, проанализирована степень разработанности законодательства России в сфере уголовного процесса с участием несовершеннолетних, дано описание современной ситуации в Российской Федерации в сфере ювенальной юстиции.
Ключевые слова: ювенальная юстиция, Россия, дореволюционная Россия, несовершеннолетние.

Abstract. In the article, the author characterizes the formation and development of juvenile justice in Russia, from the tsarist time to the modern period, describes the use of elements of juvenile justice in pre-revolutionary Russia, in Russia during the Soviet Union, as well as in the modern Russian Federation. Since disputes about the introduction of juvenile justice and the juvenile system in Russia are still actual, analyzed the degree of development of Russian legislation in the field of criminal procedure involving minors is analyzed, a description of the current situation in the Russian Federation in the field of juvenile justice is given.
Keywords: juvenile justice, Russia, pre-revolutionary Russia, minors.

В свете продолжающихся по сей день дискуссий о необходимости или отсутствии необходимости внедрения в Российской Федерации ювенальной юстиции и ювенальной системы, необходимо, на наш взгляд, проанализировать, ювенальная юстиция – это совершенно новое для России явление или все же подобные техники и практики применялись в нашей стране и до этого. Для того, чтобы разобраться в данном вопросе, нужно обратиться к истории нашей страны на различных ее этапах. Считаю важным проанализировать период царской, дореволюционной России, России в период Советского Союза и современной Российской Федерации.

Становление ювенальной юстиции в России происходило на протяжении длительного времени, начиная со времен правления Ивана Грозного, некоторые шаги были предприняты в этом направлении Екатериной Великой, однако, широкого развития данный институт в то время не получил. По данным историков, переломным моментом в российской ювенальной юстиции был XX век. До этого периода несовершеннолетние преступники не имели особых отличий от взрослых, и судебное разбирательство, равно как и следствие, проводилось для обеих категорий одинаково, детей и подростков не классифицировали в отдельную группу субъектов в связи с их возрастными, психическими и психологическими особенностями.

Как указывает Л. М. Васинцева, в 1910 году в Петербурге впервые был создан специальный суд, который рассматривал дела, субъектами преступления в которых выступали несовершеннолетние [1]. Указанные дела рассматривались специально назначенным мировым судьей с особой компетенцией. Производство в судах с участием несовершеннолетних характеризовалось тем, что дела рассматривались мировым судьей единолично, судья избирался среди населения, профессиональная подготовка судьи включала в себя изучение психологии подростков, судебное заседание проходило в закрытом режиме и конфиденциально, а также процесс отличался неформальностью, скорее это была беседа судьи с несовершеннолетним при участии представителя последнего – родителя, опекуна или иного законного представителя. Позже подобные суды появились в Одессе, Харькове, Томске, Саратове, Москве и иных крупных городах страны [2].

Также стоит отметить, что в законодательстве России того периода предусматривалось уменьшение тяжести наказаний для несовершеннолетних лиц. Например, к ним не применялась смертная казнь или каторжные работы, ссылки, вместо этого их направляли в специальные исправительные воспитательные учреждения или на служение церкви [3].

С приходом советской власти систему указанных выше судов в России упразднили Декретом Советов народных комиссаров от 14 января 1918 года «О комиссиях по делам несовершеннолетних». Однако, позже данная система судов была все-таки восстановлена, хотя и с большими ограничениями.

На этом этапе были созданы специальные комиссии, которые решали вопросы наказания для несовершеннолетнего преступника или вопросы помещения его в то или иное исправительное учреждение в соответствии с характером и тяжестью совершённого им преступления. В состав комиссии обязательно входил медицинский работник. Заседания и процесс над несовершеннолетним делинквентом отныне был открытым, присутствовали средства массовой информации, однако, им запрещалось указывать в публикациях личные данные подростка. Также специальные

службы изучали семейно-бытовые условия жизни подростка и его личность для более полного исследования и предотвращения в дальнейшем подобных инцидентов [4].

Стоит отметить, что данная практика не снизила количество преступлений, совершённых несовершеннолетними, и было принято решение о восстановлении судов над подростками. Данный факт закреплен в Декрете «О суде над несовершеннолетними». Согласно Декрету, дела с участием несовершеннолетних могли передаваться в народные суды, при условии, что к подсудимому лицу невозможно было применение иных исправительных мер, менее радикальных. В 20-е годы XX века было усовершенствовано законодательство в этой сфере, впервые было закреплено обязательное участие защитника в процессе над несовершеннолетним, а также предусматривалась особая подготовка народных заседателей по указанной категории дел.

Следующий период характеризовался ужесточением мер, применяемых к несовершеннолетним. Было принято постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», которым возраст уголовной ответственности понижался по отдельным составам до 12 лет; отменялись обязательные превентивные меры и меры воспитательного характера, их первостепенное применение к несовершеннолетним преступникам; упразднились комиссии по рассмотрению дел с участием несовершеннолетних; законодательство становилось всё более жестким и карательным. Эти процессы были связаны с военным и послевоенным временем, когда ужесточалось наказание за все виды преступлений и вводились новые статьи [5].

Этап с 1958 года характеризовался послаблениями. В УПК РСФСР внесены нормы, которые регулировали судебный процесс над несовершеннолетними преступниками, закрепляли особый порядок судопроизводства, участие педагога, участие законного представителя в процессе.

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года была отдельная глава, посвящённая особенностям судопроизводства с участием несовершеннолетних, где отмечалась охранительно-карательная направленность судопроизводства по подобным делам: защита прав детей транслируется наряду с неизбежностью наказания за совершённое преступление, пусть и в более лёгкой форме нежели та, которую применяли ко взрослым. Перед судом ставилась задача перевоспитания несовершеннолетнего, а кроме того, профилактика и предупреждение рецидива с его стороны. Судебный процесс по делам несовершеннолетних подчинялся общим правилам.

В современной же России процесс с участием лиц, не достигших совершеннолетия, пусть и предполагает проведение закрытого судебного

заседания, обязательное участие профессионального адвоката, родителей или иных законных представителей ребенка и педагога, но все еще является процессом карательного типа, поскольку к детям, нарушившим закон, в основном применяют не медико-педагогические или иные меры, не связанные с уголовным наказанием, а именно те, что предусмотрены статьей Уголовного кодекса Российской Федерации, пусть и с учетом особенностей лица, не достигшего совершеннолетнего возраста [6].

Можно сделать вывод о том, что в России на протяжении долгого времени существовали и применялись отдельные элементы ювенальной юстиции, и несмотря на то, что данного понятия в то время не существовало, мы можем считать данные факты элементами именно ювенальных технологий.

Однако стоит отметить, что сейчас в России ювенальная юстиция в ее современном понимании, основанном не только на опыте России, но и опыте зарубежных государств, существует лишь в экспериментальной форме, в отдельно взятых субъектах страны, например, те проекты, которые реализованы в Ростовской и Саратовской областях. В данный период еще рано говорить о том, что ювенальная юстиция в нашей стране уже может эффективно и полно применяться, поскольку не разработано в достаточной степени законодательство в этой сфере, не урегулированы важнейшие вопросы, которые и вызывают бурные дискуссии в обществе. Не до конца понятен вопрос, как встроить ювенальную юстицию в современные российские реалии, менталитет и культуру, как правильно учесть исторический опыт дореволюционной России и Советского Союза, как перенести в современное общество только положительные стороны этого опыта и как предотвратить те последствия, которых опасаются противники внедрения ювенальной юстиции в нашей стране.

1. Васинцева, Л. М. Исторический путь ювенальной юстиции // Вестник МГТУ. 2006. № 4. С. 541–546.
2. Чернова, М. А. Развитие ювенальной юстиции в дореволюционной России // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 6. С. 171–175.
3. Васинцева, Л. М. Исторический путь ювенальной юстиции // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2006. Т. 9, № 4. С. 541–546.
4. Исакова, Т. В. Краткий очерк развития ювенального уголовного правосудия в России: от законодательных новелл Устава уголовного судопроизводства Российской империи до современных реалий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48). С. 2497–2503.
5. Трошкина, О. Н. Тенденции в развитии восстановительного правосудия в мировом мире // В мире научных открытий: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. Таганрог, 2014. С. 214–217.
6. Ткаченко, А. В. Ювенальная юстиция в России: за и против // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 1 (7). С. 130–140.

УДК 343.137
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.37

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ЕМУ ОБВИНЕНИЕМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Мянчиева С. М., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: saligat199731@mail.ru
Научный руководитель: **Рязанова Н. В.**

SPECIAL PROCEDURE FOR ADOPTION OF JUDICIAL DECISION WITH CONSENT OF THE ACCUSED WITH THE ACCUSE PRESENTED TO HIM: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Saligat M. Myanchieva, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: saligat199731@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы особого порядка принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Автор приходит к выводу, что признание вины обвиняемым не является безусловным основанием для применения особого порядка, а также не препятствует реализации судом своей обязанности по исследованию и оценке доказательств.
Ключевые слова: особый порядок уголовного судопроизводства, признание вины, согласие с обвинением, суд, уголовный процесс.

Abstract. The article deals with theoretical and practical issues of a special order of decision-making with the consent of the accused with the charge against him. The author comes to the conclusion that the guilty plea by the accused is not an absolute basis for applying a special procedure, and also does not prevent the court from fulfilling its duty to study and evaluate evidence.
Keywords: special procedure for criminal proceedings, admission of guilt, consent to the charge, court, criminal proceeding.

Одной из наиболее дискуссионных новелл принятого в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) является институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. С момента введения данного института прошло почти двадцать лет, но споры относительно его необходимости в уголовном процессе России не утихают и по сей день.

Суть его заключается в признании обвиняемым предъявленного ему обвинения, следствием чего является снижение максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершённое преступление. По мнению Н. П. Дубовик, рассматриваемое производство есть разновидность широко распространенного за рубежом института, известного под названием «сделка о признании вины» [1, с. 53]. Однако большинство авторов сходится во мнении, что институт особого порядка судебного разбирательства не является разновидностью зарубежных моделей сделок о признании вины, поскольку он принципиально отличается от них [2].

Применение данного порядка принятия решения возможно лишь при наличии определённых законом оснований и условий. Отличительным признаком особого порядка, предусмотренного главой 40 УПК РФ, является отсутствие спора по вопросу, определяющему предмет судебного разбирательства, а именно о виновности обвиняемого, в связи с чем судебное следствие не проводится.

Нормы, регулирующие особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, изложены довольно лаконично и не дают ответов на все вопросы, возникающие в правоприменительной практике. Данным обстоятельством и обусловлена актуальность темы настоящего исследования.

Рассмотрение уголовных дел в особом порядке, несомненно, имеет ряд преимуществ, среди которых можно выделить отправление правосудия в максимально короткие сроки; снижение загруженности судов; сокращение временных и материальных издержек, обусловленных необходимостью доказывания вины обвиняемого.

В то же время не стоит забывать, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). С позиции назначения уголовного судопроизводства можно выделить две проблемы, связанные с институтом особого порядка. Во-первых, за экономией времени и издержек на второй план отходит вопрос справедливости, обоснованности и полноты выносимого по итогу рассмотрения уголовного дела в особом порядке приговора суда [3, с. 67]. Во-вторых, до недавнего времени применение правил главы 40 УПК РФ было возможно по уголовным делам о тяжких преступлениях, в связи с этим обоснованными представляются предположения авторов о том, что особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением – это способ избежать более строгого наказания за совершённое преступление [3].

Однако в 2019 году в Государственную Думу Российской Федерации был внесён законопроект о внесении поправок в статьи УПК,

регулирующие особый порядок рассмотрения уголовных дел. Инициатором внесения поправок выступил Верховный Суд Российской Федерации. По мнению судей высшего судебного органа страны, особый порядок принятия решения должен распространяться лишь на уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести. Дела о тяжких преступлениях, как отмечается в пояснительной записке к законопроекту, являются особо сложными, затрагивают интересы значительного числа потерпевших, вызывают большой общественный резонанс и освещаются в СМИ, а это требует установления на законодательном уровне высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия [4].

В августе текущего года названные поправки вступили в силу, и применение особого порядка, предусмотренного главой 40 УПК РФ, стало возможным только по уголовным делам небольшой и средней тяжести.

С необходимостью принятия предложенных изменений трудно не согласиться. Наказания, назначаемые за совершение тяжких преступлений, сопряжены с более серьезными для обвиняемого лишениями личного и имущественного характера, нежели наказания, назначаемые за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. Уголовные дела о тяжких преступлениях не должны рассматриваться быстро и формально. С одной стороны, как уже отмечалось ранее, особый порядок позволяет избежать более строгого наказания за совершённое преступление. С другой стороны, при рассмотрении дела в особом порядке может иметь место самооговор, совершённый как добровольно, так и под влиянием угроз, насилия, обмана и т. д.

В научной литературе сложилось неоднозначное отношение к институту особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Причем авторами высказываются диаметрально противоположные точки зрения относительно целесообразности его введения в уголовный процесс России.

Например, М. Торкунов отмечает, что «особый порядок буквально развращает судей, которые не спешат воспользоваться правом, а воспринимают положения закона скорее как обязанность рассмотреть дело в особом порядке (при наличии всех остальных условий)» [5, с. 87].

А. Н. Чашин, не отрицая положительных сторон главы 40 УПК РФ, исходя из личного опыта, решительно заявляет, что «нередко приходится видеть, как судья, желающий рассмотреть дело в течение часа, что позволяет гл. 40 УПК РФ, склоняет к этому и подсудимого, и потерпевшего. При этом инициатива заявления соответствующего ходатайства исходит вовсе не от обвиняемого, а всё от того же судьи» [6, с. 7].

Другие же ученые, например, В. Демидов полагают, что применение особого порядка принятия решения является оправданным, поскольку это способствует достижению процессуальной экономии [7, с. 25].

Некоторые исследователи института особого порядка принятия решения усматривают в нем проявление диспозитивности, так как переход к рассмотрению уголовного дела в упрощённом порядке возможен лишь при наличии добровольно заявленного ходатайства обвиняемого и согласия потерпевшего [8, с. 120].

Несмотря на жесткую критику, которой подвергается рассматриваемый институт, ускоренные процедуры судопроизводства набирают популярность, о чем свидетельствуют данные судебной статистики. Так, в 2019 году по правилам главы 40 УПК РФ было осуждено 374 384 лица [9]. Данный показатель был значительно выше в 2018 году, в особом порядке было осуждено 481 391 лицо [10].

В юридической литературе часто затрагивается вопрос о времени, когда обвиняемый может реализовать своё право на рассмотрение его дела в особом порядке. В соответствии с ч. 2 ст. 315 УПК РФ ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением может быть заявлено обвиняемым: в момент ознакомления с материалами уголовного дела или на предварительном слушании, когда его проведение является обязательным.

По мнению Л. В. Виницкого и Ю. Л. Бурносовой, обвиняемый должен быть ознакомлен с правом на заявление ходатайства о рассмотрении дела без проведения судебного разбирательства не в момент ознакомления с материалами дела, а после допроса, когда становится ясно, что он согласен с предъявленным ему обвинением [11]. Ознакомившись с аргументами, которыми авторы обосновывают свою позицию, мы задались следующим вопросом: если законом будет предусмотрена возможность заявления ходатайства о рассмотрении дела без проведения судебного разбирательства еще на стадии предварительного расследования, к примеру, сразу после первого допроса обвиняемого, будет ли это основанием для окончания предварительного расследования и направления дела прокурору? Если да, то велик риск злоупотреблений со стороны следователей и дознавателей, которые будут направлять все свои силы на склонение обвиняемого к подаче соответствующего ходатайства, а не на всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела.

Не менее актуальным является вопрос о значении признания обвиняемым своей вины для применения особого порядка, предусмотренного главой 40 УПК РФ. В ч. 5 ст. 316 УПК РФ закреплено, что «судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание». Проверка доказательств виновности подсудимого не осуществляется, а, значит, признанию вины придается значение бесспорного доказательства [8,

с. 120]. На данное обстоятельство обращают внимание многие ученые-процессуалисты. К примеру, Л. В. Головко считает, что дифференциация судебного разбирательства на основании критерия признания вины неизбежно приводит к тому, что признание снова станет «царицей доказательств» [12, с. 1031]. Как справедливо отмечает А. Халиков, вывод о том, что в рамках особого производства, вина «априори считается доказанной» ошибочен [13, с. 63–64].

Полагаем, что признание вины не может являться безусловным основанием для рассмотрения дела без проведения судебного разбирательства, как известно, признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). Следовательно, обвинительный приговор, постановленный по правилам главы 40 УПК РФ, не может быть основан лишь на признании вины. Тогда вполне обоснованно возникает вопрос: чем должен руководствоваться судья при постановлении обвинительного приговора, если признание обвиняемого не является безусловным доказательством, а исследование и оценка доказательств, собранных по уголовному делу, не была произведена? Необходимо отметить, что при сокращённом производстве судья не проводит исследование и оценку доказательств в общем порядке, но его полномочия не ограничены лишь проверкой соблюдения установленных законом формальностей и условий для рассмотрения дела в особом порядке.

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» обращается внимание судов на недопустимость ограничения прав участников судебного разбирательства при рассмотрении уголовных дел в особом порядке и необходимость соблюдения принципов уголовного судопроизводства при их разрешении. Всё это приводит к выводу о том, что признание вины обвиняемым является основанием для рассмотрения дела без проведения судебного разбирательства, но не освобождает суд от обязанности исследовать и оценивать по своему внутреннему убеждению доказательства, содержащиеся в материалах уголовного дела.

Таким образом, анализ теоретических и практических проблем, возникающих при рассмотрении уголовных дел по правилам главы 40 УПК РФ, позволяет сделать вывод, что правовое регулирование особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением имеет свои недостатки, которые требуют законодательного разрешения. Основанием для применения особого порядка принятия решения является признание вины обвиняемым, однако оно не имеет безусловного значения и может быть положено в основу

обвинительного приговора лишь при наличии достаточных доказательств, исследование и оценку которых проводит суд с учетом специфики положений главы 40 УПК РФ. Также стоит отметить, что положения главы 40 УПК РФ, касающиеся оснований ее применения, подверглись изменениям, что является большим шагом на пути к раскрытию потенциала, заложенного в институте особого порядка принятия судебного решения. Отныне по правилам главы 40 УПК РФ могут рассматриваться лишь дела небольшой и средней тяжести.

---

1. Дубовик, Н. П. «Сделка о признании вины» и «особый порядок»: сравнительный анализ // Российская юстиция. 2004. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/5133579/ (дата обращения: 13.02.2020).
2. Сердюков, С. В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспектива (вопросы теории и практики). М., 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://lawlibrary.ru/izdanie58045.html (дата обращения: 26.06.2020).
3. Коршунова, А. А. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: отдельные проблемы правовой регламентации [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41440847 (дата обращения: 27.06.2020).
4. Верховный Суд РФ вносит поправки в УПК, ограничивающие применение особого порядка [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/210910/ (дата обращения: 25.03.2020).
5. Торкунов, М. Общественная опасность преступления и личности преступника при рассмотрении уголовного дела в особом порядке законодателем не учтена // Уголовное право. 2006. № 3. С. 85–87.
6. Чашин, А. Н. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном процессе: учеб. пособие. Саратов: Вузовское образование, 2012. 116 с.
7. Демидов, В. Некоторые вопросы применения особого порядка судебного разбирательства // Российская юстиция. 2003. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://juristlib.ru/book_2798.html (дата обращения: 26 июня 2020).
8. Лазарева, В. А. Признание вины как основание применения глав 32.1, 40, 40.1 УПК РФ [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/priznanie-viny-kak-osnovanie-primeneniya-glav-32-1-40-40-1-upk-rf. (дата обращения: 25.06.2020).
9. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258 (дата обращения: 25.06.2020).
10. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891 (дата обращения: 25.03.2020).
11. Бурносова, Ю. Л., Виницкий, Л. В. Регламентация главы 40 УПК РФ должна получить дальнейшее развитие [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42807343 (дата обращения: 26.03.2020).
12. Головко, Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
13. Халиков, А. Вопросы, возникающие при особом порядке судебного разбирательства. М.: Юридическая литература, 2003. 65 с.

УДК 347.98
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.38

ПРИЗНАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, НА КОТОРЫХ ДРУГАЯ СТОРОНА ОСНОВЫВАЕТ СВОИ ТРЕБОВАНИЯ ИЛИ ВОЗРАЖЕНИЯ, КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Нахова Е. А., кандидат юридических наук, доцент,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Санкт-Петербургский институт (филиал) (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: nahova.elena@yandex.ru

THE RECOGNITION OF THE CIRCUMSTANCES ON WHICH THE OTHER PARTY BASES ITS CLAIMS OR OBJECTIONS AS A RESULT OF CONCILIATION PROCEDURES IN CIVIL PROCEEDINGS AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Elena A. Nakhova, candidate of juridical sciences, associate professor,
All-Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia),
Saint Petersburg Institute (branch) (Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: nahova.elena@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются признанные обстоятельства как бесспорные обстоятельства по делам и как результат применения той или иной примирительной процедуры. Признание обстоятельств как результат примирительной процедуры может быть ограничено гражданско-правовым эстоппелем.
Ключевые слова: гражданское судопроизводство; примирительные процедуры; обстоятельства, не подлежащие доказыванию; признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения.

Abstract. In the article, the author examines the recognized circumstances as indisputable circumstances in cases and as the result of applying a particular conciliation procedure. Recognition of circumstances as the result of a conciliation procedure may be limited to civil estoppel.
Keywords: civil proceedings; conciliation procedures; circumstances that are not subject to proof; recognition of the circumstances on which the other party bases its claims or objections.

Судебное познание направлено на установление фактического состава спорного материального правоотношения. Определение существующих правоотношений между сторонами, их квалификация и

определение предмета доказывания по делу рассматриваются как этапы судебного познания. Факты предмета доказывания и бесспорные обстоятельства по делу (общеизвестные, преюдициальные, признанные, факты, установленные нотариальным актом и не опровергнутые в установленном порядке в цивилистическом процессе) образуют предмет познания и определяют границы судебного познания.

В круг бесспорных обстоятельств, как уже было изложено, входят признанные обстоятельства. В дореволюционной теории гражданского процессуального права признание связывалось с заявлением о действительности факта, с заявлением об отказе требовать от противоположной стороны представления доказательств; с заявлением о правильности требования; с условным признанием при наличии компромисса. Факт молчания не считался признанием [1, с. 85]. Признание считалось специальным правилом, регулирующим бремя доказывания, и являлось основанием освобождения от доказывания. По мнению отдельных советских исследователей, признание лишало необходимости процесс доказывания, при этом основанием освобождения от обязанности по доказыванию не являлось [2, с. 139].

По смыслу действующего цивилистического процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования и возражение, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств. Признанное обстоятельство может быть зафиксировано в трех формах: устное признание с фиксацией в протоколе судебного заседания; заявления сторон с фиксацией в протоколе судебного заседания; одностороннее заявление о согласии с позицией другой стороны с фиксацией в протоколе судебного заседания.

Судебная практика свидетельствует об отсутствии необходимости вынесения определения в виде судебного акта арбитражным судом при реализации сторонами второй формы признания. Признанные обстоятельства по смыслу цивилистического процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве не могут быть приняты судом (арбитражным судом), если признание осуществлено с целью сокрытия конкретных фактов; сделано под влиянием обмана, насилия, угрозы или заблуждения. В случае не принятия признания суд общей юрисдикции выносит определение, а арбитражный суд фиксирует указанный факт в протоколе судебного заседания. В случае непринятия судом признанных обстоятельств указанные обстоятельства доказываются в общем порядке. Сторона, признавшая обстоятельства, не лишена права отказаться от сделанного ею

признания в любой момент при условии надлежащей фиксации указанного обстоятельства [3, с. 241–254; 4, с. 115–127]. В арбитражном процессе заявление об ошибочности признания может быть сделано стороной до объявления председательствующим рассмотрения дела по существу законченным. Заявление об ошибочности признания, а также первоначальное заявление оцениваются арбитражным судом наряду с другими доказательствами. По смыслу действующего арбитражного процессуального законодательства обстоятельства также являются признанными, если они прямо не оспорены, и не представлены доказательства, опровергающие указанные обстоятельства. Признанные факты, удостоверенные в установленном законом порядке, в дальнейшем не проверяются арбитражным судом [3, с. 241–254; 4, с. 115–127]. Аналогичные положения закреплены в ст. 65 КАС РФ.

В настоящее время в действующем процессуальном законодательстве произошли серьезные изменения, связанные с закреплением понятия, видов примирительных процедур, результатов примирительных процедур, формы и содержания, порядка утверждения и исполнения мирового соглашения.

Признаны могут быть обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения спора. При этом в силу закона обстоятельства не всегда могут быть признаны, в том числе, как результат примирительных процедур. Действующему материальному и процессуальному праву известна правовая категория «эстоппель», берущая свое начало из права справедливости. Эстоппель – это принцип утраты права на возражение при недобросовестном или противоречивом поведении, отдельные виды эстоппеля установлены для недействительности сделки для незаключенности договора и отказа от его исполнения. Примером эстоппеля может служить правило, закрепленное в пункте 5 статьи 166 ГК РФ), о чем свидетельствует также уже сложившаяся в настоящее время практика Верховного Суда РФ. В указанном случае заинтересованное лицо лишено права на возражение в силу закона, и не может признать аналогичные обстоятельства как результат применения примирительных процедур. Практика Верховного Суда РФ также свидетельствует о том, что при применении эстоппеля суду следует удостовериться в отсутствии нарушения публичного интереса.

Представляется, что данная проблема должна быть разрешена в процессуальном законодательстве с указанием применения процессуального механизма материально-правового эстоппеля. В то же время действие процессуально-правового эстоппеля в механизме гражданского процессуального регулирования не урегулировано, единые подходы в обоих случаях выработаны судебной практикой.

1. Яблочков, Т. М. Материальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Журнал министерства юстиции. 1915. № 3. С. 84–139.
2. Курылёв, С. В. Объяснения сторон как доказательства в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1956. 187 с.
3. Нахова, Е. А. Доказательственное право в гражданском и арбитражном судопроизводстве: общая часть. СПб.: Изд-во «ВВМ». 2012. 545 с.
4. Нахова, Е. А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 176 с.

УДК 342.5
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.39

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ ЗАКУПОЧНОЙ СИСТЕМЕ

Орлов В. А., кандидат экономических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: vyacheslav.orlov@novsu.ru
Зиновкина Ю. Б., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Yuliya.Zinovkina@novsu.ru

LIABILITY MANAGEMENT FOR BREACHES OF CONTRACT PROCUREMENT SYSTEM LAWS

Vyacheslav A. Orlov, candidate of economic sciences, associate professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: vyacheslav.orlov@novsu.ru
Yuliya. B. Zinovkina, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Yuliya.Zinovkina@novsu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются конкретные проблемы правовой практики, с которыми сталкиваются участники процесса закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд в рамках применения мер гражданско-правовой и административной ответственности за неисполнение, ненадлежащее исполнение законодательства о контрактной системе. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства о контрактной закупочной системе в области соблюдения баланса ответственности.
Ключевые слова: контрактная закупочная система, предупреждение, баланс ответственности, гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, неустойка (штрафы, пени), добросовестность, государственные закупки.

Abstract. The article examines specific problems of legal practice faced by participants in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs within the framework of the application of measures of civil and administrative responsibility for non-compliance, improper execution of the legislation on the contract system. The conclusion is made about the need to improve the legislation on the contract procurement system in the field of maintaining the balance of responsibility.
Keywords: contract procurement system, warning, balance of responsibility, civil liability, administrative responsibility, penalty (fines, penalties), integrity, public procurement.

Для повышения эффективности обеспечения государственных и муниципальных нужд, в том числе за счет минимизирования негативных последствий от действий недобросовестных участников процесса закупок, был принят Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ). Регламентирование действий всех участников рынка закупок в разделе ответственности за нарушение законодательства о размещении заказов является одной из важнейших целей, на достижение которых направлен данный закон.

В. Г. Богдан в своей статье отмечает, что для стабильного развития гражданского оборота необходимо, чтобы правила его функционирования были прозрачны, понятны и неизменны для его участников. Указанный баланс достигается, в частности, гарантиями исполнения хозяйствующими субъектами своих обязанностей надлежащим образом. Рассматривая все грани данной конкретной темы, автор абсолютно верно подмечает, что обязанности являются частью огромного механизма гражданского оборота, и выпадение этой маленькой, но очень существенной части может привести к большой волне проблем как для всего общества, так и государства в целом [1]. Чтобы избежать подобных катаклизмов, обществу необходимо понимать, что одним из важнейших критериев исполнения законов всегда была обязанность отвечать за свои действия по нарушению правовых норм. В равной степени и бездействие, которое может быть нарушением, нельзя упускать из виду. За это тоже есть ответственность. Важнейшим направлением развития, вместе с соблюдением ответственности, для государства должно стать воспитание своих граждан в духе не просто уважения к закону, но и принятия культуры правовой грамотности всеми его членами. Нельзя не согласиться с автором, поскольку неизбежность ответственности ведет к повышению качества исполнения обязательств.

В ходе применения норм Закона № 44-ФЗ встречаются нарушения исполнения обязательств по контракту, приводящие к ущемлению интересов одной из сторон. Для восстановления нарушенных прав предусмотрены меры, направленные на их защиту. Так, согласно ч. 4 ст. 34 Закона № 44-ФЗ в контракт обязательно включаются условия об ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по контракту как для заказчика, так и для поставщика (подрядчика, исполнителя). Но не всегда данные меры адекватно восстанавливают ущемленные права, в частности заказчика. В соответствии с изменениями, внесенными в Закон № 44-ФЗ Федеральным Законом от 01.05.2019 № 71-ФЗ, если участником закупки является организация, которая имеет статус субъекта малого и среднего предпринимательства (далее – СМП), то ответственность минимизируется.

Теперь ответственность для СМП не привязана к цене договора, а значит, есть вероятность того, что недобросовестный исполнитель будет выполнять договор с меньшей сознательностью или «спустя рукава». Представляется, что законодатель, утверждая эти поправки, хотел простимулировать малые предприятия путем минимизирования их убытков, но совсем не подумал о государственных заказчиках, которые за бюджетные деньги теперь могут получить товар (работы, услуги) худшего качества и не смогут при этом начислить адекватную неустойку. Так же законодатель разрешил СМП в качестве обеспечения исполнения по контракту предоставлять добросовестность вместо залога денежных средств или банковской гарантии, не подумав о том, как заказчик должен взыскивать начисленную неустойку в случае ненадлежащего исполнения подрядчиком (поставщиком, исполнителем) своих обязательств. Взыскание начисленной неустойки через суд намного более длительный и затратный процесс, нежели удержание этой неустойки с суммы обеспечения по контракту.

К подобным выводам приходит в своей статье Ф. А. Тасалов: «…оценивая риски заказчика при удержании суммы неустойки из цены контракта и истребовании штрафных санкций в рамках отношений по банковской гарантии» [2]. Автор подчеркивает, «что и в том, и в другом случае заказчик несет риск уменьшения арбитражным судом размера законной неустойки, удержание которой было произведено заказчиком до вступления в законную силу решения арбитражного суда о снижении размера начисленных штрафных санкций» [2]. Руководствуясь п. 1 ст. 1102 ГК РФ, автор приходит к выводу, что арбитражный суд при рассмотрении подобных дел встанет на сторону исполнителя и обяжет заказчика возвратить необоснованно приобретенные денежные средства в счет начисленной неустойки, размер которой был впоследствии снижен арбитражным судом.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию на примере. Допустим, заказчик (бюджетное образовательное учреждение) заключил контракт (по итогам аукциона, проведенного для СМП) на уборку внутренних помещений (клининговые услуги) на сумму 12 000 000 рублей в год (1 000 000 рублей в месяц). Хороший контракт для микро-предприятия с уставным капиталом 10 000 рублей и одним сотрудником в штате. Однако организация-исполнитель плохо выполняет свои обязанности, о чем свидетельствуют ежемесячные служебные записки с жалобами от студентов и преподавателей на грязь в аудиториях и других общественных местах, от комендантов студенческих общежитий на нерегулярную уборку. В 2018, 2019 гг. за данное нарушение была предусмотрена ответственность в виде фиксированного штрафа, начисленного в процентном соотношении от цены контракта. В 2020 г. в соответствии с условиями контракта за каждый факт неисполнения или ненадлежащего исполнения исполнителем

(подрядчиком, поставщиком) обязательств, предусмотренных контрактом, размер штрафа устанавливается в размере 1 процента цены контракта (этапа), но не более 5000 рублей и не менее 1000 рублей (размер штрафа устанавливается согласно Постановлению Правительства РФ от 30 августа 2017 года № 1042). Но как применить данную меру ответственности в 2020 г. – за каждый неубранный квадратный метр или за весь корпус – законодатель не указывает. И до каких пределов теперь может дойти начисленная неустойка – неизвестно. На основе вышеизложенного можно допустить произвести следующее заключение, что законодательство, регулирующее ответственность, требует серьезных доработок. Давать приоритет субъектам малого предпринимательства нужно, но перед законом должны быть все равны и отвечать за свои нарушения должны все в равной степени – как малые предприятия, так и крупные. Разделяя ответственность между малыми и крупными субъектами бизнеса, мы можем вырастить незаметно для себя целое поколение безответственных исполнителей, которым будет ничего не стоить не исполнять свои обязательства перед заказчиком, а в случае крайней необходимости просто переоформить фирму, открыть новое микро-предприятие. В свою очередь крупное предприятие несет ответственность не только перед заказчиком, но и перед своими сотрудниками, учредителями, другими контрагентами, дорожит своей репутацией, накопленным опытом, и как следствие, исполняет свои обязательства более качественно, без нарушений.

В Федеральном законе от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ) ответственность прописывается следующим образом: лица, виновные в нарушении требований Закона № 223-ФЗ и иных принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов Российской Федерации, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Административная ответственность за нарушения законодательства о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц установлена ст. 7.32.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Кроме того, смежные с закупками составы административных правонарушений предусмотрены ч. 7.2 ст. 19.5 и ст. 19.7.2-1 КоАП РФ.

После изучения указанных статей можно прийти к выводу, что административная ответственность является достаточно суровой: штрафные санкции могут достигать 500 000 рублей. Рассматривая данный блок ответственности более подробно, необходимо подчеркнуть, что к административной ответственности за одно и то же правонарушение могут быть привлечены сразу должностное лицо заказчика и сам заказчик – юридическое лицо. Согласно ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ назначение административного наказания организации не высвобождает от административной ответственности за это правонарушение виновное

частное лицо, равно как и привлечение к административной либо уголовной ответственности физического лица не высвобождает от административной ответственности за это правонарушение юридическое лицо.

Правовое регулирование ответственности должностных лиц заказчика стоит выделить в отдельный блок и поговорить о нем более подробно. Поскольку сотрудники, представляющие интересы заказчиков, заинтересованы в соблюдении всех законодательных норм в своей работе, то нарушения с их стороны вызваны чаще всего неправильным толкованием закона, особенно нововведений, либо отсутствием опыта в данной конкретной сфере. Решений у данной проблемы может быть несколько. Во-первых, необходимо проводить всестороннее, регулярное, бесплатное обучение, в том числе после каждых нововведений в законе. В проведении такого обучения должны принимать участие не только лица, анализирующие поправки в закон, но сами законодатели, которые непосредственно и внесли эти поправки. Во-вторых, необходимо пересмотреть размеры штрафов для должностных лиц заказчика, установить процентное соотношение ответственности от доходов сотрудников. Таким образом, грамотные специалисты заказчиков будут оставаться на своих местах, накапливая бесценный опыт без страха оказаться в долговой яме (а то и в больнице с сердечным приступом) после очередной проверки контролирующих органов. В качестве итога к вышесказанному можно предложить такую меру ответственности, как предупреждение за первичное, малозначительное нарушение по каждому направлению ответственности. Это приведет к выстраиванию грамотного алгоритма действий со стороны сотрудников заказчика.

К этой теме обращаются многие авторы. Рассматривая данный вопрос, О. Н. Толстобоков в своей статье делает следующие выводы: привлекаемым к административной ответственности юридическим лицам целесообразно подавать ходатайства о рассмотрении замены штрафа на «предупреждение при условии совершения правонарушения впервые, отсутствие причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, безопасности государства, а также отсутствие имущественного ущерба» [3]. Полностью согласны с автором данной статьи, поскольку в некоторых случаях ответственность стоит минимизировать, чтобы не нанести серьезный ущерб хозяйствующему субъекту.

Как отмечает в своей статье Ю. А. Шавылина, необходимо оптимизировать и повысить эффективность взаимодействия между должностными лицами заказчика, ответственными за выполнение функций по закупкам, а также взаимодействие с иными лицами. С этой целью необходимо в должностных инструкциях сотрудников четко определить круг обязанностей и сферу ответственности за выполнение тех или иных

функций с целью исключения административной ответственности лиц за выполнение несвойственных для них трудовых обязанностей [4]. Всесторонне изучив данную тему, автор предлагает максимально сократить число физических лиц, которые могут быть привлечены к административной ответственности за одно действие путем разделения зоны ответственности и функций между структурными подразделениями заказчика, конкурсными комиссиями, как следствие, уменьшить число случаев групповой ответственности. К словам автора стоить прислушаться, поскольку оптимизация работы ответственных лиц заказчика необходима прежде всего самому заказчику и способна повлиять на качество процесса закупок в целом и на итог каждой отдельной процедуры в частности. Разделение ответственности между сотрудниками заказчика можно сравнить с часовым механизмом – слаженная работа каждого сотрудника приводит в движение огромную систему государственных закупок в целом. Но нельзя забывать про взаимозаменяемость сотрудников на период отпусков и больничных, поскольку выпадение одного звена может привести к сбою всей системы. В таком случае может прийти на помощь система дистанционного сотрудничества или просто налаживание работы удаленных рабочих мест.

Снизить риск начисления штрафных санкций на действия заказчика можно и нужно на всех этапах функционирования контрактной системы, в том числе и на этапе составления проекта контракта. В своей статье И. В. Дрягин говорит следующее: «Во исполнение целей по исчислению наиболее объективных и соразмерных объему допущенных нарушений штрафных санкций крайне важно содержание контракта, особенно в части, которая предусматривает ответственность сторон. Еще на стадии составления проекта контракта необходимо правильно сформулировать положения об ответственности, чтобы в дальнейшем при судебном разрешении спора неустойка не была признана несоразмерной, а сторона – неосновательно обогатившейся» [5]. На практике встречаются ситуации, когда ответственность в контракте не прописывается совсем. В то же время бывают и такие случаи, когда заказчик с избытком включает все минимально значимые аспекты выполнения обязательств потенциальным исполнителем. Часто исполнители жалуются, что заказчик минимизирует свою ответственность и увеличивает ее у исполнителя, тем самым нарушает баланс ответственности. Мнение автора не лишено смысла, поскольку усвоение порядка об обозначении границ ответственности, установленных законодательством в сфере закупок, разрешит сторонам контракта безошибочно исполнять все требуемые нормы и правила как на этапе подготовки проекта контракта, так и на всех этапах его исполнения.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о несовершенстве законодательства в сфере закупок в части ответственности

за ненадлежащее исполнение обязательств для различных субъектов договорных отношений, недостаточной проработке в законодательстве вопросов применения мер гражданско-правовой и административной ответственности сторон государственного контракта в сфере федеральной контрактной системы.

Оптимальным предложением в сложившейся ситуации будет внесение изменений в законодательство о контрактной системе, что будет способствовать лучшему пониманию хозяйствующими субъектами своих прав и обязанностей, позиций арбитражных судов и контролирующих органов.

---

1. Богдан, В. Г. Проблемы практического применения мер гражданско-правовой ответственности сторон государственного контракта // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 9. С. 102–108.
2. Тасалов, Ф. А. Взыскание неустойки в рамках законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 73–82.
3. Толстобоков, О. Н. Предупреждение юридическим лицам как альтернатива реальных штрафов: нюансы применения // Аукционный вестник. 2019. № 427 (05.377). С. 1–8.
4. Шавылина, Ю. А. Стратегия минимизации рисков привлечения к административной ответственности // Корпоративные закупки-2015: практика применения Федерального закона № 223-ФЗ: сборник докладов. М.: Юриспруденция, 2015. С. 118–133.
5. Дрягин, И. В. Ответственность сторон по государственным контрактам. Часть 1. Виды, порядок определения размера неустойки // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 11. С. 56–62.

УДК 342.5
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.40

ВЛИЯНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА КОНКУРЕНЦИЮ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Орлов В. А., кандидат экономических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: vyacheslav.orlov@novsu.ru
Петрук Т. Ф., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: tatiana.petruk@novsu.ru

ANTITRUST REGULATION IMPACT ON COMPETITION IN PUBLIC PROCUREMENT

Vyacheslav A. Orlov, candidate of economic sciences, associate professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: vyacheslav.orlov@novsu.ru
Tatiana F. Petruk, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: tatiana.petruk@novsu.ru

Аннотация. В статье раскрываются проблемы взаимосвязи экономического развития страны с контрактной системой закупок, посредством которой реализуются закупки товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. Автор статьи приходит к выводу о необходимости совершенствования механизма расходования бюджетных средств и обеспечения строгого контроля в системе закупок.
Ключевые слова: антимонопольное регулирование, антимонопольные органы, административные правонарушения, государственные закупки, конкуренция.

Abstract. The article reveals the problems of the relationship between the country's economic development and the contract procurement system, through which the purchases of goods, works and services for state and municipal needs are realized. The author of the article comes to the conclusion that it is necessary to improve the mechanism for spending budget funds and ensure strict control in the procurement system.
Keywords: antimonopoly regulation, antimonopoly authorities, administrative offences, public procurement, competition.

Указ Президента РФ от 08.04.1997 № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» положил начало реформирования структуры государственных закупок. Естественно,

что в данном правовом акте отсутствовала целостная база данных о торгах и статистике, а также не были предусмотрены сведения о торгах, не были учтены действительные санкции за ущемление поставщиков.

Нормативную основу предоставленных санкций изначально содержал Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который утратил силу, в связи с принятием Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). В этот же период очередной реформы контрактной системы был введен Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Таким образом, в Российской Федерации была реализована единая информационная система размещения государственных заказов. В работе этой системы наблюдаются все стадии подготовки, проведения торгов и заключения контрактов, а также проявляются основные принципы административно-правового регулирования государственных закупок – открытость и прозрачность. Система охватывает единый общероссийский портал (www.zakupki.gov.ru) и электронные площадки, аккредитованные Министерством экономического развития РФ и Федеральной антимонопольной службой (далее – ФАС).

Основным национальным антимонопольным законом, способствующим конкуренции, является Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – «Закон о защите конкуренции»), который разъяснил понятие «недобросовестная конкуренция», установил ряд ограничений в области монополистической деятельности экономических субъектов, а также определил полномочия государственного антимонопольного ведомства – ФАС в части отпуска предписаний и определения наказаний за нарушения антимонопольного законодательства. Деятельность антимонопольного регулирования государственных закупок обращена на предупреждение, ограничение и пресечение недобросовестной конкуренции. В качестве всеобщих норм антимонопольной направленности действующее законодательство утверждает особые общепринятые нормы, направленные на защиту конкуренции. Однако собственно антимонопольное законодательство включает в себя и иные нормативные правовые акты и не ограничено положениями вышеприведенного закона.

«Закон о защите конкуренции» не позволяет органам власти утверждать акты и (или) осуществлять действия (бездействие), которые влекут или могут повлечь ограничение, устранение, недопущение конкуренции. Развитие конкуренции недопустимо без наличия прозрачной

системы государственных закупок. Правовое регулирование защиты конкуренции требует обязательного развития, вследствие этого в «Закон о защите конкуренции» время от времени вносятся изменения. Это связано с тем, что развиваются способы рыночной борьбы, в том числе и в части инструментов недобросовестной конкуренции.

Если рассматривать теоретические подходы по нашей тематике, то можно представить мнение Д. М. Ашфа, который в своей статье говорит, что антимонопольные правонарушения имеют возможность повлечь за собой существенные неблагоприятные результаты как для хозяйствующего субъекта, так и для его руководства и сотрудников, в том числе юридическую ответственность [1].

Нельзя не согласиться с позицией автора, поскольку санкции за преступления в этой сфере предусмотрены как Кодексом РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, где указываются соответствующие правонарушения и ответственность за них, так и Уголовным кодексом РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

А. А. Гунба подчеркивает, «…что административно-правовое регулирование отношений в области государственного заказа должно соответствовать главным принципам действующего законодательства» [2]. Соответственно соблюдение принципов дает возможность принимать своевременно в расчет факторы совершенствования рыночной экономики и изменения её условий, а также оптимизировать в отрасли государственного заказа функционирование сферы административно-правового регулирования.

Стоит учесть, что соблюдать эти принципы многие заказчики и поставщики не считают обязательным. Поэтому антимонопольные органы уполномочены регулировать государственные закупки. Определение антимонопольного регулирования можно выразить как деятельность, осуществляемая государством целенаправленно в отношении субъектов экономической деятельности с целью обеспечения эффективности рыночных отношений и защиты добросовестной конкуренции по установлению и реализации правил ведения экономической деятельности на рынках.

В статье Н. Лазаревой указывается, что участник закупки, корпорация развития малого и среднего предпринимательства, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации или созданные ими организации вправе обжаловать в антимонопольном органе в порядке, установленном антимонопольным органом, действия оператора электронной площадки, действия (бездействие) заказчика, комиссию по проведению закупок, специализированной организации при закупке товаров, работ, услуг. Участник закупки может подать жалобу в случаях проведения заказчиком закупки с нарушениями требований национального

законодательства, либо отклонения от нормы с утвержденным и размещенным в ЕИС положением о закупке этого заказчика [3].

Однако П. В. Самолысов оговаривает, что «специфика деятельности ФАС России такова, что публичный интерес ставится выше интереса частного» [4]. Особенность публичности антимонопольного контроля устанавливается для того, чтобы все осуществляемые антимонопольным органом акты были размещены для всеобщего обозрения, открыты и публичны для всех организаций, органов власти и граждан.

Согласимся с мнением автора, ведь данный принцип является одним из ключевых, так как направлен на предотвращение нарушений антимонопольного законодательства. ФАС разработаны методические рекомендации по внутреннему контролю исполнения антимонопольного законодательства, регулирующего закупочную деятельность.

Результативность реализации конкурентной политики зависит, с одной стороны, от действенности экономических мер, побуждающих развитие рынков, а также от качества правовой среды, устанавливающей степень результативности антимонопольных органов в области контроля и надзора за исполнением антимонопольного законодательства.

Чем значительнее уровень совершенствования экономики, тем более определенной, необходимой и стабильной оказывается роль государственного урегулирования в сфере обеспечения честной конкуренции. Усиление мер, предпринимаемых по углублению государственных функций в области защиты прозрачности конкуренции, возрастает с каждым годом. Говоря о государственной политике в сфере антимонопольной регулировки госзакупок, можно резюмировать направленность к увеличению открытости, преимущественному применению конкурсных форм, понижению степени административного усмотрения при определении подрядчика.

Антимонопольные органы рассматривают колоссальный объем жалоб о защите конкуренции. А каждая попытка ограничения конкуренции влечет административное наказание, не исключается и уголовное наказание. О. А. Сергачева считает, что «актуальность совершенствования правового регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере поддержки и защиты конкуренции, не вызывает сомнений» [5].

Конечно, вопрос антимонопольного регулирования и организации новых порядков государственного содействия конкуренции важен для решения экономических вопросов в каждой стране. Разумеется, приняты, принимаются и регулируются специальные законы, нацеленные на предотвращение и смягчение отрицательных последствий монополизации рынков.

Е. Соколовская указывает, что «сфера антимонопольного регулирования достигла того уровня, когда организации начинают активно

участвовать в процессе развития конкуренции и предотвращения правонарушений» [6]. Реальность демонстрирует, что более конструктивный метод такого участия – внедрение результативной системы внутреннего предотвращения нарушений законодательства о защите конкуренции (антимонопольного комплаенса).

В данный момент существуют все условия для развития антимонопольного комплаенса. За отсутствие конкуренции или низкий уровень ее формирования платят потребители высокими ценами, безусловно низким качеством и ограниченным выбором товаров. Субъекты конкуренции – участники рыночных взаимоотношений, т. е. непосредственно поставщики товаров и услуг, заказчики. Их интересы никогда не сходятся, поэтому конкурентная борьба ведется всегда либо между поставщиками, либо между заказчиками, но никогда между теми и другими.

Ф. А. Тасалов в своей статье отмечает, что цели осуществления корпоративных и государственных закупок, правовые механизмы, направленные на их достижение, а также степень вмешательства государства в лице контролирующих органов в деятельность участников контрактной системы в сфере государственных закупок и корпоративных заказчиков не могут быть идентичными и построенными на одинаковых подходах [7]. Тут следует отметить некую тенденцию того, что административная практика ФАС в основном демонстрирует склонности антимонопольных органов распространить модель конкурентной регулировки отношений в контрактной системе государства на корпоративный сектор, что можно считать не совсем верным.

Необходимо согласиться с автором в том, что ФАС не может рассматривать каждый случай по одной модели регулирования отношений. Каждая поданная жалоба имеет свою специфику и свой определенный подход.

Таким образом, можно сделать заключение, что антимонопольное регулирование государственных закупок, а также конкретное законодательство в сфере государственных закупок обусловливается необходимыми положениями для организации конкуренции в сфере государственных закупок. Присутствует открытость и прозрачность конкурентных процедур, осуществляется жесткий контроль за государственными закупками. В то же время, ответственность за нарушение конкуренции слишком высока. Конечно, антимонопольное законодательство не идеально и требует доработок. Основной целью государственных органов, отвечающих за антимонопольное регулирование, является защита конкуренции, между тем актуальной системообразующей задаче комплексного и последовательного развития данной сферы не придается должного внимания.

1. Ашфа, Д. М. Система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства в Российской Федерации: проблемы теории и правоприменения // Юрист. 2019. № 2. С. 57–63.
2. Гунба, А. А. Административно-правовое регулирование государственных (муниципальных) закупок в Российской Федерации: прошлое и настоящее // Современное право. 2018. № 6. С. 57–60.
3. Лазарева, Н. Антимонопольное регулирование: итоги и новеллы // ЭЖ-Юрист. 2015. № 43. С. 4–5.
4. Самолысов, П. В. Принципы государственного антимонопольного контроля // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 2. С. 42–48.
5. Сергачева, О. А. Перспективы развития антимонопольного комплаенса в России // Юрист. 2017. № 7. С. 18–20.
6. Соколовская, Е. Антимонопольный комплаенс: инструкция к применению // Конкуренция и право. 2016. № 2. С. 3–4.
7. Тасалов, Ф. А. Актуальные проблемы применения антимонопольного законодательства в сфере корпоративных закупок // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 132–141.

УДК 35
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.41

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ, КАДАСТРА И КАРТОГРАФИИ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА

Орлов В. А., кандидат экономических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: vyacheslav.orlov@novsu.ru
Сараева Л. В., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s145719@std.novsu.ru

THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES IN ELECTRONIC FORM ON THE EXAMPLE OF THE FEDERAL STATE REGISTRATION, CADASTRE AND CARTOGRAPHY SERVICE: REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF THE PROCESS

Vyacheslav A. Orlov, candidate of economic sciences, associate professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: vyacheslav.orlov@novsu.ru
Lyubov V. Saraeva, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: s145719@std.novsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт оказания государственных услуг в электронном виде на примере Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), затрагиваются вопросы проблематики идентификации пользователей электронных сервисов и совершенствования нормативно-правовой базы при бесконтактном оказании государственных услуг ведомства.
Ключевые слова: цифровая экономика, система государственной регистрации недвижимости, предоставление государственной услуги в электронном виде, защита добросовестных участников рынка недвижимости, киберпреступность.

Abstract. The article discusses the experience of providing public services in electronic form on the example of the Federal State Registration, Cadastre and Cartography Service (Rosreestr). Problems of identification of users of electronic services are discussed in the essay, and ways to improve the regulatory framework in their provision.

Keywords: digital economy, system of state registration of real estate, the provision of public services in electronic form, the protection of bona fide participants in the real estate market, cybercrime.

В своей статье С. С. Зенин отмечает, что развитие цифровых технологий обусловливает определенные изменения во всех сферах функционирования власти [1]. Основной задачей на текущий момент в Российской Федерации является построение цифровой экономики. В 2018 году была разработана и утверждена первая Национальная программа по цифровой экономике, которая в 2019 году была заменена на другую Национальную программу «Цифровая экономика» [2]. Помимо нее следует отметить проект «Цифровое государственное управление» [3], целью которого является внедрение оказания государственных услуг в электронном виде для физических лиц, индивидуальных предпринимателей, представителей бизнес-сообщества. Еще десять лет тому назад было сложно представить, что государственные услуги Росреестра можно получать с помощью электронных технологий. Сегодня эта возможность реализована. Система ведомства постоянно модифицируется. Новые технологии меняют будущее юридической профессии. В 2018 году в Санкт-Петербурге прошел VIII международный юридический форум, в рамках которого состоялся «батл» между человеком и роботом по вопросу регистрации прав на недвижимое имущество. Человек победил, но в ходе прений машине удалось понять логику юридических рассуждений и выстроить аргументацию, которая в принципе имеет право на существование. Искусственный интеллект успешно встраивается в нишу оказания государственных услуг. Формирование новых форматов предоставления государственных услуг требует не только инновационных решений в плане совершенствования IT-технологий, но и подготовки нормативно-правовой базы, которая регламентирует оказание таких услуг и защищает их потребителя. Сделки с недвижимостью по праву считаются одними из самых сложных, здесь нет права на ошибку. Именно поэтому граждане пользуются услугами посредников при совершении таких сделок как купля-продажа, отчуждение имущества, выделение долей и прочее. Внедрение и популяризация роботизированных сервисов поможет не только повысить правовую грамотность, но и снизить экономическое бремя граждан при получении государственных услуг. Основное препятствие, с которым сталкивается заявитель при получении услуг Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр), – это сбор пакета документов для получения государственной услуги, будь то постановка на кадастровый учет, регистрация права или сделка с недвижимым имуществом. В 2019 году ведомством успешно внедрен роботизированный сайт «Регистрация просто.рф», который позволяет за

одну минуту получить список необходимых документов, узнать сроки оказания услуги, размер госпошлины. Для этого заявителю необходимо пошагово ответить на вопросы, относящиеся к его проблеме. Следует отметить, что получить консультацию по сбору пакета документов можно в офисах МФЦ, по многоканальному телефону. Однако существует проблема человеческого фактора: неверно описанная заявителем ситуация, низкий профессиональный уровень консультирования сотрудников колл-центра либо МФЦ в связи с текучестью кадров, отсутствие предоставления письменного перечня при получении консультации. Заявитель не застрахован от недостоверной информации. Кроме того, затратив значительное время на получение справки, он может обнаружить, что предоставлять ее было необязательно. Список документов на сайте «Регистрация просто.рф» является полным и достоверным. Таким образом сформировать пакет документов можно, не выходя из дома. Следующий этап – это получение услуги в электронном формате.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [4] государственная услуга оказывается по требованию заявителя органом, наделенным данными полномочиями на территории субъекта. Процесс оказания услуги четко расписан в регламенте по ее предоставлению. Услуги Росреестра, оказанные в электронном формате, имеют такую же юридическую силу, как и бумажный документ, заверенный печатью ведомства. В Российской Федерации не существует приоритета между электронной государственной услугой и государственной услугой. Слово «электронный» не меняет сути государственной услуги, а лишь указывает на модернизированный вид порядка ее предоставления [5]. В статье А. С. Логиновой «Предоставление электронных государственных услуг в Российской Федерации: проблемы и пути их решения» приводится трактовка понятия «государственная услуга», отраженного в Федеральном законе № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [4], где под предоставлением государственных услуг в электронной форме понимается предоставление государственных и муниципальных услуг с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая использование единого портала государственных и муниципальных услуг и (или) региональных порталов государственных и муниципальных услуг, в том числе осуществление в рамках такого предоставления электронного взаимодействия между государственными органами, органами местного самоуправления, организациями и заявителями. Среди основных признаков, отличающих электронные государственные услуги от государственных услуг, оказываемых в традиционной форме, можно выделить отсутствие прямого контакта

заявителя с должностным лицом, оказывающим государственную услугу; возможность получения государственной услуги независимо от времени и места нахождения заявителя; информатизацию процедур предоставления государственных услуг [6].

Росреестр является флагманом по предоставлению государственных услуг в электронном виде как юридическим, так и физическим лицам. Получить государственные услуги Росреестра в электронном виде граждане и представители бизнес-сообщества могут на сайте ведомства посредством сервиса «Личный кабинет». Единый портал государственных услуг также обеспечивает переход на сайт Росреестра. Регламентирует предоставление государственных услуг Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ, последние изменения в который были внесены 23.01.2020 г. [7].

Заявителям доступны все виды услуг ведомства:

– получение сведений из ЕГРН (Единый государственный реестр недвижимости);

– постановка на КУ;

– регистрация права;

– единая процедура (постановка на КУ и регистрация права).

Дополнительно на сайте ведомства реализована работа 30 электронных сервисов, способствующих получению информации в режиме – онлайн. Самыми востребованными являются сервисы, отслеживающие прохождение пакета документов, получение сведений о кадастровой стоимости объекта, его общих характеристиках. В разделе «Личный кабинет правообладателя» собственник увидит список всей своей недвижимости, кадастровые номера объектов, кадастровую стоимость, площадь, этажность, даты внесения записи о правах в Единый государственный реестр недвижимости.

Получение услуг Росреестра в электронном виде неоспоримо. При росте количества оказываемых государственных услуг Росреестра, без непосредственного взаимодействия сотрудников ведомства с заявителем возможно: снижение бумажного документооборота, полный контроль за прохождением пакета документов в установленные законом сроки, сокращение сроков ее оказания, снижение коррупционных рисков при принятии решения государственным регистратором. Выгода для заявителей также очевидна: документы подаются заявителем независимо от места нахождения объекта по принципу экстерриториальности, сроки оказания государственной услуги существенно сокращены, к тому же заявитель при получении услуг в электронном виде имеет 30% скидку при оплате государственной пошлины. Электронные сервисы на сайте доступны для получения услуги в любое время суток, как в рабочие, так и в выходные, и в праздничные дни. Все эти меры способствуют быстрой популяризации электронных сервисов.

Впервые получение электронных государственных услуг, относящихся к компетенции Росреестра, стало возможным в апреле 2015 года, но на тот момент это был неполный перечень. Законом предусмотрено, что в качестве получателя услуги может выступить не только собственник объекта, но и его доверенное лицо или нотариус. Первыми такие преимущества оценили крупные правообладатели, кредитные организации, риэлторы. Физические лица неохотно обращаются за получением услуг через сайт, по-прежнему больше доверяя бумажным носителям и помощи посредников при совершении сделок. Данная ситуация связана с низкой правовой грамотностью населения и отсутствием опыта совершения сделок с недвижимым имуществом.

Тем не менее, не следует забывать, что оказание услуг в электронном виде сопряжено с высокой долей ответственности. Основной проблемой при совершении юридически значимых действий является идентификация получателя услуги. Наиболее надежным способом решения данной проблемы служит усиленная электронная подпись. Требования к ней прописаны в Распоряжении Росреестра от 20.05.2019 № Р/0083 «О размещении на официальном сайте Росреестра в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” информации о требованиях к совместимости, квалифицированному сертификату ключа проверки электронной подписи, обеспечению возможности подтверждения подлинности усиленной квалифицированной электронной подписи заявителя» (в редакции распоряжения Росреестра от 01.11.2019 № Р/0269) [8]. Она гарантирует при помощи современных IT-технологий факт подписания документа надлежащим лицом и его неизменность с момента подписания. Для получения юридически значимых сделок заявитель или же стороны сделки должны заверить пакет документов, направляемый через «Личный кабинет», усиленной электронной подписью (далее – ЭП). Получить ее можно в удостоверяющих центрах, действующих на основании Регламента Удостоверяющего центра федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии» от 21.11.2018 г. [9]. Росреестром запущен единый портал «Удостоверяющий центр» Федеральной кадастровой палаты https://uc.kadastr.ru/. На нем можно получить полную достоверную информацию о возможностях ЭП, сроках ее действия и стоимости. При помощи инструкции, размещенной на этом сайте, ЭП можно приобрести не выходя из дома в любом регионе страны, кроме республики Крым и г. Севастополя. Ключ будет выслан на электронную почту заявителя или можно забрать токен в удостоверяющем центре по месту проживания.

Предоставлению электронных услуг предшествует создание огромного массива данных: накопление, хранение, обработка данных и

наличие новых технических возможностей. С 1 января 2017 г. в силу вступил Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Федеральный закон о государственной регистрации недвижимости) [7]. Он юридически закрепил объединение двух систем: регистрации прав на недвижимость и кадастрового учета объектов недвижимости. Теперь действует Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) – свод достоверных сведений о недвижимом имуществе, о зарегистрированных вещных правах на недвижимое имущество (ограничениях прав, обременениях недвижимости в случаях, предусмотренных законом), о подлежащих государственной регистрации сделках и о правообладателях. Так же, как и закон № 122-ФЗ, Федеральный закон о государственной регистрации недвижимости определил, что государственная регистрация права в ЕГРН является единственным доказательством существования зарегистрированного права [8].

Из доклада В. В. Абрамченко за 2017 год об основных результатах деятельности за 2017 год и основных задачах на 2018 год в ЕГРН содержалось 161 731 884 раздела, открытых на объекты недвижимого имущества. Количество учтенных в ЕГРН объектов недвижимости, права на которые зарегистрированы, составило 198 651 173. Предоставление сведений из ЕГРН – одна из самых востребованных услуг ведомства. С 1 января 2020 года в силу вступил Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [9], согласно которому приобретатель считается добросовестным, если при совершении сделки он руководствовался выпиской из ЕГРН.

Темпы развития цифровизации зачастую опережают законодательное регулирование и, если на сегодняшний день прописаны схемы и порядок предоставления государственных услуг в электронном виде, то в уголовно-правовой сфере процесс обновления нормотворчества идет медленно. Интернет кишит сайтами-мошенниками, предоставляющими услуги Росреестра. В основном они маскируются под официальный сайт или сайты Многофункциональных центров «Мои документы». На таких сайтах заявителям обещают предоставление сведений из ЕГРН в рекордно короткие сроки и за низкую стоимость. Чаще всего, получив деньги, мошенники исчезают, но иногда на почтовый ящик заявителя приходит выписка, гарантировать достоверность сведений в которой, конечно, нельзя. Недостоверные сведения об объекте могут стать причиной больших убытков, ведь в случае совершения мошеннической сделки в суде выписка, заказанная с мошеннического сайта, не будет принята во внимание. Развитие цифровизации влечет за собой и увеличение киберпреступлений. На законодательном уровне государство

стремится защитить пользователей электронных сервисов. Так, Федеральный закон от 02.08.2019 № 286-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной регистрации недвижимости"» гарантирует обеспечение защиты прав граждан при оформлении сделок с недвижимостью, которые совершаются в электронном виде. Согласно закону, собственник, планирующий проведение сделки с ЭП, должен подать заявление в бумажной форме в Росреестр. При отсутствии такого обращения регистрация пакета документов ведомством произведена не будет. С одной стороны защита интересов граждан, несомненно, стоит в приоритете, но с другой, действие этого закона сводит на нет бесконтактные технологии получения услуг ведомства. Неизбежные изменения, которые претерпевает сфера недвижимости в связи с процессами цифровизации, требуют изменений законодательного процесса.

Отдельно стоит остановиться на проблемах технического характера. IT-инфраструктура неравномерно развита в различных регионах нашей страны. Это препятствует слаженной работе федерального, региональных и муниципальных ведомств при оказании государственных услуг. Отсутствие скоростного интернета, неслаженность информационных систем, отказ сайтов в связи с большим количеством запросов сводят на нет усилия по продвижению электронных услуг среди граждан. Технологические проблемы усугубляет приверженность бумажному документообороту, снижающая доверие к внедряемым информационным технологиям.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что внедрение государственных услуг в электронном виде – это, прежде всего, формирование новых моделей исполнения государственных полномочий. Росреестр интегрировал оказание своих услуг в цифровой формат и успешно начал их осуществление. В условиях пандемии «Covid-19» наличие успешного опыта оказания услуг в электронном виде посредством роботизированных сервисов позволило не парализовать сферу недвижимости, а продолжить осуществление возложенных на Росреестр функций. Для успешной реализации проводимой в Российской Федерации административной реформы необходима дальнейшая проработка правовой концепции законодательства, направленного на обеспечение эффективного и безопасного оказания государственных услуг в электронном виде по каналам защищенной связи, дальнейшее обеспечение доступа физических и юридических лиц к открытой информации ведомства, пресечение в правовом поле мошеннических действий, относящихся к получению государственных услуг Росреестра, влекущих за собой правовые последствия для получателей услуг.

1. Понятие и принципы цифровизации законодательного процесса: теоретико-правовая трансформация / С. С. Зенин, И. М. Япрынцев, Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев // Российская юстиция. 2019. № 8. С. 4–9.
2. Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 11.02.2020).
3. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328938/ (дата обращения: 13.03.2020).
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
5. Щербинина, Н. Н. Электронные государственные услуги в Российской Федерации: административно-правовой аспект [Электронный ресурс]. URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/advert/100015569 (дата обращения: 12.08.2019).
6. Логинова, А. С., Шубина, Е. А. Предоставление электронных государственных услуг в Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 137–144.
7. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 11.02.2020).
8. Распоряжение Росреестра от 20.05.2019 № Р/0083 «О размещении на официальном сайте Росреестра в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" информации о требованиях к совместимости, квалифицированному сертификату ключа проверки электронной подписи, обеспечению возможности подтверждения подлинности усиленной квалифицированной электронной подписи заявителя» (в редакции распоряжения Росреестра от 01.11.2019 № Р/0269) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_326530/ (дата обращения: 25.02.2020).
9. Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ г. «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 19 декабря. № 286.
10. Саурин, А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31.
11. Мигунова, Д. Б., Мусина, А. И. Правовой режим предоставления государственной услуги в электронном виде: на примере государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Журнал российского права. 2018. № 2 (254).

УДК 342.9
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.42

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ

Орлов В. А., кандидат экономических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Vyacheslav.Orlov@novsu.ru
Субботин И. В., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s160448@std.novsu.ru

LEGAL ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE FEDERAL JUDICIAL SERVICE

Vyacheslav A. Orlov, candidate of economic sciences, associate professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: vyacheslav.orlov@novsu.ru
Igor V. Subbotin, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: s160448@std.novsu.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены правовые основы деятельности Федеральной службы судебных приставов, а также нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность Федеральной службы судебных приставов. В статье определены условия и порядок принудительного исполнения судебных решений, задачи исполнительного производства, его принципы, права и обязанности судебных приставов и должников по решению суда, приведен перечень исполнительных документов, сроки в исполнительном производстве, а также исполнительные действия и меры принудительного исполнения, отдельные аспекты взыскания имущества и штрафов с должников. Выделены задачи, меры, принимаемые при выполнении этих задач и ответственность судебных приставов. Раскрыты контрольные функции по надзору за соблюдением законов Российской Федерации при осуществлении судебными приставами своих функций, которые осуществляет Генеральный прокурор и прокуратура РФ.
Ключевые слова: судебные приставы, Федеральная служба судебных приставов, исполнительное производство, право.

Abstract. The article discusses the legal foundations of the activities of the Federal Bailiff Service, as well as the legal acts regulating the activities of the Federal Bailiff Service. The article defines the conditions and procedure for the enforcement of judicial decisions, the tasks of enforcement proceedings, its principles, the rights and obligations of bailiffs and debtors by court decision, provides a list of enforcement documents, timelines in enforcement proceedings, as well as enforcement actions and enforcement measures, certain aspects collection of property and fines from debtors. The tasks, measures taken in the performance of

these tasks and the responsibility of the bailiffs are highlighted. The control functions for the supervision of compliance with the laws of the Russian Federation in the exercise by the bailiffs of their functions that are carried out by the Prosecutor General and the prosecutor's office of the Russian Federation are disclosed.
Keywords: bailiffs, Federal service of bailiffs, enforcement proceedings, law.

Федеральная служба судебных приставов (ФССП) является важной частью исполнительной ветви власти в Российской Федерации. Главной целью деятельности судебных приставов можно назвать эффективное, правильное и своевременное принудительное исполнение судебных актов [1]. Следовательно, от качества и эффективности выполнения ФССП своей работы напрямую зависит обеспечение правопорядка в стране.

Основным законом, регулирующим деятельность службы судебных приставов, является Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» [2], в котором Президентом Российской Федерации утверждены основные аспекты деятельности Федеральной службы судебных приставов. В положении о Федеральной службе судебных приставов раскрыты структура и штатная численность службы и четко закреплены основные задачи работы судебных приставов, а также ряд неукоснительных требований, предъявляемых должностным лицам, выполняющим обязанности судебных приставов, их права и обязанности.

В части 1 статьи 4 данного Федерального закона указывается, что судебные приставы подразделяются на 2 категории в зависимости от выполняемых задач:

– судебные приставы, обеспечивающие установленный порядок суда;

– судебные приставы-исполнители.

Федеральная служба судебных приставов осуществляет безопасность проведения судебного процесса, а также приставы – исполнители исполняют решения суда, в части гражданского судопроизводства.

В целом же, согласно статье 1 Федерального закона «О судебных приставах», деятельность судебных приставов сводится к выполнению следующего ряда задач:

– осуществление порядка в процессе деятельности судов РФ в установленном законодательством порядке;

– исполнение актов судов в принудительном порядке;

– законодательное исполнение уголовного судопроизводства РФ.

Кроме того, к задачам судебных приставов можно отнести предупреждение, выявление, пресечение и расследование уголовных преступлений. Приоритетными, среди поставленных перед судебными приставами задач, являются преступления против правосудия, а, именно, уклонения от выполнения решения суда. В целом, Федеральная служба судебных приставов производит дознание в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации по семи видам состава преступлений.

В 2004 г. главой РФ утвержден Указ о введении в действие положения по вопросам Федеральной службы судебных приставов, в котором дается подробное описание задач, возложенных на ФССП, аспект полномочий и правомерные действия сотрудников государственной службы. Согласно статье 8 данного положения главный судебный пристав службы судебных приставов РФ назначается на должность и освобождается от своих обязанностей Президентом России.

В целом полномочия главного судебного пристава можно разделить на 2 категории:

– организационно-административные (осуществление руководства деятельностью службы судебных приставов, издание указаний и распоряжений по вопросам деятельности ФССП, определение структуры службы и ее штата);

– контрольные (осуществление текущего и последующего контроля за деятельностью службы).

Кроме того, в данном Положении описаны основные организационные моменты деятельности этой службы.

В статье 12 Положения о Федеральной службе судебных приставов говорится о том, что ФССП является юридическим лицом и имеет утвержденную Президентом РФ геральдику (эмблему, флаг).

Важную роль в регулировании деятельности Федеральной службы судебных приставов занимает Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ, в котором закреплены действующие условия и процедура исполнения вступивших в силу судебных актов в принудительном порядке, задачи исполнительного производства, его принципы, права и обязанности сторон исполнительного производства, приведен перечень исполнительных документов, сроки в исполнительном производстве, а также исполнительные действия и меры принудительного исполнения, отдельные аспекты взыскания имущества и штрафов с должников. Согласно статье 64 главы 7 данного Федерального закона, исполнительными действиями судебного пристава-исполнителя признаются действия, осуществляемые в целях выполнения исполнительных документов в строго установленное время, грамотно и всецело. Меры же принудительного исполнения регламентируются статьей 68 главы 7. Исходя из данной статьи, исполнительными принудительными мерами считаются получение с должника денежных или материальных средств в счёт погашения долга, в соответствии с исполнительным документом.

Реформой Федеральной службы судебных приставов называют принятый закон от 01.10.2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». На основании данного закона меняется статус Федеральной службы судебных

приставов. Федеральный закон вступил в силу 1 января 2020 г., и следовательно, у судебных приставов повышается статус службы. Соблюдение порядка в сфере законодательства государства входит в компетенцию Генерального прокурора и сотрудников прокуратуры. До 01 января 2020 г. Федеральная служба судебных приставов относилась к государственной гражданской службе, что не позволяло специалистам Федеральной службы судебных приставов получать заслуженные льготы и гарантии по профессиональному статусу.

При выявлении совершённых в процессе деятельности судебных приставов проступков или правонарушений приставы несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации, любые их принимаемые или не принимаемые действенные меры могут быть обжалованы вышестоящему должностному лицу, органах прокуратуры или в суде в порядке, предусмотренном главой 18 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

---

1. Гальперин, М. Л. Исполнительное производство: учебник для бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 498 с.
2. Арзамасцев, Н. И. Особенности полномочий судебных приставов-исполнителей // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 106–114.
3. Ткаченко, В. В. Совершенствование организации деятельности службы судебных приставов // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 4. С. 28–34.

УДК 347.97/.99
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.43

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Панов И. Е., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s229481@std.novsu.ru
Научный руководитель: **Митина С. И.**

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM IN THE XXI CENTURY: PROBLEMS AND PROSPECTS OF REFORM

Ivan E. Panov, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: m89116458942@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу реформирования судебной системы Российской Федерации на современном этапе. Рассматриваются вопросы модернизации судоустройства и судопроизводства. Дается оценка перспективы создания специализированных судов, использования способов оптимизации рабочей нагрузки судей, цифровизации правосудия. Особое внимание уделено анализу результатов реформы апелляционного и кассационного судопроизводства. Автор приходит к выводу о перманентности реформирования судебной системы как обязательном признаке её поступательного развития.
Ключевые слова: судебная система, реформа, апелляция, кассация, цифровизация.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the reform of the judicial system of the Russian Federation at the present stage. The issues of modernization of the judicial system and legal proceedings are considered. The assessment of the prospects for the creation of specialized courts, the use of methods to optimize the workload of judges, digitalization of justice. Particular attention is paid to the analysis of the results of the reform of the appeal and cassation proceedings. The author comes to the conclusion that the reform of the judicial system is permanent as a mandatory sign of its progressive development.
Keywords: judicial system, reform, appeal, cassation, digitalization.

Вопрос о перспективах развития судебной системы вставал на каждом переломном этапе развития российского общества. Иначе не может и быть, поскольку судебные органы реализуют функции самостоятельной ветви власти. Реформа судебной системы 1864 г. и реформирование суда с 1991 г. имели целью создание самостоятельной ветви власти в лице высокоэффективной системы судебных органов. Преобразование судебной системы в период советской власти сложно назвать реформой, поскольку

идеология победившей диктатуры пролетариата полностью отрицала преемственность в развитии правовых систем Российской империи и Советской России. Можно считать, что это был отдельный этап в истории российской судебной системы, отличавшийся предельной идеологизацией правосудия.

Современная реформа реализуется с 2014 г. В свете стоящих перед Россией задач построения правового государства, укрепления основ государственности и правовой системы реформирование судоустройства и судопроизводства представляется решающим фактором преобразования общества на правовых началах. Следует оговориться, что единого научного подхода к определению этапов реформирования суда в России до настоящего времени не сложилось. Можно рассматривать новации 2014 г. как важную веху на пути продолжения реформы 1991 г., поскольку обсуждение и проработка вопросов реформирования судов общей юрисдикции активно шли с начала 2000-х гг. [1].

Началась реформа с объединения Верховного и Высшего арбитражного судов в 2014 г. Особенность современного этапа реформирования суда составляет общий вектор развития российского общества, экономики и политической системы, направленный на инновационное развитие и информатизацию. Как отмечает в своей статье председатель Совета судей Российской Федерации В. В. Момотов, современная реформа инициирована самим судейским сообществом, что является доказательством самостоятельности российской судебной власти [2, с. 136].

В 2020 г. заканчивается реализация Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [3]. В целях программы значилось повышение качества правосудия; совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Достичь этого предполагалось путем обеспечения открытости и доступности правосудия, повышения гарантий независимости судебной власти, обеспечения эффективности исполнительного производства, модернизации судебно-экспертной деятельности. Аналогичные программы действовали с 2002 по 2006 гг. и с 2007 по 2012 гг.

В 2018 г. в рамках реализации программы развития судебной системы до 2020 г. было осуществлено совершенствование информационной системы автоматизации кадровой работы Верховного Суда Российской Федерации (ИСАКР) путем перевода на более современную версию. ИСАКР позволяет автоматизировать множество функций кадровой работы суда, от формирования штатного расписания до подготовки информации о служебных контрактах, командировках, отпусках. Еще раньше началась модернизация информационной системы судебного документооборота и делопроизводства.

В настоящее время активно используется Информационная система «Сбор и анализ данных о служебной активности персонала Верховного Суда Российской Федерации» (ЕИСАП), которая позволяет автоматизировать и усовершенствовать процессы учета и контроля служебной активности персонала.

Самостоятельным этапом современной судебной реформы стало создание кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции. Так, с мая 2020 г. начал функционировать в полном объеме Третий кассационный суд общей юрисдикции, расположенный в Санкт-Петербурге. Он является судом кассационной инстанции для судов общей юрисдикции одиннадцати субъектов Российской Федерации, включая Новгородскую область. Всего таких судов образовано девять. Судом, рассматривающим в качестве апелляционной инстанции дела по жалобам, представлениям на судебные акты Новгородского областного суда, с 2019 г. является Первый апелляционный суд, расположенный в Москве [4].

Новая система апелляции и кассации исключила ситуацию, при которой одни и те же дела рассматриваются в границах одного региона, и обеспечила реализацию принципа «один суд – одна инстанция» [2, с. 138]. Следует помнить, что еще в 1864 г. авторы судебной реформы постарались путем создания окружных судов исключить зависимость судебных органов от местной администрации. С позиции сегодняшних приоритетов развития правосудия создание системы арбитражных апелляционных судов будет максимально способствовать реализации принципа независимости судебной власти и обеспечения защиты прав граждан и организаций в сфере судопроизводства. Кроме того, как считает К. А. Ермолаев, преобразование системы апелляции и кассации позволит оптимизировать нагрузку на судью, создаст условия для стабильности выносимых решений, в конечном итоге, укрепит доверие к правосудию [5, с. 65]. Именно необходимость повышения доверия к суду со стороны граждан было главным аргументом в инициировании нынешней реформы судебной власти [6, с. 116].

Еще одной важной задачей в рамках современной реформы можно считать создание системы специализированных судов. Такая работа уже началась с создания суда по интеллектуальным правам. Такая практика позволит существенно оптимизировать работу судебных органов. Необходимость создания таких судов диктуется и разнообразием правовых отношений [7, с. 48–49].

Согласно статье 26 ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации» специализированными могут являться федеральные суды, созданные для рассмотрения гражданских и административных дел, подсудных судам общей юрисдикции, а также экономических споров. Однако в законе конкретно называется лишь один вид подобного суда – суда по интеллектуальным спорам (ст. 26.1). Таким образом, вопрос

об образовании других видов специализированных судов остается открытым. Пока не будет принят федеральный закон, посвященный специализированным судам, ситуация не изменится. Закон нужен, прежде всего, для урегулирования особого процессуального порядка отправления правосудия специализированными судами. Очевидно, что процессуальный порядок в таких судах должен предусматривать тесное взаимодействие с экспертными учреждениями.

К категории существующих в мире специализированных судов, помимо суда по интеллектуальным правам, относятся административные суды, ювенальные суды, суды по трудовым спорам, семейные суды, суды по жилищным делам и т. д. Как считают А. В. Феоктистов и М. Н. Феоктистова, наличие особого административного судопроизводства является показателем соответствия национальной судебной системы международным государственным стандартам [8]. Но не одно лишь административное судопроизводство нуждается в своем организационном оформлении. Перед российским законодателем стоит задача определить приоритетные сферы правовых отношений, нуждающиеся в обеспечении особого процессуального порядка отправления правосудия.

В научной литературе обсуждается еще один немаловажный аспект реформы судопроизводства. Так, Т. Г. Бородина, анализируя реализацию принципа свободного доступа к правосудию в реформируемых судебно-проверочных стадиях уголовного судопроизводства, отмечает резкое возрастание ответственности судов, особенно районных, за организационно-технические мероприятия, необходимые для проведения судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи либо трехстороннего видеомоста [9]. Очевидно, что на сегодняшний день не все судебные органы готовы к работе в онлайн-режиме. Однако такая задача стоит перед судебной системой в связи с цифровизацией и экономики, и всей общественной жизни в современных условиях в целом.

Одной из серьезных проблем современного судопроизводства является слишком высокая рабочая нагрузка судей. По данным исследования специалистов Высшей школы экономики, 62% представителей судейского сообщества «перерабатывают» более чем вдвое, что не может в конечном итоге не сказываться на качестве правосудия [10]. Решением этой проблемы в рамках реформы судебной системы может стать развитие практики использования альтернативных способов урегулирования конфликтов (переговоров, реструктурирования платежей и медиации).

Подводя итог краткому обзору современных проблем и перспектив реформирования судебной системы Российской Федерации, следует отметить, что работа по улучшению состояния правосудия, выведения его на новый уровень, определяемый современным вектором развития общества и государства, должна вестись постоянно. Поэтому

реформирование судебной системы – процесс перманентный, имеющий определенные значимые вехи, но не прекращающийся никогда.

1. Борисевич, Г. Я. К вопросу о реформировании судов общей юрисдикции // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (8). С. 48–57.
2. Момотов, В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134–146.
3. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406.
4. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/28148/ (дата обращения: 20.03.2020).
5. Ермолаев, К. А. Создание апелляционных и кассационных судов в Российской Федерации и процессуальное законодательство: проблемы и перспективы (на примере гражданского судопроизводства) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 3 (47). С. 65–70.
6. Добриев, Т. З. Современная реформа судебной системы России // Инновационная наука. 2018. № 7–8. С. 115–117.
7. Ермолаев, К. А. Перспективы развития специализированных судебных органов в Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4 (48). С. 48–58.
8. Феоктистов, А. В., Феоктистова, М. Н. Перспективы развития российской судебной системы // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. 2018. Т. 6, № 2 (22) [Электронный ресурс]. URL: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения: 25.03.2020).
9. Бородина, Т. Г. О свободном доступе к правосудию в реформируемых судебно-проверочных стадиях уголовного судопроизводства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.24158/tipor. 2017.12.26 (дата обращения: 14.04.2020).
10. Рахманова, М. А., Шумов, П. В. Нагрузка на судей и качество правосудия // Бюллетень науки и практики [Электронный ресурс]. URL: https://www.bulletennauki.com (дата обращения: 28.03.2020).
11. Курас, Т. Л. Реформирование судебной системы в России: исторический опыт и современные проблемы. Региональный аспект // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4 (67). С. 45–53.
12. Чесных, И. И. Перспективы развития российской правовой судебной системы в 2018–2020 гг. // Государство и право в XXI веке: научно-практический журнал. 2017. № 3. С. 39–41.
13. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.
14. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 09.04.2020).
15. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 02.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 11.03.2020).
16. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6510/ (дата обращения: 25.02.2020).

17. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/ (дата обращения: 15.02.2020).
18. Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/70583580/ (дата обращения: 10.03.2020).

УДК 719:72
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.44

УЧЕТ КУЛЬТУРНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ГУБЕРНСКИМИ СТАТИСТИЧЕСКИМИ КОМИТЕТАМИ КАК УСЛОВИЕ РАЗРАБОТКИ ПЕРВОГО ЗАКОНОПРОЕКТА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Прокофьев А. Ю., аспирант, кафедра теории государства и права,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Prokofeva.y.prokofev@gmail.com
Научный руководитель: **Митина С. И.**

RECORD-KEEPING OF THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF THE PROVINCE BY STATISTICAL COMMITTEES AS A CONDITION FOR DEVELOPMENT OF THE FIRST DRAFT LAW ON THE PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS (ON THE EXAMPLE OF THE NOVGOROD PROVINCE)

Alexander Y. Prokofiev, post-graduate student,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Prokofeva.y.prokofev@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено анализу практики учета культурного и исторического наследия Новгородской губернии XIX в. Основу исследования составили представленные в периодической печати материалы Статистического комитета губернии и российское законодательство. Анализируются принципы и формы учета. Дается оценка роли статистических комитетов, а также других государственных органов в деле охраны исторического наследия в XIX в.
Ключевые слова: Новгородская губерния, защита исторических памятников, учет, статистика, законопроект.

Abstract. The study is devoted to the analysis of the practice of accounting for the cultural and historical heritage of the Novgorod province of the 19th century. The research was based on the materials of the Statistical Committee of the province and Russian legislation presented in periodicals. The principles and forms of accounting are analyzed. The assessment of the role of statistical committees, as well as other state bodies in the protection of historical heritage in the 19th century is given.
Keywords: Novgorod province, protection of historical monuments, accounting, statistics, bill.

Роль губернских статистических комитетов в учете культурного и исторического наследия трудно переоценить, несмотря на то, что речь идет не о специальных органах или учреждениях, ориентированных на данную функцию.

Историю становления государственной статистики в России принято связывать с фактом введения регулярной губернской отчетности с 1802 г. и организации в марте 1811 г. Статистического отделения при Министерстве полиции [1, с. 115].

Нормативное закрепление официального статуса статистических исследований в России берет свое начало с принятия в 1834 г. «Положения о создании губернских и областных статистических комитетов» [2], «Правил для Статистического Отделения при Совете Министерства Внутренних Дел и Статистических Комитетов в Губерниях» [3], а также Указа Правительствующего сената об организации губернских статистических комитетов в 1835 г. Данная правовая база подкреплялась «Наказом губернаторам» от 3 июня 1837 г., обязывавшим следить за реализацией нормативных предписаний и регулярно представлять в МВД статистические данные по своей губернии [4].

Правила для статистических отделений в качестве цели их функционирования определяли составление подробных и по возможности точных описаний состояния всех частей, подведомственных МВД (§ 2). Правительство, прежде всего, интересовал сбор сведений о народонаселении, занятиях жителей, числе городов, сел, деревень, заводов, фабрик, о состоянии различных категорий земель, о судоходных реках, водоемах, ремесле, торговле, ярмарках и т. д. В категорию «всех составных частей» попадали церкви и монастыри, представлявшие собой культурно-историческую ценность. Их описание предполагало проведение, хотя бы отчасти, научного историко-археологического исследования. Акцент на научном содержании работы статистических комитетов усилился с принятием 26 декабря 1860 г. «Положения о губернских и областных статистических комитетах», в котором ставилась задача возложить на статистические комитеты функцию всестороннего изучения и исследования состояния губернии, т. е. этим органам придавался статус научно-общественных учреждений [5]. Данное положение, как замечает В. А. Скопа, превращало статистические комитеты в научно-административные центры, что дополнительно закреплялось циркуляром МВД от 8 апреля 1861 г. за № 397 [6, с. 219].

Важность поставленных перед комитетами целей подчеркивалась составом их членов, включавшим фактически всю администрацию губернии. Так, в состав Статистического комитета Новгородской губернии в 1860 г. входили: «Председатель комитета – военный губернатор г. Новгорода и Новгородский гражданский губернатор генерал-лейтенант Владимир Иванович Филиппович; Губернский предводитель дворянства –

генерал-майор Бахметев Н. П.; Вице-губернатор, статский советник Э. В. Лерхе; Председатель Казенной палаты Статский Советник И. Ф. Манаев; Почетный попечитель гимназии – камер-юнкер Двора Его императорского Величества, Коллежский советник князь П. В. Голицин; Прокурор Коллежский советник Н. Ф. Аксенов; Инспектор Врачебной управы – Статский советник Онуфриев; Управляющий Удельной конторою – действительный советник – Л. Я. Флессиер; Управляющий Палатою Государственных имуществ – Генерал-майор Н. А. Левшин; Губернский директор училищ Статский советник – П. И. Апохалов; Член духовной консистории Протоиерей Знаменского собора А. И. Силуанов; Инженер Полковник Е. О. Страковский; Непременный член Строительной Комиссии инженер-полковник С. П. Герасимов; Губернский архитектор Коллежский асессор Ф. И. Гуссаковский; Губернский землемер, исправляющий должность Губернского секретаря А. Н. Палевский; Губернский Почмейстер статский советник С. Е. Покровский» [7, 1860, с. 26]. Как видно, в составе губернских комитетов, за исключением архитектора и священнослужителей, не было специалистов, способных на профессиональном уровне осуществлять учет исторических и культурных ценностей. Участие в работе статистических комитетов священнослужителей объясняется не только задачей учета населения по принципу конфессиональной принадлежности. Регулярно обобщавшиеся статистические данные включали количество храмов, церквей и других культовых сооружений, большинство из которых по факту являлось памятниками истории и архитектуры. В. И. Первушин обращает внимание на то, что нормативную основу церковно-краеведческой деятельности составляло законодательство в области охраны памятников церковной старины [8, с. 55]. Так, Устав духовных консисторий 1841 г. (ст. 50) запрещал перестройку и изменения внешнего вида древних церквей, исправления древних росписей икон без согласия Святейшего Синода и археологических учреждений.

Недостаток специалистов, способных нести основную нагрузку по сбору и систематизации краеведческого, культурно-исторического материала, компенсировали привлечением в состав статистических комитетов на общественных началах энтузиастов, любителей старины, краеведов.

Следует отметить, что сбор и систематизация материала историко-краеведческого характера не входили в обязательные задачи статистических комитетов. Тем не менее, именно эти органы, по выражению В. И. Первушина, стали первыми историко-краеведческими учреждениями в российской провинции [8, с. 5].

В. Л. Еремеева связывает развитие научных знаний с 60-х гг. XIX в. с существенными изменениями в общественном сознании, ростом интереса людей к прошлому своего края. Это способствовало тому, что

статистические комитеты в русской провинции зачастую становились единственными научными и издательскими центрами, объединившими вокруг себя местных историков-любителей [9, с. 227–228].

При этом надо учитывать, что статистические комитеты являлись органами, подконтрольными МВД. До создания в 1909 г. «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» именно органам МВД приходилось выполнять функцию по сбору информации и учету памятников истории и культуры. Так, в отчете Новгородского статистического комитета за 1863 г., опубликованного в Новгородских губернских ведомостях, признавалось, что кроме административного пути, у статистического комитета нет средств собирать статистические сведения иначе как с помощью полиции. «Полицейские чиновники, занятые исполнением специальных обязанностей, тяготятся поручениями Комитета, в исполнении которых заботятся только, чтобы представить дело в срок, а потому статистические сведения, получаемые от Полиции, не отличаются верностью и вообще не удовлетворительны. Отчеты, представленные за 1862 год от Полиции и сведения для памятной книжки за 1863 год показали, что иные из них представили те же сведения, какие были представлены за 1861 год; т. е. переписали вновь старые списки» [10, 1864, № 16]. В опубликованном во II-м Журнале Новгородского статистического комитета за 26 мая 1864 г. отчете исполняющего делами секретаря Комитета за 1863 г. говорилось следующее: «Главным источником статистических данных для составления отчета были сведения, доставленные от городских и уездных полицейских управлений и от приходского духовенства». Для проверки этих сведений секретарю пришлось обращаться за справками в Дворянское депутатское собрание и в Палату государственных имуществ [10, 1864, № 16].

В целях решения проблемы источников информации общее собрание комитета 28 декабря 1862 г. постановило найти способ собирать статистические сведения по губернии помимо полиции. Была разработана и утверждена программа действий, которая предусматривала систематизацию собранного материала по рубрикам. Первыми мероприятиями программы стали работы «по раскрытию» старинного здания на Рогатинской улице и подготовка к изданию сочинения Г. Курбатова «Историческое описание города Устюжны» [10, 1864, № 16].

Центральный статистический комитет, понимая важность выявления и постановки на учет археологических объектов, призывал просвещенных соотечественников сообщать об археологических находках. Учет археологических объектов включал многоплановую деятельность: археологическое изучение губерний с помощью анкет и вопросников; выполнение запросов и поручений Московского археологического общества (МАО), Археологической комиссии; участие в археологических разведках, раскопках и археологических съездах [6, с. 219].

Императорское Археологическое общество в «Записке с объяснением, чего оно желает достигнуть от обозрения русских древностей» разъяснило населению конечную цель предстоящей работы: «изготовить Археологический атлас по губерниям и при нем особый указатель русских древностей» [8, с. 54–57]. Однако далеко не во всех губерниях данный призыв нашел отклик в силу нехватки специалистов, бюрократической волокиты и отсутствия достаточного финансирования. Для новгородского же статистического комитета, как отмечает А. С. Смирнов, из-за его географического положения близ северной столицы и роли древнего Новгорода в русской истории, было характерно усиленное внимание к археологическим раскопкам и созданию губернского музея [11, с. 28].

Помимо выявления и учета памятников статистические комитеты выступали популяризаторами всего, что было связано с историческим наследием. С 1865 г. Новгородский статистический комитет приступил к изданию «Новгородского сборника», материалами которого предполагалось восполнить пробел в знаниях новгородцев об исторических памятниках и рукописях, остававшихся до тех пор неизвестными. Сборник включал два раздела. Первый был посвящен истории, этнографии и статистике Новгородской губернии; второй – материалам по истории военных поселений [10, 1864, № 41, с. 8].

С 1850-х гг. губернские статистические комитеты издавали «Памятные книжки губернии», в которых обобщался и системно излагался собранный за каждый год статистический материал. Эти печатные органы стали документами и для фиксации собранного исторического, краеведческого материала. Кроме того, губернские статистические комитеты активно использовали для размещения собранных материалов и обзоров исследований краеведческого, этнографического характера неофициальную часть «Губернских ведомостей».

В Памятных книжках губерний, как правило, печатался краеведческий материал трех видов: авторские исследования монографического характера, материалы с историческими и церковно-археологическими описаниями и ранее не публиковавшиеся архивные материалы с комментариями. Так, например, в Памятной книжке Новгородской губернии за 1884 г. был анонсирован первый выпуск материалов для исторического и церковно-археологического описания Новгородской губернии, составленный И. Токмаковым. От имени членов Губернского статистического комитета И. Токмаков обращался к читателям: «…мы имели главной целью доставить практическую пользу и, насколько возможно, облегчить архивные и библиографические разыскания для будущих исследователей Новгородской губернии и преимущественно иногородних гг. ученых, которые, живя в отдаленности от Москвы и С.-Петербурга и желая ознакомиться с древне-письменными

и библиографическими памятниками столиц, не имеют возможности удовлетворить свои изыскания за недостатком в большинстве случаев печатных сборников или указателей наших архивов и книгохранилищ; с появлением же таковых подобные препятствия отчасти устранятся». Далее анонсировалась публикация материалов, хранящихся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и его библиотеке, «…в прочих архивах и книгохранилищах Москвы, С.-Петербурга», в заграничных архивах и библиотеках, «где также есть достаточно материалов для истории Новгородской губернии» [12, с. 263].

До 1884 г. в Памятных книжках периодически размещались краеведческие материалы, как правило, приуроченные к какой-либо знаменательной дате или событию. Так, в Памятной книжке за 1860 г. было опубликовано описание Ярославова Дворища в Новгороде с исторической справкой; обзором архитектуры, фресок, икон, церковной утвари. «Века быстрой чередою пронеслись над Новгородом, истребив большую часть его достопримечательностей: тем с большим рвением мы должны дорожить остатками памятников нашего былого» [7, 1860, с. 77].

В Памятной книге 1863 г. был размещен материал, посвященный памятнику «Тысячелетие России», что, очевидно, связано с его торжественным открытием [7, 1863, с. 9–13]. «Отдел III-й» этого же номера был отведен под «материалы для статистики, этнографии и истории Новгорода» и включал выдержку из книги Н. Озерецковского «Обозрение мест от С.-Петербурга до Старой Руссы в 1805 г.», напечатанной в 1808 г. в Санкт-Петербурге. Данная публикация интересна тем, что в ней приводятся сведения, сообщенные автору епископом старорусским Евгением о списке с грамоты князя Мстислава (сына князя Владимира) о дарственной Юрьеву монастырю: «Вся грамота составляет четырехугольный лоскут рудожелтой бумаги». «Тот же Преосвященный Евгений сообщил мне, что в Новгородском Софийском соборе находится до тысячи разных рукописей и на пергамине рукописные евангелия XIV–XV века, так же редкое собрание печатных славянских книг первого выхода» [7, 1863, с. 385–186]. Продолжая перечень сохранившихся в Софийском соборе артефактов, Н. Озерецковский выражал удивление их сохранностью: «В С.-Петербургском музее академии наук хранятся редкости подобного вещества, и великое о сбережении их прилагается старание; при всем том они тлеют и скоро портятся; но чудотворное в Новгороде ничто невредимо» [7, 1863, с. 390–391].

Тенденция публикации исторических, краеведческих исследований в статистических сборниках была широко распространена во многих губерниях. Как отмечает А. В. Аверина, на местах предпринимались самостоятельные попытки проведения локальных исторических исследований, тематика которых включала хроники исторических событий

уездов, отдельных поселений, рассказы о древностях, о значимых для региона личностях [13, с. 69].

Сотрудники статистического комитета старались представить читателям ранее не публиковавшиеся материалы и таким образом вводили в научный оборот новые документы. В Памятной книжке за 1884 г. было представлено дело из архива МИД о постройке колокольни и ремонте церкви Зверина монастыря в Новгороде, а также документ времен присоединения Новгорода к Москве: «Нам недавно пришлось найти интересную рукопись в собрании И. Д. Беляева, хранящуюся в Московском Публичном и Румянцевском Музеуме, а именно: рукопись старицы княжны Марии Одоевской, бывшей потом (в 1515 г.) игуменьей Новгородского Михалицкого Рождественского монастыря; содержит в себе романтическую историю любви Марии к вечевому дьяку Назарию, который, получивши отказ в руке Марии, оклеветал Новгородцев перед Великим Князем Иоанном III» [7, 1884, с. 266–267].

В Памятной книжке за 1886 г. содержится историческое описание города Валдая, его церквей и соборов. Здесь же опубликовано «Описание Троицкой Рабежской упраздненной пустыни, находящейся в селе Рабеж Валдайского уезда», автором которого являлся действительный член Новгородского и Псковского губернских статистических комитетов, нотариус в г. Валдае, округа Новгородского окружного суда Л. М. Силин [7, 1886, с. 393–428].

Задачи, которые ставили авторы публикаций, четко обозначены во втором приложении к Памятной книжке Новгородской губернии за 1888 г. Здесь были размещены материалы по истории города «Новгород двести лет тому назад» с историческим предисловием и археографическо-биографическими примечаниями И. Токмакова (действительного члена Новгородского статистического комитета). Автор сообщает: «В 1883 году нами был составлен и издан по распоряжению

Новгородского статистического комитета, благодаря просвещенному содействию Начальника губернии А. Н. Мосолова, I выпуск материалов для истории и церковно-археологического описания Новгородской губернии. В этом выпуске мы ознакомили любителей Новгородской старины со многими документами, относящимися до Новгородского края, хранящимися в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел и его библиотеке. Ныне, отыскав в означенном Архиве Новгородский расписной список 1688 года, мы решились представить и ознакомить с ним любителей старины, так как помянутый документ не был до сей поры издан, а между тем может дать богатый материал не только о состоянии города в 1688 году, т. е. двести лет тому назад, но и служить богатым материалом как для артиллерийского искусства, так и вообще по организации военной силы Новгорода для своей защиты». Первым документом, представленным новгородцам, стал «Расписной список о

приеме боярином и воеводой князем Прозоровским у прежнего воеводы Петра Шереметева городовых печатей, знамя, ключей и других снарядов» [7, 1888, с. 281–300].

В. И. Первушин обращает внимание, что росту общественного влияния исторической науки с 1860-х гг. способствовало падение официального запрета печатать акты и «вести Русскую историю» только до Петра Великого [8, с. 76].

Популяризация знаний об эпиграфических памятниках стала самостоятельной задачей статистического комитета: «Губернское начальство, постоянно заботясь об изыскании древностей в Новгородской губернии, поручило Редакции Новгородских Ведомостей собирать и печатать в этих ведомостях древние иностранные надписи – латинские, греческие, немецкие, шведские и другие, открываемые в разных местах Новгородской губернии, на многоразличных предметах: на древнем оружии, металлических вещах, домашних приборах и церковных утварях, в особенности на колоколах, вывезенных из Швеции, Ливонии, Гамбурга, Любека и Бремена, как это оказывается из надписей на колоколах: Новгородского Николаевского собора, Воскресенской кладбищенской церкви, старорусской Дмитриевской церкви Демянского уезда села Щотева и т. д. Эти надписи интересны и необходимы не менее наших русских: они так же объяснят нам многое из общественной жизни предков, покажут предметы древней торговли, откроют имена художников, отношения наши к иностранным землям и, может быть, по историческому значению некоторых из надписей, откроются обстоятельства доселе неизвестные» [10, 1852, № 47].

Таким образом, Новгородские губернские ведомости стали еще одним печатным органом для популяризации научного материала, собранного и систематизированного статистическим комитетом.

В Губернских ведомостях издавались материалы, подготовленные не только непосредственно сотрудниками статистического комитета, но и известными историками, литераторами, публицистами. В № 47 за 1893 г. были напечатаны отрывки из книги новгородского археолога В. П. Ласковского «Благоверный князь Всеволод-Гавриил на княжении в Великом Новгород (1117–1136)» [10, 1893, № 47, с. 8–9]. В ней как раз приводятся сведения об археографическом памятнике – грамоте князя Мстислава (1128–1132 гг.), данной Юрьеву монастырю. «Грамота эта, сохраняемая а ризнице Юрьева монастыря, есть древнейшая из дошедших до нас великокняжеских грамот…». В. П. Ласковский также приводит данные о грамоте на привилегии купеческой общине церкви Иоанна Предтечи на Опоках, которая «…в высокой степени интересна и характерна в смысле обычного права, представляющего дальнейшее развитие уставов Владимира святого и Ярослава» [10, 1993, № 47, с. 8].

Чуть раньше был напечатан материал Действительного члена Новгородского, Псковского и Ковенского губернских статистических комитетов П. М. Силина «На берегах реки Шелони». В нем приводятся сведения о памятниках церковной архитектуры с историческими справками и краткой характеристикой достопримечательностей: «Первое известие о церкви (Иоанна Богослова) погоста Велебицы встречается в Новгородской оброчной переписи книг Шелонской пятины в 1552–1553 г. ...В этом храме достойны замечания: 1) древняя храмовая икона св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова (описание)… Икона – древняя, по пошибу старого новгородского письма, современна основанию храма в XVI веке…; деревянный точеный потир XVI века. На нем изображены красками: Иисус Христос, Богоматерь и св. Иоанн Предтеча; древний оловянный потир с подобными же вырезанными изображениями, не позднее начала XVIII века или конца XVII века; полотняный древний фелонь, во всяком случае, позднее конца XVI века; в этом же храме ...небольшая икона святителя Тихона Задонского чудотворца в серебряно-вызолоченной ризе и в резном золоченом киоте с частицею св. мощей святителя…» [10, 1893, № 45, с. 7–8]. Должность Действительного члена статистического комитета, которую занимал П. М. Силин, позволяла губернской администрации решать сразу две задачи: привлекать к работе местную разночинную интеллигенцию и экономить средства, выделенные на статистические комитеты. Как отмечает В. Л. Еремеева, финансирование комитетов было незначительным, особенно в сравнении с масштабами проводившейся работы, например, жалование секретаря составляло 60 рублей в месяц [14, с. 191]. Участие в работе статистических комитетов разных губерний одних и тех же «действительных членов» позволяло аккумулировать знания в масштабе всего государства, делать «изыскания» Новгородского статистического комитета достоянием жителей других губерний.

В конечном итоге именно недостаток финансирования работы статистических комитетов и других органов и учреждений, занимавшихся вопросами учета, контроля и охраны культурно-исторического достояния, не позволил успешно завершить работу по подготовке первого законодательного акта, направленного на охрану памятников. Между тем, именно статистические комитеты российских губерний внесли значительный вклад в подготовку материалов для создания единого «банка данных» по наличию и состоянию отечественных памятников истории и культуры.

Роль, которую выполняли статистические комитеты в деле охраны исторического наследия, выражалась в учете и систематизации информации, имеющей научный интерес. Эта же задача на протяжении второй половины XIX в. решалась Департаментом общих дел МВД, Московским археологическим обществом, Синодом, Императорской

Археологической Комиссией, а на местах – полицейскими управлениями, церковно-археологическими обществами, обществами любителей древности, древлехранилищами. Губернские статистические комитеты, учреждавшиеся под председательством гражданских губернаторов и действовавшие под контролем МВД, весьма логично вписывались в эту, как её называют А. С. Пожидаев и К. С. Николаева, сеть провинциальных учреждений и организаций, целенаправленно занимавшихся сохранением объектов историко-культурного наследия [15, с. 55]. Как структурные подразделения МВД статистические комитеты работали на обеспечение охраны исторического наследия, в том числе в рамках подготовки материалов для расширения и конкретизации соответствующей нормативной базы.

Товарищ министра внутренних дел, статс-секретарь, князь А. Б. Лобанов-Ростовский возглавил сформированную в 1876 г. комиссию при Министерстве народного просвещения, которая внесла конкретные предложения по организации охраны исторического наследия, подготовила «Проект правил о сохранении исторических памятников». Полноценный законопроект (Положение «Об охране древностей») был подготовлен комиссией, созданной при МВД и работавшей с 1904 по 1910 гг. [5]. Руководящая роль МВД в разработке проектов закона подчеркивала в значительной степени ведомственный характер планировавшегося правового регулирования. Статистические комитеты работали, реализуя ведомственные полномочия, одновременно опираясь на поддержку и инициативу общественности, искренне переживавшей за судьбу культурно-исторического наследия.

Нормативная база, определявшая работу самих статистических комитетов в сфере учета памятников (положения, циркуляры), составила первичную правовую основу, на которой можно было формировать полноценное законодательство. Статистический комитет Новгородской губернии внес значительный вклад в систематизацию знаний о многочисленных памятниках истории древней Новгородской земли, не утративших своего значения для правотворческой и правоприменительной практики до настоящего времени.

---

1. Елисеева, И. И., Дмитриев, А. Л. Правительственная статистика России в конце XIX – начале XX в.: проблемы и реформы // Вестник СПбГУ. Экономика. 2019. Т. 35, вып. 1. С. 113–152.

2. Положение о создании губернских и областных статистических комитетов от 20 декабря 1834 г. // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1835. Вып. 3. С. XXXVII–XXXIX.

3. Правила для Статистического Отделения при Совете Министерства Внутренних Дел и Статистических Комитетов в Губерниях // ПСЗРИ. Собрание второе. 1834. Т. 9. Отдел. 2. № 7684.

4. Общий наказ гражданским губернаторам, который благополучно прошел обсуждение в департаменте законов Государственного совета и был утвержден Николаем I 3 июня 1837 г. // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 12. Отд. 1. 1838 г. № 10303.
5. Карапетян, Л. А. Охрана культурного наследия в России в начале XX в.: к вопросу о законопроекте «Об охране древностей» // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 1 (64). С. 44–49.
6. Скопа, В. А. Археологические работы статистических учреждений как часть сохранения культурного наследия и изучения региона (по материалам Западной Сибири и Степного края второй половины XIX – начала XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3 (87). Т. 2. С. 218–221.
7. Памятная книжка Новгородской губернии (далее – ПКНГ). 1860 г., 1863 г.
8. Первушин, В. И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза: ПГПУ, 2007. 214 с.
9. Еремеева, В. Л. Губернские статистические комитеты 1860-х – 1890-х годов и развитие исторической науки в российской провинции (на примере Костромской и Ярославской губерний) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. № 3. С. 227–231.
10. Новгородские губернские ведомости (далее – НГВ). 1852. № 47; 1864. № 16, 41; 1893. № 45, 47.
11. Смирнов, А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерк институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: ИА РАН, 2011. 592 с.
12. Материалы для исторического и церковно-археологического описания Новгородской губернии. Выпуск I-й / сост. И. Токмаков. Новгород: Типография Новгородского Губернского Правления. 1883. // ПКНГ. 1884. С. 261–318.
13. Аверина, А. В. Основные направления деятельности Владимирского губернского статистического комитета во второй половине XIX в. // Наука и школа. 2009. № 2. С. 68–70.
14. Еремеева, В. Л. Образы провинциальных историков Ярославского губернского статистического комитета // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. № 5–6. С. 190–192.
15. Пожидаев, А. С., Нилаева, К. С. Взаимодействие государства и общества в сфере охраны объектов историко-культурного наследия в России в 1718–1991 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. № 3 (29). С. 51–62.
16. Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – нач. XX вв.: сб. документов / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1987.
17. Положение о губернских и областных статистических комитетах // ПСЗРИ. Собрание второе. 1860. Т. 35. Отдел. 2. № 36453.

УДК 34(091)
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.45

ФОРМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В XIX–XX вв.

Прокофьев В. Ф., заведующий кафедрой, кандидат юридических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Victor.Prokofev@novsu.ru

FORMS OF LOCAL GOVERNMENT IN SAINT PETERSBURG IN THE XIX–XX CENTURIES

Viktor F. Prokofiev, head of the department, candidate of juridical sciences,
associate professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Victor.Prokofev@novsu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены историко-правовые аспекты развития градоначальства столицы Российской империи. Автором анализируется и сравнивается организация градоначальства в период XIX века и органов местного самоуправления современности.
Ключевые слова: градоначальство, государственная власть, региональное управление, губернатор.

Abstract. The article considers the historical and legal aspects of the development of the city administration of the capital of the Russian Empire. It analyzes and compares the organization of the city administration in the period of the XIX century and local self-government bodies of modern times.
Keywords: city administration, state power, regional administration, Governor.

Более трех веков прошло с тех пор, когда был основан Санкт-Петербург. За свою историю город, вне зависимости от формы правления, находился под управлением различных властных структур: генерал-губернаторов, генерал-полицмейстеров, градоначальников, председателей Исполкомов Петросовета и Ленсовета, мэра, и, наконец, вновь губернатора.

Нами будут предприняты некоторые аналитические попытки проанализировать некоторые историко-правовые аспекты организации современного городского управления культурной столицей и его исторического предшественника времен XIX века. Конечно, сравнивать две разные эпохи довольно сложно, так как необходимо погрузиться в проблемы того времени, а затем вернуться в наше время. Такой возможности у нас нет, и единственный способ понять политику прошлого

времени – это изучить труды современников и в известной степени сопоставить их с современностью.

История градоначальства в Санкт-Петербурге берет свое начало с 30 марта 1873 года, когда полномочия управления городом были переданы первому градоначальнику Ф. Трепову [1, с. 204]. Как говорит Н. А. Синькевич, «…придавая особое значение Петербургу в общественно-политическом смысле, правительство предприняло превентивную меру, выделив его из состава губернии в особое градоначальство, наделив градоначальника правами губернатора и прямо подчинив ему полицию» [2, с. 4].

Предложение о необходимости преобразования Санкт-Петербургского городского управления с введением градоначальства аргументировалось следующим образом: «По мнению Министерства внутренних дел, учреждение подобного института не вызывало новых затрат, а управление столицей в административном и полицейском отношении становилось бы эффективней» [3, с. 283].

Как отмечалось выше, назначение градоначальников началось в 1873 году и происходило по решению императора, по его прямому выбору или представлению ему указанных кандидатур Министерством внутренних дел. В первоочередные функции градоначальников входило управление столичной полицией, контроль за деятельностью городского управления. Кроме того, в сферу их ведения в различные периоды входила выдача разрешений на строительство новых зданий, контроль увеселительных заведений и недопущение «многолюдных сборищ» на улицах, разрешение деятельности политических партий и общественных организаций, борьба с политическими и уголовными преступниками и нарушителями правил уличного движения [4]. При градоначальствах состояли канцелярия, чиновники особых поручений, а также военные начальники. В подчинении градоначальников находились «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка», ветеринарная и техническая часть, адресный стол, общий и полицейский архив.

Стоит заметить, что обширные полномочия градоначальства не исключали ряда ограничений. Например, градоначальству не подчинялась судебная власть. Не всегда выполнялись распоряжения органами местного самоуправления. «Дума неоднократно отклоняла распоряжение градоначальника о финансировании по тем или иным хозяйственным вопросам, касающимся управления градоначальства» [3, с. 284]. В то же время, те особые полномочия способствовали эффективной борьбе с должностными преступлениями. Как пишет Н. А. Синькевич: «Проводимые по указанию градоначальника ревизии вскрывали должностные злоупотребления со стороны руководящего состава городского самоуправления, выявлялись факты коррупции и протекционизма» [2, с. 17].

Градоначальство, в целом достаточно эффективно справлявшееся с текущими вопросами городского управления в относительно спокойные периоды истории столицы Российской империи, оказалось бессильным противостоять социальным потрясениям и хозяйственной разрухе в эпоху войны и революций начала XX столетия. Эпидемии и морозы, пожары и наводнения, войны и революционные выступления – на все эти и многие другие проблемы нужно было незамедлительно находить ответы. А имея такой огромный бюрократический аппарат, это было сделать довольно сложно [4]. Но, по мнению многих авторов, в том числе А. Ф. Поташева, длительное существование градоначальств отражает эффективность этого управленческого института [5].

Еще одним специфическим фактором развития градоначальства в Санкт-Петербурге и его основным отличием от градоначальств других городов является то, что Санкт-Петербург в то время был столицей Российской империи и это налагало свой отпечаток на развитие данного института.

Февральская революция упразднила институт градоначальства, переименовав градоначальников в комиссаров, тем самым положив конец и имперской власти, и градоначальству в целом. По своей сути полномочия комиссаров остались неизменны и ничем не отличались от полномочий градоначальников, разве что только названием.

Менялись эпохи, менялись политические системы, и вместе тем переименовывались должности глав регионального управления. Комиссары переименовались в мэров, и наконец, глава города вернул себе название «губернатор». Но что изменилось спустя века? А изменилось не так много. Согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ, кандидатуры для избрания на должность губернаторов утверждает Президент РФ. Естественно, что избрание губернатора на должность является сложной и специфической процедурой, имея в виду те политические партии, которые одержат победу на выборах местного уровня и получат большинство голосов.

Так, согласно Федеральному закону № 95 от 11.07.2001, политические партии, набравшие на региональных выборах наибольшее число голосов, предоставляют Президенту РФ предложения о кандидатурах не позднее, чем за 40 дней до голосования по избранию высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (губернатора) [6].

Конечно, новый порядок вызвал среди ученых шквал критики, ибо таким образом наметился откат от установившихся робких демократических начал. Полномочия губернаторов, в отличие от имперских градоначальников, претерпели ряд изменений. Основным и,

пожалуй, самым ярким отличием стало то, что современные губернаторы наделены значительным спектром законодательной инициативы, а также возможностью надзора за правомерностью издаваемых законов в Санкт-Петербурге и контролируют соответствие их Конституции РФ и другим Федеральным законам России.

Несмотря на то, что процедура назначения «губернатора-градоначальника» усложнилась, она мало чем отличается от аналогичных процедур имперского периода. Что же можно сказать об изменении характера полномочий главы города? Как они изменились за прошедшее время? Приобретение законодательных функций заметно отразилось на эффективности реализации функций управленческих. Кроме того, губернатор обладает контрольными полномочиями, но осуществляет он их не напрямую, а через «раздутый» аппарат чиновников, что сказывается на качестве и скорости выполнения распоряжений.

Совершенствование регионального управления, рост социально-экономической составляющей, усиление борьбы с коррупцией позволили в 2012 году вернуться, хотя и с некоторыми издержками, к прямым выборам губернаторов. На наш взгляд, к таким издержкам можно отнести внесенные в упомянутый выше закон изменения. Являясь рамочным, закон наделяет региональные парламенты правом устанавливать так называемое сито, через которое необходимо пройти кандидату на пост губернатора. Суть процедуры заключается в следующем: необходимо заручиться поддержкой у определенного местным законом количества депутатов муниципальных представительных органов. То есть потенциальному губернатору необходимо обратиться за помощью к потенциальному подчиненному [7]. Не будет ли здесь конфликта интересов?

Федеральный закон отдает на откуп региональным представителям «дозволять либо нет» участвовать в губернаторских выборах так называемым самовыдвиженцам [7]. К примеру, Московский парламент допустил к участию в выборах самовыдвиженцев, Новгородский – нет. Такой подход федерального законодателя представляется противоречащим ст. 32 Конституции России, гарантирующей каждому гражданину право участвовать в управлении делами государства, избирать и быть избранными в органы государственной власти, равный доступ к государственной службе.

---

1. С.-Петербургская Столичная Полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. СПб., 1903. 204 с.
2. Синькевич, Н. А. Городское самоуправление Петербурга во второй половине XIX века (историко-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1997. 19 с.
3. Синькевич, Н. А. Самоуправление и полиция Петербурга в XVIII – начале XX века: основные этапы эволюции: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 338 с.

4. Санкт-Петербургское градоначальство: страницы истории [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.ru/N15512/ (дата обращения: 29.03.2019).
5. Поташев, А. Ф. К историографии института градоначальства в Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/38.html (дата обращения: 29.03.2019).
6. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 24.03.2020).
7. Федеральный закон Российской Федерации от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"». [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2012/05/04/gubernatori-dok.html#comments/ (дата обращения: 22.03.2020).
8. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2009/12/21/zakonpartii-dok.html/ (дата обращения: 22.03.2020).
9. Федеральный закон Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 319-ФЗ «О внесении изменений в статьи 18 и 19 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и статью 26 [1] Федерального закона "О политических партиях"» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2009/12/21/zakonpartii-dok.html/ (дата обращения: 20.03.2020).

УДК 340
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.46

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВА БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Прокофьева Е. Э., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: l-prokof@yandex.ru
Научный руководитель: **Трофимова М. С.**

PROBLEMS OF DETERMINING THE QUALITY OF FREE LEGAL AID

Elizaveta E. Prokofeva, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: l-prokof@yandex.ru

Аннотация. Деятельность в ходе реализации оказания безвозмездного предоставления квалифицированной юридической помощи осуществляется всеми участниками системы бесплатной юридической помощи. Но так ли это на самом деле? Проблема доступности квалифицированной помощи многократно становилась объектом обсуждения, но до сих пор в законодательстве Российской Федерации нет точных критериев определения качества и доступности такой помощи. Автором не только анализируются вопросы определения критериев качества бесплатной юридической помощи, но и систематизируются законодательные гарантии ее оказания. Автор приходит к выводу о необходимости разработки и внедрения стандартов качества бесплатной юридической помощи. В работе использованы сравнительно-правовые методы, которые помогли автору конкретизировать и найти первостепенные проблемы в обеспечении доступности населения бесплатной юридической помощью.
Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, критерии качества, юридическая клиника, квалификационные требования, адвокатура.

Abstract. Activities in the implementation of the provision of free provision of qualified legal assistance are carried out by all participants in the free legal aid system. But is it really so? The problem of accessibility of qualified assistance has repeatedly become the subject of discussion, but so far in the legislation of the Russian Federation there are no exact criteria for determining the quality and accessibility of such assistance. The author not only analyzes the issues of determining the quality criteria of free legal aid, but also systematizes the legislative guarantees for its provision. The author concludes that it is necessary to develop and implement quality standards for free legal aid. In the work, comparative legal methods were used, which helped the author concretize and find the primary problems in ensuring the accessibility of the population with free legal assistance.
Keywords: free legal aid, criteria of quality, legal clinic, qualification requirements, bar.

Реализация функций контроля над выполнением лицами, которые оказывают бесплатную юридическую помощь, норм профессиональной

этики и качества оказания бесплатной юридической помощи (далее – БЮП) в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ (далее – Закон № 324) является полномочием уполномоченного федерального органа исполнительной власти – Министерства юстиции России (далее – Минюст). Это полномочие Минюста нашло своё отражение и в Положении о Минюсте, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313. Современную ситуацию, иллюстрирующую качество и доступность предоставления квалифицированной юридической помощи, осложняет то обстоятельство, что в настоящее время Минюстом не разработаны и не установлены «единые требования к качеству оказываемой бесплатной юридической помощи». Данный принципиальный вопрос ещё предстоит решить, при этом, вероятно, он реализуется лишь в подзаконном акте, что нецелесообразно.

Многие авторы статей схожи в одном: они проводят «анализ критериев качества бесплатной юридической помощи в зависимости от субъекта, который её оказывает» [1]. Можно ли определить качество услуги, в нашем случае – бесплатной юридической помощи, по результатам или необходимо давать оценку всему процессу? Нужно ли оценивать субъектов, которые данную услугу оказывают, или это не нужно делать, поскольку они установлены законом? Какие критерии будут преимущественно оценивать качество оказываемой услуги? На заданные вопросы нет ответов в нормативных документах, а правовая доктрина не может быть объективной, не имея соответствующей законодательной базы.

Итак, проведем небольшой анализ основных требований к субъектам, которые оказывают услуги по оказанию БЮП. Согласно ст. 8 Закона № 324 общим требованием ко всем субъектам, оказывающим все виды БЮП, является высшее юридическое образование. Дополнительные квалификационные требования к лицам, оказывающим БЮП в виде представления интересов в судах, могут устанавливаться процессуальным законодательством.

Обратимся к субъектам, входящим в государственную систему БЮП.

Согласно Закону № 324 граждане имеют право выбирать субъекта, который им окажет БЮП. В число таких субъектов входят адвокаты. Правильно ли считать, что лица со статусом адвоката гарантируют качественные услуги, поскольку являются представителями профессионального корпоративного сообщества, допуск в которое ограничен сдачей квалификационного экзамена? И как тогда давать оценку качества безвозмездно предоставленной квалифицированной юридической помощи, которую оказывают данные субъекты права?

В соответствии с Законом № 324 к статусу адвоката предъявляются значительно большие требования, чем к другим участникам государственной системы, которые оказывают безвозмездное предоставление квалифицированной юридической помощи: наличие высшего юридического образования, стаж работы по юридической специальности, сдача квалификационного экзамена. Единственный вопрос, на который нет ответа в законодательстве России об адвокатуре: «что считать неисполнением или ненадлежащим исполнением адвокатом своих обязанностей» [1, с. 25]. Можно ли считать отказ адвоката от выполнения работы, ходатайство адвоката, которое не было удовлетворено судьей, а также схожие основания некачественной безвозмездно предоставленной юридической помощи? Где найти грань, которая давала бы понять, где есть качественно оказанная услуга, а где злоупотребление услугой или нежелание ее оказывать? Обеспечивают ли качество, и есть критерии в безвозмездном предоставлении юридической помощи, которую оказывают участники негосударственной системы?

Законодатель не дает ответа на эти вопросы.

Еще одним субъектом государственной системы являются государственные органы и подведомственные им учреждения. Очевидно, что к государственным служащим органов исполнительной власти предъявляются требования не исключительно о высшем юридическом образовании, но и о любом ином профильном образовании (экономика, государственное или муниципальное управление, земельный кадастр и проч.), которое предусматривается должностными регламентами. И в данном случае, учитывая, что органы власти оказывают БЮП не по всем вопросам, а профильно, по направлению деятельности органа, отсутствие именно юридического образования не говорит о некачественности БЮП.

Посмотрим, закреплены ли критерии качественности БЮП в деятельности субъектов негосударственной системы. К примеру, одним из субъектов оказания БЮП, согласно ст. 23 Закона № 324, являются студенческие юридические консультации (юридические клиники).

Прежде всего, необходимо согласиться с авторами, которые считают, что построение системы БЮП исключительно на государственной основе малоэффективно [2, с. 6]. Преимущества негосударственной системы БЮП – объективность, отделение от государства и финансовая независимость [3, с. 258]. Однако, и критерии качества оказания БЮП в негосударственной системе размыты.

Например, закон определяет состав лиц, которые могут привлекаться к деятельности юридических клиник, к ним относятся учащиеся высших учебных заведений по юридическому направлению и преподаватели юридических дисциплин.

Фактически, лицами, которые задействованы в оказании БЮП, в этом случае являются непрофессиональные субъекты, студенты, как правило, не имеющие диплома о высшем юридическом образовании.

Уже указывалось, что упущением законодательства о бесплатной юридической помощи следует признать отсутствие четких требований к студентам, допущенным к работе в студенческих консультациях. В пункте 10 «Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи» указано лишь, что к оказанию бесплатной юридической помощи допускаются на добровольных началах студенты (слушатели), проявившие личную заинтересованность в осуществлении указанной деятельности и обладающие необходимым уровнем общекультурных и профессиональных компетенций, сформированных в процессе освоения соответствующих образовательных программ. Уровень профессиональных компетенций студентов (слушателей), необходимых для оказания бесплатной юридической помощи, определяется образовательным учреждением самостоятельно [4, с. 207].

Проанализировав алгоритм деятельности юридических клиник ведущих вузов страны, можно утверждать, что контроль за качеством безвозмездной юридической помощи, предоставляемой юридическими клиниками, осуществляется по-разному, как правило, бессистемно. В некоторых локальных актах вузов и внутренних положениях о деятельности юридических клиник есть пункт, предусматривающий ответственность лиц, которые ее оказывают, в большинстве случае под контроль подпадают руководители студенческой консультации.

Возникает вопрос, можно ли считать предоставленную бесплатную юридическую помощь клиникой качественной, если не у всех ее участников есть профильное образование? Безусловно, в соответствии с законодательством о высшем образовании педагоги обладают необходимыми знаниями и умениями в юридической сфере, однако, учащиеся такие навыки только приобретают.

Такие же вопросы возникают и в случае оказания БЮП некоммерческими организациями, к участникам которых вообще не предъявляются требования о профильном образовании и соответствующей квалификации.

Таким образом, к участникам государственной системы оказания БЮП предъявляется более определенное требование о наличии профессионального образования. Однако, как отмечалось выше, не всегда наличие образования и даже стажа работы даёт качественный результат оказываемой услуги.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что проблемы определения качества безвозмездно предоставленной

квалифицированной юридической помощи не будут решены до тех пор, пока стандарты качества юридических услуг в Российской Федерации не будут сформированы. И первое требование, которое должно быть унифицировано и в государственной и в негосударственной системе БЮП – это требование о наличии профильного образования, квалификации, соответствие профессиональному стандарту или наличие практических умений и навыков.

---

1. Малютин, О. А. К вопросу о качестве оказания бесплатной юридической помощи // Адвокатская практика. 2018. № 5. С. 24–28.
2. Кирилловых, А. А. Бесплатная юридическая помощь: правовые основы ее оказания // Адвокат. 2012. № 8. С.5–20.
3. Верещак, С. Б. Негосударственная система бесплатной юридической помощи: проблемы функционирования и основные направления развития // Вестник Чувашского государственного университета. 2015. № 3. С. 257–261.
4. Трофимова, М. С. Стандарты деятельности юридической клиники в негосударственной системе бесплатной юридической помощи в России // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2017. Т. 6, № 1–1 (7). С. 207–213.

УДК 343.7
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.47

СПЕЦИФИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

Родионова Д. В., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: y8585858@yandex.ru
Научный руководитель: **Ильин И. М.**

SPECIFICS OF INVESTIGATION OF CRIMES IN THE TAX SPHERE

Dasha V. Rodionova, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: y8585858@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается криминалистическая характеристика экономических, финансовых и налоговых преступлений, типовые ситуации первоначального этапа расследования. Подробно характеризуются механизмы налоговых преступлений. Проведен анализ статистики налоговых преступлений, выявлены причины их появления, предложены соответствующие пути устранения выявленных проблем.
Ключевые слова: время, место, субъекты совершения преступления, личность преступника, механизм следообразования.

Abstract. Forensic characterization of economic, financial and tax crimes, typical situations of the initial stage of the investigation are considered in the article. The mechanisms of tax crimes are considered in detail. The analysis of statistics of tax crimes is carried out, the reasons for their occurrence are revealed, appropriate ways to eliminate the identified problems are proposed.
Keywords: time, place, subjects of the crime, the identity of the offender, the mechanism of traceability.

Развитие экономических отношений и реформирование политической структуры власти подразумевают под собой обширные перемены в сфере экономической деятельности Российского государства.

Конституция Российской Федерации, опираясь на приоритеты прав и свобод личности, обязывает каждого гражданина, проживающего в России, платить налоги. Вместе с тем, анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что в нынешних условиях жизни важной и актуальной проблемой остаются скрытые налоговые и иные экономические преступления, рост которых отмечается с геометрической прогрессией.

На сегодняшний день можно отметить следующие виды экономических и налоговых преступлений: незаконное предпринимательство; незаконная банковская деятельность; лжепредпринимательство; фальшивомонетничество; фиктивное банкротство; злоупотребления при выпуске ценных бумаг (эмиссии); коммерческий шпионаж; криминальная приватизация; легализация («отмывание») денежных средств; рэкет; сокрытие средств в иностранной валюте; хищение; таможенные нарушения и таможенные преступления; мошенничество; обман; недобросовестная конкуренция; монополистическая деятельность и ограничение конкуренции; налоговые правонарушения; взяточничество; коррупция [1–3].

У каждого преступника свой уникальный почерк, мотив и метод, который они используют в момент совершения тех или иных противозаконных действий, способных причинить различного рода последствия, такие как: моральный, физический и материальный ущерб, нарушение нормального функционирования экономических институтов, вред окружающей среде и др.

В данной статье акцентировано внимание на преступлениях, связанных тем или иным образом с финансовыми, экономическими и налоговыми мероприятиями.

Понятие «момент совершения налоговых преступлений» непосредственно соотносится с понятием «налоговый период». В ст. 55 Налогового кодекса РФ [1] под налоговым периодом понимается календарный год или иной период времени, применяемый к отдельным налогам, по окончанию которого определяется налогооблагаемая база и исчисляется сумма налога, подлежащего уплате.

С точки зрения криминалистической характеристики, место совершения налогового преступления означает территорию, в зоне которой находится субъект, совершивший уклонение от уплаты налогов (сборов). Субъекты преступления выбирают время, место и способ преступной деятельности, но одновременно с этим они ущемлены окружающей обстановкой, которая создает возможности для беспрепятственного совершения преступлений, либо затрудняет и делает криминальную деятельность невозможной.

Одним из важных элементов криминалистической характеристики субъекта, совершающего уклонения от уплаты налогов, является личность преступника. Следует обратить внимание на то, что личность возможного преступника, совершившего налоговое преступление, кардинально отличается от лиц, совершающих, так называемые, общеуголовные преступления. К ответу на государственном уровне за неуплату налогов в организациях может быть привлечен только персонал, в обязанности которого входит оформление соответствующих документов об уплате налогов и их сборов, а также представление данных документов в налоговые органы. Как правило, целью данных нарушений является

снижение размеров налоговых и страховых взносов, подлежащих уплате в общественную казну, либо полный отказ от выполнения обязательств по уплате налогов и страховых взносов, которые обычно сопровождаются присвоением сокрытых средств в личную или иную собственность. В большинстве случаев мотивы данных преступников несут корыстный характер [4]. Высокая степень латентности в данной сфере преступной деятельности во многом связана с достаточным теоретическим уровнем эрудиции преступников, обладающих в том числе обширными знаниями в таких областях, как право и экономика, что позволяет мошенникам искусно совершать преступления, используя различные приемы и ухищрения.

Метод совершения преступлений является ключевым элементом криминалистической характеристики. Именно «метод преступления» объединяет наибольшее количество отношений и связей с другими элементами преступного факта. Способ совершения налоговых преступлений – это чрезвычайно сложная процедура, состоящая из различного рода обстоятельств, которые впоследствии должны будут послужить элементами, доказывающими факт совершения преступления. На сегодняшний день выработана целая классификация способов, ориентированных на помощь в раскрытии характера данных преступлений.

Важное теоретико-прикладное значение в вопросах выявления, расследования и раскрытия налоговых преступлений имеет вопрос овладения механизмами следообразования.

В механизме следообразования по уголовным делам, касающимся налоговых преступлений, центральное место занимают доказательства и документы. Поиск доказательной информации в тех или иных документах по делам данной категории преступлений характеризуется тем, что любое финансово-хозяйственное мероприятие, совершаемое субъектом, должно быть оформлено и зафиксировано в соответствующих документах.

В механизме следообразования в первую очередь рассматриваются документы, свидетельствующие и повествующие о способах и схемах совершения финансово-хозяйственной операции. Механизм следообразования, в зависимости от типа совершения налогового правонарушения (так называемые «бухгалтерские» и «небухгалтерские»), имеет прямую зависимость определения особенностей доказательной базы при расследовании данных преступлений [4; 5].

В числе главных улик наиболее сильно выделяются следующие:

– полное несоответствие документальных отражений с реальной операцией;

– несоответствие или расхождение записей в учетных и отчетных документах;

– наличие материальных подлогов в документах, которые имеют отношение к расчету величины дохода (прибыли) и суммы налога.

К сомнительным признакам следует отнести:

– нарушение и/или несоблюдение правил ведения учета и отчетности;

– нарушение правил ведения кассовых операций;

– нарушение правил списания товарно-материальных ценностей;

– нарушение правил документооборота;

– нарушение технологической дисциплины.

Данная классификация и совокупность признаков налогового преступления указывают на особенности выявления механизма следообразования по уклонению от уплаты налогов или сборов, а также проведений манипуляций по сокрытию объектов налогообложения. Налоговые преступления характеризуются особой сложностью проведения расследований, а также целым рядом особенностей. Наиболее распространенным первоначальным шагом в области следственных мероприятий по подобным делам является так называемая выемка. В процессе выемки, как правило, изымаются:

– регистрационные документы (учредительный договор, протокол общего собрания, свидетельство о регистрации, устав);

– документы бухгалтерского учета и отчетности (бухгалтерские книги, регистры, отчеты и балансы);

– приказы, распоряжения, служебная переписка, договоры, записи разговоров, книга учета выданных доверенностей;

– документы учета операций по расчетным счетам (платежные требования и поручения, карточки с образцами подписей лиц, наделенных правом подписи денежных документов, и оттиска печати, банковские выписки);

– первичные кассовые документы (кассовые ордера, кассовые книги);

– транспортные и приемо-сдаточные документы (товарно-транспортные накладные, счета и счета-фактуры);

– документы складского учета.

По возможности, должны изыматься подлинные документы, так как копии данных бумаг впоследствии могут быть не признаны судом в качестве доказательств. В исключительных случаях замена подлинников документов копиями допускается, если последние заверены должным образом.

Практика расследований налоговых преступлений показывает, что прибегнув к следственным мероприятиям в виде выемки, не всегда удается собрать все необходимые документы для проведения расследования.

Прежде всего это объясняется тем, что подозреваемые субъекты, зная о возможных проверках, а также, владея информацией, содержащейся в актах налоговой проверки, принимают все возможные и необходимые меры к сокрытию информации в документах, которые могут быть использованы как факты, свидетельствующие о совершении

финансовых преступлений. В данной ситуации, чтобы найти и изъять важные доказательства, необходимо прибегнуть к таким следственным мероприятиям, как проведение обысков.

При расследовании налоговых преступлений обыски производятся, как правило, с целью обнаружения и изъятия следующих предметов и документов:

– черновики расчетов налогов;

– первые варианты бухгалтерской отчетности;

– подлинные или якобы утерянные платежные и банковские выписки;

– гарантийные письма об оплате товаров, работ, услуг;

– расписки о получении финансирования, товаров, продукции;

– записки и письма, в которых упоминаются вопросы коммерческой деятельности;

– листы, вырванные из документов аналитического учета;

– договоры с контрагентами;

– черновые записи о количестве изготовленной, отгруженной продукции, о суммах выручки, о взаимных расчетах, не отраженных в документах;

– оборудование, используемое для изготовления неучтенной продукции, сама неучтенная продукция, выручка от ее реализации, не отраженная в документах;

– тара от продукции, которая не была оприходована; книга продаж, книга покупок, контрольные кассовые ленты, запасные кассовые аппараты, не числящиеся на балансе организации; записные книжки, в том числе электронные;

– компьютеры и другие носители компьютерной информации, оргтехника; нормативные документы с пометками в тексте и на полях, которые могут свидетельствовать об осведомленности определенных лиц о нормативном порядке учета объектов налогообложения и порядке расчета и уплаты налогов и страховых взносов.

Разумеется, при обыске могут быть обнаружены другие предметы и документы, значимые не только для дела, но и свидетельствующие о совершении иных преступлений. Местами проведения обысков могут быть те же помещения, что и при производстве выемок. Однако, стоит отметить, что наиболее эффективными являются обыски по месту жительства руководителей предприятия, бухгалтерских работников, а также обыски принадлежащих им дач, гаражей, автомобилей, подсобных помещений и иного имущества недвижимости [6].

Опираясь на статистические данные, опубликованные на официальном сайте МВД России за периоды январь-февраль 2020 г., отмечаем следующее:

– в 27 субъектах Российской Федерации отмечено снижение регистрируемых преступлений по сравнению с прошлыми данными, регистрируемыми в аналогичные периоды времени;

– зарегистрировано 93,3% случаев преступления, выявленных государственными органами внутренних дел, из них 5,1% преступлений были раскрыты и ликвидированы на начальных стадиях или стадии покушения.

Немаловажным моментом является тот факт, что половина всех совершённых преступлений составляют: хищения чужого имущества; совершённое тем или иным способом незаконной деятельности: разбой, грабеж, мошенничество, кража, что является важной и актуальной информацией в пользу данной статьи. Именно за счет налоговых поступлений в казну государства формируется важная часть бюджета Правительства РФ, которая в дальнейшем может послужить одним из рычагов давления в вопросах рыночной экономики. Уклонение от уплаты налогов, в каком-то смысле, является именно хищением государственного имущества.

Если сравнивать периоды январь и февраль 2019 года, важно отметить, что, несмотря на процентное снижение уровня противозаконных действий, связанных с теми или иными нарушениями, преступления в области экономической направленности увеличились на 0,4%. И это только те преступления, которые удалось зарегистрировать правоохранительным органам. Всего выявлено свыше 25 тысяч случаев преступлений данной категории.

Визуальная статистика преступлений экономической направленности представлена на диаграммах (рисунок 1 и рисунок 2).

Рисунок 1. Статистика выявленных преступлений в экономической сфере

Рисунок 2. Структура преступлений в процентном соотношении, в которых без следственных мероприятий не обойтись

Увеличение процентного роста совершённых преступлений в налоговой сфере не является столь удивительным и неожиданным фактом. Как упоминалось выше, экономические преступления отличаются от других преступлений многочисленностью и разнообразием способов совершения. Если рассматривать преступные схемы более основательно, то можно заметить, что большинство случаев неуплаты и уклонения от налогов идет с предприятий, что является нарушением статьи 199 УК РФ. На втором месте идет уклонение от уплаты налогов с физических лиц, что является нарушением статей 198 и 199.1 УК РФ.

Основную информацию о неуплате и уклонении от обязательств налогоплательщика можно получить из различных документов, бухгалтерских учетов, документов с зарегистрированной недвижимостью и иных субъектов, подлежащих налогообложению.

На территории Российской Федерации практикуется трехуровневая система налогообложения: федеральный, региональный и местный уровни. С учетом этого специфика расследований налоговых преступлений определяется видами налогов, которые должен оплачивать тот или иной субъект. Так, в зависимости от вида имущества, которым владеет налогоплательщик, его профессионального ремесла и тому подобной информации, формируется налогооблагаемая база, целью которой является фиксация порядка формирования, а также способов зачисления платежей. На основе этой информации формируется общее представление о налогоплательщике и о возможных способах нарушения им уголовного

кодекса, путем уклонения от платежей. Разумеется, на ход расследования также влияет большинство иных фактов, например криминальная иерархия, эти факты обнаруживаются зачастую во время расследования.

Нарушать закон можно как действием, так и бездействием. Действия в свою очередь тоже делятся на простые и сложные. К простым можно отнести, например незарегистрированное и не поставленное на налоговый учет имущество или ведение бизнеса, без получения необходимых на то документов, таких как: документы, подтверждающие действия индивидуального предпринимательства. К сложным можно отнести предоставление в налоговые органы документов с искаженными данными о работе и доходах предприятия.

Наиболее классическими вариантами налоговых преступлений можно указать следующие:

– игнорирование обязательной регистрации и постановки лиц в налоговых органах на учет, а также ведение бизнеса без получения необходимых на то документов, таких как документы, подтверждающие действия индивидуального предпринимательства, в том числе, осуществление подобной деятельности группой лиц по одному свидетельству;

– намеренное сокрытие различных объектов, подлежащих обязательному налогообложению, а также предоставление документов и сведений о доходах по договорам;

– намеренное занижение реальной стоимости имущества от реально существующей ценовой политики.

Наиболее часты случаи нарушений законодательства в сфере торгово-рыночных отношений в предприятиях, где в качестве экономической валюты выступают наличные деньги и/или присутствует рабочая сила, работающая без трудовых договоров. Зачастую доходы таких предприятий намного различаются с информацией, предоставленной в налоговые органы.

Возможность совершать подобные преступления именно в этой сфере тесно связана с допустимыми на государственном уровне противоречиями в нормативных документах и законах. Преступники часто ищут минимально защищенный способ совершения преступления, либо же наиболее спорный и противоречивый. Так как наиболее явными следами совершённых преступлений является именно документооборот, преступники используют различного рода носители информации, куда фиксируют те или иные проведённые экономические операции. Могут использоваться документы других организаций, ведение бизнеса по поддельным документам, удостоверяющим личность, наличие различных черновых записей проведённых операций, компьютеры и т. д. Ввиду всего вышеперечисленного стоит догадаться, что вторым важным фактором в раскрытии подобных преступлений является время. Об этом упоминалось

в ходе анализа понятия «налоговый период». Момент и время совершения данных преступлений предугадать довольно проблематично, чем и пользуются финансовые преступники. С момента преступления до начала расследования может пройти довольно обширный период времени, за который могут быть уничтожены документы, подтверждающие факты преступной деятельности, закрыться, обанкротиться или переименоваться название предприятия (так называемые фирмы-однодневки), усложниться поиск важных свидетелей ввиду упущения ценного времени.

Подводя итог проведённому исследованию, необходимо отметить следующее: статистика экономических преступлений, несмотря на работу правоохранительных органов, продолжает расти. Преступники находят новые способы совершения преступных мероприятий и сокрытия от органов государственной власти своих действий. В большинстве случаев виновниками выступают неполноценно проработанные, а иногда и противоречивые друг другу законодательные нормы. Одним из способов в решении данной проблемы является разумная и адекватная проработка имеющихся в законодательных нормах пробелов. Устранив большинство подобных пробелов в нормативной базе, можно закрыть основные пути уклонения от оплаты налогов.

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп. от 30 марта, 9 июля 1999 г., 2 января 2000 г.) и часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/10900200/ (дата обращения: 10.04.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons _doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.04.2020).
3. Павлов, И. Арест имущества по делам об уклонении от уплаты налогов с организаций // Законность. 2014. № 6. С. 41–43.
4. Налоговые и иные экономические преступления: сборник научных статей. Вып. 4 / Л. Л. Кругликов, Э. С. Тенчов, А. П. Кузнецов и др. Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 2016.
5. Ипатов, А. Возмещение ущерба, причиненного налоговыми преступлениями // Законность. М., 2015. № 6 [Электронный ресурс]. URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-uklonenie-ot-uplaty-nalogov-s-organizatsii-0,- (дата обращения: 10.04.2020).
6. Пирцхалава, К. А. Криминалистический анализ документов по налоговым преступлениям // Прокурорская и следственная практика. 2016. № 3–4 [Электронный ресурс]. URL: https://www.dissercat.com/content/vyyavlenie-i-pervonachalnyi-etap-rassledovaniya-uklonenii-ot-uplaty-nalogov-ili-strakhovykh-,- (дата обращения: 14.03.2020).

УДК 343.9
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.48

ДОПРОС КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рязанова Н. В., кандидат юридических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Natalya.Ryazanova@novsu.ru

INTERROGATION AS A SOURCE OF EVIDENCE IN MODERN COURT PROCEEDINGS

Natalya V. Ryazanova, candidate of juridical sciences, associate professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Natalya.Ryazanova@novsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается допрос как один из источников получения доказательств в ходе предварительного следствия. Отмечается тот факт, что в соответствии с законодательством к доказательствам относятся как показания обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, так и сам протокол данного следственного действия. Обращено внимание на сложность допроса при кажущейся простоте его подготовки и проведения. Основной акцент сделан на свойствах памяти человека забывать, подвергаться изменениям, искажать информацию.
Ключевые слова: допрос, доказательства, источник доказательств, УПК РФ, тактические приемы допроса, тактические условия допроса, наводящие вопросы, протокол следственного действия, следователь, предварительное следствие.

Abstract. The article examines interrogation as one of the sources of evidence during the preliminary investigation. It is noted that, in accordance with the law, evidence includes both the testimony of the accused, suspect, victim, witness, and the very protocol of this investigative action. Attention is drawn to the complexity of the interrogation, despite the apparent simplicity of its preparation and conduct. The main emphasis is placed on the properties of a person's memory to forget, undergo changes, and distort information.
Keywords: interrogation, evidence, source of evidence, the RF Criminal Procedure Code, tactical methods of interrogation, tactical conditions of interrogation, leading questions, protocol of investigative action, investigator, preliminary investigation.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации доказательствами при расследовании преступлений являются любые сведения, на основе которых компетентным лицом устанавливаются обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. К числу таких доказательств, наряду с вещественными, относятся и показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, полученные в процессе допросов этих лиц в ходе предварительного расследования. Ни одно из доказательств не может

иметь перед другим превалирующего значения, все они оцениваются в совокупности по уголовному делу и имеют одинаковую значимость [1; 2].

Вместе с тем, следует признать, что влияние различных факторов на формирование одних доказательств больше, чем на формирование других. Значит, для того, чтобы уровнять их доказательственную значимость, необходимо следователю или иному субъекту расследования приложить больше сил, умения, таланта, знаний и интеллектуальной сноровки.

Н. И. Порубов называл допрос искусством, его крылатое выражение: «Допрос – это искусство, требующее высокого мастерства» [3], настолько точно отражает отношение специалистов в вопросах тактики проведения отдельных следственных действий, к допросу, что встретить её можно довольно-таки часто в работах разных авторов [4–6]. С. К. Питерцев и А. А. Степанов в развитие данного постулата добавляют, что искусству этому повседневно должен учиться каждый следователь [4]. И это то, что лежит на поверхности, то, что не требует доказательства.

Допрос относится к категории самых часто проводимых следственных действий и, по мнению многих практиков, не требующих больших затрат сил, времени при подготовке и его проведении. Вместе с тем, парадокс заключается в том, что при внешней простоте этого следственного действия, допрос является достаточно сложным и многоплановым в процессе его подготовки, проведения и оценки результата. Подчас для того, чтобы провести квалифицированный допрос, необходимо затратить огромный потенциал на его подготовительной стадии: провести ряд дополнительных следственных действий, собрать характеризующие сведения о допрашиваемом лице, проанализировать имеющуюся по делу информацию и т. д. Успех допроса зависит от того, насколько полно будут учтены и использованы особенности личности допрашиваемого: его психика, культурный и общеобразовательный уровень, профессия, взгляды, общественная активность и т. п. Без такого учета невозможно установить психологический контакт с допрашиваемым, что является необходимым условием достижения цели допроса.

Допрос – это самое психологизированное следственное действие, именно здесь следователь должен учитывать психологические, личностные, возрастные особенности лица. Должен уметь улавливать не только настроение, но и признаки, указывающие на изменение настроения допрашиваемого. Помимо этого, квалифицированный допрос предполагает знание следователем норм уголовно-процессуального законодательства, умение его правильно толковать и творчески подходить к реализации его требований. Но одно лишь знание закона и умение его применять не может являться гарантией получения полных и достоверных сведений от допрашиваемого лица. Именно при проведении данного следственного действия следователь должен прислушиваться к своей интуиции, используя не только профессиональный, но и житейский опыт.

Следователь должен чувствовать, какие тактические приемы и в какой последовательности целесообразно применять, чтобы показания допрашиваемого лица были объективными и соответствовали требованиям закона. Какие меры воздействия на допрашиваемое лицо дадут результат, который при соответствующей оценке приобретет статус доказательства. Ведь именно это имеет значение, поскольку в соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами признаются как показания лиц с определенным процессуальным статусом, так и протоколы следственных действий [2, с. 130].

Но если составление грамотно в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства протокола допроса связано с технической стороной вопроса и научить этому можно практически любого, то сам допрос как процедура получения показаний, имеющих доказательственное значение, требует больших усилий. И здесь важно отметить, что речь идет не о формальном, а о содержательном аспекте данного следственного действия. Если следователь, как статист, будет заносить в протокол только то, что допрашиваемое лицо посчитает нужным сообщить, то есть большая вероятность того, что большой пласт важной и необходимой для объективного расследования информации будет утрачен, что может привести к ошибкам следствия. Именно с целью избегания этого, криминалистическая тактика предписывает проведение этого следственного действия с соблюдением определенных тактических условий, к которым относятся: активность, целеустремленность, полнота и объективность. Так, активность предполагает твердое удерживание инициативы следователем при допросе, использование полного арсенала тактических приемов. Целеустремленность включает в себя заранее обдуманную цель для получения правдивой информации. Объективность и полнота рассматриваемого следственного действия проявляются в том, что следователь не вправе по собственному усмотрению сокращать полученные показания, изменять их в соответствии со своими представлениями о ходе вещей, навязывать допрашиваемому эти представления.

Одной из гарантий объективности допроса является запрещение законом задавать допрашиваемому лицу наводящие вопросы, а его полноты – требование по возможности дословного изложения показаний [2, с. 312–313]. В ч. 2 ст. 189 УПК РФ содержится прямой запрет на использование наводящих вопросов, в остальном следователь вправе самостоятельно определять тактику допроса [1].

Казалось бы, чего проще! Законодатель все продумал и закрепил в соответствующих нормах, задача следователя лишь беспрекословно выполнять требования – задавать наводящие вопросы запрещается (!). Однако именно здесь, где все ясно и предельно точно, и, казалось бы, нельзя дать какую-то иную трактовку, возникает загвоздка.

По общепринятому правилу, наводящий вопрос – это такой, который уже содержит ответ, суть такого вопроса содержится в самом его названии – это вопрос, который наводит на какую-то мысль. Закон запрещает использовать такие вопросы, но как на практике этого избежать? Тут может быть две ситуации их применения. Первая, когда следователь по незнанию или вследствие плохой подготовки к допросу задал вопрос, в котором есть намек на ответ. Это можно исправить. Сложнее, когда следователь преднамеренно задает такой вопрос с целью навести на ответ, укладывающийся в его версию, либо чтобы заменить объективную информацию у допрашиваемого лица на ту, которая была бы удобна следователю. Наводящие вопросы опасны тем, что они способны подвергнуть сомнению свою позицию допрашиваемым лицом.

Наводящими вопросами можно не только разрушать позицию, сложившиеся представления, но и извлекать, складывать новые, гибко подводя к нужному решению, выводу, убеждению. То есть, опять же, мы не констатируем и не утверждаем, мы задаем вопросы, которые подводят к этому утверждению – убеждению [7].

Любой следователь на вопрос: «Какие вопросы нельзя задавать допрашиваемому лицу при допросе?» – однозначно, не задумываясь, ответит: «Наводящие». И будет очень доволен собой, что четко знает ответ на этот вопрос. Но далеко не все они задумываются о негативных последствиях использования в своей деятельности наводящих вопросов, и не только для расследования по делу в целом, но и для человека, ответ на наводящий вопрос, в отношении которого, может искалечить его судьбу. В практике нередки случаи, когда невиновные, вследствие замещения объективной информации при помощи наводящих вопросов информацией ложной, отправлялись в тюрьму, потому что «профессионально нечистоплотный» следователь не посчитал нужным корректно провести расследование в целом и допросы, в частности. Данная проблема включает несколько аспектов. Опасные последствия имеют место быть, когда следователь убежден, что лицо, в отношении которого вынесено обвинительное заключение, виновно на основании его убеждения (объективно ничем не подтвержденного), т. е. руководствуется принципом: «вор должен сидеть в тюрьме!», не озадачиваясь особенно выяснением всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. То есть, сам следователь, убежденный в виновности лица, делает все, чтобы убедить в этом всех участников расследования.

Другой аспект, когда следователь выстраивает процедуру допроса таким образом, чтобы в результате изменилось содержание памяти допрашиваемого лица. И в этом случае, уже допрашиваемый (точнее допрошенный) убежден, что сведения, данные им в ходе допроса под влиянием следователя и зафиксированные в протоколе, являются

истинными и соответствуют фактическим событиям. Психологии известны приемы, позволяющие исказить воспоминания, добавив к ним дополнительную, ложную информацию [8, с. 16].

Безусловно, это крайние ситуации, но о них нужно все время помнить, используя допрос как источник доказательств. Сведения, полученные в ходе допроса, имеют доказательственное значение не только, когда соблюдена процедура данного следственного действия, соответствующая в полном объеме требованиям закона, но и когда эти сведения объективные, полные, соответствующие фактическим обстоятельствам.

Допрос – это сложное следственное действие, требующее тщательной подготовки, знаний тактических приемов его проведения, основных положений психологии, логики, криминологии и др.

При подготовке будущих следователей необходимо вводить спецкурсы по допросу лиц различного процессуального статуса, по разным категориям преступлений, необходимо объяснять молодым специалистам, насколько сложное данное следственное действие, сколько сил, времени и средств требует подготовка и сам процесс допроса.

Существует мнение среди ряда практических работников и ученых, как правило, с большим профессиональным стажем, что допрос как источник доказательств в настоящее время необходимо упразднить, объясняя это тем, что большинство молодых следователей не владеют этим искусством, а институт наставничества изжил себя и научить их некому. Безусловно, такое мнение ошибочно, молодых следователей нужно учить, объяснять им тактику допроса. А допрос, являясь уникальным источником доказательств, должен занимать достойное место в цепочке доказательств по уголовному делу и оцениваться, как предписано современным уголовно-процессуальным законодательством, в совокупности с другими доказательствами.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/5829dcd38f76b9c1ca281f6abc0a6ebb1f86fb65/ (дата обращения: 12.09.2020).
2. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. 704 с.
3. Порубов, Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие. М.: Изд-во БЕК, 1998. 208 с.
4. Питерцев, С. К., Степанов, А. А. Тактические приемы допроса: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. СПб., 2006. 56 с.
5. Соловьева, Н. А.. Методика расследования детоубийств: учеб. пособие / под общ. ред. А. А. Закатова. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2004. 142 с.

6. Удовиченко, В. С. Следственные ситуации допроса подозреваемого и обвиняемого по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств // Известия АлтГУ. 2012. № 2–1. С. 118–121.
7. Герасимов Игорь. Наводящие вопросы. Эффективное убеждение и переубеждение // Психология XXI века: современные тенденции. 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://nrpsy.ru/vliyanie_intensiv_navodiashie.html (дата обращения: 13.11.2020).
8. Лофтус, Э., Кетчем, К. Свидетель защиты: Шокирующие доказательства уязвимости наших воспоминаний / пер. с англ. А. С. Сатунина. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 416 с.

УДК 343.8
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.49

ПРОБАЦИЯ КАК СИСТЕМА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕР, СМЯГЧАЮЩИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ЯПОНИИ

Синькевич Н. А., заведующий кафедрой, доктор юридических наук, профессор,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: colonel5353@yandex.ru

PROBATION AS A SYSTEM OF ALTERNATIVE MEASURES TO MITIGATE CRIMINAL PENALTIES IN JAPAN

Nikolai A. Sinkevich, head of department, doctor of law, professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: colonel5353@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются историко-правовые аспекты института пробации как системы альтернативных мер, смягчающих уголовное наказание в Японии. Анализируется развитие нормативно-правового регулирования применения мер уголовного наказания, не связанных с лишением свободы. Обращается внимание на использование в законодательстве обобщающего термина «реабилитация», а институты пробации и пароля рассматриваются в качестве самостоятельных мер внеинституционного воздействия на лиц, совершивших преступления.
Ключевые слова: пенитенциарные службы, реабилитация, пробация, пароль.

Abstract. The article examines the historical and legal aspects of the probation Institute as a system of alternative measures to mitigate criminal punishment in Japan. The article analyzes the development of legal regulation of the application of criminal penalties not related to deprivation of liberty. Attention is drawn to the use of the generalizing term "rehabilitation" in legislation, and probation and rehabilitation institutions are considered as independent measures of extra-institutional influence on persons who have committed crimes.
Keywords: penitentiary services, rehabilitation, probation, password.

В современном мире, несмотря на применяемые наказания, неудержимо растет преступность. Это заставляет задуматься над эффективностью системы мер наказаний вообще и самого наказания как основной меры борьбы с преступностью, в частности. Одной из наиболее распространенных мер наказания остается лишение свободы, исполняемое пенитенциарными учреждениями. Поэтому в последние десятилетия остро ставится вопрос о перестройке системы мер борьбы с преступностью в направлении либерализации наказания, о необходимости применения средств, которые не являются наказанием в прежнем понимании и выступают в качестве мер воздействия иного характера.

Развитие уголовно-исправительного права в двадцатом столетии в развитых странах, и в том числе Японии, отмечается широким применением внеинституционных мер воздействия, т. е. мер, осуществление которых происходит вне стен исправительных учреждений.

Со времени первых попыток применения внеинституционных мер воздействия прошло немало десятилетий, пока такие его формы, как пробация (форма условного осуждения с установленным для осужденного определенным режимом. Первый закон о пробации был принят в штате Массачусетс (США) 26 апреля 1878 г.), пароль (форма досрочного освобождения из тюрьмы или исправительной школы с последующей передачей освобожденного под наблюдение, которое осуществляется по системе пробации) и постпенитенциарная опека (система мер помощи освобожденному от наказания) стали широко применяться в Японии.

Современная система контроля за освобожденными в Японии первоначально сложилась как система постпенитенциарной опеки, т. е. не только возвращения преступника в общество и восстановление его в правах, но и исправительное воздействие, осуществляемое вне исправительных учреждений через систему пробации, пароля и постпенитенциарной опеки.

Постпенитенциарная опека развивалась на основе добровольных организаций, стремившихся оказать материальную и моральную помощь освобожденным, в том числе и досрочно освобожденным. Постепенно стали появляться новые формы воздействия на осужденных и контроля за ними. Уголовный кодекс 1880 года ввел условное освобождение до истечения срока наказания, которое на практике применялось довольно редко.

В 1905 году появился институт приостановления исполнения наказания. По мере появления форм досрочного освобождения внеинституционного воздействия расширялась и распространялась база на приостановление исполнения приговора.

В 1939 году принят Закон о службах реабилитации, где предусматривалось два вида добровольных организаций: служба реабилитации (прототип ныне существующей добровольной организации сотрудников службы реабилитации) и ассоциация службы реабилитации (прототип современных домов для оказания помощи при реабилитации). Этот закон как бы подвел итог многолетнему развитию системы реабилитации в Японии. По мнению Н. А. Морозова, эта «система открытых воспитательных учреждений делится по указанным критериям на восемь типов и представляет собой так называемые training school, где подростки содержатся без охраны, без строгих режимных ограничений и других атрибутов учреждений закрытого типа. Там действуют краткосрочные и долгосрочные “программы обращения”, учитывающие указанные критерии дифференциации правонарушителей и прогнозные

оценки исправления поведения подростков, основанные на тестировании» [1, с. 103].

После войны, в период государственно-правовых реформ, приняты новые законы, развивающие систему реабилитации. Многие из них действуют и сейчас. Например, закон об амнистии 1947 года носит не разовый, а общий характер. Он состоит из 15 статей, которые характеризуют различные виды амнистий (общую, специальную), приостановление исполнения приговора, отмену исполнения наказания и восстановление в правах.

Закон 1949 года о реабилитации преступников предусматривает организационные принципы и процедуру пробации и пароля в отношении несовершеннолетних и взрослых. Несмотря на то обстоятельство, что в законе использован обобщающий термин «реабилитация», институты пробации и пароля рассматриваются в качестве самостоятельных мер внеинституционного воздействия на лиц, совершивших преступления.

Закон 1954 года о наблюдении по системе пробации за лицами, в отношении которых исполнение наказания прекращено, предусматривает принципы и процедуру наблюдения за лицами (в основном за взрослыми), которым уголовным судом был установлен режим пробации. Кроме того, этим законом в префектурах вводятся отделы пробации, укомплектованные штатными сотрудниками.

Закон 1950 года о постпенитенциарной опеке над освобожденными заключенными, состоящий из 13 статей, устанавливает категории заключенных, нуждающихся в помощи при реабилитации, принципы и процедуру управления домами полуоткрытого типа.

Закон о добровольном сотруднике службы пробации 1950 года, состоящий из 14 статей, регламентирует вопросы, связанные с деятельностью добровольного сотрудника службы пробации.

Указанные, а также ряд других законов предусматривают органы, применяющие институты пробации и пароля: Семейный суд, управление службы пароля, отделы службы пробации (по префектурам).

Пробация и пароль играют немаловажную роль в отправлении правосудия в Японии. В последние годы почти 2/3 преступников, приговоренных к исправительному воздействию, оставались на свободе под наблюдением сотрудника службы пробации.

Венцом юридической мысли и правоприменительной практики стали международные стандарты, направленные на либерализацию уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы. Принятые «Стандартные минимальные правила ГА ООН» (Токийские правила) 14 декабря 1990 г., устанавливают «…альтернативы тюремному заключению и могут быть эффективными средствами обращения с правонарушителями в обществе как в интересах правонарушителей, так и общества» [2]. В развитие этого акта приняты Рекомендации (92) 16 «О европейских правилах по

применению общественных санкций и мер взыскания», принятой в 1992 г. Советом Европы. Рекомендации Комитета Министров Совета Европы, таких как: Рекомендация № К22(99), от 30.09.1999 г; Рекомендация К (97) 12 от 10.09.1997 г. и Рекомендация К (2003) 22 от 24.09.2003 г.

Назначение режима пробации судом (в том числе Семейным судом) означает, что осужденному предписывается определенное поведение, которое иногда дополняется специальными условиями, если они необходимы для конкретного преступника. Назначение соответствующих специальных условий непосредственно зависит от того, как суд понимает процесс исправления преступника, и тех обстоятельств, которые способствуют этому исправлению. Но какими бы критериями суд ни пользовался при определении условий пробации, закон оставляет за судом право следить за исправлением лица и, если осужденный нарушает эти условия, применять в отношении его более строгие меры, не дожидаясь совершения им нового преступления.

Субъектами пробации в соответствии с законом могут быть следующие пять категорий правонарушителей:

1) несовершеннолетний, осужденный к пробации Семейным судом;

2) осужденный Уголовным судом к пробации по приговору, которым приостановлено исполнение наказания в виде тюремного заключения или штрафа. Обычно такой осужденный является взрослым преступником. Срок пробации соответствует сроку, на который приостановлено исполнение определенного судом наказания (в пределах от одного года до пяти лет);

3) освобожденный из исправительной школы несовершеннолетний, который решением регионального совета службы пароля досрочно освобожден по системе пароля. Наблюдение обычно прекращается при достижении освобожденным 20-летнего возраста;

4) освобожденный из тюрьмы по решению регионального совета службы пароля. Почти во всех случаях освобожденный является взрослым, однако, он может быть и несовершеннолетним. Период наблюдения равен не отбытому сроку наказания, а в случае пожизненного заключения – оставшемуся периоду жизни;

5) освобожденная женщина по решению регионального совета службы пароля из исправительного дома для женщин, направленная туда уголовным судом за проституцию. Период наблюдения равняется не отбытой части шестимесячного (максимального по Закону о борьбе с проституцией) срока.

Для несовершеннолетних законодательство Японии устанавливает два вида пробации: передача несовершеннолетнего под надзор сотрудника службы пробации и передача взрослых под надзор сотрудника службы пробации [2, с. 102–104]. Пробация для несовершеннолетних, поскольку она полностью основывается на Законе о несовершеннолетних 1948 года,

назначается не в порядке судопроизводства Семейного суда. Режим пробации, когда речь идет о несовершеннолетних, может быть назначен: 1) лицу, которое уже совершило правонарушение или признано находящимся в «допреступном состоянии». Назначение режима пробации осуществляется Семейным судом в соответствии с Законом о несовершеннолетних. Срок режима пробации такому лицу продолжается до тех пор, пока оно не достигнет 20 лет. Если лицу, не достигшему установленного возраста, осталось менее двух лет, то срок режима пробации все равно будет два года; 2) лицу, досрочно освобожденному по системе пароля из исправительной школы; 3) лицу, досрочно освобожденному по системе пароля из тюрьмы.

Согласно ст. 58 Закона о несовершеннолетних, для того, чтобы быть досрочно освобожденным из исправительных учреждений, несовершеннолетний должен отбыть: а) 7 лет приговора к пожизненному заключению; б) 3 года, если несовершеннолетний, не достигший 18 лет, вместо пожизненного заключения был приговорен к тюремному заключению с принудительным трудом или без него на срок от 10 до 15 лет; в) одну треть минимального срока при неопределенном приговоре.

Руководитель исправительного учреждения возбуждает ходатайство перед региональным советом по досрочному освобождению только в том случае, если заключенный за период содержания в исправительном учреждении докажет, что он исправился и раскаялся, что нет никакой опасности рецидива в течение неотбытого срока.

Подобный порядок освобождения заключенных позволяет администрации исправительных учреждений широко пользоваться своими правами и предоставлять льготы заключенным.

Закон о реабилитации преступников предусматривает при назначении режима пробации или при досрочном освобождении с установлением последующего надзора со стороны сотрудника службы пробации соблюдение следующих условий: 1) проживать в определенном месте и заниматься честным трудом; 2) хорошо себя вести; 3) избегать общения с лицами, которые склонны к совершению преступлений или иных правонарушений; 4) получать разрешение на перемену места жительства или на совершение длительного путешествия.

Назначение режима пробации на не отбытый срок наказания после реального исполнения его части в виде лишения свободы превращает пробацию в один из видов условного освобождения с сопровождающим его надзором. Представляется, что в этом случае пробация не соответствует понятию пробации как таковой, предусматривающей исправление правонарушителя путем оставления его в обществе и осуществления воздействия на него без изоляции от общества.

Осуществление режима пробации возложено на государственных сотрудников службы пробации и на добровольных сотрудников данной

службы. В процессе осуществления режима пробации сотрудник этой службы путем установления контактов и проведения бесед с поднадзорным стремится изменить его взгляды на труд, на установленные в обществе правила жизни и поведения, привить ему чувство товарищества, коллективизма, преодолеть его эгоистические устремления.

По мнению американского специалиста в области пробации Ж. Шейла, сотрудник службы пробации должен осуществлять три функции: 1) консультировать по социальным вопросам с тем, чтобы помочь осужденному понять и выполнить условия, определенные ему судом; 2) использовать существующие социальные службы для оказания помощи осужденному; 3) уметь определить необходимость в применении власти [3].

Однако стремления сотрудника службы пробации не всегда соразмерны с условиями жизни, с современной двойной моралью в так называемых «странах с развитой демократией», которая не только не способствует сближению людей и воспитанию у них высоких моральных качеств, а, наоборот, разъединяет людей и порождает у них паразитические наклонности. Кроме того, чрезвычайно обширные обязанности сотрудника службы пробации в социально превентивном плане приводят к тому, что для выполнения его непосредственных задач – осуществления надзора за лицами, подвергнутыми режиму пробации, у него не хватает времени, а поэтому так называемое исправительное воздействие не дает желаемых результатов. Деятельность службы пробации не без основания вызывает много критических замечаний, с которыми нельзя не согласиться, но и нельзя отрицать того, что этот институт играет существенную роль хотя бы в сдерживании роста преступности.

Следует согласиться с А. Ш. Аккулевым в том, что «…создание полноценной службы пробации и наделение её всеми указанными полномочиями потребует дополнительных финансовых затрат, которые, вместе с тем, в перспективе приведут к значительному удешевлению уголовного правосудия в целом. Кроме того, следует отметить острую необходимость принятия специального Закона «О пробации», детально регламентирующего организационную форму, функции службы пробации, полномочия сотрудников службы пробации, вопросы взаимодействия с иными государственными органами и неправительственными организациями, в том числе основания и порядок привлечения к деятельности службы пробации волонтеров и общественных организаций и другие вопросы» [4].

---

1. Морозов, Н. А. Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. 430 с.

2. Юридическая Россия. Федеральный правовой портал (v.3.2) Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) [Электронный ресурс]. URL: http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1196860&subID=100078768,100078769, 100078 774#text (дата обращения: 07.09. 2020).
3. Janette Sheil. Imagining Sentinel Event Reviews in the U.S. Probation and Pretrial Services System // Federal Probation. September 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.uscourts.gov/ sites/default/files/usct10024-fedprobation-sept2016_0.pdf (дата обращения: 07.09.2020).
4. Аккулев, А. Ш. Отдельные вопросы пробации [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakon.kz/4598354-otdelnye-voprosy-probacii-akkulev-a.sh..html (дата обращения: 25.03.2020).

УДК 347.78
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.50

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Филиппов В. Р., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: valich@yahoo.com
Научный руководитель: **Дорошенко Т. Н.**

PROBLEMS OF INTELLECTUAL RIGHTS PROTECTION IN SOCIAL NETWORKS

Valery R. Filippov, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: valich@yahoo.com

Аннотация. В статье анализируются проблемы определения страницы социальной сети как объекта интеллектуальной собственности и защиты интеллектуальных прав в социальных сетях. Целью данной работы является популяризация возможности защиты своих прав в социальных сетях собственниками страниц и профилей, а также указание на несовершенство в регулировании данных прав российским законодательством. Причиной нарушения интеллектуальных прав правообладателей страниц названа коммерциализация нематериальных активов социальных сетей и активное применение к этим активам механизмов монетизации. Результат работы выражается в предложенных поправках в законодательство, регулирующее подотрасль гражданского права, а именно право интеллектуальной собственности. Статью отличает от смежных по тематике исследований предложение по содержанию понятия «персональная страница», которое автор считает необходимым включить в перечень видов охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.
Ключевые слова: интеллектуальные права, объекты интеллектуальных прав, социальные сети, Гражданский кодекс, составное произведение, база данных.

Abstract. The article analyzes the following problems: defining a social network page as an object of intellectual property; protecting intellectual rights in social networks. The purpose of this work is to promote the possibility of protecting their rights in social networks by owners of pages and profiles, as well as to point out the imperfections in the regulation of these rights by Russian legislation. The reason for violating the intellectual rights of page owners is the commercialization of intangible assets of social networks and the active application of monetization mechanisms to these assets. The result of the work is expressed in the proposed amendments to the legislation regulating the sub-branch of civil law, namely intellectual property law. The article is distinguished from related topics by the proposal on the content of the concept "personal page", which the author considers necessary to include in the list of types of protected results of intellectual activity.
Keywords: intellectual property rights, intellectual property objects, social networks, civil code, compound work, database.

Страницы медийной личности или крупной компании в любой социальной сети содержат в себе подписчиков, лайки, репосты, просмотры, геолокации и прочие нематериальные активы, к которым успешно применяются некоторые механизмы их коммерциализации. Поэтому копирование таких страниц недобросовестными пользователями приводит к довольно ощутимому имущественному ущербу правообладателя, выражаемому в «оттоке» подписчиков и уменьшении «рекламных мощностей» собственника, на которые тот мог бы рассчитывать при соблюдении его авторского права в рамках социальной сети. Данные доводы поддерживались на конференции Global IP Exchange 2019 в Берлине. Кроме того, налаживание подходящей среды для глобального рынка интеллектуальной собственности обозначено одной из приоритетных целей, которую можно реализовать, обновив законодательную базу, как на международном уровне, так и на уровне Российской Федерации.

Для грамотной защиты страницы в социальной сети как объекта интеллектуальной собственности к ней нужно правильно применить классификатор этих объектов, которые закреплены в статье 1225 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Действующее законодательство предлагает нам несколько вариантов, а именно, страницу в социальных сетях можно считать: произведением науки, литературы, искусства или базой данных. Кроме того, если обозначить, что профиль является произведением, то его можно признать в соответствии с ГК РФ как составным произведением, так и сложным объектом [1].

Сложность на этапе определения того, к какому виду результатов интеллектуальной деятельности относится именно Ваша страничка или группа в социальных сетях, заключается в отграничении одного вида от другого и доказывании этого факта в суде, так как без наличия собственно самого права оно не может быть нарушено.

Итак, как их разграничивать? Характерным для базы данных является доказывание организационных (временных и кадровых) затрат или материальных затрат, связанных непосредственно с созданием вышеназванного объекта. Облегчит в этом случае доказывание наличия хэштегов в профиле, идентифицирующих разрозненные посты, как нечто единое и систематизированное. При защите прав на составное произведение будет необходимо доказать творческий характер составительства. Как пример можно привести страницы в социальной сети Инстаграм, где использован явно выдержанный стиль оформления фотографий в выкладке или сами фотографии, образующие единый образ профиля. Наконец, если Вы настаиваете, что Ваша страничка сложный объект, то будьте готовы подтвердить, что она состоит из нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности [2].

На данный момент средства защиты страниц в социальных сетях от копирования ограничиваются: рекомендациями на приобретение контента, необходимого для оформления страницы и заключения договоров с лицами, участвующими в ее создании и администрировании; регистрацией отдельных текстов в Российском авторском сообществе или их депонированием, а также другими мерами, актуальными на данный момент для отдельной составляющей страницы.

Таким образом, заметна сложность в защите блога, группы или страницы в социальной сети как комплекса интеллектуальных прав, т. е. полностью, а не его части.

Для защиты страницы, блога, группы в социальной сети как отдельного вида результатов интеллектуальной деятельности представляется необходимым осуществить ряд мероприятий.

Во-первых, необходимо определить среду, в которой находится страница, как отдельную систему в сети Интернет, т. е. дать понятие словосочетанию «социальная сеть». На данный момент в законодательстве РФ такого понятия нет. Представляется возможным реализовать это через статью 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Например, это можно сделать так: «Социальная сеть – это результат интеллектуальной деятельности в форме программы для ЭВМ, выраженный в совокупности персональных страниц пользователей, данных и команд, и порождаемых аудиовизуальных отображений, объединяемых интерфейсом и дизайном, необходимыми для создания персональных страниц пользователей и их коммуникации».

Во-вторых, следует объединить все блоги, личные страницы, группы в социальных сетях в понятие «Персональная страница». Добавить подпункт 17 в ч. 1 статьи 1225 ГК РФ, содержащий данный объект как отдельный результат интеллектуальной деятельности. К примеру, для этого можно взять наработки крупнейшей сети «В контакте». Лицензионное соглашение ООО «В контакте» содержит понятие «Персональная страница», но в рамках лицензионного договора. Представляется необходимым его немного преобразовать: «Персональная страница – это раздел Социальной сети, содержащий часть размещаемой в Аккаунте пользователя информации (в том числе, по желанию Пользователя, фотографии, сведения о друзьях, статусах, записи на стене, группах, сообществах и прочее), доступный для ознакомления иным пользователям» [3].

В-третьих, возможно создание системы защиты уникального контента пользователя путем прикрепления к его материалам уникального хэштега, который можно будет определять в цифровом выражении, например, непосредственно при регистрации аккаунта в социальной сети.

Таким образом, контролировать свою страницу в социальной сети как единый результат интеллектуальной деятельности в виде

«персональной страницы» будет удобнее. Это приведет к систематизации нематериальных активов, накапливаемых посредством создания такого вида интеллектуальной собственности, и позволит сделать рынок уникального контента в социальных сетях рентабельным и коммерчески безопасным, как для контентмейкеров, так и для рекламодателей.

---

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 15.04.2020).
2. Митягин, К. С. Правовая природа страницы социальной сети // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2014. № 5. С. 74–77.
3. Лицензионное соглашение [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/licence (дата обращения: 15.04.2020).

УДК 347.261.037
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.51

ЗЕМЕЛЬНЫЙ СЕРВИТУТ: ЧТО НОВОГО?

Флик Я. Д., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: s195948@std.novsu.ru
Научный руководитель: **Дорошенко Т. Н.**

LAND EASEMENT: WHAT'S NEW?

Yana D. Flick, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: s195948@std.novsu.ru

Аннотация. В статье анализируются аспекты Концепции Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которым предусматривались внесения изменений в статью установления земельного сервитута. Автор рассматривает ошибки, которые до сих пор возникают при подаче иска в суд независимо от того, что данный аспект был обобщен в обзоре судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок.
Ключевые слова: земельный сервитут, Гражданский Кодекс Российской Федерации, судебная практика, Концепция Гражданского кодекса Российской Федерации.

Abstract. The article analyzes aspects of the Russian Civil code Concept, which provided for amending the land easement article. The author examines the errors that still arise when suing the court, no matter what this aspect was summarized in a review of court practice cases of the establishment of an easement on the land.
Keywords: land easement, civil code of the Russian Federation, judicial practice, Concept of the Civil code of the Russian Federation.

Сервитут является правом ограниченного пользования чужой недвижимой вещью, которое устанавливается для обеспечения возможности использования другой недвижимой вещи. Как отмечает С. А. Липски, «современные отечественные земельные сервитуты, с одной стороны, представляют собой институт, заимствованный из законодательства европейских государств XX столетия, которое реципиировало римское право, с другой стороны, сложившаяся в России ситуация в отношении сервитутов весьма специфична» [1, с. 88].

При изучении судебной практики за 2019 г. было рассмотрено решение Великолукского городского суда Псковской области от 17 января 2019 г. В судебную инстанцию с исковым заявлением обратилась строительная организация об установлении частного сервитута. Иск был подан к собственникам жилых помещений многоквартирного дома. Судом было вынесено решение об отказе в удовлетворении иска, в связи с тем,

что истец обратился в суд с иском для установления частного сервитута, а именно прохода, проезда на земельный участок для окончания работ, связанных со строительством многоквартирного дома, а в последующем для прохода и проезда жильцов нового, достроенного дома. Он должен был обратиться в суд с иском об установлении публичного сервитута [2].

Несмотря на то, что в обзоре судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г.) был рассмотрен подобный случай, в суд продолжают поступать подобные иски.

Исходя из существующих научных подходов о проблемах установления сервитута, было обнаружено, что данную ошибку можно было не допускать, благодаря внесению дополнений в статью по установлению сервитута, связанных с более широкой систематикой сервитутов. Данная проблема, в частности, поднимается в статьях Л. В. Щенниковой и Т. С. Красновой [3, с. 6–17; 4, с. 162–168]. Полагаем, что внесение в формулировку более подробного раскрытия такого понятия как «частный сервитут» поможет избежать аналогичных проблем. Например, в статье 274 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ) указать, что частный сервитут может устанавливаться для прохода, проезда определенного круга лиц, не более 10 человек.

Документ, предполагавший внесение изменений в ГК РФ, был разработан еще в 2008 г., впоследствии его разбили на несколько частей и приняли на основании этого федеральные законы, но новшества, которые предусматривались в отношении сервитута, Концепцией Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – Концепция ГК РФ) приняты не были, соответственно никаких изменений в ГК РФ в статью о сервитуте внесено не было [5].

Данная Концепция ГК РФ предполагала ряд новелл, которые более детально раскрыли бы сущность понятия сервитута в российском законодательстве и помогли бы принимать решения по данной категории дел с соблюдением баланса интересов.

Рассмотрим наиболее значимые изменения. «Сервитут может быть установлен по требованию лица, имеющего ограниченное вещное право, включающее правомочия владения и пользования господствующей или служащей вещью» [5]. Изменения предполагали, что подать иск об установлении сервитута может не только сервитуарий, но и собственник земельного участка.

Несмотря на то, что сервитуарий вносит плату собственнику земельного участка в виде денежных средств, он обязан следить за сохранностью вещи, обременённой сервитутом, то есть, не просто пользоваться частью чужого земельного участка для выполнения своих нужд, но и следить за сохранностью данной части земли. Если того потребует ситуация, то и восстановить данную часть земли за свой счет, которая не будет входить в плату за сервитут. Эта поправка поможет

минимизировать те неудобства, которые всё равно возникают при установлении сервитута, и сбалансировать интересы сторон.

Концепция ГК РФ буквально настаивает, что принятие решения об установлении сервитута должно в первую очередь происходить в добровольном, а точнее, в договорном порядке, а в случае недостижения консенсуса – в судебном порядке. Рассматривая исторический аспект происхождения сервитута в римском праве, Л. В. Щенникова указывает на то, что основоположники данного обременения придерживались той точки зрения, что сервитут в первую очередь должен устанавливаться в договорном порядке, а уже потом, при отсутствии договоренности – в судебном [4, с. 164].

В обзоре судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г.) данный момент также разобран, и Верховный Суд убрал из обязательных норм досудебный порядок. Сначала люди должны попробовать договориться, а уже потом решать вопрос через суд. Проблема отсутствия общения между людьми на сегодняшний день стоит остро. Мы действительно разучились разговаривать и улаживать проблемы мирным путём, не прибегая к обращению в суд с исками об установлении сервитута.

Также в данной Концепции ГК РФ уделяется внимание таким понятиям, как виды сервитута, плата за сервитут, множественность сервитутов. Объективное описание данного понятия поможет выносить в большей степени сбалансированные решения, не ущемляющие права как собственника обременительной вещи, так и лица, которое просит об установлении сервитута [5].

---

1. Липски, С. А. Земельные сервитуты в отечественном законодательстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 3 (162). С. 88–94.
2. Решение № 2-3/2019 2-3/2019(2-900/2018;)~М-932/2018 2-900/2018 М-932/2018 от 17 января 2019 г. по делу № 2-3/2019 [Электронный ресурс]. URL: http://https://sudact.ru/ (дата обращения: 13.03.2020).
3. Краснова, Т. С. Отдельные аспекты учения о сервитуте в современном российском праве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 3 (186). С. 6–18.
4. Щенникова, Л. В. Сервитуты: история и современная судебно-арбитражная практика // Вестник Пермского университета. 2009. № 1 (3). С. 162–168
5. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: pravo-med.ru/legislation/other_docs/9159/ (дата обращения: 10.03.2020).

УДК 343.9
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.52

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ МОШЕННИЧЕСТВА, СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Фурман В. Н., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: wladislaw.tiger@gmail.com
Научный руководитель: **Рязанова Н. В.**

MODERN TYPES OF FRAUD, METHODS OF COMMITMENT AND THEIR PREVENTION

Vladislav N. Furman, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: wladislaw.tiger@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются преступные действия аферистов, выдающих себя за работников медицины, работодателей и благотворителей. Обоснована актуальность исследования данных видов мошенничества на современном этапе, приведены факторы широкой распространенности рассматриваемых видов аферизма. Характеризуются некоторые особенности психологического типа мошенника как представителя преступной сферы, что имеет определенное значение в вопросах своевременного привлечения аферистов к ответственности.
Ключевые слова: мошенничество, мошенники, мошенничество в медицине, мошенничество в трудоустройстве, мошенничество в благотворительности, виды мошенничества, мошенничество в интернете.

Abstract. The article examines the criminal actions of swindlers posing as medical workers, employers and benefactors. The relevance of the study of these types of fraud at the present stage is substantiated, the factors of the widespread prevalence of the considered types of fraud are given. Some features of the psychological type of a swindler as a representative of the criminal sphere are given, which is of certain importance in matters of timely bringing swindlers to justice.
Keywords: fraud, scammers, medical fraud, employment fraud, charity fraud, types of fraud, Internet fraud.

Мошенничество в различных своих проявлениях существовало во все времена и в любом государстве, а борьба с ним, пожалуй, не утратит своей актуальности никогда. Определяемое согласно ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [1], мошенничество приобретает все более новые формы по мере развития научно-технической сферы и новейших

информационно-цифровых технологий, а значит, требует пристального внимания и постоянной разработки способов противодействия ему.

На современном этапе заслуживают отдельного внимания наиболее злободневные, на наш взгляд, виды мошенничества, так называемые аферы, связанные с банковскими картами, медициной, трудоустройством и благотворительностью. Их особая актуальность заключается в том, что в сегодняшних сложных социально-экономических условиях для многих граждан остро встают вопросы защиты своих денежных средств, заработка и заботы о здоровье.

Так, мошенники в сфере здоровья и медицинских товаров/услуг, манипулирующие на здоровье людей и осуществляющие аферы с медицинской продукцией, могут заниматься «продажей» по низким ценам медицинских товаров, которых на самом деле не существует. В частности, в отправленной покупателю посылке вместо заявленного товара могут находиться различные предметы, бумажные салфетки или полиэтиленовые пакеты. Более того, товар может оказаться не просто неэффективным, но и опасным для здоровья [2].

Анонс о товарах поступает пользователю в интернете через не запрошенное электронное письмо, предлагающее дешевые или труднодоступные лекарства или процедуры. При этом зачастую говорится о непревзойденных и чудодейственных свойствах и преимуществах от использования предлагаемого медицинского продукта и о его мощности против очень широкого спектра заболеваний. Предлагаемые товары обычно требуют рецепта врача, однако на сайте утверждается, что все товары можно гарантированно приобрести без рецепта. Теоретически даже в настоящей интернет-аптеке можно заказать лекарство, отпускаемое только по рецепту, не имея такового, но на практике покупатель все равно столкнется с необходимостью предъявить рецепт, когда будет выкупать средство в оффлайн-аптеке [3]. В информации о предлагаемых товарах или лечебных схемах отсутствуют научные доказательства эффективности или обоснованные связи между результатом и эффектами от использования предлагаемой продукции.

Чтобы не попасться «на удочку» таких мошенников, следует:

– никогда не заходить на сайт интернет-аптеки по ссылке в не запрошенном электронном письме, и скачивать прикрепленные к таким письмам файлы;

– с осторожностью относиться к не запрошенным сообщениям, уведомлениям или всплывающим окнам, предлагающим те или иные медицинские товары или услуги, особенно если это происходит на сайтах, не имеющих никакого отношения к медицине и здоровью;

– о любом ранее неизвестном препарате следует узнавать информацию только от лиц, являющихся подтвержденными медицинскими работниками;

– на сайте любой настоящей интернет-аптеки к лекарствам, продающимся по рецепту, всегда есть указание «рецептурный препарат». Если онлайн-аптека предлагает купить любые средства без рецепта – это гарантированное мошенничество.

Ситуация с лже-трудоустройством также вызывает большие опасения. Зачастую, мошенники ищут свои жертвы в социальных сетях и предлагают работу, которая не требует специального образования и высокой квалификации для получения высокой прибыли, либо уверяют, что могут помочь гарантированно и быстро заработать деньги. Данные о соискателе они предварительно находят на сайтах, куда он подавал свое объявление о поиске работы.

В предложении о «работе» в электронном письме может содержаться условие о том, что для устройства на работу следует сначала заплатить за стартовый комплект или материалы, имеющие отношение к будущей трудовой деятельности. Так или иначе, в любой мошеннической схеме с предложением выгодной и хорошо оплачиваемой работы соискателю предлагается сначала заплатить за свое трудоустройство. Соискателю действительно высылают материалы или схемы для выполнения работы, однако после того, как он отправляет получившийся результат, лже-работодатель просто исчезает, перестает выходить на связь, не присылает никаких материалов, не отвечает на звонки и сообщения.

Таким образом, цель подобных мошеннических схем предельно проста – собрать как можно больше денежных взносов за возможность трудоустройства и быстро оборвать «сотрудничество».

Чтобы не стать жертвой таких мошенников, необходимо соблюдать ряд правил. С осторожностью относиться к предложениям «работы из дома», особенно тем, которые обещают хороший заработок. Не всегда такие предложения являются мошенническими, однако, если в них фигурируют такие формулировки и условия, как «высокий доход при минимуме усилий» и «необходимость предварительно заплатить за трудоустройство в нашу фирму», не стоит откликаться на них. Получив подобное предложение о работе, следует тщательно проверить информацию в интернете о фирме, используя ее название и имена указанных в письме или сообщении лиц. Не исключено, что они уже давно известны как аферисты, предлагающие несуществующую работу и обманывающие соискателей. Также следует насторожиться, если никакой информации о работодателе не нашлось вообще. Можно выполнить поиск в интернете, используя какую-либо точную цитату из не запрошенного письма или уведомления, чтобы проверить возможные отзывы – многие мошенники могут быть идентифицированы таким образом.

Ещё один вид мошеннической схемы – фальшивые благотворительные организации. Лже-филантропы выдают себя за настоящих благотворителей и просят пожертвования, утверждая, что

собирают деньги для помощи людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации.

Поддельные благотворительные организации, играя на жалости и сострадании к нуждающимся, по сути, выманивают денежные средства у частных лиц и даже организаций, не предоставляя при этом убедительных доказательств того, что деньги идут действительно на помощь определенным людям. Фальшивые благотворительные акции уже давно стали привычным и частым явлением, ведь зачастую те, кто искренне готов помочь попавшим в беду, к сожалению, даже не пытаются толком разобраться в ситуации, что и приводит к еще большему числу мошенников в данной сфере [4]. Особенно эффективно удаются аферистам схемы со сбором денег на якобы лечение больных детей.

Мошенники, притворяющиеся благотворителями, могут действовать следующим образом:

– публиковать посты в различных сообществах, форумах и блогах с просьбой о финансовой помощи якобы нуждающейся семье или отдельно взятому человеку;

– создавать поддельные веб-сайты, которые выглядят так же, как те, что ведутся реальными благотворительными организациями, но при этом указаны другие реквизиты для отправления пожертвований, и назойливо предлагать посетить эти сайты, рассылая спам-сообщения на электронную почту или в личные сообщения пользователям социальных сетей.

Избежать неприятностей, связанных с деятельностью лже-благотворителей, позволят меры предосторожности. Можно предложить тому, кто позиционирует себя просящим помощи для людей в беде, осветить ситуацию в средствах массовой информации, и если он наотрез откажется, это будет признаком явного мошенничества. Настоящие благотворители никогда не отказываются от такой действенной возможности привлечь как можно больше граждан и организаций к тому, чтобы действительно помочь нуждающимся людям, а избегать ее будут только те, кто боится, что фальшивость их благотворительной деятельности может быть раскрыта. Стоит учесть, что ни одна настоящая благотворительная организация не будет навязчиво требовать помощи – реальные представители благотворительных фондов хорошо знают, что такая тактика только отпугивает жертвователей и создает нехорошую репутацию всему фонду [5].

Таким образом, способы предотвращения мошеннических действий лежат в первую очередь в области гражданской сознательности и повышения правовой, а также экономической грамотности общества в целом. Прежде всего гражданам следует помнить, что о произошедшем факте мошенничества обязательно нужно сообщать в правоохранительные органы, причем как можно быстрее, ведь преступления, как правило, наиболее эффективно раскрываются именно по «горячим следам» [6].

Важно, чтобы преступные действия как можно реже оставались незамеченными со стороны правоохранительных органов. Если, например, от действий определенного мошенника пострадало 20 человек, а заявление в полицию написал только один из них, дело может оказаться не раскрытым. Если же из 20-ти пострадавших заявления подадут хотя бы 10–15, шансы найти преступника и привлечь его к ответственности значительно возрастают, ведь существует хотя бы теоретическая вероятность того, что каждый из потерпевших сообщит различные важные детали и обстоятельства произошедшего, что многократно повысит шансы на то, что мошенник не избежит ответственности.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20 апреля 2020).
2. Атанова, Ю. С., Севостьянова, А. А., Конопацкая, Е. А. Феномен мошенничества в сети Интернет // Известия Института систем управления СГЭУ. 2017. № 1 (15). С. 332–338.
3. Петров, Е. В. Виды современного мошенничества с использованием информационно-коммуникационных технологий и совершенствование методов борьбы с ним // Самоуправление. 2019. Т. 2, № 2 (115). С. 416–418.
4. Чесноков, В. А., Стрыгина, С. В. Проблема мошенничества в благотворительной сфере // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований. Уфа: АМИ, 2017. С. 169–172.
5. Идрисов, Х. В., Гайтамирова, А. А. «Благотворительное» мошенничество: понятие, причины возникновения и способы профилактики // Вопросы экономики и права. 2019. № 133. С. 7–12.
6. Коровин, Н. К., Щербина, М. А. Способы совершения мошенничества в сети интернет как элементы криминалистической характеристики // Лучшая научная статья 2018. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 245–247.
7. Колескин, Д. В. История развития мошенничества, современные виды мошенничества и способы борьбы с ними // Социально-гуманитарные проблемы современности: сборник научных трудов по материалам междунар. науч.-практ. конф. 24 апреля 2020 г. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 37–42.

УДК 341
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.53

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОСВОЕНИЮ КОСМОСА

Ходыкин А. В., аспирант,
Самарский государственный экономический университет (Самара, Россия)
E-mail: khodykin8@gmail.com

PROBLEMS OF LEGAL SUPPORT FOR INTERNATIONAL COOPERATION IN OUTER SPACE EXPLORATION

Alexander V. Khodykin, postgraduate student,
Samara state University of Economics (Samara, Russia)
E-mail: khodykin8@gmail.com

Аннотация. Выявлены и охарактеризованы следующие проблемы международного космического права: недостаточность требований по демилитаризации космоса, проблемы правового статуса частных космических организаций, правовые противоречия в перспективной деятельности по добыче полезных ископаемых на космических объектах, отсутствие правового регулирования борьбы с космическим мусором.
Ключевые слова: космическое право, демилитаризация космоса, бизнес, правовые проблемы, космический мусор.

Abstract. The following problems of international Outer Space law are identified and characterized: insufficient requirements for the demilitarization of Outer Space, problems of the legal status of private Outer Space organizations, legal contradictions in promising activities for the extraction of minerals on Outer Space objects, lack of legal regulation of the fight against Outer Space debris.
Keywords: Outer Space law, demilitarization of Outer Space, business, legal problems, Outer Space debris.

Стремительное развитие космонавтики позволяет человечеству расширять своё присутствие в космическом пространстве, особенно в пространстве околоземной орбиты. Соответственно, деятельность по освоению космоса нуждается в правовом регулировании, осуществляемом сегодня на основании комплекса международных и национальных нормативно-правовых актов, сформировавших систему космического права. Космическое право начало разрабатываться ещё на заре развития космонавтики, в начале 1960-х годов, и на сегодняшний день содержит комплекс документов, регулирующих различные аспекты космической деятельности. Основными источниками космического права являются: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и

использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Договор о космосе 1967 года) [1], ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН (1963, 1982, 1986, 1992, 1996), Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами [2], Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах [3], Соглашение о спасании космонавтов [4], Соглашение о Международной космической станции [5], национальные нормативно-правовые акты стран-участниц освоения космоса и т. д. Однако по сей день существует ряд проблем в регулировании отдельных аспектов космической деятельности, обусловливающий необходимость совершенствования системы международного космического права. Мы можем выделить следующие проблемы международного космического права:

1. Недостаточность требований по демилитаризации космоса. На различных мероприятиях Управления ООН по вопросам космического пространства (UNOOSA, главная международная платформа, регулирующая космическую деятельность) часто обсуждается необходимость мирного освоения космоса и недопустимость его милитаризации. Однако принятием соответствующих правовых актов такие обсуждения не заканчиваются. В статье 4 Договора о космосе 1967 года запрещается размещение и испытание в космическом пространстве ядерного и другого оружия массового поражения. В то же время размещение и испытание других типов оружия, как и проведение военных манёвров, запрещается лишь на космических объектах (т. е. на Луне, Марсе и т. д.). Соответственно, в Договоре отсутствует запрет на размещение оружия, не относящегося к оружию массового поражения, и военные манёвры на орбите Земли и в любой другой точке космического пространства за исключением космических объектов. Кроме того, даже ядерное оружие запрещается размещать в космосе, но не выводить в космическое пространство. Таким образом, использование баллистических межконтинентальных ракет, траектория которых проходит через космическое пространство, не запрещается. Более того, по сей день отсутствует нормативно закреплённое понятие космического пространства. Международной авиационной федерацией космическим считается пространство выше Линии Кармана (выше 100 метров над уровнем моря) [6]. Но такое определение, являющееся результатом консенсуса участников космической деятельности, не закреплено в международных актах, имеющих юридическую силу. Поэтому в спорных ситуациях, например, при размещении оружия, не на что будет сослаться при разграничении земного и космического пространств. Отсутствует также правовое закрепление определений фундаментальных понятий, затрагивающих демилитаризацию освоения космоса, а именно: «мирное освоение космоса», «милитаризация космоса», «космическое оружие» [7].

Отсутствует и международное регулирование взаимодействия спутников, принадлежащих разным государствам. Конвенция о причинении ущерба космическими объектами [2] предполагает необходимость возмещения материального ущерба в случае его причинения космическими объектами запускающей страны объектам других стран. При этом никак не регулируется слежка за космическими аппаратами другой страны, синхронизация запусков космических аппаратов, содержание космических программ стран-участниц освоения космоса. В результате сегодня возникают конфликты в сфере космической деятельности. Достаточно вспомнить недавние претензии США в адрес России и Китая, в которых американская сторона обвинила Россию в слежке при помощи спутников [8] за своими аппаратами [9] и Китай в создании «Сил стратегической поддержки», целью которых является решение военных задач в космосе [10]. Российская сторона обвинения отрицает и выдвигает встречные претензии, обвиняя США в милитаризации космоса путём создания космических войск [11]. В настоящее время отсутствуют регулирующие международные документы, позволяющие в правовом поле решать подобные конфликты.

2. Отсутствие признания представляющих бизнес-структуры организаций в качестве самостоятельных субъектов освоения космоса. Космонавтика в XXI веке становится прибыльным бизнесом, привлекающим частные компании. Наиболее крупные из них (в первую очередь SpaceX Илона Маска) не уступают государственным космическим организациям. При этом с точки зрения космического права они до сих пор являются лишь частью космических программ государств, в которых они зарегистрированы. Ответственность за причинённый ущерб несёт страна, осуществлявшая запуск причинившего ущерб аппарата, в работе Управления ООН по космосу (UNOOSA) принимают участие представители государств, международная политика освоения космоса определяется также государствами. Частному бизнесу в космической деятельности фактически отводится роль вспомогательных организаций при государствах, которую они уже переросли. С развитием технологий космонавтики в данной деятельности будет появляться всё больше частных игроков и всё отчётливее будет несоответствие вклада коммерческих компаний в развитие отрасли и их правовой статус. Кроме того, неопределённость правового статуса частных организаций привлекает в отрасль различного рода авантюристов. Примером того служит проект Дэнниса Хоупа, который обогатился на продаже участков на Луне [12]. Когда ему справедливо напоминали про Договор о космосе 1967 года, согласно которому запрещается присвоение космических тел, Хоуп отвечал, что данный запрет действует в отношении государств и не касается частных лиц [13]. Подобная деятельность становится возможной и прибыльной в условиях правового вакуума.

3. Правовые противоречия в перспективной деятельности по добыче полезных ископаемых на космических объектах. Хотя такая деятельность сегодня кажется делом далёкого будущего, быстрое развитие технологий даёт надежду на то, что это будущее может настать раньше, чем мы предполагаем сейчас, тем более что проекты разведки астероидов для добычи на них полезных ископаемых существуют уже в наше время [14]. Тема добычи ресурсов на космических объектах набирает популярность в различных междисциплинарных исследованиях, акцентирующих особое внимание на экономических и правовых вопросах. Анализу социально-правовых тонкостей добычи полезных ископаемых в космосе посвящён комплекс крупных научных работ [15–17]. Однако правовой статус такой деятельности по сей день остаётся неопределённым и противоречивым. Статья 2 Договора о космосе 1967 года гласит: «Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами» [18]. В таком случае могут ли небесные тела быть присвоены частными лицами? И могут ли государства вести добычу полезных ископаемых в космосе? Является ли такая добыча присвоением небесных тел? Существующее космическое право не позволяет однозначно ответить на эти вопросы. Как можно скорее разработать правовые нормы, чётко регулирующие добычу полезных ископаемых в космосе, важно ещё и потому, что на начальных этапах данной деятельности она потребует больших, в том числе и частных инвестиций. Правовая неопределённость способна отпугнуть инвесторов, так как они не получают гарантии правовой защиты деятельности, в которую они вкладывают свои деньги.

4. Отсутствие правового регулирования борьбы с космическим мусором. По данным НАСА на орбите Земли в настоящее время летают почти 20 000 отслеживаемых неуправляемых, т. е. являющихся космическим мусором, искусственных объектов размером больше 10 см [19]. По другим оценкам, на орбите летают около 700 000 объектов, среди которых отслеживается только 10% [20]. При этом особой проблемой является тот факт, что отследить объекты размером менее 10 см затруднительно при том, что объекты такого размера, летящие со скоростью от 7 до 16 км/с, могут нанести ущерб космическим аппаратам, а пробить скафандр космонавта, работающего в открытом космосе, могут объекты диаметром меньше 1 см, т. е. объекты, не поддающиеся отслеживанию. При столкновении объекты разбиваются, следовательно, их становится больше, а сами они становятся меньше по размеру. Примерно за 30 лет количество обломков удваивается только за счёт столкновений [21]. Дальнейшее увеличение количества мусора может сделать невозможной работу на орбите или даже сами полёты в космос. Однако при всей остроте проблемы сегодня нет международных правовых актов,

регулирующих обращение с космическим мусором. По сей день отсутствует и правовое определение понятия «космический мусор» [22]. Есть только Договор о космосе 1967 года, запрещающий загрязнение Луны и других небесных тел (статья 9) и предусматривающий ответственность запускающей страны за наносимый её объектами ущерб аппаратам других стран (статья 7), и Конвенция о международной ответственности за ущерб, причинённый космическими объектами, в которой конкретизировано положение статьи 7 Договора 1967 года. Космический мусор на орбите не загрязняет небесные тела. Что касается возмещения ущерба, то в случае, если принадлежащий одной стране космический объект нанесёт ущерб аппарату или любой иной собственности другой страны, то первая страна обязана будет возместить причинённый ущерб. Таким образом, каждая страна формально несёт ответственность за ущерб, нанесённый её космическим мусором. Однако для получения компенсации необходимо доказать принадлежность объекта той или иной стране, что невозможно в отношении мелких объектов (фрагментов), представляющих наибольшую опасность. Главной правовой проблемой противодействия засорению орбиты является отсутствие в нормативно-правовых актах требований и правил обращения с космическим мусором. Общеизвестным является тот факт, что отработавшие свой век спутники нужно сводить с орбиты, чтобы они не превращались в космический мусор. Однако нигде не закреплено имеющее юридическую силу требование к такой утилизации старых аппаратов, не закреплена ответственность за нарушение этого требования. Сведение аппаратов с орбиты сопряжено с дополнительными тратами, соответственно, субъектам освоения космоса не выгоден такой способ утилизации аппаратов. Поэтому без принятия правовых актов, регулирующих утилизацию находящихся на орбите объектов, ситуация с космическим мусором будет только ухудшаться.

Представленные в данной работе проблемы показывают лишь часть недостатков сложившейся на сегодняшний день системы космического права. Однако даже такой краткий обзор показывает необходимость изменения существующих и принятия новых правовых актов, регулирующих космическую деятельность. Являющийся сегодня ключевым нормативно-правовым актом международного космического права Договор о космосе 1967 года сильно устарел и требует внесения в него большого числа изменений, направленных на решение представленных в данной работе правовых проблем.

---

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Москва – Вашингтон – Лондон, 27 января 1967 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/2540462/ (дата обращения: 10.02.2020).

2. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (Москва – Лондон – Вашингтон, 29 марта 1972 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/2540324/ (дата обращения: 10.02.2020).
3. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/ 2541174/ (дата обращения: 10.02.2020).
4. Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (Москва – Лондон – Вашингтон, 22 апреля 1968 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/2540362/ (дата обращения: 10.02.2020).
5. Соглашение между правительствами стран-участниц работы Международной космической станции от 29 января 1998 года [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/2541609/ (дата обращения: 16.12.2019).
6. 100 km altitude boundary for astronautics. FAI astronautic records commission (ICARE) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fai.org/page/icare-boundary (дата обращения: 15.01.2020).
7. Маилян, П. Г. Милитаризация космоса как проблема международных отношений: история и политика: 1957–2010 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Краснодар, 2013. 30 с.
8. A threat to our allies': Russia stalking US satellites, NATO general warns // Washington Examiner. 2020. 06 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonexaminer.com/ policy/defense-national-security/a-threat-to-our-allies-russia-is-stalking-us-satellites-nato-general-warns (дата обращения: 12.02.2020).
9. Exclusive: Strange Russian Spacecraft Shadowing U.S. Spy Satellite, General Says // Time. 2020. 10 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://time.com/5779315/russian-spacecraft-spy-satellite-space-force/ (дата обращения: 12.02.2020).
10. «Это дело решенное»: когда начнется противостояние в космосе // Газета. 2019. 09 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/army/2019/04 /09/12293107.shtml (дата обращения: 10.02.2020).
11. Лавров рассказал об опасности «затеваемой НАТО игры» в космосе // RussiaToday. 2020. 21 января [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/world/news/ 710264-lavrov-nato-kosmos (дата обращения: 10.02.2020).
12. Who Owns the Moon? The Galactic Government vs. the UN // National Geographic. 2009. 16 июля [Электронный ресурс]. URL: https://www.nationalgeographic.com/science /2009/07/ space-who-owns-moon-science/ (дата обращения: 12.02.2020).
13. Спутники и астероиды: чем занимаются космические юристы [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/process/view/147284/ (дата обращения: 10.02.2020).
14. NASA Selects Two Missions to Explore the Early Solar System [Электронный ресурс]. URL: https://www.nasa.gov/press-release/nasa-selects-two-missions-to-explore-the-early-solar-system (дата обращения: 12.02.2020).
15. Bhattacharya, K. G. The Viability of Space Mining in the Current Legal Regime // Astropolitics. 2018. Vol. 16, Issue 3. Pp. 216–229.
16. Froehlich A. Space Resource Utilization: A View from an Emerging Space Faring Nation / Part of the Studies in Space Policy book series. Springer Nature Switzerland AG, 2018.
17. Pop, V. Appropriation in outer space: the relationship between land ownership and sovereignty on the celestial bodies // Space Policy. 2000.16 (4). Pp. 275–282.
18. Статья 2 Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Москва – Вашингтон – Лондон, 27 января 1967 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/2540462/ (дата обращения: 10.02.2020).

19. NASA Orbital Debris // Quarterly News. 2018. Vol. 22, Issue 1 [Электронный ресурс]. URL: https://orbitaldebris.jsc.nasa.gov/quarterly-news/pdfs/odqnv22i1.pdf (дата обращения: 12.02.2020).
20. Константиновская, Л. В. Экология космического пространства. М.: 2002 [Электронный ресурс]. URL: https://www.astronom2000.info/different/zk/ (дата обращения: 14.02.2020).
21. Огородов, Д. В. Право на космос: [о международных соглашениях и договорах, регламентирующих космическую деятельность] // Вокруг света. 2008. № 7. С. 124–132.
22. Клюня, А. Ю. Международное право о борьбе с космическим мусором // Материалы круглого стола X ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы современного международного права», посвящ. памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 13–14 апреля 2012 г. М.: РУДН, 2012. С. 127–133.

УДК 364.29
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.54

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПОСТИНТЕРНАТНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Цой М. А., магистрант,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: m89116458942@yandex.ru
Научный руководитель: **Дорошенко Т. Н.**

IMPROVEMENT OF THE INSTITUTE FOR POST-BOARD SUPPORT FOR ORPHAN CHILDREN

Maria A. Tsoy, magistrant,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: m89116458942@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на интеграцию детей-сирот в общество по достижении ими совершеннолетия, а также проблемы, возникающие при создании и урегулировании института постинтернатного сопровождения выпускников интернатных учреждений.
Ключевые слова: дети-сироты; социализация сирот; интеграция в общество; условия для социализации; негативные факторы.

Abstract. The article considers the factors that affect the integration of orphaned children into society after they reach adulthood, and the problems of creating and regulating the Institute of post-international support for graduates of residential institutions.
Keywords: orphan children; socialization of orphans; integration into society; conditions for socialization; negative factors.

Одной из важнейших целей государственной политики является защита прав и интересов детей – обеспечение всесторонней поддержки процесса социализации и реабилитации детей, находящихся в особо трудных обстоятельствах. Термин «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации», всё чаще использующийся в последнее время, включает в себя в том числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее – дети-сироты).

Социализация и последующая интеграция в общество таких детей протекают с большими трудностями, что влечёт за собой необходимость совершенствования данного процесса и более тщательного подхода к дальнейшей интеграции их в общество.

Дети-сироты, как один из самых незащищенных слоёв общества, являются заложниками искусственно созданных условий в интернатных учреждениях. Несмотря на полное государственное обеспечение,

отсутствие условий, максимально приближенных к реальным, семейным, не позволяет детям-сиротам ощущать себя полноценными членами социума. Несмотря на попытки создания атмосферы, способствующей подавлению множественных негативных эмоций воспитанников, а также формированию определенного благополучного социального опыта, социальное пространство учреждения, как правило, не может полностью удовлетворить потребность в необходимой социализации детей-сирот [1, с. 149–153].

При более глубоком рассмотрении проблемы социализации детей-сирот мы можем выявить несколько факторов, напрямую влияющих на последующую интеграцию детей-сирот в общество, к которым относятся:

– дефицит общения детей-сирот с внешним миром, что приводит к остановке развития коммуникативных навыков;

– психологическая неготовность к жизни за пределами интернатного учреждения в связи с резким изменением сфер общения и влияния;

– правовая неграмотность в юридических вопросах, касающихся дальнейшего жизнеустройства;

– проблема выбора направления будущей профессиональной деятельности, что непосредственно сказывается на не всегда удачном выборе профессионального учебного заведения.

Интеграция детей-сирот в общество по достижении ими совершеннолетия предполагает взаимодействие трех факторов: воздействия общества на личность ребенка, возможности ребенка самостоятельно формировать свои предпочтения и совершенствования системы постинтернатного сопровождения детей-сирот.

Главным средством, обеспечивающим преодоление трудностей социализации при выходе из школы-интерната, является институт постинтернатного сопровождения, когда ребенок имеет возможность проходить процесс становления личности по собственному выбору, предпринимать те меры для своего развития, которые он сам считает необходимыми, при этом оставаясь под контролем компетентных органов для необходимой поддержки [2, с. 16–20].

В связи с отсутствием норм, закрепляющих институт постинтернатного сопровождения на федеральном уровне, регулирование данного вопроса осуществляется путём принятия и реализации субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов, регулирующих вопрос такого сопровождения [1, с. 48–50].

На территории Новгородской области действует постановление Правительства Новгородской области от 18.04.2019 № 133 «Об утверждении Порядка постинтернатного сопровождения выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Новгородской области» [3]. Для совершенствования института постинтернатного сопровождения детей-сирот на территории субъектов Российской Федерации необходимо предпринять следующие меры:

– урегулировать процесс постинтернатного сопровождения на федеральном уровне путём создания модельного закона, определяющего ключевые моменты, с целью возникновения вышеуказанного института во всех субъектах Российской Федерации и обеспечить более качественную работу по социальной адаптации детей-сирот по окончании ими учебных заведений;

– создать в учреждениях интернатного типа для детей-сирот условия, которые максимально приближены к семейным, что позволит формировать правильное представление о семье и семейных отношениях;

– внедрить программы личностного и профессионального развития и роста, юридического просвещения воспитанников;

– создать общественные советы в регионах, контролирующие работу интернатных учреждений для детей-сирот, реализующие различные модели постинтернатного сопровождения [4, с. 286–294].

Как правило, выпускники учреждений для детей-сирот психологически не готовы к самостоятельному росту и развитию, благополучной жизнедеятельности вне стен интернатного учреждения. В связи с этим можно сделать вывод о глубине и важности проблемы сопровождения детей-сирот даже во взрослой жизни, особенно сразу же после выпуска из организации для детей-сирот.

Необходима более тщательная проработка программ развития данного института на всех уровнях власти, нацеленная на появление во всех субъектах Российской Федерации возможности оказания различных видов помощи данной категории детей, в том числе сопровождения их в различных сферах жизни: от определения места жительства до трудоустройства.

Постинтернатное сопровождение является очень важным институтом процесса социализации детей-сирот, требует кропотливой работы большого количества специалистов разных профилей, а также обязательного регулирования на федеральном уровне и соответствующего контроля местной властью.

---

1. Бобылева, И. А. Социальная адаптация выпускников интернатных учреждений. М.: Нац. фонд защиты детей от жестокого обращения, 2007. 172 с.

2. Федоров, А. В. О проблеме постинтернатного сопровождения выпускников детского дома // Концепт. 2014. № 25. С. 16–20.

3. Постановление Правительства Новгородской области от 18 апреля 2019 г. № 133 «Об утверждении Порядка постинтернатного сопровождения выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Новгородской области» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW154&n=82808&dst=100001#09658290607432585 (дата обращения: 11.02.2020).

4. Шогенова, Ф. З., Ханиева, З. А., Шинахова, М. М. Проблема социальной адаптации выпускников детских домов // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 20, № 4. С. 286–294.

УДК 342
DOI: 10.34680/978-5-89896-737-6/2021.ML.55

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Шестак В. С., доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой медицинского права и биоэтики,
Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького
(Донецк, Донецкая Народная Республика)
E-mail: shestak_valentin@mail.ru

PROBLEMS OF BECOMING OF LEGISLATION ABOUT NATIONAL SAFETY OF DONETSK REPUBLIC OF PEOPLE'S (THEORETICAL IS A LEGAL ASPECT)

Valentin S. Shestak, doctor of legal sciences, professor,
head of department of medical right and bioethics,
(Donetsk national medical university by M. Gorkyy, Donetsk, Donetsk Republic of People's)
E-mail: shestak_valentin@mail.ru

Аннотация. В статье дается краткий анализ становления законодательства о национальной безопасности Донецкой Народной Республики – от зарождения до современного этапа его развития. Приводятся основные положения действующих нормативных правовых актов, обращается внимание на их недостатки. Обосновывается необходимость совершенствования нормативно-правового обеспечения как необходимого условия укрепления национальной безопасности.
Ключевые слова: государство, право, функция государства, безопасность, национальная безопасность, оборона страны, стратегия, риски, вызовы, угрозы.

Abstract. The article provides a brief analysis of the formation of legislation on national security of the Donetsk people's Republic-from its inception to the current stage of its development. The main provisions of the current normative legal acts are given, and attention is drawn to their shortcomings. The author substantiates the need to improve legal and regulatory support as a necessary condition for strengthening national security.
Keywords: state, law, function of the state ,security, national security, national defense, strategy, risks, challenges, threats.

Современное состояние развития человеческой цивилизации вполне можно охарактеризовать усилением общемировых процессов глобализации и информатизации, ускорением развития научно-технического прогресса за счет высоких технологий, повышением роли интеллектуального труда, усилением значения эффективного менеджмента во всех сферах жизни. Вместе с тем, такая многовекторность развития

имеет и свои негативные последствия. Прежде всего, это возникновение глобальных социально-экономических, политических, экологических угроз, постепенная деградация духовного потенциала, снижение культурного уровня людей, кризисных явлений в религиозной сфере, во взаимодействии морали и политики, морали и права и т. п. Остаются нерешёнными проблемы поиска средств их предотвращения и создания механизмов их урегулирования.

В таких условиях способность любого общества и государства противостоять этим угрозам существенным образом зависит от уровня подготовленности их социальных ресурсов, уровня, который определяет способность общества и государства не только противостоять, а и устоять и преодолеть эти негативные последствия, обеспечить возможность дальнейшего развития всех сфер существования общества и сфер деятельности государства.

В этом контексте нельзя не отметить, что такая способность и подготовленность не могут возникнуть внезапно, стать следствием стечения каких-то случайных обстоятельств. Никто не будет оспаривать тот факт, что способность противостоять современным вызовам существенным образом зависит от уровня защиты государства от актов внешнего вмешательства в его внутренние дела, в том числе и военно-силовым путем.

В конце XX – начале XXI в. начался целый ряд вооруженных конфликтов, приведших к серьезным изменениям в системе мирового порядка, что свидетельствует о существенном значении военно-силовых аспектов в международных отношениях. Международным правом запрещено разрешать конфликтные ситуации между государствами вооруженным путем. Вместе с тем, преобладание в международных отношениях геополитических и геоэкономических интересов влиятельных государств свидетельствует о неэффективности политико-правовых механизмов разрешения конфликтов, тенденции к дезинтеграции тех или иных суверенных государств, с целью нейтрализации их политико-экономического влияния в некоторых регионах для обеспечения собственных интересов.

Таким примером являются вооруженные конфликты на Балканах, Молдове, Грузии, Сирии, Украине, Венесуэле, в других регионах, которые спровоцированы и поддерживаются действиями определенных структур и механизмов, находящихся вне пределов этих государств.

В современных условиях гарантией защиты национальных интересов любого государства является решение внешне и внутриполитических, экономических, социальных и иных задач, направленных на обеспечение национальной безопасности.

В феврале 2014 года на Украине, при прямой поддержке определенных структур США и Европы, был совершен вооруженный

антиконституционный переворот. Приход к власти представителей правой радикальной идеологии и их первые решения, такие как отмена статуса русского языка, возведение идеолога украинского национализма С. Бандеры в ранг национального героя и др., вызвали ответную реакцию жителей Донецкой области не желавших жить в обществе дискриминации по национальному и языковому признакам.

07.04.2014 г. на съезде представителей административно-территориальных образований Донецкой области были провозглашены Декларация о суверенитете Донецкой Народной Республики и Акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики. Провозглашение независимости Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) и последовавшая военная агрессия со стороны Украины с привлечением боевой техники и авиации, нанесением масштабных ракетно-бомбовых ударов по населенным пунктам Республики, потребовали создания системы органов, сил и средств обеспечения безопасности государства, защите его граждан от внешней агрессии.

11 мая 2014 г. решения съезда представителей административно-территориальных образований – Декларация о суверенитете и Акт о государственной самостоятельности, были подтверждены на всенародном референдуме. 14 мая 2014 г. Народным Советом принята Конституция ДНР.

Советом Министров ДНР (ныне Правительство) с 25 мая 2014 г. на территории Республики введено военное положение, которое действует по настоящее время (Постановление Совета Министров № 6-5 от 25.05.2014 «О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения»).

Правительством, учитывая сложившуюся ситуацию, на период военного положения все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности на местах возложены на уполномоченных представителей Совета Безопасности ДНР. Совету Безопасности предоставлены такие права, как право проводить выборочную мобилизацию, привлекать граждан для выполнения оборонных работ, охраны объектов, объявлять временную транспортную повинность, устанавливать режим пропуска государственной границы и т. п. Уполномоченные представители Совета Безопасности на местах наделены правом издавать соответствующие обязательные для всех акты и устанавливать за их неисполнение ответственность, вводить комендантский час, ограничивать или запрещать движение автотранспорта, устанавливать блок-посты, в районах боевых действий задерживать подозрительных лиц, принимать иные решения. Уполномоченные представители Совета Безопасности наделены также правом формирования на местах военно-полевых судов. Военно-полевые

суды по законам военного времени рассматривают дела о неподчинении распоряжениям и приказам военных властей, а также все преступления, совершённые во время несения службы. Кроме того, умышленные убийства и покушения на него, шпионаж, диверсия, поджог, мародерство, разбой, грабеж, хищение и повреждение военного имущества, распространение панических слухов или призывов к неподчинению военным властям, уклонение от военной службы или дезертирство. Указанное постановление Правительства фактически было первым нормативным правовым актом, который регулировал общественные отношения, возникающие в ходе вооруженного конфликта, и его вклад в обеспечение безопасности государства в период весны-осени 2014 года трудно переоценить.

В декабре 2014 г. был принят Закон ДНР «О безопасности», в котором определены основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности, полномочия и функции органов государственной власти, органов местного самоуправления в сфере безопасности, а также статус Совета Безопасности Донецкой Народной Республики.

Необходимо учитывать, что Конституция и целый ряд других нормативных правовых актов по вопросам национальной безопасности разрабатывались и принимались в условиях ведения активных боевых действий, их качество оставляет желать лучшего. Назрела необходимость уточнить и классифицировать направления деятельности государства по обеспечению национальной безопасности, полномочия и функции соответствующих органов, устранить противоречия отдельных положений законодательства.

Актуальность темы исследования определяется тем, что одним из главных условий реализации государственной политики по обеспечению безопасности государства является ее нормативно-правовое обеспечение. Нормативные правовые акты считаются основным инструментом проведения преобразований в политической, экономической и иных сферах общественной жизни. При этом надлежащая юридическая форма нормативного правового акта является одним из главных его признаков. Есть все основания полагать, что от того, насколько полно и всесторонне проработаны в соответствующих нормативных правовых актах основные понятия, которые касаются безопасности государства, общества, граждан, существенным образом зависит и то, насколько органы государственной власти, институты гражданского общества будут осуществлять свои функции. Ведь только в таком случае можно четко выделить объект обеспечения (безопасность, национальная безопасность), выяснить его существенные признаки и принять соответствующие организационные, правовые, финансовые и другие меры с целью их упорядочения, охраны и развития. Технико-юридические дефекты нормативных правовых актов

сказываются на их стабильности, прямом и длительном действии, единообразном толковании и применении.

Цель этого исследования – на основе анализа научной литературы и действующего законодательства ДНР определить, насколько полно и всесторонне в нормативных правовых актах закреплены направления деятельности государства по обеспечению национальной безопасности и внести предложения по их упорядочению и развитию в соответствии с общественными потребностями.

Правовую основу обеспечения национальной безопасности составляют нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения в этой сфере. Учитывая, что юридическое пространство в любой стране далеко от совершенства, вполне очевидно, что нормативно-правовая система требует постоянной переработки, так как она всегда должна соответствовать потребностям развития общества, новым целям и задачам, стоящим перед ним [1, с. 5]. Система законодательства может быть эффективна только в случае достаточно высокого качества, определяющим условием которого выступает соблюдение правил юридической техники. Технология и процедура подготовки нормативных правовых актов обеспечивают реальную будущность закона. Именно юридическая техника обеспечивает надлежащее качество и эффективность всего законодательного массива, что способствует утверждению в государстве принципа верховенства закона, адекватному влиянию законодательства на политические, экономические и социальные отношения в государстве.

Теория законотворчества в нашей стране только складывается. Законодательная деятельность Народного Совета ДНР в контексте эволюции законодательства ДНР свидетельствует о существовании проблемы качества законов. При этом необходимо учитывать, что Конституция и целый ряд других нормативных правовых актов разрабатывались и принимались в условиях ведения активных боевых действий. Декларативный характер некоторых положений законов, несоответствие их Конституции, отсутствие единого подхода к понятийному аппарату, расплывчатость предписаний, их неточность и техническая обработка, отсутствие надлежащего механизма действия норм и обеспечения их реализации, препятствуют целенаправленной и эффективной работе органов государственной власти.

С целью установления единых требований к нормативным правовым актам (понятие, виды и формы), юридико-техническому оформлению законопроектов и проектов иных нормативных правовых актов, был принят Закон «О нормативных правовых актах» № 72-IНС от 24.08.2015 г. Постановлением Народного Совета № 1-494П-НС от 19.02.2016 г. утверждены «Правила юридико-технического оформления законопроектов», которые адресованы субъектам права законодательной

инициативы и рассчитаны на практическое применение при осуществлении законопроектной работы. Однако, как показывает анализ законодательства о национальной безопасности, требования этих нормативных правовых актов соблюдаются не в полной мере. В частности, в законодательстве по обеспечению национальной безопасности до настоящего времени не выработано единого подхода к определению понятийного аппарата, в том числе таких категорий, как «опасность», «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность», «риски», «вызовы», «угрозы» и т. п.

В лингвистике иногда сравнивают слова с находящимися в обращении денежными знаками. В повседневной жизни при их обмене между людьми, значения слов и денежных знаков – условность, которая может изменяться. Поэтому словари, даже самые полные, не всегда отражают множество значений, которые имеют слова в реальном общении [2, с. 11].

В дефинитивном плане правовой термин – это слово (или определенное сочетание слов), унифицированно используемое в сфере правовых отношений, которое обозначает правовое понятие и отличается заданной моносемичностью [3, с. 95].

В настоящей работе мы не ставим цели раскрыть содержание этих терминов (понятий) с научной точки зрения, поскольку существует достаточное количество публикаций по этой тематике. Для органов государственной власти важно знать смысловую определенность этих терминов (понятий) в законодательных актах. Однако не надо понимать вопрос так, что абсолютно все понятия, используемые в законодательном акте, должны иметь законодательную дефиницию. Необходим дифференцированный подход к этой проблеме. Так, определенный пласт понятий, имеющих основополагающее значение, должен быть дефинирован в конституционном законодательстве (в самой Конституции или иных конституционных актах), другой пласт понятий – на уровне кодексов, третий – на уровне правительственных постановлений, четвертый – на уровне ведомственных нормативных актов, пятый – на уровне разъяснений верховных судебных органов [3, с. 92–93]. Как свидетельствует зарубежная практика, позитивным моментом в законотворчестве является то, что почти каждый закон начинается с перечисления терминов, используемых в законе и раскрытии их содержания. Этот положительный опыт в ДНР используется не на должном уровне.

Обеспечение национальной безопасности – одна из важнейших основных функций государства. В теории государства и права принято связывать реализацию функций государства с деятельностью соответствующих государственных органов, представляющих определенную систему органов, с помощью которых осуществляется

государственная власть. Особенность реализации функции обеспечения национальной безопасности государства выражается в том, что ее реализация является обязанностью всего государственного аппарата, а не отдельного органа. Орган государства – это специально созданная структура, составляющая часть государственного аппарата, наделенная компетенцией, необходимой для осуществления функций. Для образования государственного органа необходима правовая основа, т. е. издание специального нормативно-правового акта [4, с. 186].

В теории государства и права давно даны определения таким понятиям, как «функция государства», «функции государственного органа», «полномочия», «компетенция». Вместе с тем, во многих нормативных правовых актах ДНР эти понятия смешаны и под ними в соответствующих статьях, устанавливающих компетенцию, полномочия и функции, содержится исчерпывающий перечень видов деятельности государственного органа, т. е. функций (закон «О Правительстве ДНР», закон «Об обороне», закон «О безопасности», закон «Об образовании», закон «О здравоохранении» и т. п.). Это создает определенные трудности при реализации государственными органами своей компетенции. Разъяснение вводимых понятий, а также юридических, технических и других специальных терминов предусмотрено ст. 28 Закона ДНР «О нормативных правовых актах». Более того, в Законе ДНР «О системе органов исполнительной власти» № 35-IНС от 24.04.15 г. разъяснялись термины «компетенция» и «полномочия» органа исполнительной власти, но в связи с принятием Закона «О Правительстве ДНР» № 02-IIНС от 30.11.2018 г. статьи указанного закона, содержащие эти разъяснения, были признаны утратившими силу. На сегодняшний день ни в одном законе не раскрыто содержание этих терминов, хотя в некоторых законах они упоминаются. Так, закон «О нормативных правовых актах» наделяет соответствующие органы государственной власти правом принятия нормативных правовых актов в соответствии с их компетенцией, установленной Конституцией ДНР. Однако в Конституции ДНР термины «функции», «компетенция» вообще не используются, а термин «полномочия» используется несколько раз без разъяснения его содержания.

Всю нормативную базу, которой руководствуются органы государственной власти, органы местного самоуправления, институты гражданского общества по обеспечению национальной безопасности, можно разделить на два уровня. На первом уровне – правовая база, которая создается в рамках системы национальной безопасности, имеющая обязательный характер для всех органов (Конституция ДНР, законы и постановления Народного Совета ДНР, указы и распоряжения Главы ДНР, постановления и распоряжения Правительства ДНР). На втором уровне – ведомственная нормативная база, которая уточняет и конкретизирует

функции и задачи каждого субъекта системы органов обеспечения безопасности.

Основы правового регулирования национальной безопасности заложены в Конституции ДНР. Термин «безопасность» в Конституции ДНР, без раскрытия его содержания, используется дважды (в ст. 48 – права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства; в ст. 59 – Глава ДНР принимает меры по обеспечению безопасности и территориальной целостности ДНР, а также в интересах обеспечения безопасности граждан вводит чрезвычайное и военное положение).

Законом ДНР «О безопасности» № 04-IНС от 24.12.2014 г. (далее – Закон о безопасности) определены основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности личности, общества и государства, экологической безопасности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством ДНР, полномочия и функции органов государственной власти, органов местного самоуправления в сфере безопасности, а также статус Совета Безопасности Донецкой Народной Республики. Установлено, что государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется органами государственной власти, органами местного самоуправления на основе стратегии национальной безопасности Донецкой Народной Республики, иных нормативных правовых актах, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Главой Донецкой Народной Республики. Однако Стратегия национальной безопасности до настоящего времени так и не принята, хотя со дня принятия Закона прошло более 5 лет. Кроме того, следует признать, что и сам Закон «О безопасности» требует доработки и совершенствования:

во-первых, в законе термины «безопасность» и «национальная безопасность» используются как синонимы, хотя эти понятия не идентичны;

во-вторых, в нем не раскрыто содержание терминов «безопасность», «национальная безопасность», «экологическая безопасность», «государственная безопасность», «общественная безопасность», «безопасность личности», «риски», «вызовы», «угрозы» и т. п.;

в-третьих, он вводит термин «иные виды безопасности», не раскрывая его содержания;

в-четвертых, не уточнены направления деятельности государства, связанные с обеспечением безопасности;

в-пятых, расплывчатость предписаний, их неточность и техническая обработка;

в-шестых, отсутствие надлежащего механизма действия норм и обеспечения их реализации;

в-седьмых, многие статьи носят декларативный характер.

Помимо Закона «О безопасности» в сфере обеспечения национальной безопасности в ДНР приняты и действуют законы «О Правительстве ДНР» № 02-IIНС от 30.11.2018 г., «Об обороне» № 84-IНС от 14.08.2015 г., «О противодействии терроризму» № 46-IНС от 15.05.2015 г., «О противодействии экстремистской деятельности» № 51-IНС от 09.06.2015 г., «О Министерстве государственной безопасности» № 238-IНС от 03.08.2018 г., «Об особых правовых режимах» № 23-IНС от 24.03.2015 г., «О государственной границе Донецкой Народной Республики» № 72-IНС от 29.11.2019 г. и др. Поскольку указанные законы ориентировались на Закон «О безопасности», то фактически имеют те же недостатки, что и базовый закон (декларативность отдельных положений, отсутствие правовых механизмов реализации, не отражают должного уровня проблем обеспечения национальной безопасности, противоречия и иное толкование понятий, снижая и размывая их значение и т. п.).

На наш взгляд, ведущим документом, регламентирующим концептуальные основы безопасности государства и общества, является Стратегия национальной безопасности государства. Такой документ в ДНР отсутствует, хотя его принятие было предусмотрено законом ДНР «О безопасности» еще в декабре 2014 года. Ориентируясь на опыт соседних дружественных нам государств, можно отметить с положительной стороны, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (2009) дает легальные определения основных понятий в области национальной безопасности, а также устанавливает виды национальной безопасности: во внутриполитической, экономической, социальной сферах, в области науки и образования, в международной, духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной и экологической сферах, а также в области общественной безопасности.

Ни в одной стране мира не существует полного и исчерпывающего законодательства о национальной безопасности. В научных исследованиях продолжается формирование базовых положений теории национальной безопасности, разработка новых теоретико-методологических подходов к системе обеспечения национальной безопасности. Законодательная база о национальной безопасности ДНР по мере ее становления и развития также продолжает формироваться. Для придания в нормативных правовых актах единообразного смысла понятиям «национальная безопасность», «структура национальной безопасности», «система обеспечения национальной безопасности» и т. п. необходима дополнительная совместная работа законодателей, представителей исполнительной власти, научного сообщества, институтов гражданского общества, использование опыта соседних дружественных государств, особенно Российской Федерации, где в целом сформировалась правовая база национальной

безопасности. На наш взгляд, было бы целесообразно разработать и принять Стратегию национальной безопасности Донецкой Народной Республики, принять отдельный Закон «О Совете Безопасности ДНР». Внести изменения в Конституцию ДНР, в частности, возложив обязанности по обеспечению национальной безопасности на государство в целом, а формирование и реализацию государственной политики обеспечения национальной безопасности возложить, в пределах полномочий, на Народный Совет ДНР, Главу ДНР, Совет безопасности ДНР, Правительство ДНР, судебные органы, прокуратуру, органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, институты гражданского общества.

---

1. Москалькова, Т. Н., Черников, В. В. Нормотворчество: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2011. 384 с.
2. История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: курс лекций / под ред. С. Д. Серебряного. М.: Российский гуманит. ун-т, 1998. 429 с.
3. Юридическая техника: учеб. пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; под ред. член-корр. Т. Я. Хабриевой, проф. Н. А. Власенко. М.: Эксмо, 2010. 272 с.
4. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Изд-во «Омега-Л», 2008.

Научное издание

МИССИЯ ПРАВА.

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Сборник материалов
международной научно-практической конференции
студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей.
Великий Новгород, 16–17 апреля 2020 года

Редактор *В. Г. Павлов*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 25.03.2021. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,2. Уч.-изд. л. 20,7. Тираж 500 экз. Заказ №
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано: ИП Копыльцов П.И.,
394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru